

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2025, Том 5, № 9

Подписано к публикации: 22.08.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горшунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталья Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-9

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

Содержание

Кадлубинская П.В. Представление и возникновение тезиса «Веры толстовской не принял» в системе мировоззрения Л. Андреева	5-9
Краснощёков Е.В., Седлак А.А. К проблеме среднего залога в языке сурсельван	10-16
Кушнарёв М.С. Влияние языка социальных медиа на повседневную речь: анализ мемов, хэштегов и неологизмов в контексте вечерних шоу	17-21
Липатова Ю.Ю. Грамматические особенности сицилийского и неаполитанского диалектов на материале текстов песен	22-31
Симкалова А.А. Иллокутивная модальность вежливости в pragmatике речевых актов: извинение как форма речевого самокорректирующего поведения	32-38
Фидарова К.К., Глинчевский Э.И., Епифанова М.П., Варламова Е.В. Идеологемы в ультраправом политическом интернет-дискурсе США: лингвистический анализ	39-45
У Хань, Ван Цзятао Эволюция концепта «черный цвет» в китайской лингвокультуре	46-52
Чёрный А.В. Георг Гейм в переводах киевских неоклассиков: к истории ранней рецепции экспрессионизма в СССР	53-58
Яковleva П.П. Общая терминология по номинациям судов водного транспорта на материале английского, французского и русского языков	59-63
Белова Л.А., Курочкина М.А., Бондаренко С.Ю., Кроватти З.М. Дискурсивный анализ жанровой специфики постмодернистского триллера	64-70
Гурбанова А.М. Параметры эффективной коммуникации вуза в цифровом пространстве	71-78
Авдеева Г.А. Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет»	79-86
Бен Айсса Ибрахим Атальах Слоган в языке медиа: характеристика, типология, выразительные средства (на материале французского языка)	87-93
Крылова Д.Г. Влияние генезиса спортивных телеграм-каналов на риторическую структуру медиатекста	94-100
Курских О.В., Щубенок И.М. Механизмы вербализации эмоционального состояния персонажа в англо- и русскоязычной аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Тед Лассо»	101-107
Линь Тяньхэ Исторический обзор социальной ответственности журналистов в Китае	108-113
Ромиков Н.А., Балуга А.А. Сравнительный анализ нарратива восстания машин в произведениях К. Чапека и А. Толстого	114-120

Бутенко Е.В.		
Вторичная номинация: семантико-структурные схемы и их реализация в кинодиалоге		121-126
Воробьева Е.Н.		
Полидиктемные непарцеллированные зачины новелл (на материале произведений Кэтрин Мэнсфилд)		127-132
Чжан Шимэн, Ду Гоин		
Сравнительное исследование темы отчуждения тела в произведениях «Нос» и «Превращение»		133-143
Забиран Р.В.		
Фонетические единицы и явления, реализующие напевность в лирике Б.Л. Пастернака (на примере фрагмента стихотворения «Волны»)		144-151
Зиатдинова А.М., Иванова А.В.		
Лексико-стилистические особенности англоязычных фэшн-блогов		152-159
Курских О.В., Лепшакова А.И.		
Вариативность перевода окказиональной лексики в научно-фантастических фильмах Д. Вильнева		160-165
Лунькова С.А.		
Особенности перевода песенных заставок мультсериалов на русский язык		166-172
Некрасова К.И.		
К особенностям реагирующего аргументативного дискурса у носителей когнитивного стиля «конкретная концептуализация / абстрактная концептуализация»		173-177
Гао Сутонг		
Исследование преподавания английского языка в колледже под руководством теории интеграции содержания и языка		178-183
Ян Чжэнь		
Анализ лексики телеграм-канала «Финансы» Светланы Ильиной		184-188
Елесин Н.А.		
Инверсия как средство воссоздания псевдоустности в англо-русском аудиовизуальном переводе		189-193
Карданова Б.Б., Гагуя Л.А.		
Концепт «пространство» в обрядовом и эпическом фольклоре ногайцев		194-199
Ян Цзин		
Меннипейские черты в рассказе Достоевского «Бобок» – кладбищенская карнавальная песнь		200-205

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.0

¹ Кадлубинская П.В.

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Представление и возникновение тезиса «Веры толстовской не принял» в системе мировоззрения Л. Андреева

Аннотация: статья посвящена анализу рецепции тезиса «Веры толстовской не принял» в исследованиях творчества Леонида Андреева. Автор рассматривает возникновение и особенности цитирования данного тезиса и его интерпретацию в работах исследователей и публицистов (Л.А. Иезуитовой, Н.В. Скороход, Л.Н. Афонина, Н.Н. Фатова, В.В. Брусянина). Делается вывод о трактовке тезиса в контексте исследования философско-религиозного мировоззрения Андреева.

Ключевые слова: Л. Андреев, Л. Толстой, вера, литературная критика, Иезуитова, Скороход, Афонин, Фатов, Брусянин, Серебряный век

Для цитирования: Кадлубинская П.В. Представление и возникновение тезиса «Веры толстовской не принял» в системе мировоззрения Л. Андреева // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 5 – 9.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Kadlubinskaya P.V.

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The presentation and emergence of the thesis “I did not accept Tolstoy’s faith” in the worldview system of L. Andreev

Abstract: the article analyzes the reception of the thesis “He did not accept Tolstoy’s faith” in studies on Leonid Andreyev’s works. The author examines the emergence and peculiarities of how this thesis has been quoted and interpreted in the research of scholars and critics (L.A. Iezuitova, N.V. Skorokhod, L.N. Afonin, N.N. Fatov, V.V. Brusyanin). The study concludes with an interpretation of the thesis in the context of Andreyev’s philosophical and religious worldview.

Keywords: L. Andreyev, L. Tolstoy, faith, literary criticism, Iezuitova, Skorokhod, Afonin, Fatov, Brusyanin, Silver Age

For citation: Kadlubinskaya P.V. The presentation and emergence of the thesis “I did not accept Tolstoy’s faith” in the worldview system of L. Andreev. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 5 – 9.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Творчество Леонида Андреева – это лабиринт философских идей, в котором переплетаются Ницше и Шопенгауэр, Толстой и Достоевский, но сам писатель так и не стал последователем ни одного из них. Однако, по мнению многих исследователей, именно столкновение с текстами этих философов оставило в наследии Андреева яркий след, особенно трактат Льва Толстого «В чём моя вера». Это религиозно-философская работа, в которой яснополянский мыслитель не просто излагает свои религиозные взгляды, а пересматривает саму суть христианства. Отвергая церковные догмы и официальное богословие, Толстой обращается к учению Христа, но трактует его радикально: как философию ненасилия, всеобщей любви и непротивления злу.

В исследованиях творчества Леонида Андреева нередко встречается тезис о том, что Андреев трактат прочитал, но «веры толстовской не принял». С целью установления генезиса и релевантности исследуемого тезиса был проведён комплексный анализ ключевых работ о творчестве Л.Н. Андреева, включая исследования Л.А. Иезуитовой, Н.В. Скороход, Л.Н. Афонина, Н.Н. Фатова и В.В. Брусянина.

Материалы и методы исследований

Для прослеживания эволюции интерпретаций тезиса «веры толстовской не принял» в контексте исследования мировоззрения Л. Андреева был применён рецептивный анализ научной традиции. Источниковедческий анализ работ Н.С. Скорохода, Л.А. Изезуитовой, Л.Н. Афонина и Н.Н. Фатова позволил верифицировать цитируемые ими первоисточники. Полемический анализ использовался для выявления логических противоречий и уязвимых аргументов в ключевом первоисточнике тезиса – монографии В.В. Брусянина «Леонид Андреев: жизнь и творчество».

Результаты и обсуждения

В 2013 г. выходит книга театроведа, драматурга, сценариста и педагога Н.В. Скороход «Леонид Андреев», в которой автор утверждает, что Андреев «признавался», что тщательно «проштудировал» произведение Толстого, выразил согласие с автором о лицемерии церковных служителей и несовершенстве людей [7]. Далее Н.В. Скороход закавычивает цитату и дает ссылку на работу другого исследователя, Л.Н. Афонина, вышедшую в далеком 1959 г.: «Положительную часть учения – веру в Бога, совершенствование личной жизни ради одной цели – Бог – не воспринял и отбросил как нечто, чуждое мне» [1, с. 22]. В контексте работы Н.В. Скороход представляется методологически важным осуществить анализ не только кавычной части цитаты, но и её контекстуального окружения, сопроводив подобный анализ корректной библиографической ссылкой на авторитетный источник, который позволил бы уточнить, какие именно аспекты толстовского учения Леонид Андреев в конечном итоге интегрировал в свою систему взглядов. Однако в рамках текущего этапа работы мы фокусируемся на реконструкции историко-литературной традиции, прослеживая преемственность интерпретаций от Н.В. Скорохода к Л.Н. Афонину.

Русский советский писатель и журналист, литературовед, театральный критик, педагог Л.Н. Афонин в вышеупомянутой работе 1959 г. пишет: «Прочел, – вспоминал Л. Андреев, – но веры толстовской не воспринял. Положительную часть учения – веру в Бога, совершенствование личной жизни ради одной цели – Бог, – не воспринял и отбросил как нечто чуждое мне, и осталось только то, что отрицалось Толстым до пределов его положительного учения». Здесь Афонин делает ссылку на «Русскую литературу XX века». Однако следует отметить определенную неточность в данной части работы: заключая в кавычки тезис о неприятии Андреевым толстовского учения, автор тем самым придает ему видимость аутентичного высказывания писателя. Однако наше исследование не подтверждает существования такой прямой цитаты, что ставит под вопрос корректность подобного представления материала. Более того, материал «Русской литературы XX века» должен был содержать автобиографию Андреева от 1910 г., где не было подобной цитаты. А если такая цитата была, то в качестве первоисточника необходимо было указать работу В.В. Брусянина [2, с. 52-53].

В процессе историко-литературной реконструкции особого внимания заслуживает статья известного литературоведа и одного из ведущих исследователей творчества Леонида Андреева, Л.А. Иезуитовой «Рассказ Леонида Андреева христиане: репортаж? Пародия? Притча?», написанной в 2000 г. В ней Людмила Александровна делает важную ссылку на автора тезиса о неприятии толстовской веры и пишет: «По свидетельству секретаря Андреева В.В. Брусянина», а выражения «веры толстовской» и «не воспринял, отбросил как нечто чуждое» берет в кавычки [2, с. 52-53]. Принципиально важным в данном случае представляется наличие ссылки на автора высказывания, что обеспечивает достоверность проводимого анализа. Как справедливо отмечает Л.А. Иезуитова в той же статье, в тексте Брусянина обнаруживается существенное противоречие: с одной стороны, автор утверждает, что Андреев «веры толстовской не при-

нял», с другой – сам же свидетельствует, что для Л.Н. Андреева толстовский трактат являлся «книгой великих исканий» [5, с. 373].

Вместе с тем, следует отметить ряд спорных моментов в раннем исследовании Л.А. Иезуитовой. В её фундаментальном труде «Творчество Леонида Андреева 1892-1906 гг.» [4, с. 10] утверждается, что знакомство Андреева с трактатом Л.Н. Толстого «В чем моя вера?» произошло в студенческие годы. Однако при обращении к наиболее достоверному источнику – автобиографическим заметкам самого писателя, созданным в январе 1910 года и опубликованным в антологии «Русская литература XX века» под редакцией С.А. Венгерова, – обнаруживается, что данное произведение было прочитано Андреевым ещё в четвертом или пятом классе гимназии. На этот же момент обращает внимание и исследователь О.Е. Смирнова в статье «Л.Н. Андреев и Л.Н. Толстой: динамика мировоззренческих расхождений» [8].

Более того, исследователь, цитируя фрагмент о влиянии Толстого, заключает в кавычки утверждение, будто бы толстовское учение заставило Андреева «отбросить как нечто чуждое» представления о Боге, тем самым повторяя методологическую ошибку, допущенную ранее Афониным, – приписывание автору суждений, которые не находят прямого подтверждения в его собственных текстах.

Современные исследователи, например, Д.С. Тихомиров, подчёркивают, что прямолинейные оценки Толстого Андреевым игнорируют сложность его отношения к Толстому, где сочетались и интерес к критике церкви, и неприятие догматизма [9, с. 184].

В результате проведённого анализа становится очевидным, что некорректное цитирование постсоветских исследователей творчества Л.Н. Андреева приводит кискажённому пониманию его мировоззренческих позиций. В этой связи представляется научный интерес вопрос о том, как интерпретировали тезисы, связанные с толстовским трактатом, исследователи более раннего периода. Значимым видится обращение к работе советского литературоведа Н.Н. Фатова, который в 1924 году опубликовал книгу «Молодые годы Леонида Андреева», основанную на воспоминаниях современников писателя. В отличие от позднейших исследователей, Фатов демонстрирует более осторожный подход к источникам, отмечая, что определённые сведения «переданы Брусяниным в его книжке об Андрееве» [10]. Особого внимания заслуживает комментарий учёного: «этот рассказ очень характерен, поэтому я привожу его почти целиком». Ключевым в данном контексте является употребление определения «характерен», которое требует дополнительного анализа: идёт ли речь о характерности для самого Андреева или же для Брусянина, чьи работы нередко отличаются весьма поверхностным изображением действительности.

В завершение анализа целесообразно обратиться к самой монографии В.В. Брусянина «Леонид Андреев: Жизнь и творчество» (1912), которая занимает особое место в корпусе ранних исследований творчества писателя. В научной литературе встречается утверждение о близких отношениях между Андреевым и Брусяниным, вплоть до гипотезы о выполнении последним функций секретаря писателя. Подобный статус, если бы он был подтверждён документально, действительно мог бы придать работе Брусянина значение особо авторитетного источника, однако в контексте нашего исследования необходимо подвергнуть критическому анализу сам текст монографии, чтобы выявить степень его достоверности и объективности. Особого внимания заслуживают те фрагменты, где Брусянин интерпретирует мировоззренческие позиции Андреева, в частности его отношение к религиозно-философским идеям Л.Н. Толстого.

В вышеупомянутом труде тезис о неприятии Андреевым «веры толстовской» воспроизводится дважды. Первое упоминание встречается на страницах 28-29, где автор, предваряя цитату словами: «Чтобы установить пути умственного развития Л.Н. в годы детства и отрочества, обратимся к непосредственному рассказу самого писателя» [2, с. 28-29], приводит дословную выдержку из автобиографии Андреева 1910 года. Подобная подача материала представляется методологически некорректной, так как Брусянин не указывает точный источник цитирования, что создаёт ложное впечатление о наличии непосредственного рассказа Андреева, специально записанного исследователем.

Данный случай демонстрирует характерную для Брусянина тенденцию к неявному преобразованию документальных свидетельств, что требует особой осторожности при использовании его работы в качестве научного источника.

Брусянин пишет: «Побуждаемый желанием исследовать вопрос о том, какими путями шло миросозерцание писателя с юношеских лет до настоящего момента, и кто из писателей или философов, а также, какие обстоятельства жизни оказывали влияние на миросозерцание этого человека, я задал ряд вопросов и получил ответы» [2, с. 52-53]. Цитата прямо свидетельствует о том, что между Андреевым и Брусяниным состоялся диалог, в котором писатель отвечал на животрепещущие вопросы исследователя. Приводим его изложение полностью: «Андреев вспоминал первые шаги сознательного чтения и сознательного от-

ношения к жизни. Гартман и Шопенгауэр, а позднее – Ницше, – владели сознанием будущего писателя в те годы. Затем выступил Лев Толстой со своей неуклонно-властной и утопической проповедью.

Увлекся я произведением Толстого «В чем моя вера?», увлекся и проштудировал книгу великих исканий... Прочел, но веры толстовской целиком не воспринял. Положительную часть учения – веру в Бога, совершенствование личной жизни ради одной цели – Бог, – не воспринял и отбросил, как нечто чуждое мне, и осталось только то, что отрицалось Толстым до пределов его положительного учения. И я спрашивал себя: какая цель моей жизни, если во мне нет стремления к Богу по существу толкований «великого писателя земли русской»?» [2, с. 52-53].

Проведенный анализ демонстрирует, что рассматриваемая цитата структурно дублирует фрагмент на страницах 28-29 работы Брусянина, отличаясь лишь наличием авторского комментария, касающегося интерпретации трактата. Исследователь утверждает, что Л. Андреев, отвергая служение Богу как смысл жизни, тем не менее разделял критические позиции Л.Н. Толстого в отношении церковной иерархии и божественной природы Христа.

Однако представляется методологически оправданным ограничиться в исследовательской практике ссылками исключительно на страницы 28-29, тогда как приводимый Брусяниным на страницах 52-53 диалог требует критического рассмотрения.

Основания для сомнений в компетентности исследователя включают:

1. отсутствие документального подтверждения указанного диалога (время, место и конкретное содержание беседы не поддаются верификации);
2. структурное сходство с цитатой из автобиографического источника;
3. наличие других случаев методологически сомнительных интерпретаций в работе Брусянина.

Последнее проявляется, в частности, в поверхностной трактовке антропологических взглядов Андреева, где исследователь усматривает у писателя «любовь к людям и полулюдям», интерпретируя эту позицию через метафору «Аннибаловой клятвы – служить меньшому брату, служить тупому и бессмысленному большинству» [2, с. 107].

Другие исследователи, например, П.В. Кузнецов, делает акцент на том, что тезис «веры толстовской не принял», не является прямой цитатой Л.Н. Андреева [6], а А.А. Громова подтверждает отсутствие документальных свидетельств о диалоге между Брусяниным и Андреевым [3].

Другой методологически значимый пример – противоречивость суждений Брусянина относительно марксистских симпатий Андреева. С одной стороны, исследователь утверждает, что контакты писателя с марксистскими кружками носили эпизодический характер: «Марксизм того времени еще не захватывал широких кружков молодежи... К одному из таких кружков примкнул и Андреев, но его отношения к марксистам носили характер случайных встреч» [2, с. 46]. Однако далее Брусянин констатирует серьезность теоретической подготовки Андреева в области политической экономии: «Это не помешало ему самостоятельно изучить политическую экономию и знал он науку о народном хозяйстве довольно основательно» [2, с. 46].

Подобная непоследовательность в аргументации заставляет с осторожностью относиться к выводам исследователя, в том числе касающимся восприятия Андреевым религиозно-философских идей Л.Н. Толстого. В данной связи представляется методологически оправданным ограничиться констатацией факта знакомства Андреева с работой Толстого «В чем моя вера?» без категоричных суждений о степени принятия или неприятия писателем толстовских воззрений – по крайней мере, до обнаружения дополнительных документальных подтверждений.

Выводы

Проведённый анализ выявил методологическую проблему в исследованиях о мировоззрении Л.Н. Андреева: тезис о неприятии им «веры толстовской», восходящий к работе В.В. Брусянина (1912), многократно ретранслировался последующими учёными (Л.Н. Афониным, Л.А. Иезуитовой, Н.В. Скороход) без критической верификации. Установлено, что: цитата из Брусянина структурно дублируется в разных частях его монографии с варьированием контекста; отсутствуют документальные свидетельства прямого диалога Брусянина с Андреевым; автобиографические заметки писателя (1910) не содержат буквального совпадения с приведённой формулировкой.

Обнаружены повторяющиеся научной этики: необоснованная атрибуция – заключение в кавычки суждений, не подтверждённых текстами Андреева (у Афонина, Иезуитовой); контекстуальные манипуляции – подмена цитирования автобиографии 1910 г. мнимым «рассказом» Андреева (у Брусянина); хронологические неточности – ошибочное датирование знакомства с трактатом Толстого студенческим периодом (у Иезуитовой).

Научная новизна работы заключается в деконструкции устоявшегося исследовательского мифа через источниковедческую экспертизу и дискурс-анализ. Полученные результаты подчёркивают необходимость осторожного обращения с нарративами ранних андреевоведов и важность опоры на аутентичные тексты писателя.

Список источников

1. Афонин Л.Н. Леонид Андреев. Орел: Орловское книжное издательство, 1959. 156 с.
2. Брусянин В.В. Леонид Андреев: жизнь и творчество. М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. 288 с.
3. Громова А.А. Рецепция толстовства в творчестве Леонида Андреева: новые архивные данные // Русская литература. 2021. № 3. С. 78 – 95.
4. Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева: 1892-1906 гг. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. 240 с.
5. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: избранные труды. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. 373 с.
6. Кузнецов П.В. Проблема аутентичности мемуарных источников в андреевоведении // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2022. № 1. С. 112 – 128.
7. Скороход Н.С. Леонид Андреев. М.: Молодая гвардия, 2013. 430 с. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Skorohod/andreev/> (дата обращения: 01.07.2024).
8. Смирнова О.Е. Л.Н. Андреев и Л.Н. Толстой: динамика мировоззренческих расхождений // Литературоведческий журнал. 2020. № 49. С. 45 – 63.
9. Тихомиров Д.С. Методологические ошибки в исследованиях религиозных взглядов писателей Серебряного века // Вопросы литературы. 2023. № 2. С. 176 – 194.
10. Фатов Н.Н. Андреев. Молодые годы. М.: Федерация, 1929. 302 с.

References

1. Afonin L.N. Leonid Andreev. Orel: Oryol Book Publishing House, 1959. 156 p.
2. Brusyanin V.V. Leonid Andreev: Life and Work. Moscow: K.F. Nekrasov Book Publishing House, 1912. 288 p.
3. Gromova A.A. Reception of Tolstoyism in the Works of Leonid Andreev: New Archival Data. Russian Literature. 2021. No. 3. P. 78 – 95.
4. Jesuitova L.A. Leonid Andreev's Works: 1892-1906. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1976. 240 p.
5. Jesuitova L.A. Leonid Andreev and the Literature of the Silver Age: Selected Works. St. Petersburg: Publishing house "Petropolis", 2010. 373 p.
6. Kuznetsov P.V. The problem of authenticity of memoir sources in Andreev studies. Bulletin of Moscow University. Ser. 9: Philology. 2022. No. 1. P. 112 – 128.
7. Skorokhod N.S. Leonid Andreev. M.: Young Guard, 2013. 430 p. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Skorohod/andreev/> (date of access: 01.07.2024).
8. Smirnova O.E. L.N. Andreev and L.N. Tolstoy: dynamics of ideological differences. Literary journal. 2020. No. 49. P. 45 – 63.
9. Tikhomirov D.S. Methodological errors in the study of religious views of writers of the Silver Age. Questions of Literature. 2023. No. 2. P. 176 – 194.
10. Fatov N.N. Andreev. Young years. Moscow: Federation, 1929. 302 p.

Информация об авторах

Кадлубинская П.В., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, pkadlubinskaya@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (ретороманские языки) (филологические науки)
УДК 811.1/2

¹ Краснощёков Е.В., ¹ Седлак А.А.

¹ Южный федеральный университет

К проблеме среднего залога в языке сурсельван

Аннотация: в данной статье предлагается анализ развития системы среднего залога в сурсельванском языке, сопровождавшийся рядом преобразований, в ходе которых происходят следующие изменения: в XVII веке в сурсельванском языке исчезают безударные клятические объектные местоименные формы, как прямые, так и косвенные, появляются ударные формы, использующиеся в эмфатических и неэмфатических словосочетаниях; частица *se-*, рефлекс латинского *se*, все больше расходится с невозвратными объектными местоимениями, с которыми он изначально чередовался; обычные местоимения и *se-* стремятся к дифференциации, что проявляется в распространении *se-* с третьего на первое и второе лица. Результатом этого является наличие в языке только одной недифференцированной безударной формы для всех лиц и чисел. В сурсельванском и некоторых родственных диалектах ретороманского языка *se-* присоединяется к глаголу в качестве префикса; *se-* в результате изменений в языке стала выполнять функцию возвратного маркера; в сурсельванском языке частица *se* выполняет также функцию маркера среднего залога в ряде различных типов глаголов. Похожие употребления среднего залога встречаются в текстах 17-го и 18-го веков. То есть, развитие среднего залога в сурсельванском языке предшествовало появлению текстов.

Результаты предлагаемого исследования могут быть интересны и полезны изучающим теорию языка, а также могут быть использованы в составлении грамматик языка сурсельван для сравнительно-исторических реконструкций.

Ключевые слова: ретороманские языки, сурсельванский язык, средний залог, эмфатические – неэмфатические формы, возвратные клятики

Для цитирования: Краснощёков Е.В., Седлак А.А. К проблеме среднего залога в языке сурсельван // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 10 – 16.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Krasnoschekov E.V., ¹ Sedlak A.A.

¹ Southern Federal University

To the problem of the middle voice in the Surselvan language

Abstract: this article offers an analysis of the development of the middle voice system in Surselvan, accompanied by a series of transformations, during which the following changes occur: in the 17th century, unstressed clitic object pronominal forms, both direct and indirect, disappear from the Surselvan language, stressed forms appear, used in emphatic and unemphatic phrases; the particle *se-*, a reflex of the Latin *se*, increasingly diverges from the irreflexive object pronouns with which it originally alternated; ordinary pronouns and *se-* tend to differentiate, which is manifested in the spread of *se-* from the third to the first and second persons. As a result, the language has only one undifferentiated unstressed form for all persons and numbers. In Surselvan and some related dialects of Rhaeto-Romance, *se-* is attached to the verb as a prefix; *se-*, as a result of changes in the language, began to perform the function of a reflexive marker. In Surselvan, the particle *se-* also functions as a marker of the middle voice

in a number of different types of verbs. Similar uses of the middle voice are found in texts from the 17th and 18th centuries. That is, the development of the middle voice in Surselvan preceded the appearance of texts.

The results of the proposed study may be interesting and useful for students of language theory, and can also be used in compiling grammars of the Surselvan language for comparative-historical reconstructions.

Keywords: Rhaeto-Romance languages, Surselvan, middle voice, emphatic – unemphatic forms, reflexive clitics

For citation: Krasnoschekov E.V., Sedlak A.A. To the problem of the middle voice in the Surselvan language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 10 – 16.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Целью данной статьи является анализ развития системы среднего залога в сурсельванском языке. Язык сурсельван является одним из близкородственных ретороманских языков (Швейцария), которые естественным образом развились из контакта между латинским языком и нечетко определенными языками-субстратами: сурсельван, суцильван, сурмиран, пютэр и валладер.

Средний залог (медиум) занимает промежуточное положение между активным и пассивным залогами, что делает его ключевым элементом глагольной системы. Его изучение в сурсельване позволит уточнить типологию залогов – является ли он чисто морфологической категорией или связан с синтаксическим оформлением предложения.

Сурсельван остается недостаточно описанным в лингвистической литературе. Большинство работ посвящено его фонетике, базовой морфологии и лексике, тогда как синтаксис, включая залоговую систему, изучен фрагментарно.

Исследование этих аспектов поможет разграничить семантические зоны среднего залога и других залоговых форм.

На текущий момент сурсельван остается одним из наименее изученных языков в ретороманской группе индоевропейской семьи. Из доступных работ можно выделить следующие: Geniusiene Emma (1987), Stimm H. (1973), Schmalstieg W.R. (1978), Wilhelm Gronau, Manney Linda (1993), Kemmer S. (1985, 1987, 1993), Fagan S. (1988).

Материалы и методы исследований

Изучение среднего залога в сурсельване – не просто частный вопрос описательной лингвистики, а ключ к пониманию устройства глагольной системы в целом. Оно позволяет установить, как язык кодирует «неагентивные» действия, выявить связь между формой, значением и синтаксисом, внести вклад в общелингвистическую теорию залога. Теоретическим материалом послужили работы отечественных и зарубежных авторов: Кибрик А.Е. (1980), Ландер Ю.А. (2012), Холодович А.А. (1970, 1974), Храковский В.С. (1978, 1981); Geniusiene Emma (1987), Stimm H. (1973), Schmalstieg W.R. (1978), Reichenkron Günter (1993), Maldonado Ricardo (1992), Keyser J. and T. Rooper (1984); Kemmer S. (1985, 1988); Fagan S. (1988), Croft William, Hava Bat-Zeev Shydkrot (1987).

Во время работы над статьей использовались сравнительно-исторический, и типологический методы, а также метод контекстного анализа.

Данная работа призвана систематизировать разрозненные наблюдения о залогах в сурсельване, уточнить статус среднего залога.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим некоторые процессы, характерные непосредственно для языка сурсельван, которые подразумевают в нем изменения и постепенно более радикальный отход от общей романской ситуации.

С XVII века сурсельванский язык в целом отказался от безударных клитических объектных местоименных форм, как прямых, так и косвенных, в пользу (исторически) ударных форм, которые теперь выполняют свои функции, как для эмфатических, так и для неэмфатических словосочетаний. Различие между обще-романскими и обще-ретороманскими формами в этом отношении можно увидеть в контрасте между французскими и сурсельванскими примерами в (1) а и б, которые оба представляют неэмфатические словосочетания.

(1) а. Французский: *Maman me lave*.

б. Сурсельван: *la mumma lava mei*.

‘Мать моет меня’ [9, с. 10].

Подобные примеры можно привести для иллюстрации утраты косвенной объектной клитики в сурсельванском, которая была заменена предложными словосочетаниями. На более ранней стадии языка сурсельван, засвидетельствованной текстами 17 века, все еще встречались довербальные прямые и косвенные клитические формы типа *ta*, *ta* и т.д. [4, с. 220].

Следующее изменение касается определенных формальных аспектов рефлекса сурсельван латинского *se* [6, с. 1655].

В языке сурсельван, *se*-, рефлекс латинского *se*, начал все больше расходиться с невозвратными объектными местоимениями, с которыми он изначально чередовался. Например, безударные довербальные местоименные формы раннего языка сурсельван в целом были заменены поствербальными, изначально ударными формами. Однако, *se*- не последовал этому развитию, в результате чего теперь это единственная форма исходной местоименной системы, которая встречается довербально, и, более того, единственный рефлекс безударной формы, который вообще сохранился. Стремление к дифференциации обычных местоимений и *se*- также очевидно в распространении *se*- из третьего лица на первое и второе лица. Результатом является то, что теперь существует только одна недифференцированная безударная форма для всех лиц и чисел. Распространение *se*- на первое и второе лицо произошло только в последние несколько столетий, как показывают исторические данные, представленные в работах Штимма [9]. Предложения в (2) являются примерами из текста начала 17 века, показывающими ситуацию до изменения [9, с. 13]. Глагол, появляющийся в примерах – *safidar* ‘доверять, полагаться на’ имеет в своем составе маркер среднего залога (далее *mcz*).

(2) a. *Mô iou, ô Deus, mi fid da tei...*

‘Но я, о Боже, *mcz* верю в Тебя’ [9, с. 13].

б. *Da Deus deis ti bein ta fidar...*

‘Вы должны довериться Богу’ [9, с. 13].

с. *Ilg qual sa fida buc da Deus...*

‘Кто не *mcz* надеется на Бога’ [9, с. 13].

Подобные примеры можно привести и с множественным числом, в котором *nus* и *vus* являются формами первого и второго лица, а *sa* или *s* – формами третьего лица.

Напротив, современные формы сурсельванского языка следуют образцу в примере парадигмы глагола *selavar* ‘мыть’, показанном в (3) [9, с. 11].

(3) *yeu selavel* *nus selavein*

ti selavas *vus selaveis*

el, ella selava *els, ellas selavan*.

Этот случай распространения парадигмы, по сути, является аналоговым изменением, в котором форма, явно отмеченная для кореференции, распространяется на фразы, которые ранее были дейктически определены. Таким образом, практически мотивированная система третьего лица общего романского языка была заменена многозначной мотивированной системой всех лиц в сурсельванском языке. Некоторые рассуждения в том же направлении о романском языке отмечается Штиммом [9, с. 39] из исследований галло-романских, итальянских и испанских диалектов.

Следует отметить, что изменения, при которых происходит распространение явно кореферентной формы третьего лица на первое и второе лица, не обязательно связаны с изменением функции одного маркера на другой, то есть на маркер среднего залога. Фальц [1, с. 153] описывает случай развития возвратного маркера в греческом языке, в котором изначально мужская форма третьего лица *he auton* стала основой парадигмы возвратного местоимения, распространяющейся на все лица. Полученный в результате современный греческий возвратный маркер не стал маркером среднего залога. Более того, Штимм [9, с. 25] замечает, что в сурсельванском языке невозвратное эмфатическое *sez* иногда используется в первом и втором лице, в менее контролируемой речи. Пример приведен в (4).

(4) ... *ussa dersch’ jeu en sez*

‘сейчас я сам налью’.

Форма *sez* в этом примере и в целом является эмфатическим, а не возвратным маркером и не маркером среднего залога. Таким образом, парадигмальное распространение может быть связано с кореферентными формами третьего лица в целом, а не с маркерами среднего залога, в частности. Фактически, этот тип развития может быть просто примером тенденции, которая распространялась на немаркированные формы третьего лица единственного числа по всем глагольным парадигмам.

Следующее изменение, которое следует рассмотреть в сурсельванском языке – это агглютинация безударного *se* с глаголом. В большинстве современных романских языков безударные формы возвратного местоимения остались клитиками.

Однако в сурсельванском и некоторых родственных диалектах ретороманского *se-* стал присоединяться к глаголу в качестве префикса.

Аргументы, предложенные Штиммом в пользу аффиксального статуса *se-*, включают тот факт, что *se-* стал единой недифференцированной формой, а не набором склонений местоимений; и что в орфографии сурсельванского языка морфема *se-* пишется вместе с глаголом в одном слове, в то время как невозвратные местоимения пишутся как независимые слова.

Другим указанием на аффиксальный статус элемента *se-* является то, что он никогда не отделяется от глагола другими элементами, такими как вспомогательные глаголы или субъектные, или объектные местоимения. В отличие от французского языка, в котором *se* отделяется от основного глагола вспомогательным глаголом в причастных конструкциях, в сурсельванском *se-* появляется непосредственно перед основным, а не вспомогательным глаголом в таких конструкциях. Например (5):

(5) *ha ella se-ludau*
'она мсз хвалила'
'она хвасталась' (*seludar*: 'sich groß machen, sich rühmen') [9, с. 36].

В ранних текстах языка сурсельван встречаются конструкции, в которых вспомогательный глагол вставляется между местоимением и причастием, как показано в примерах в (6) и (7):

(6) *mi hai (ø) lavau*
'мсз Я мылся' [9, с. 16].
(7) *s'-ha 'l pandieu*
'мсз Он повесился'
'Он повесил себя' [9, с. 13].

Как в старом, так и в современном языке сурсельван, субъектные местоимения обычно следуют за склоняемым глаголом, когда топикализуются несубъектные составляющие. Если сравнить примеры (6) и (7) из сурсельванского языка 17-го века с примерами (5) из современного языка, то видно, что в причастных конструкциях прошедшего времени на более ранней стадии *se* отделялось от основного глагола вспомогательным глаголом и присутствующим субъектным местоимением. В соответствующей современной конструкции *se-* фактически «перепрыгнуло» через эти два элемента и появляется непосредственно перед основным глаголом без промежуточных элементов. Похожий тип исторического процесса «перепрыгивания» можно увидеть в описании развития возвратного маркера (вм) в германских языках [5, с. 38].

Общепринятое рабочее определение клитики следующее: «Клитика – это морфема, которая фонологически является частью слова, но синтаксически ведет себя как отдельное слово» [7, с. 171]. В генеративных теориях клитики либо считаются введенным постсинтаксическим правилом ее размещения, которое относится к синтаксической структуре [10, 11], либо генерируются в самих правилах структуры фразы, например, у Grimshaw [2]. В любом случае клитики регулируются синтаксическими правилами. Тот факт, что размещение *se* зависело от размещения двух других синтаксических компонентов, указывает на то, что в 17 веке *se* все еще был клитикой.

С другой стороны, в современном языке, *se-* появляется рядом с основным глаголом независимо от наличия вспомогательных глаголов или местоимений в роли подлежащего. Более того, он встречается не только в инфинитивах, но и в других неличных глагольных формах, таких как причастия и герундии, как в сочетании *sediscurend sur lur bravura* 'разговор о своем храбром подвиге' и *il sevilar da mumma* 'выговор матери' [9, с. 67]. Очевидно, *se-* был лексически интегрирован как аффикс в глагольные основы в современном языке.

Аффиксация сурсельванского *se-* демонстрирует дальнейшую стадию в диахроническом развитии рефлекса латинского *se*, в отличие от других романских языков, в которых он все еще является клитикой. На своей клитической стадии, представленной французским языком, *se* относится к своему владельцу только фонологически; исчезла граница слова. На своей аффиксальной стадии, представленной сурсельванским языком, присоединение является лексическим, а не синтаксическим. Таким образом, исчезли фонологическая и синтаксическая границы слова.

Во французском и других романских языках *se* может использоваться как в прямых, так и в косвенных возвратных ситуациях. Например: *Il se voit* 'Он видит себя' и *Marie s'est acheté une blouse* 'Мари купила себе блузку'. В этих языках возвратный падеж рассматривается как особый случай косвенных контекстов в целом, а возвратная клитика параллельна использованию клитик в невозвратных косвенных фразах типа 'Джон купил ей платье' [3, с. 245].

В сурсельванском и некоторых близкородственных ретороманских языках, с другой стороны, в рамках общей утраты клитических местоимений, упомянутых выше, все клитические местоимения в дательном

падеже в конечном итоге были заменены предложными словосочетаниями с ударными формами. В сурсельванском языке 17 века клитические формы дательного падежа, такие как *gli* ‘ему’ и *tgi* ‘тебе’, все еще встречались в некореферентных фразах. Возвратные косвенные сочетания с первым и вторым лицом, по-видимому, также выражались дательными местоимениями на этой стадии развития языка.

В третьем лице, где мы могли бы ожидать возвратную клитику, параллельную клитиковым формам первого и второго лица, появляется предложная конструкция *a gli* ‘к себе’. Ни в одном из пяти ранних текстов, исследованных Штиммом, не появляется возвратная клитика в дательном падеже ожидаемой формы **schi* или **si* (< латинского *sibi*); также нет никаких доказательств того, что аккузативная возвратная клитика была распространена на косвенные возвратные формы, как это произошло в немецком языке. Ранняя сурсельванская возвратная клитика, по-видимому, просто не встречалась в косвенных словосочетаниях. Другим возможным кандидатом на выражение кореферентности в косвенных фразах является ударное местоимение *sei*, форма, засвидетельствованная в ранних текстах. Поскольку клитические местоимения в конечном итоге были заменены предложными фразами с местоимениями, можно было бы ожидать, что конструкции типа *per sei* ‘для себя’ и *a sei* ‘к себе...’ будут появляться в косвенных возвратных фразах. Только два примера *sei* были найдены вне этой конструкции, и они представляют собой косвенно-возвратную семантику (‘плач по себе / над собой’; ‘уходить в себя’). В современном сурсельванском языке *sei* исчезает в косвенных словосочетаниях.

Штимм приписывает потерю возвратной маркировки в косвенной возвратной фразе в сурсельванском влиянию соседних южно-немецких диалектов, которые, используют невозвратные дательные местоимения для этого типа ситуации. Интересно, что современный сурсельванский язык вновь ввел открытую маркировку кореференции в таких фразах.

В современном языке существуют две возможности для выражения кореференции в косвенных словосочетаниях. Обе являются предложными фразами и оба используются в эмфатических и неэмфатических контекстах, с ударением в качестве отличительной характеристики. Приведенные ниже примеры представляют неэмфатические фразы.

Первая возможность – это появление чистого объектного местоимения после предлога, как в (8).

(8) *Els han baghegiau ina casa per els.*

‘Они построили дом для них’

‘Они построили дом для себя’ [9, с. 52].

Другая возможность, названная Штиммом (Stimm) «более нормальной», использует эмфатическую форму *sesez* (или ее альтернативные формы первого и второго лица) после предлога, что дает примеры, подобные следующим:

(9) *e dersch'en a sesez in buccal*

‘и наливает себе стакан’ [9, с. 53].

Использование *sesez* (и связанных с ними форм первого и второго лица) в неэмфатических контекстах, таких как в (9) происходило, по-видимому, исторически позднее; в текстах 17-го и 18-го веков эти формы, вероятно, использовались исключительно в эмфатических контекстах [9, с. 54]. Штимм приводит следующую функциональную мотивацию использования формы третьего лица:

«... использование [конструкции] предлог + *el(s)*, *ella(s)* может легко привести к неправильному пониманию предложения, если местоимение не понимается как возвратное. Чтобы избежать ошибки используется сочетание (per) + *sesez*. Таким образом, гарантируется однозначное выражение возвратного отношения» [9, с. 52].

Это объяснение, хотя и изложено синхронно, подразумевает несомненную диахроническую направленность.

Одним из результатов распространения эмфатического возвратного маркера на неэмфатические формы является то, что неэмфатические косвенно-возвратные формы теперь моделируются как обстоятельственно-возвратные в сурсельване; обе выражаются посредством предложных фраз с *sesez*.

В сурсельванском языке, таким образом, эмфатический маркер распространился на косвенно-возвратные формы.

Теперь рассмотрим статус *se* в системе возвратного маркера и маркера среднего залога в сурсельванском языке. Положение *sesez* в этой системе также представляет значительный интерес.

В современном сурсельванском языке *se*- встречается в ряде случаев использования, которые выглядят очень похожими на случаи использования родственных ему мсз во французском и испанском языках [8, с. 310]. Примером могут служить такие глаголы как *selavar* ‘мыть’, *sevestgir* ‘одевать’ и *sedisvestgir* ‘раздевать’, а также ряд других типов глаголов среднего залога, которые имеют маркировку *se* в романских языках в целом,

например, *semuentar* ‘двигаться, шевелиться’, *sespuentar* ‘пугаться, уклоняться’, *segrittentar* ‘сердиться’, *s’imaginar* ‘воображать’, *sefar* ‘замечать’ и *sepatertgar* ‘думать’. Штимм также приводит ряд отложительных глаголов, включая *senudar* ‘плавать, плыть’, *s’empitschar* ‘волноваться’, *senuspir* ‘отказываться, противоречить’, *sesnuir* ‘быть в ужасе’ и *sespruar* ‘прилагать усилия, пытаться’. Некоторые дополнительные фразы со средним залогом, отмеченных маркером *se-*, приведены в (10) [9, с. 73-74].

(10) a. *El sevolva viers Torrence.*

‘Он поворачивается к Torrence’.

b. *Igl esch sesarva per ina fessa.*

‘Дверь приоткрывается’.

c. *Il local s’empleina beinspert cun hospis.*

‘Таверна быстро наполняется гостями’.

d. *Quei tractat selegia sco ina novella.*

‘Этот трактат читается как роман’.

В текстах 17-го и 18-го веков встречаются похожие употребления среднего залога, включая *se dei darner* ‘нужно выбирать’ (*dei* – ‘должен’), *s’lagrar* ‘быть рады’, *s’vulveit* ‘возвращаться!’ и *vus turpeits* ‘[‘вы’ мн.ч.] ‘стыдитесь’. Таким образом, развитие среднего залога в сурсельванском языке предшествовало появлению текстов.

Теперь рассмотрим форму выражения с возвратным местоимением в качестве прямого дополнения. Пример (11) содержит несколько фраз с такими словосочетаниями в сурсельванском языке.

(11) a. *Casualmein vesa el sesez en in spieghel ella halla.*

Случайно он видит его мсз в зеркале в зале

Случайно он видит себя в зеркале в зале’ [9, с. 67].

b. *El ha enconuschiu en ses affons sesez.*

‘Он узнал в своих детях мв

‘Он узнал себя в своих детях’ [9, с. 68].

c. *Pren mei, e dai tetez totalmein a mi!*

‘Возьми меня и отдай себя полностью мне!’ [9, с. 68].

Здесь встречается форма *sesez*, а не мсз *se-*. По мнению Штимма, в этих случаях *sesez* не может быть заменена на форму глагола *se-*, не сделав предложение грамматически некорректным или не изменив смысл на невозвратный (например, с субъектами во множественном числе, естественно, взаимным событием).

Формы, представленные в приведенных выше примерах, неэмфатические. Штимм отмечает, что часто в немецких переводах предложений на языке сурсельван с использованием формы прямого объекта *sesez* предпочтение отдается обычному немецкому возвратному местоимению *sich* ‘себя’, а не усиленной форме *selbst* (‘сам’). Такие случаи, по-видимому, представляют собой неэмфатические сочетания, тогда как эмфатические формы с *sesez* требуют перевода с *sich selbst* (‘себя самого’).

Следует напомнить, что *sesez* также является нормальной формой для выражения эмфатических возвратных построений. То есть, эмфатические и неэмфатические возвратные формы в сурсельванском языке выражаются с помощью одной и той же сегментной формы, хотя, предположительно, две фразы различаются по ударению.

Выводы

Исходя из вышесказанного, представленная модель показывает несомненные признаки системы среднего залога. Эмфатический маркер, *se*, переходит в прототипический тип возвратной формы, оставив прежнюю возвратную форму только во фразах со средним залогом. Старый эмфатический маркер теперь обязателен в прямых возвратных словосочетаниях, что делает его наличие необходимым. С другой стороны, аффикс *se-* является маркером в системе среднего залога.

Таким образом, старая система раннего романского языка уступила место в сурсельванском языке новой системе, в которой маркеры среднего залога и возвратные маркеры стали дифференцированными.

В результате происшедших перемен, в языке произошли следующие изменения: сурсельванский язык отказался от безударных клитических объектных местоименных форм, как прямых, так и косвенных, в пользу (исторически) ударных форм. Формант *se-*, рефлекс латинского *se*, начал все больше расходиться с невозвратными объектными местоимениями, с которыми он изначально чередовался. Теперь существует только одна недифференцированная безударная форма для всех лиц и чисел. Распространение *se-* на первое и второе лицо произошло в последние несколько столетий и маркер *se-* стал присоединяться к глаголу в качестве префикса. С другой стороны, в рамках общей утраты клитических местоимений все клитические местоимения в дательном падеже в конечном итоге были заменены предложными словосочетаниями с

ударными формами. Использование предложных конструкций с формой *sesez* (и связанных с ними форм первого и второго лица) связано с однозначностью выражения возвратного отношения.

Таким образом, изменения в сурсельванском языке включают потерю рефлексивной маркировки косвенно-возвратных форм, сдвиг старого эмфатического маркера в косвенно-возвратные формы, а также аффиксацию элемента *se-* и расширение изначально маркера среднего залога третьего лица до маркера всех лиц.

Список источников

1. Faltz Leonard. Reflexivization: A study in universal syntax. New York. 1985. 320 p.
2. Grimshaw Jane. On the lexical representation of Romance reflexive clitics. Bresnan, 1982. P. 87 – 148.
3. Guglielmo Inglese and Jean-Christophe Verstraete Evidence against unidirectionality in the emergence of middle voice systems. De Gruyter Mouton. Stuf. 2023. P. 232 – 265.
4. Guglielmo Inglese The rise of middle voice systems. A study in diachronic typology. John Benjamins Publishing Company. 2023. P. 195 – 237.
5. John Benjamins B.V. Haspelmath Martin The Grammaticalization of Passive Morphology. Studies in Language. Amsterdam, 1990. P. 25 – 72.
6. Kaufmann Ingrid Middle voice. Elsevier. Science Direct. Lingua, 2007. P. 1677 – 1714.
7. John Benjamins. Kemmer Suzanne The middle voice. Typological studies in language. Amsterdam, 1993. Vol. 23. 317 p.
8. Lehmann Christian. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change. Lingua e stile 20. 1985. No. 3. P. 303 – 318.
9. Stimm Helmut. Medium and reflexive construction in Surselvian. Munich: B.A.d.W. Publishing House. 108 p.
10. Zwicky A., Geoffrey K. Pullum. An expanded view of morphology in the syntax-phonology interface. Preprints for the XHIIth International Congress of Linguists. Tokyo, 1982. P. 168 – 178.
11. Zwicky A., Geoffrey K. Pullum. Cliticization versus inflection: English N'T. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1982. P. 503 – 513.

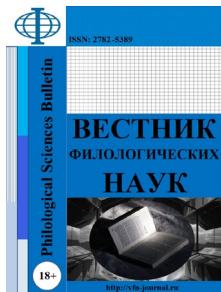
References

1. Faltz Leonard. Reflexivization: A study in universal syntax. New York. 1985. 320 p.
2. Grimshaw Jane. On the lexical representation of Romance reflexive clitics. Bresnan, 1982. P. 87 – 148.
3. Guglielmo Inglese and Jean-Christophe Verstraete Evidence against unidirectionality in the emergence of middle voice systems. De Gruyter Mouton. Stuf. 2023. P. 232 – 265.
4. Guglielmo Inglese The rise of middle voice systems. A study in diachronic typology. John Benjamins Publishing Company. 2023. P. 195 – 237.
5. John Benjamins B.V. Haspelmath Martin The Grammaticalization of Passive Morphology. Studies in Language. Amsterdam, 1990. P. 25 – 72.
6. Kaufmann Ingrid Middle voice. Elsevier. Science Direct. Lingua, 2007. P. 1677 – 1714.
7. John Benjamins. Kemmer Suzanne The middle voice. Typological studies in language. Amsterdam, 1993. Vol. 23. 317 p.
8. Lehmann Christian. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change. Lingua e stile 20. 1985. No. 3. P. 303 – 318.
9. Stimm Helmut. Medium and reflexive construction in Surselvian. Munich: B.A.d.W. Publishing House. 108 p.
10. Zwicky A., Geoffrey K. Pullum. An expanded view of morphology in the syntax-phonology interface. Preprints for the XHIIth International Congress of Linguists. Tokyo, 1982. P. 168 – 178.
11. Zwicky A., Geoffrey K. Pullum. Cliticization versus inflection: English N'T. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1982. P. 503 – 513.

Информация об авторах

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистического образования, Южный федеральный университет, judgin58@mail.ru

Седлак А.А., кафедра лингвистического образования, Южный федеральный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 81.42

¹ Кушнарёв М.С.

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Влияние языка социальных медиа на повседневную речь: анализ мемов, хэштегов и неологизмов в контексте вечерних шоу

Аннотация: цель исследования – выявление языковых механизмов и коммуникативных функций мемов, хэштегов и неологизмов, активно используемых в вечерних телевизионных шоу, а также анализ их влияния на повседневную речь русскоязычных пользователей. В статье рассмотрены лексико-семантические и pragматические особенности медиадискурса, в частности, трансляция интернет-лексики средствами телевидения и ее последующая адаптация в обыденной коммуникации. В рамках теоретической модели «Медиа – генератор лингвистических инноваций» были выделены и проанализированы такие языковые единицы, как устойчивые мемы, контекстуальные хэштеги и ситуативные неологизмы. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале актуального телевизионного медиадискурса системно описано влияние языковых практик социальных сетей на речевое поведение широкой аудитории. В результате исследования установлено, что заимствованные из цифровой среды элементы не только выполняют функции актуализации и вовлечения зрителя, но и способствуют трансформации речевых норм, расширяя границы современного лингвокультурного пространства.

Ключевые слова: мемы, хэштеги, неологизмы, медиадискурс, повседневная речь, вечерние шоу

Для цитирования: Кушнарёв М.С. Влияние языка социальных медиа на повседневную речь: анализ мемов, хэштегов и неологизмов в контексте вечерних шоу // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 17 – 21.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Kushnarev M.S.

¹ Belgorod State National Research University

The influence of social media language on everyday speech: analysis of memes, hashtags, and neologisms in the context of evening shows

Abstract: this research aims to identify linguistic mechanisms and communicative functions of memes, hashtags, and neologisms actively used in evening television shows, as well as to analyze their impact on the everyday speech of Russian-speaking users. The article examines the lexico-semantic and pragmatic features of media discourse, particularly the translation of internet vocabulary through television and its subsequent adaptation in everyday communication. Within the theoretical model “Media as a Generator of Linguistic Innovations”, linguistic units such as stable memes, contextual hashtags, and situational neologisms have been identified and analyzed. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, the influence of social media language practices on the speech behavior of a wide audience has been systematically described using the material of current television media discourse. The study found that elements borrowed from the digital envi-

ronment not only perform the functions of actualization and audience engagement but also contribute to the transformation of speech norms, expanding the boundaries of modern linguistic and cultural space.

Keywords: memes, hashtags, neologisms, media discourse, everyday speech, evening shows

For citation: Kushnarev M.S. The influence of social media language on everyday speech: analysis of memes, hashtags, and neologisms in the context of evening shows. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 17 – 21.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена современными тенденциями в развитии лингвистики и медиалингвистики, заключающимися в возрастающем интересе к изучению влияния цифровых форм коммуникации на структуру и функционирование естественного языка. Особое внимание в этом контексте привлекают языковые единицы, формирующиеся в среде социальных медиа и транслируемые через массовую культуру, в частности – через вечерние телевизионные шоу, ориентированные на широкую аудиторию. Исследование механизмов интеграции таких элементов, как мемы, хэштеги и неологизмы, в повседневную речь позволяет не только выявить общие закономерности современной речевой практики, но и установить специфику процессов семиотической адаптации и прагматической переориентации языковых инноваций в различных коммуникативных контекстах.

Цели и задачи исследования состоят в выявлении языковых механизмов и коммуникативных функций мемов, хэштегов и неологизмов, активно используемых в вечерних телевизионных шоу, а также анализ их влияния на повседневную речь русскоязычных пользователей. Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: выделить и систематизировать языковые единицы: мемы, хэштеги и неологизмы, заимствованные из социальных медиа и используемые в вечерних телевизионных шоу; проанализировать структурно-семантические и прагматические характеристики указанных единиц в контексте телевизионного медиадискурса; выявить особенности адаптации интернет-лексики в повседневной устной и письменной речи русскоязычных носителей; определить коммуникативные и социокультурные функции цифровых языковых инноваций в массовом дискурсе; установить влияние подобных языковых практик на трансформацию речевых норм и межпоколенческую коммуникацию.

В современную эпоху цифровых коммуникаций язык социальных медиа оказывает заметное влияние на живую речь широких слоёв населения. Особенно значимыми в этом процессе становятся вечерние телевизионные шоу, которые, находясь на пересечении традиционных и новых медиа, играют роль моста для внедрения интернет-лексики в повседневную речь [2, с. 134-136].

В рамках настоящего исследования был сформирован специализированный корпус лингвистического материала, представленного мемами, хэштегами и неологизмами. Данные языковые элементы были тщательно отобраны и зафиксированы в медиадискурсе популярных вечерних телевизионных шоу, таких как российские программы «Вечерний Ургант», «Шоу Воли», «Однажды в России», а также американское шоу «The Tonight Show Starting Jimmy Fallon» в период с 2020 по 2024 годы. Выбор указанных телепередач обусловлен их широким охватом аудитории, а также характером содержимого, который активно интегрирует и переосмысливает интернет-культуру, что делает их репрезентативным источником для изучения языковых инноваций, возникающих на стыке традиционных и цифровых медиапространств [9, 10].

Кроме того, для углублённого сопоставительного анализа и выявления механизмов адаптации и функционирования данных языковых единиц в реальной коммуникативной практике, были привлечены примеры их использования в социальных сетях, преимущественно в русскоязычных сообществах платформ VK и Telegram. Такая межплатформенная сравнительная парадигма позволила получить более комплексное представление о трансформациях и распространении современных цифровых языковых форм.

Результаты проведенного анализа показали, что мемы и неологизмы, активно вводимые ведущими и комиками вечерних шоу, обладают высокой степенью узнаваемости и эмоциональной насыщенностью, что способствует их быстрому распространению в устной и письменной речи, особенно среди молодежной аудитории, для которой такие языковые единицы становятся значимыми элементами коммуникации и социальной идентичности [2, с. 214].

К числу наиболее часто используемых в разговорной речи молодых людей относятся следующие выражения: “cringe” – термин, обозначающий чувство неловкости или стыда за кого-либо (рус. «кринж»); “to flex” – демонстрировать свои достижения или материальные ценности, часто с оттенком хвастовства (рус.

«флексить»); “just for the vibe” / “purely for the vibe” – выражение удовольствия от происходящего, наслаждения моментом (рус. «чисто по кайфу»); “ok boomer” – ироничная реакция на консервативные взгляды старшего поколения (рус. «ок, бумер»); “no cap” – выражение, означающее «без обмана», «честно» (рус. «но кап») [6, с. 1562].

Фразы из англоязычных шоу, передающие элементы цифрового сленга и культурного кода, становятся неотъемлемой частью молодежной разговорной речи. Среди них можно выделить:

“It’s a plus vibe activity” – положительная, приятная деятельность, сказанное (рус. «Это деятельность с положительной атмосферой»).

“He understood the assignment” – он отлично справился с задачей, проявил себя на все 100% (рус. «Он понял, что к чему, и сделал всё как надо»).

“This ain’t it, chief” – это не то, что надо; неудачный или неловкий поступок (рус. «Нет, брат, это мимо»).

“Main character energy” – поведение с ощущением собственной значимости, уверенность, харизма (рус. «Энергия главного героя»).

“Catch these hands” – угроза конфликта или драки, часто с ироническим подтекстом (рус. «Сейчас получишь» или «Лови пощечину» в молодежной интерпретации).

“Say less” – полное согласие, не требующее дополнительных объяснений (рус. «Всё понял, даже не продолжай») [8, с. 55-57].

Данные примеры служат наглядной демонстрацией процесса активного заимствования и адаптации лексики, сформированной в интернет-пространстве, а также элементов массовой культуры в широкий речевой обиход. Они подтверждают, что медиапродукты, в частности популярные вечерние телевизионные шоу, выступают в роли эффективных катализаторов языковых изменений, способствуя не только быстрому распространению новых языковых единиц, но и их семантической и pragматической переосмыслинности.

Анализ примеров использования выявил, что мемы и хэштеги часто выполняют не только коммуникативную, но и социокультурную функцию: они помогают выражать принадлежность к определённым социальным группам и демонстрируют осведомлённость в актуальных культурных трендах (таблица 1) [3, 4].

Таблица 1

Коммуникативные и социокультурные функции цифровых единиц в массовом дискурсе.

Table 1

Communicative and sociocultural functions of digital units in mass discourse.

Языковая единица	Тип	Коммуникативная функция	Социокультурная функция
#goodvibesonly	Хэштег	Выражение позитивного настроя	Формирует образ оптимистичного, открытого к жизни участника цифрового сообщества
cringe	Мем / неологизм	Выражение неловкости, критики	Демонстрирует знание интернет-сленга и принадлежность к цифровому поколению
flex / флексить	Неологизм	Самопрезентация, демонстрация достижений	Ассоциируется с эстетикой успешности и онлайн-репрезентацией себя
“ok boomer”	Мем	Отвержение консервативных взглядов	Акцентирует поколенческий конфликт, принадлежность к Z-поколению
“main character energy”	Мем / фраза	Подчеркивание харизмы, значимости	Отражает тренд на персонализированный нарратив, культ индивидуальности

Телевизионные ведущие и комики, используя интернет-мемы, хэштеги и неологизмы, выполняют функцию медиаторов, обеспечивая межмедийный трансфер лексических инноваций из цифрового пространства в традиционные коммуникационные форматы. В результате формируются новые речевые практики, которые отражают динамику социокультурных процессов, особенности межпоколенческого взаимодействия и трансформацию норм современного языка.

Кроме того, подобная интеграция способствует усилению чувства коллективной идентичности среди аудитории, особенно в молодежной среде, где использование характерных цифровых языковых конструкций становится маркером принадлежности к определённой культурной и социальной группе. Таким образом, медиальные продукты выступают не только как источники языковых новаций, но и как площадки для их институционализации и закрепления в повседневной речи, обеспечивая устойчивость и долговечность новых лингвистических форм [7, с. 133 – 134].

Социокультурная функция цифровых языковых инноваций проявляется в их способности формировать и укреплять коллективную идентичность пользователей, отражая специфические культурные коды и ценности разных сообществ. Они становятся инструментом межпоколенческого диалога, помогая младшим поколениям выстраивать собственное коммуникативное пространство, отличное от традиционных речевых норм [5].

Межпоколенческая коммуникация в этих условиях также претерпевает изменения: с одной стороны, цифровая лексика может выступать барьером между поколениями, вызывая непонимание или иронию со стороны старших, не знакомых с соответствующим контекстом. С другой – при включении старших поколений в медиаполе, языковая дистанция может сокращаться. Например, реакция телеведущего или комика, использующего фразу вроде *ok boomer*, становится не только поводом для шутки, но и возможностью для обсуждения возрастных стереотипов, снятия напряжения и актуализации диалога между разными социальными группами.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужил корпус языковых единиц – мемов, хэштегов и неологизмов, зафиксированных в медиадискурсе популярных вечерних шоу, таких как «Вечерний Ургант», «Шоу Воли», «Однажды в России», а также The Tonight Show Starring Jimmy Fallon. Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки из выпусков, вышедших в период с 2020 по 2024 год. Кроме того, в выборку были включены примеры употребления соответствующих языковых инноваций в повседневной коммуникации русскоязычных пользователей в социальных сетях (Rutube, VK, Telegram).

Для анализа использовались следующие источники: медиатексты, размещённые на видеоплатформах (Rutube); пользовательский контент и комментарии в социальных сетях, содержащие вирусные фразы, актуальные хэштеги и ситуативные мемы.

Результаты и обсуждения

Вечерние шоу активно формируют и распространяют языковые инновации, которые проникают в повседневную речь аудитории. Характерной чертой медиадискурса таких передач является использование мемов, хэштегов и неологизмов, которые служат маркерами юмора, актуальности и социокультурной идентичности.

Языковые единицы, созданные в рамках шоу, выполняют не только развлекательную функцию, но и выражают коллективные эмоции, оценки и реакции на значимые события. Мемы и хэштеги выступают как «маяки», структурирующие восприятие аудитории, а неологизмы активно входят в молодёжный сленг и затем распространяются шире.

Особое внимание уделяется феномену интермединости: языковые инновации сначала появляются в телевизионном дискурсе, затем тиражируются в социальных сетях, где получают новые значения. Таким образом, вечерние шоу становятся генераторами лингвистических трендов, влияющих на развитие современного речевого обихода.

Выводы

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что цифровые языковые инновации – мемы, хэштеги и неологизмы, активно функционирующие в вечерних телевизионных шоу, выступают мощным фактором языковых изменений в условиях цифровой эпохи. Они не только проникают в массовый медиадискурс, но и получают широкое распространение в устной и письменной речи, особенно среди молодёжной аудитории. Высокая коннотативная ёмкость, экспрессивность и узнаваемость данных единиц способствуют их быстрой адаптации и устойчивому закреплению в повседневной коммуникации.

Телеведущие и комики выполняют медиаторскую функцию, транслируя интернет-лексику в традиционные форматы массовой культуры, тем самым сокращая дистанцию между цифровым и офлайн-дискурсом. Это способствует трансформации речевых норм, расширению границ допустимого лексического употребления и переосмыслинию межпоколенческого взаимодействия.

В качестве перспектив дальнейшего изучения заявленной тематики видится углублённый анализ интеграции интернет-языка в официально-деловую и образовательную коммуникацию, а также исследование его роли в формировании новых форм коллективной идентичности в глобализированном медиапространстве.

Список источников

1. Востриков И.В. Социальные сети как эффективный способ управления общественным мнением // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 132 – 138.
2. Пишулина Д.Р., Назарко В.Е., Авраменко К.Д. Язык и коммуникация в цифровой эре: лингвистические подходы к анализу влияния новых медиа на языковую динамику и коммуникативные практики // Финансовая экономика. 2024. № 1. С. 213 – 215.

3. Черниченко Е.Н. Роль социальных медиа в трансформации языка // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7 (43).
4. Яндубаев А.В. Влияние социальных сетей на формирование общественного мнения в современных условиях // Современные научные исследования и инновации. 2024. № 7.
5. Danet B., Herring S.C. The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online // Oxford University Press. URL: http://scholar.uoa.gr/sites/default/files/mbessie/files/27_2007_the_multilingual_internet.pdf (дата обращения: 05.06.2025).
6. Miranda J.A., Moritz M.E.W. Ted talks: a genre analysis. Revista, 2021. No. 6 (16). P. 1552 – 1573.
7. Smith J. Corpus linguistics: Principles, Applications, and Impact on Language Research // Journal of Language Studies. 2021. № 25 (3). P. 123 – 145.
8. Schmücker R. Digital Image Ethics. How it Could be Pursued and What It Might Have to Say. Digital Ethics: The Issue of Images. 2022. P. 49 – 73.
9. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon. URL: <https://www.nbc.com/the-tonight-show/episodes> (дата обращения: 01.06.2025).
10. «Шоу Воли». URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/280536/> (дата обращения: 02.06.2025).

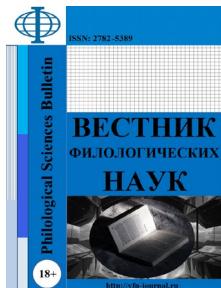
References

1. Vostrikov I.V. Social networks as an effective way to manage public opinion. Caspian region: politics, economics, culture. 2022. No. 2 (71). P. 132 – 138.
2. Pishchulina D.R., Nazarko V.E., Avramenko K.D. Language and communication in the digital era: linguistic approaches to the analysis of the influence of new media on language dynamics and communicative practices. Financial economics. 2024. No. 1. P. 213 – 215.
3. Chernichenko E.N. The role of social media in language transformation. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 7 (43).
4. Yandubaev A.V. The influence of social networks on the formation of public opinion in modern conditions. Modern scientific research and innovation. 2024. No. 7.
5. Danet B., Herring S.C. The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online. Oxford University Press. URL: http://scholar.uoa.gr/sites/default/files/mbessie/files/27_2007_the_multilingual_internet.pdf (date of access: 05.06.2025).
6. Miranda J.A., Moritz M.E.W. Ted talks: a genre analysis. Revista, 2021. No. 6 (16). P. 1552 – 1573.
7. Smith J. Corpus linguistics: Principles, Applications, and Impact on Language Research. Journal of Language Studies. 2021. No. 25 (3). P. 123 – 145.
8. Schmücker R. Digital Image Ethics. How it Could be Pursued and What It Might Have to Say. Digital Ethics: The Issue of Images. 2022. P. 49 – 73.
9. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon. URL: <https://www.nbc.com/the-tonight-show/episodes> (date of access: 01.06.2025).
10. “Will Show.” URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/280536/> (date of access: 02.06.2025).

Информация об авторах

Кушнарёв М.С., Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
maximekushnarov@gmail.com

© Кушнарёв М.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.131

¹Липатова Ю.Ю.

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

Грамматические особенности сицилийского и неаполитанского диалектов на материале текстов песен

Аннотация: в статье рассматриваются особенности диалектов на материале текстов песен итальянских исполнителей. Проблематика исследования состоит в том, что диалекты, на которые подразделяется итальянский язык, настолько сильно отличаются друг от друга, что жители различных регионов одной страны не всегда способны правильно друг друга понять, и именно это недопонимание способно привести к языковому конфликту. Проведено исследование грамматических особенностей сицилийского и неаполитанского диалектов на примере текстов песен итальянских исполнителей каждого диалекта. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу таких как работы М. Мейдена, Б. Мильорини, А. Варваро, М.Ю. Десятовой, Г. Касилло. В связи с поставленными в работе целью и задачами основной метод, использованный в исследовании это описательный. Также был использован сравнительный, аналитический и анализ нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: грамматические особенности, сицилийский, неаполитанский диалект, песни итальянских исполнителей

Для цитирования: Липатова Ю.Ю. Грамматические особенности сицилийского и неаполитанского диалектов на материале текстов песен // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 22 – 31.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Lipatova Yu.Yu.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Grammatical features of the Sicilian and Neapolitan dialects based on song lyrics

Abstract: the article deals with the features of dialects based on the lyrics of Italian singers. The problem of the study is that the dialects of the Italian language differ so much from each other that people from different regions of the same country do not always understand each other correctly, and this misunderstanding can lead to a language conflict. The research studies the grammatical features of the Sicilian and Neapolitan dialects using the lyrics of Italian singers from each dialect. The research methodology includes a review of the works of Russian and Italian researchers on the topic, such as those by M. Meyden, B. Migliorini, A. Varvaro, M.Yu. Desyatova, and G. Casillo. The main method used in the study is descriptive. Comparative, analytical, and legal analysis methods were also employed.

Keywords: grammatical features, Sicilian, Neapolitan dialect, songs by Italian artists

For citation: Lipatova Yu.Yu. Grammatical features of the Sicilian and Neapolitan dialects based on song lyrics. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 22 – 31.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в анализе диалектов на материале текстов песен итальянских исполнителей. Итальянский язык состоит из множества диалектов, отличающихся друг от друга, они разделены по территориальному признаку.

Цель работы состоит в анализе грамматических особенностей сицилийского и неаполитанского диалектов на примере текстов песен итальянских исполнителей каждого диалекта. Для этого была изучена история итальянского языка и история сицилийского и неаполитанского диалектов, что послужило детальному изучению грамматических особенностей каждого диалекта на примере текстов песен и в заключении проанализировать отличия диалектов итальянского языка.

Материалы и методы исследований

В связи с поставленными в работе целью и задачами основной метод, использованный в исследовании это описательный. Также был использован сравнительно-сопоставительный, аналитический и анализ нормативно-правовой базы.

Результаты и обсуждения

Было выявлены и обобщены основные грамматические особенности итальянских диалектов в отличии от литературного итальянского. Практическая значимость заключается в том, что проанализированные особенности можно использовать на занятиях по переводу с сицилийского и неаполитанского диалектов на итальянский и на курсах лингвострановедения при изучении диалектов.

В Италии почти все романские языки, на которых говорят, как на родных языках (кроме стандартного итальянского и других не связанных, неитальянских языков), называются «итальянскими диалектами»; единственными исключениями являются Сардинский и Фриульский, которые признаны законом официальными региональными языками.

Диалекты Италии делятся на три основные географические области, разделенные на две «линии»: линия «Специя-Римини» разделяет север от центра, и линия Рим-Анкона разделяет центр с юга. На севере, Галло-итальянская группа охватывает все регионы, за исключением Венето и Фриули-Венеция-Джулия. На юге, Сицилия и южные склоны Калабрии и Апулии образуют отдельную подгруппу. Фриульский и Сардинский часто упоминаются как «несовершеннолетние языки», так как признают их весьма значительные различия с итальянским и их исторический статус языков соответствующих регионов [18]. Диалекты используются больше в домашней обстановке, чем во внешнем мире, больше в неформальных ситуациях, нежели в формальных, и больше на северо-востоке, юге и островах, чем на Северо-Западе и в Центре. Пожилые люди используют их больше, чем молодые люди, а мужчины больше, чем женщины. «Более того, диалекты используются больше среди низших классов, людьми с более низким уровнем образования, но также, что интересно, выпускниками больше, чем людьми с дипломами средней школы» [18, с. 2].

Сицилийский диалект, все чаще называемый языком, распространен на острове Сицилия, где на нем говорят около 5 млн чел., а также в 30 общинах, расположенных в других областях Италии: в Центральной и Южной Калабрии, Пульи, Саленто [6, с. 68]. Всего говорящих на всех сицилийских разновидностях насчитывается около 10 млн чел. Тысячи лет назад остров Сицилия населяли коренные народы, самым известным из которых является Сикули [14]. Эти люди говорили на языке, на котором уже никто не говорит тысячи лет, но некоторые слова (в основном местные названия растений) все еще сохранились в современном сицилийском языке. Как только финикийцы, а затем и древние греки прибыли на остров, коренное население и их язык были в конечном итоге вытеснены. До прибытия римлян после Первой Пунической войны на острове в основном говорили на греческих диалектах [23]. Именно тогда сицилийцы подверглись значительному латинскому влиянию, но греческий язык продолжал оставаться основным языком на протяжении веков. С падением Рима и завоеваниями византийского императора Юстиниана греческий был еще более укреплен как лингва franca для большей части Сицилии. Однако новый слой к сицилийскому языку будет добавлен с появлением сарацинов из Северной Африки. Нашествия не прекращались из-за норманнов, генуэзцев, анжуйцев и арагонцев – все они по очереди управляли Сицилией. Хотя не каждый завоеватель имел влияние на местный язык, большинство крупных оккупантов завещали, по крайней мере, несколько слов и фраз, которые помогли сделать сицилийский язык таким красочным.

Всего выделяют три основных типа сицилийской речи: западный, центральный, восточный, которые в свою очередь подразделяются на поддиалекты провинций. Западный тип подразделяется на диалект Па-

лермо, диалект Трапани и диалект Агридженто / Джирдженто, центральный подразделяется на диалект Мадоне, диалект Энна-Калтаниссетта и диалект Вост. Джирдженто, а восточный тип сицилийской речи разделяется на мессинский диалект, северо-восточный, юго-восточный (Рагуза) и диалект Катании и Сиракузы.

Данная классификация основана на фонетическом принципе: так, для центральных и некоторых восточных диалектов характерна метафония о – ио, е – ie, восточные и западные диалекты демонстрируют ротацизм, т.е. замену “d” на “r”: «pedi – peri ‘ноги’, denti – renti ‘зубы’» [1], центральные диалекты меняют ghhi на gli: ogghiu – ogliu ‘масло’, восточные – озвончают глухие в интервокальной позиции и перед звонкими согласными: manciari – mangiari ‘есть, кушать’, lacrima – lagrima ‘слеза’ и т.д. Поскольку сицилийский распространен далеко за пределами Сицилии, выделяют также говоры Эольских островов, пантеско (диалект о. Пантеллерия), а также диалект редджино (Редджа-Калабрия) и салентино (Саленто, Южная Пулья). Хотя относительно последних двух существуют различные мнения, некоторые исследователи рассматривают их как самостоятельные диалекты, структурно близкие сицилийскому.

Вообще, в отношении описания диалектов в Италии осуществляется в основном региональный подход, т.е. исходным пунктом является не диалект и зона его распространения, как правило, превосходящая один регион, а именно область, регион как «дом» диалекта / диалектов [6]. Такой подход оправдан с исторической точки зрения, поскольку границы нынешних областей Италии в основном совпадают с границами расселения древних народов, языки которых стали субстратами народно-латинских диалектов, давших позднее такое языковое разнообразие в Италии.

1. Гласные в конце слова.

Очень часто итальянские слова заканчиваются буквой “е” (напр. pane, sole, dottore), когда на сицилийском диалекте эти же слова заканчиваются на букву “i” (напр. pani, suli, dutturi).

Слова, которые в итальянском языке заканчиваются на “о” (напр. solo, vento, mondo), на сицилийском диалекте кончаются на букву “u” (sulu, ventu, munnu).

Довольно часто встречается буква “а” в существительных во множественном числе, возможно отличие от латинского (напр. «du fila pasta – due fili di pasta, un chilu di puma – un chilo di mele» [8]).

1. Группы согласных.

Итальянская группа с буквосочетаниями glio, glia, gli в конце слова трансформируется на слова с буквосочетаниями gghiu, gghia, gghi (напр. figlio – figghiu, maniglia – maniggia, scogli – scogghi).

Двойная “l” в центре слова часто в сицилийском заменяется на двойную “d” (напр. agnello – agneddu). Произношение группы “dd” характерно для Сицилии.

Буква “b” в начале слова заменяется на “v” (напр. barca – varca, bue – vui).

Постоянными исключениями являются слова vita, vostra, vero и т.д.

Итальянская группа с буквосочетанием “nd” в основном меняется на двойную “nn” (напр. mondo – munnu, grande – ranni [8]).

Буква “f” в начале слова часто изменяется в сицилийском на букву “c” (произносится как [sc]) – (напр. fiume – ciumi, fiore – ciuri).

2. Артикли артикль “Il” в сицилийском диалекте превращается в “lu / u”; артикль женского рода “la” заменяется на простой артикль “a”. “gli” заменяется на “i”, “li”.

3. Особенности сицилийских глаголов.

В сицилийском диалекте не используется будущее время, которое существует в довольно древней форме. Будущее время заменяется настоящим (напр. Domani andrò là – Dumani vaju 'ddà).

Условного предложения так же не существует в сицилийском, оно нашло замену в лице сослагательного наклонения условного значения, в условном наклонении (напр. «Se non piovesse, io ci andrei» меняется на «Si un chiuvissi, io c'issi»).

В сицилийском диалекте не существует глагола “dovere”. Фраза «Io devo andarci» звучит на сицилийском «Lu c'aju a 'gghiri», то есть глагол “dovere” заменяется глаголом “avere” – «Io ho da andarci».

Простое настоящее время некоторых важных итальянских слов: essere: Iu sugnu, tu sì, iddu è, nui / niatri semu, vui / viatri siti, iddi sunnu. avere: Iu aiu, tu hai, iddu avi, nui / niatri avemo, vui / viatri aviti, iddi hannu. andare: Iu vaju, tu vai, iddu va, nui / niatri emo, vui / viatri iti, iddi vannu. venire: Iu vegnu, tu veni, iddu vene, nui / niatri vinemu, vui / viatri viniti, iddi vennu. dare: Iu rugnu (dugnu), tu rune (dune), iddu runa (duna), nui / niatri ramo (damo), vui / viatri, rate (date), iddi / runanu (dunananu). potere: Iu pozzu, tu poi, iddu pò, nui / niatri putemu, vui / viatri putiti, iddi ponnu.

4. Вопросительные слова.

Quali или cuali означают слово quale, qual и cual означают слово qual [16, с. 64]. Слова cu, cui, chi, cchi означают слово chi, а слова chi cosa или cchi cosa это che cosa. Также слово cu обозначает предлог con.

Последние столетия сицилийский язык был обогащен интерпретационной техникой рассказчиков-певцов, последние часто являлись уличными торговцами, их предками были люди, которых мы теперь называем композиторами и уличными художниками. Певцы кочевники специализировались на рассказе историй, как реальных, так и фантастических, были ли то легенды, или сказки. Среди наиболее известных сицилийских популярных мотивов мы можем упомянуть два самых известных: «Ciuri ciuri» и «Vitti na crozza», которые буквально путешествовали по миру и теперь принадлежат к итальянскому народному наследию. В ходе нашего исследования мы проанализировали песни групп сицилийского диалекта «Tinturia» и «Agricantus».

В настоящее время, существует множество музыкальных исполнителей, которые делают народную сцену более разнообразной, при этом уважая традиции, в том числе: Тинтурия, Агрикантус, Скирокко, Кунсерту и Аккура. Многочисленные итальянские поп-исполнители черпают вдохновение из своих корней для своих музыкальных постановок. Среди наиболее вдохновляющих исполнителей можно выделить Франко Баттиато, который неоднократно вдохновлялся своей любимой родиной, чтобы украсить поэзию его авторского репертуара, совмещая этническую музыку с помощью электронных и восточных звуков с прогрессивным роком. Если говорить о музыкантах среди прекрасной половины, мы не можем не упомянуть о незабываемой Джунни Руссо, талантливой Джерардине Тровато и об иконе Марчелле Белла, которая вместе со своим братом Джанни, сочиняла новые красивые страницы национальной музыкальной истории [7]. Группа «Тинтурия» (название которой на сицилийском языке означает «шалость» или «лень») – это сицилийская музыкальная группа, которую иногда называют «Лелло Аналфино и Тинтурия». Их жанр, обозначенный как «sbrong», является разнородным сплавом поп-музыки, рок-музыки, ска, фанка, рэпа и регги. «Тинтурия» образуется как группа в 1996 году в Раффадали, итальянской коммуне в регионе Сицилии. Лелло Аналфино оказывает влияние на весь коллектив, сначала он начинает играть на клавишных, а затем становится певцом и фронтменом. Художественный и изобретательный талант Лелло сразу становится легким, но не банальным выражением, образом группы [5]. Рассмотрим некоторые особенности диалекта на примере текстов песен данной группы. Песня группы «Tinturia» – «'u Pisci Spada». «Dai e dai lu vitti tira la fiocina dai e lu vitti afferralu pigghialu» – артикль итальянского языка «il» превращается в артикль «lu»; в конце слова «afferrarlu» присутствует артикль «lu», когда в итальянском языке это слово будет выглядеть как «aferrarlo»; сицилийское слово «pigghiari» означает глагол «prendere».

«Lu pigghiari 'a la fimmindedda drittu drittu 'ntra lu cori» – «iu» – означает местоимение «io»; прилагательное «drittu» – на итальянском звучит как «dritto»; артикль итальянского языка «il» превращается в артикль «lu»; предлог «'ntra» – «tra»; слово «cori» значит «cuore».

«Echianciadi – duluri» – «chiancia» означает – «piange» (инфinitив «piangere»); слово «duluri» – «dolore» (окончание меняется на «i»).

«Mi dicia bedda mia nun chianciri» – прилагательное «bedda» означает «bella» (двойная «l» заменяется на двойную «d»); слово «nun» означает слово «non»; глагол «chianciri» является глаголом «piangere» [22].

«No amuri miu» – существительное «amuri» на итальянском звучит как «amore» (буква «e» в конце слова меняется на «i»); притяжательное местоимение «miu» означает «mio».

«Di du' piscifurtunati» – слово «du» означает слово «quel»; существительное «pisci» на итальянском звучит как «pesce»; прилагательное «sfurtunati» означает «sfortunati».

«Acchiappalu tiralu dai eafferralu acchiappalu» – в конце слова «acchiappalu» присутствует артикль «lu», когда в итальянском языке это слово будет выглядеть как «acchiappalo»; слово «tiralu» означает «tiralo».

«Chist'e 'na storia, storia d'amuri» – слово «chista» означает «questa», слово «'na» это слово «una»; существительное «amuri» означает «amore» (буква «e» в конце слова меняется на «i»).

Песня группы «Tinturia» – «Cirasaru».

«Ma quannu passu 'nfunnu a sta vanedda vurria canciari tonu alla sunata» – наречие «quannu» это слово «quando»; глагол «passu» на итальянском является глаголом «passo» (1 лицо, ед. число); существительное «vanedda» означает слово «vicolo» [11]; глагол «vurria» означает «voglio»; слово «canciari» это слово «cambiare»; существительное «sonata» звучит на итальянском как «sonata».

«Alla me nica e beddra 'ca e la reginetta di la strada» – притяжательное местоимение «me» означает «mia»; прилагательное «nica» означает слово «piccolo»; слово «beddra» это «bella» (двойная «l» заменяется на двойную «d»); «ca» означает слово «che».

«Li to labbra fatturati figghia mia su du cirasi du cirasi 'ncilippati ca l'uguale nun ci ne» – артикль «li» на итальянском выглядит как «gli»; притяжательное местоимение «to» означает местоимение «tua»; существительное «figghia» это слово «figlia» [22] (конец слова трансформируется); слово «du» означает слово «quel»; слово «ncilippati» на итальянском звучит как «pralinate».

Группа «Агрикантус» (от латинского: пение пшеничного поля) – это группа жанра этнической электроники, созданная в Палермо. Группа зарекомендовала себя в середине 90-х годов с голосом лидера группы Тондже Аквавива и приходом в нее швейцарской певицы Рози Видеркер. С самого начала у «Агрикантуса» был безграничный взгляд на мир, из которого можно было извлечь музыкальное повествование через связи с культурами пяти континентов. Ее художественное путешествие символически основано на «видении мира между народами», мире, который можно непрерывно строить через звуки, музыку и слова. Цель группы состоит в том, чтобы обогатить их музыку звуками, цветами и языками, желанием привести слушателя через непрерывное «крещендо» [4]. Рассмотрим некоторые особенности диалекта на примере текстов песен данной группы.

Песня группы «Agricantus» – «Li Vuci Di L'omini».

«Quantu treni a scinniri e acchianari» – наречие «quannu» это слово «quando»; глагол «scinniri» на итальянском означает «scendere»; слово «acchianari» на итальянском является глаголом «salire».

«Quantu facci di omini e fimmini e picciriddi ca salutanu» – наречие «quannu» это слово «quando»; существительное «omini» является существительным «umani»; слово «picciriddi» это слово «bambini»; «са» означает слово «che»; глагол «salutanu» на итальянском звучит как «salutano» (третье лицо, множественное число).

«Li vuci di l'omini, li vuci di l'omini» – артикль «li» на итальянском выглядит как «gli»; слово «vuci» это слово «voce» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); артикль «l» на итальянском выглядит как «gli»; существительное «omini» является существительным «umani».

«Quantu notti cu l'occhi cusuti e scusuti e lu sonnu c'arriva» – наречие «quannu» это слово «quando»; существительное «notti» обозначает существительное «notte» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); слово «ci» это слово «con»; артикль «l» на итальянском выглядит как «gli»; существительное «cusuti» значит «casate» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); слово «scusuti» это существительное «scasate» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); артикль итальянского языка «il» превращается в артикль «lu»; прилагательное «sonnu» на итальянском звучит как «sonno» (окончание «о» трансформируется на «и»).

«Quantu notti e quantu fumu e poi l'arba, li primi fila di luci» – наречие «quannu» это слово «quando»; существительное «notti» обозначает существительное «notte» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); существительное «fumu» означает слово «fumo»; слово «arba» это слово «alba»; артикль «li» на итальянском выглядит как «gli»; слово «filu» означает «fila» (буквам «а» в существительных во множественном числе); существительное «luci» на итальянском звучит как «luce» (буква «е» в конце слова меняется на «и»).

«Li carusi a taliali» – артикль «li» на итальянском выглядит как «gli»; слово «carusi» означает «ragazzi»; глагол «taliari» это глагол «guardare».

«Lu cantu di l'aceddi, li vuci, li vuci di l'omini» – артикль итальянского языка «il» превращается в артикль «lu»; существительное «cantu» означает «canto» (окончание «о» трансформируется на «и»); артикль «li» на итальянском выглядит как «gli»; слово «vuci» это слово «voce» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); существительное «omini» является существительным «umani».

Песня группы «Agricantus» – «Spiranza».

«Curri senza cchiù un fil'i ciatu» – слово «curri» означает «corri» (второе лицо, единственное число); слово «cchiù» на итальянском звучит как «riù»; существительное «ciatu» обозначает «fiato».

«Un jornu un misi pi sempri un annu» – существительное «jornu» означает слово «giorno»; слово «misi» на итальянском выглядит как «mese» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); «ri» это предлог «per»; наречие «sempri» обозначает «sempre» (буква «е» в конце слова меняется на «и»); слово «annu» это слово «anno» (окончание «о» трансформируется на «и»).

«Occhi calati nichì ca hantu na vita» – глагол «calati» на итальянском выглядит как «abbassate» (второе лицо, множественное число); прилагательное «nichì» означает «piccoli»; «са» означает слово «che»; глагол «hantu» это глагол «hanno»; слово «'na» это слово «una».

«China ri scantu strati» – слово «china» обозначает слово «piena»; слово «ri» это «di»; существительное «scantu» на итальянском звучит как «timore»; существительное «strati» обозначает существительное «strade» (буква «е» в конце слова меняется на «и»).

В течение короткого времени неаполитанский язык стал «лексикой», из которой все музыканты могли черпать свое вдохновение. В шестнадцатом веке в Неаполе появилась знаменитая «Вилланелла», своего рода деревенская песня, сатира, которая, с ее тонкой комической завесой, за короткое время захватила и покорила большую часть Европы [15]. В восемнадцатом веке существовала сцена, в которой появилась опера-буффа, которая в основном характеризовалась театральностью песен. Первые музыкальные магазины и первые издательства были созданы в течение девятнадцатого века, именно этот век видел модернизацию

и обновление многих древних песен. Между тем на улицах Неаполя, перед почтовыми станциями бродят настоящие бродячие музыканты. В середине девятнадцатого и начала двадцатого века были заложены основы для будущего и неизбежного рождения классической неаполитанской песни, которая до сих пор является одной из самых любимых музыкальных произведений в мире. Двадцатый век видел рождение первых нот тарантеллы, приписываемых поэту, музыканту и художнику Сальватору Роза. После Второй мировой войны Ренато Карозоне пробует объединить ритмы Тарантеллы и джазовых инструментов и тем самым заевливает сцену. Неаполитанская песня также была адаптирована в соответствии с требованием времени и инициатором этого обновления является Марио Мерола [15].

Марио Мерола был итальянским певцом, актером и композитором. Его прозвали королем шенеджаты (представление неаполитанского музыкального театра), который сумел донести этот типично региональный жанр до популярности, национального масштаба и успеха, сумел сделать его кинематографическим жанром, представляющим все это вне сцены. Его художественная деятельность не ограничивалась вокальной интерпретацией пьес из репертуара неаполитанской классической песни, но он также играл роль в переоценке театрального жанра драмы в моде в городе Партеноне между первой и второй мировой войной [3]. Рассмотрим некоторые особенности диалекта на примере текстов песен данного исполнителя.

Песня Марио Меролы – «Tarantella napoletana».

«Abballammo sta tarantella cu' na coppia e ancora n'ata e facimme sta ballata» – глагол «abballammo» на итальянском выглядит как «balliamo» (первое лицо, множественное число); слово «sta» означает «questa»; слово «cu» это предлог «con»; слово «na» означает «una»; слово «n'» это «uno»; «ata» на итальянском обозначает «altre».

«Antonio mo' se scanza ca' le pesa nu poco 'a panza» – слово «то» означает «adesso»; глагол «scanza» на итальянском выглядит как «scansare»; слово «са» это «che»; глагол «pesa» означает «pesare»; слово «nu» это слово «un».

«Dice ca' o ballo? Isso se magna sti maccarune» – слово «са» это «che»; artikel «o» на итальянском имеет вид артикля «il / lo»; существительное «ballo» обозначает «danza»; местоимение «isso» это местоимение «lui»; глагол «magna» это глагол «mangiare»; слово «sti» это слово «queste»; существительное «maccarune» обозначает слово «maccheroni».

«Pecche' se sape che a vuje ve gira nu poco 'a sara» – слово «pecche» означает «perche»; глагол «sape» это глагол «sapere»; местоимение «vuje» на итальянском имеет вид местоимения «voi»; «ve» обозначает «vi»; глагол «gira» это глагол «girare»; слово «nu» это слово «un»; «'a» на итальянском имеет вид артикля «la»; существительное «sara» означает «testa».

«E si abballate sta tarantella ve gira pure» – глагол «abballate» на итальянском выглядит как «ballate» (второе лицо, множественное число); «ve» обозначает «vi»; глагол «gira» это глагол «girare»; слово «pure» на итальянском означает «anche».

«Quieto vulite i' annanze e invece jate areto» – глагол «vulite» на итальянском выглядит как «volete» (второе лицо, множественное число); слово «annanze» означает «davanti»; глагол «jate» обозначает глагол «andate» (второе лицо, множественное число); слово «areto» это «dietro».

«Balla e zompa, zompa e abballa, m'ha scamazzate nu callo» – глагол «balla» означает «ballare»; глагол «zompa» это «saltare»; слово «abballa» так же означает «ballare»; слово «m'» это слова «me / mi»; глагол «scamazzate» на итальянском выглядит как «schiazzate» (второе лицо, множественное число); слово «nu» это слово «un»; слово «callo» обозначает «caldo».

Песня Марио Меролы – «Tu ca nun chiagne».

«Comm' e' bella 'a muntagna stanotte, bella 'accussi» – слово «comme» означает «come»; «'a» на итальянском имеет вид артикля «la»; существительное «muntagna» это существительное «montagna» [11]; слово «accusi» на итальянском выглядит как «cosi».

«Nun l'aggio vista n'anema pare» – слово «nun» означает слово «non»; слово «n'» это «una»; существительное «anema» на итальянском выглядит как «anima».

«E' chesta luna janca, tu ca' nun chiagne e chiagnere me» – «e» на итальянском звучит как «i / gli / le»; слово «chesta» означает «questa»; прилагательное «janca» это прилагательное «bianca»; слово «са» это «che»; слово «nun» означает слово «non»; слово «n'» это «una»; глагол «chiagnere» на итальянском выглядит как «piangere»; «N'ata vota vede' comme e' calma 'a muntagna stanotte» – слово «n'» это «una»; слово «ata» означает «altre»; существительное «vota» на итальянском выглядит как «volta»; глагол «vede» это глагол «guardare»; слово «comme» означает «come»; слово «calma» это слово «silenzioso»; «'a» на итальянском имеет вид артикля «la»; существительное «muntagna» это существительное «montagna».

Ренато Каразоне считается отцом итальянской песни и неаполитанского пения. Каразоне начал свою карьеру в возрасте 17 лет после изучения фортепиано в консерватории. Он стал известным за его музыкальный хит в 1956 году в послевоенной Италии, «You Vo 'Do the American». Другими хит- парадами Каразоне являются «Maruzzella» и «O Sarracino». Ренато революционизировал жанр в своей родной стране, он также интернационализировал итальянскую песню [2]. Рассмотрим некоторые особенности диалекта на примере текстов песен данного исполнителя.

Песня Ренато Каразоне – «Lazzarella».

«Cu 'e libbre sott' o vraccio e 'a camicetta a fiore blu» – слово «си» это предлог «con»; «'е» на итальянском звучит как «и / gli / le»; существительное «libbre» на итальянском выглядит как «libri»; артикль «'о» на итальянском имеет вид артикля «il / lo»; слово «vraccio» означает «braccio»; «'а» на итальянском имеет вид артикля «la».

«Vuó' fá 'a signurenella 'nnanz'â scola pure tu» – глагол «вио» это глагол «viuo» (второе лицо, единственное число); глагол «fa» на итальянском выглядит как «fare»; «'а» на итальянском имеет вид артикля «la»; существительное «signurenella» означает «signorina»; слово «'nnanza» обозначает «davanti»; существительное «scola» это «scuola»; слово «pure» это слово «anche».

«Te miette giá 'o rrussetto comme vide e fá a mammá» – глагол «miette» это глагол «metti» (второе лицо, единственное число); существительное «rrussetto» на итальянском выглядит как «rossetto» [5]; слово «comme» означает «come»; глагол «vide» это глагол «vedi» (второе лицо, единственное число); «'е» на итальянском звучит как «i/gli/le»; глагол «fa» на итальянском выглядит как «fare».

«Tu a me mme piace sempe e cchiù» – слово «mme» означает «mi»; глагол «piace» в данном случае будет выглядеть как «piaci»; слово «sempe» это «sempre»; «'е» это предлог «di»; слово «cchiù» означает «più».

«E vengo apposta pe' t' o ddí, vicino â scola d' o Gesù» – слово «apposta» означает «proprio»; предлог «pe» это предлог «per»; конструкция «t' o ddí» означает «dirtelo»; существительное «scola» это «scuola».

«Tu invece mme rispunne: "Eggia, io devo retta proprio a te» – слово «mme» означает «mi»; глагол «rispunne» это глагол «rispondi» (второе лицо, единственное число).

«Ventata 'e primavera, quanno passe tutt' e mmatine» – «'е» это предлог «di»; существительное «primavera» это слово «primavera»; слово «quanno» означает «quando»; глагол «passee» это глагол «passi» (второе лицо, единственное число); «'е» на итальянском звучит как «i / gli / le»; существительное «mmatine» означает «mattine» [11].

«Giá te spieccchie dint' e vvetrine sulo nu cumplimento te fa avvampá» – слово «spieccchie» это слово «specchi»; слово «dint'» означает «dentro»; «'е» на итальянском звучит как «i / gli / le»; существительное «vvetrine» это слово «vetrine»; слово «sulo» на итальянском выглядит как «solo»; слово «nu» это слово «un»; существительное «cumplimento» означает «complimento»; слово «te» это слово «ti»; глагол «fa» на итальянском выглядит как «fare»; глагол «avvampá» означает «agrossire».

«Te piglie quatto schiaffe tutt' e vvote ca papá» – слово «te» это слово «ti»; глагол «piglie» на итальянском выглядит как «beccchie» (второе лицо, единственное число); слово «quattro» означает «quattro»; существительное «schiaffe» это слово «schiaffi»; «'е» на итальянском звучит как «i / gli / le»; существительное «votte» означает «volte»; слово «ca» это «che».

Песня Ренато Каразоне – «Guaglione».

«Staje sempe ccà, 'mpuntato ccà, 'mmiez'a 'sta via» – глагол «staje» означает «stai» (второе лицо, единственное число); слово «sempe» это «sempre»; слово «ccà» означает «qui»; слово «mpuntato» означает «imputato»; слово «'mmiez'a» обозначает «in mezzo»; слово «sta» это «questa».

«Nun mange cchiù nun duorme cchiù, che pecundria» – слово «nun» означает слово «non»; глагол «mange» означает «mangi» (второе лицо, единственное число); глагол «duorme» обозначает «dormi» (второе лицо, единственное число); слово «cchiù» означает «più»; существительное «pecundria» это «tristezza».

«Guè piccerì che vène a dì 'sta gelusia?» – глагол «gué» это глагол «guardi» (второе лицо, единственное число); существительное «piccerì» означает «piccolino»; глагол «vène» это глагол «viene» (третье лицо); глагол «di» это глагол «dire»; слово «sta» это «questa»; существительное «gelusia» на итальянском выглядит как «gelosia».

«Dille tutt'a verità ca mammà te pò capì» – «'а» на итальянском имеет вид артикля «la»; слово «ca» это «che»; слово «te» это слово «ti»; глагол «pò» означает глагол «pò» (второе лицо, единственное число); глагол «capì» означает «capire».

«Tu nun canusce 'e ffemmene, sì ancora accussì giovane» – слово «nun» означает слово «non»; глагол «canusce» это глагол «canosci» (второе лицо, единственное число); «'е» на итальянском звучит как «i / gli /

le»; существительное «ffemtene» означает слово «femmine»; слово «si» это местоимение «sei»; слово «accus» на итальянском выглядит как «cosi».

Основными особенностями данных диалектов можно считать, что для диалектов для них характерна метафония, изменения артиклей, отличия в значениях слов, разные формы глаголов.

Основные характеристики, которые были выявлены в ходе исследования в сицилийском диалекте – фонетика сицилийского языка отражает сильное влияние соседних нероманских языковых ареалов: арабского, греческого и др., например, возникновение особого какуминального согласного звука dd (bello – beddu), лексика сицилийского языка отличается наличием нескольких слоёв заимствований из разных языков и их дериватов.

Основные характеристики, которые были выявлены в ходе исследования в неаполитанском диалекте – это то, что для фонетики характерна редукция конечных гласных, а также явление умлаута (апофонии, метафонии).

Диалект – это разновидность языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией. Диалект является полноценной системой речевого общения (устной или знаковой, но не обязательно письменной) со своим собственным словарём и грамматикой.

Согласно статистике, примерно 44% итальянцев говорят на литературном итальянском, 51% перемешивают его с диалектом, и 5% разговаривают исключительно на одном из диалектов итальянского. Диалекты разных регионов подчас настолько отличаются друг от друга, что кажутся абсолютно разными языками.

Несмотря на то, что итальянский – официальный язык Итальянской Республики, многочисленные диалекты можно считать носителями богатой культуры и разнообразия ее народа. Наиболее ярко эта культура отражается в народном творчестве, фольклоре, пословицах и поговорках. Именно на примере народного творчества мы продемонстрировали вариативность и основные особенности выбранных диалектов.

Выводы

Сицилийский язык – язык сицилийцев, относится к романской группе языков. Уникальность истории образования сицилийского языка заключается в том, что в отличие от других романских языков Европы, он появился в результате процесса средневековой итальянской колонизации земель Южной Италии, которые были отвоёваны у византийцев (Апулия, Калабрия) и арабов (Сицилия и острова) в XI-XII веках.

Около 11 миллионов итальянцев говорят на неаполитанском диалекте в наши дни. Прежде всего, это жители южных регионов, исторически объединенных во времена Неаполитанского королевства и королевства двух Сицилий: Кампании, Абруццо, юга Лацио, Молизе, некоторых частей Апулии и северной Калабрии.

Основными особенностями данных диалектов можно считать, что для диалектов для них характерна метафония, изменения артиклей, отличия в значениях слов, разные формы глаголов. Мы рассмотрели свойства неаполитанского и сицилийского диалектов, проанализировали тексты песен итальянских исполнителей и таким образом определили разницу между самим итальянским языком и его диалектами.

Основные характеристики, которые были выявлены в ходе исследования в сицилийском диалекте – фонетика сицилийского языка отражает сильное влияние соседних не романских языковых ареалов: арабского, греческого и др., например, возникновение особого какуминального согласного звука dd (bello – beddu), лексика сицилийского языка отличается наличием нескольких слоёв заимствований из разных языков и их дериватов.

Основные характеристики, которые были выявлены в ходе исследования в неаполитанском диалекте – это то, что для фонетики характерна редукция конечных гласных, а также явление умлаута (апофонии, метафонии).

Диалект – это разновидность языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией. Диалект является полноценной системой речевого общения (устной или знаковой, но не обязательно письменной) со своим собственным словарём и грамматикой.

Согласно статистике, примерно 44% итальянцев говорят на литературном итальянском, 51% перемешивают его с диалектом, и 5% разговаривают исключительно на одном из диалектов итальянского. Диалекты разных регионов подчас настолько отличаются друг от друга, что кажутся абсолютно разными языками.

Несмотря на то, что итальянский – официальный язык Итальянской Республики, многочисленные диалекты можно считать носителями богатой культуры и разнообразия ее народа. Наиболее ярко эта культура отражается в народном творчестве, фольклоре, пословицах и поговорках. Именно на примере народного творчества мы продемонстрировали вариативность и основные особенности выбранных диалектов.

Список источников

1. Десятова М.Ю. Сицилийский диалект в современной лингвистической ситуации Италии // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. М., 2008. Вып. 2 (12). С. 127 – 133.
2. Биография музыкального исполнителя Ренато Каразоне. URL: <https://www.allmusic.com/artist/renato-carosone-mn0000887730/biography> (дата обращения: 05.07.2025).
3. Официальный сайт музыкального исполнителя Марио Мерола. URL: <http://www.mariomerola.it/ricordo.asp> (дата обращения: 01.07.2025).
4. Официальный сайт группы «Agricantus». URL: <http://www.agricantus.info/home.htm> (дата обращения: 16.07.2025).
5. Официальный сайт группы «Tinturia». URL: <https://www.tinturia.it/band-tinturia/> (дата обращения: 15.07.2025).
6. Порхомовский В., Семенюк Н. Языковая норма и эстетический канон. М.: Litres, 2017. 323 с.
7. Сицилийская музыка: самые известные певцы вчера и сегодня. URL: <http://www.lindro.it/tradizione-musicale-siciliana-i-cantanti-piu-famosi-di-oggi-e-di-ieri/> (дата обращения: 18.07.2025).
8. Сицилийский язык на протяжении веков. URL: http://www.irsap-agrigentum.it/lingua_siciliana.htm (дата обращения: 18.07.2025).
9. Сказкин С.Д. История Италии: 2 т. М.: Рипол Классик, 2013. 618 с.
10. Шишмарев В.Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. М.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. 359 с.
11. Amato B., Pardo P. Dizionario napoletano. Italiano-napoletano, napoletano-italiano. Vallardi, 2016. 293 p.
12. Bichelli P. Grammatica del dialetto napoletano. Pegaso, 1974. 438 p.
13. Casillo G. La lingua napoletana. La storia. Le parole. Youcanprint, 2017. 206 с.
14. Demetri J. The Sicilian language. URL: <https://www.lifeinitaly.com/tourism/sicily/sicilian-language.asp> (дата обращения: 17.01.2018).
15. Di Fede F. Storia della musica napoletana, storie di Napoli a Scuola. URL: <http://www.storienapoli.it/2015/04/26/storia-della-musica-napoletana-storie-di-napoli-a-scuola-voci-di-corridoio> (дата обращения: 08.07.2025).
16. Fortuna A. La Grammatica Siciliana: Principali regole grammaticali, fonetiche e grafiche. P.: Simonelli Editore, 2017. 343 p.
17. Foscolo D. Grammatica Minima di Napoletano. P.: Camorra Comix, 2012. 25 p.
18. Kinder J.J., Savini V.M. Using Italian: A Guide to Contemporary Usage. P.: Cambridge University Press, 2004. 468 p.
19. Maiden M. A Linguistic History of Italian. P.: Longman, 1995. 300 p.
20. Migliorini B., Gwynor Griffith T. The Italian Language. P.: Barnes and Noble, 1966. 533 p.
21. Migliorini B. Cronologia della Lingua Italiana. P.: Felice le Monnier, 1975. 87 p.
22. Mortillaro V. Nuovo dizionario siciliano-italiano. P.: Stamperia di Pietro Pensante, 1853. 981 p.
23. Várvaro A. Lingua e storia in Sicilia. P.: Sellerio, 1981. 264 p.

References

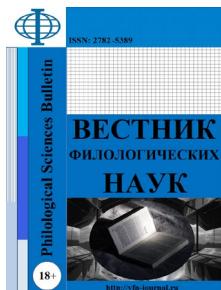
1. Desyatova M.Yu. Sicilian dialect in the modern linguistic situation of Italy. Bulletin of PSTGU. Series III: Philology. Moscow, 2008. Iss. 2 (12). P. 127 – 133.
2. Biography of the musician Renato Carosone. URL: <https://www.allmusic.com/artist/renato-carosone-mn0000887730/biography> (date of access: 05.07.2025).
3. Official website of the musician Mario Merola. URL: <http://www.mariomerola.it/ricordo.asp> (date of access: 01.07.2025).
4. Official website of the group "Agricantus". URL: <http://www.agricantus.info/home.htm> (date of access: 16.07.2025).
5. Official website of the Tinturia band. URL: <https://www.tinturia.it/band-tinturia/> (date of access: 15.07.2025).
6. Porkhomovsky V., Semenyuk N. Language norm and aesthetic canon. Moscow: Litres, 2017. 323 p.
7. Sicilian music: the most famous singers yesterday and today. URL: <http://www.lindro.it/tradizione-musicale-siciliana-i-cantanti-piu-famosi-di-oggi-e-di-ieri/> (date of access: 18.07.2025).
8. The Sicilian language throughout the centuries. URL: http://www.irsap-agrigentum.it/lingua_siciliana.htm (date of access: 18.07.2025).
9. Skazkin S.D. History of Italy: 2 vol. M.: Rипол Классик, 2013. 618 p.
10. Shishmarev V.F. History of Italian literature and Italian language. M.: Nauka, Leningrad branch, 1972. 359 p.

11. Amato B., Pardo P. Dizionario napoletano. Italiano-napoletano, napoletano-italiano. Vallardi, 2016. 293 p.
12. Bichelli P. Grammatica del dialetto napoletano. Pegaso, 1974. 438 p.
13. Casillo G. La lingua napoletana. La storia. Le parole. Youcanprint, 2017. 206 p.
14. Demetri J. The Sicilian language. URL: <https://www.lifeinitaly.com/tourism/sicily/sicilian-language.asp> (date of access: 17.01.2018).
15. Di Fede F. Storia della musica napoletana, storie di Napoli a Scuola. URL: <http://www.storienapoli.it/2015/04/26/storia-della-musica-napoletana-storie-di-napoli-a-scuola-voci-di-corridoio> (date of access: 08.07.2025).
16. Fortuna A. La Grammatica Siciliana: Principali regole grammaticali, fonetiche e grafiche. P.: Simonelli Editore, 2017. 343 p.
17. Foscolo D. Grammatica Minima di Napoletano. P.: Camorra Comix, 2012. 25 p.
18. Kinder J.J., Savini V.M. Using Italian: A Guide to Contemporary Usage. P.: Cambridge University Press, 2004. 468 p.
19. Maiden M. A Linguistic History of Italian. P.: Longman, 1995. 300 p.
20. Migliorini B., Gwynor Griffith T. The Italian Language. P.: Barnes and Noble, 1966. 533 p.
21. Migliorini B. Cronologia della Lingua Italiana. P.: Felice le Monnier, 1975. 87 p.
22. Mortillaro V. Nuovo dizionario siciliano-italiano. P.: Stamperia di Pietro Pensante, 1853. 981 p.
23. Värvaro A. Lingua e storia in Sicilia. P.: Sellerio, 1981. 264 p.

Информация об авторах

Липатова Ю.Ю., кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, jull7805@yandex.ru

© Липатова Ю.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.111'42

¹ Симкалова А.А.

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет

Иллокутивная модальность вежливости в pragmatike речевых актов: извинение как форма речевого самокорректирующего поведения

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы pragmalingвистической природы речевого акта извинения в англоязычном дискурсе, выявляется его сложная иллокутивная структура и коммуникативная направленность. Освещается специфика выражения модальности вежливости в англоязычном речевом поведении, анализируются лексико грамматические и дискурсивные средства, обеспечивающие reparативную и этикетную функцию акта извинения. Показаны жанровые, институциональные и социолингвистические вариации извинительных формул, включая формальные, неформальные и медиализированные контексты, а также гендерные различия в их употреблении. Методология исследования опирается на корпусный анализ, pragmalingвистический, семантико функциональный и дискурсивный подходы, что позволяет систематизировать стратегии смягчения иллокутивной угрозы и восстановления коммуникативного равновесия. Результаты работы способствуют расширению теоретических представлений о модальности вежливости и углублению анализа речевого этикета в англоязычной филологии.

Ключевые слова: иллокутивная модальность, вежливость, pragmalingвистика, речевой акт извинения, англоязычный дискурс, дискурсивный анализ, коммуникативная компетенция, социолингвистика

Для цитирования: Симкалова А.А. Иллокутивная модальность вежливости в pragmatike речевых актов: извинение как форма речевого самокорректирующего поведения // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 32 – 38.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Simkalova A.A.

¹ Irkutsk National Research Technical University

Illocutionary modality of politeness in the pragmatics of speech acts: apology as a form of self corrective verbal behavior

Abstract: the article examines the issues of the pragmalinguistic nature of the speech act of apology in English discourse, revealing its complex illocutionary structure and communicative orientation. The specific features of expressing the modality of politeness in English language verbal behavior are highlighted; lexical grammatical and discursive means ensuring the reparative and etiquette function of the apology act are analyzed. Genre, institutional and sociolinguistic variations of apology formulas are demonstrated, including formal, informal and mediaлизированные contexts, as well as gender differences in their use. The research methodology is based on corpus analysis, pragmalinguistic, semantic functional and discourse approaches, which allows for the systematization of strategies for mitigating illocutionary threat and restoring communicative balance. The results contribute to the expansion of theoretical concepts of the modality of politeness and to the deeper analysis of speech etiquette in English philology.

Keywords: *illocutionary modality, politeness, pragmalinguistics, speech act of apology, English discourse, discourse analysis, communicative competence, sociolinguistics*

For citation: Simkalova A.A. Illocutionary modality of politeness in the pragmatics of speech acts: apology as a form of self corrective verbal behavior. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 32 – 38.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Современное развитие лингвистической науки характеризуется усилением интереса к pragmatike как направлению, изучающему соотношение между языком и его функционированием в конкретных коммуникативных условиях. Проблематика речевых актов занимает центральное место в pragmalinguistics, ориентированной на анализ речевого поведения, интенциональности высказывания и коммуникативной компетенции участников речевого взаимодействия. Особое внимание исследователей привлекает типология речевых актов, в частности те, которые выполняют репаративные, этикетные и регулятивные функции в межличностной и институциональной коммуникации. Одним из таких речевых актов является акт извинения – лингвопрагматический феномен, реализующийся в ситуации предполагаемой или фактической вины говорящего и направленный на восстановление нарушенного коммуникативного баланса.

По словам Дж. Серля, извинение представляет собой типичный иллокутивный акт, в рамках которого говорящий признаёт ответственность за действие, нарушающее нормы поведения, и выражает намерение компенсировать причинённый вред [11, с. 35]. При этом речевой акт извинения включает в себя сложный комплекс pragmatischen установок: признание проступка, выражение сожаления, эмпатия к адресату, а также демонстрация коммуникативной солидарности. Как отмечает Е.В. Падучева, извинение функционирует в качестве акта речевой репарации, восстанавливающего кооперативный принцип взаимодействия, нарушенный речевым или поведенческим инцидентом [5, с. 58]. Данный акт всегда социально маркирован: он регулируется нормами вежливости, принятыми в конкретном социокультурном сообществе, и выступает индикатором коммуникативной компетентности индивида.

Особую значимость анализ речевого акта извинения приобретает в контексте англоязычного дискурса, в котором нормы речевого поведения значительно варьируются в зависимости от жанровой специфики, степени формальности и культурных конвенций. В условиях англоязычной коммуникации извинение может быть как институционально регламентированной формой (например, в юридической или политической сферах), так и спонтанной, эмоционально окрашенной реакцией в межличностных ситуациях. По наблюдениям П. Брауна и С. Левинсона, англоязычная коммуникативная культура демонстрирует высокую чувствительность к феномену «угрозы лицу» (face-threatening acts), вследствие чего акты извинения приобретают статус значимого механизма смягчения имиджевых рисков и обеспечения речевой гармонии [8, с. 67]. Вежливость в этом случае выступает не просто pragmatischen категорией, но и идеологемой культуры, воплощённой в устойчивых речевых формулах, стратегиях и жанрах.

Акт извинения сопряжён с иллокутивной модальностью вежливости, под которой, по определению Н.А. Бигуновой, следует понимать модальность, выражющую отношение говорящего к адресату как субъекту, обладающему статусом, ценностью и эмоциональной чувствительностью, заслуживающей уважения и тактичного речевого обращения [1, с. 10]. В pragmalinguisticской перспективе иллокутивная модальность вежливости в извинениях реализуется посредством различных лингвистических маркеров: модальных глаголов, смягчающих предикатов, эвфемизмов, эксплицитных стратегий признания вины, метакоммуникативных индикаторов и прочих средств, направленных на снижение интенсивности угрозы негативному лицу адресата (negative face) и подтверждение позитивного лица (positive face).

Следует отметить, что речевые акты извинения в англоязычной практике демонстрируют сложную внутреннюю структуру, охватывающую не только эксплицитные акты сожаления (I'm sorry, I apologize), но и элементы объяснения, оправдания, самоуничижения и даже обвинения адресата, что придаёт этим актам амбивалентность и требует комплексного pragmalinguisticического анализа. Как подчёркивает В.И. Карасик, речевое поведение, включая акты извинения, не может быть адекватно интерпретировано вне учёта дискурсивных параметров и этнокультурной специфики коммуникативной ситуации [3, с. 102]. Это особенно важно в условиях цифровой коммуникации, в которой речевые акты теряют устойчивую форму и приобретают новые гибридные жанровые черты (например, публичные извинения в соцсетях, корпоративные извинения в e-mail-коммуникации и др.).

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, необходимостью углублённого анализа речевого акта извинения как ключевого механизма социальной и коммуникативной репарации; во-вторых, потребностью в систематизации лингвистических и прагматических средств выражения иллокутивной модальности вежливости в англоязычном дискурсе; в-третьих, недостаточной разработанностью темы в отечественной германистике, в частности в аспекте прагмалингвистического подхода к изучению англоязычного речевого поведения в различных жанрах и институциональных контекстах. В условиях усиления межкультурной коммуникации и роста требований к прагматической компетенции участников речевого взаимодействия, умение адекватно реализовать акт извинения становится важным элементом речевого этикета и показателем успешной интеркультурной коммуникации. Кроме того, лингвистический анализ извинения позволяет уточнить границы между эксплицитными и имплицитными речевыми действиями, а также рассмотреть проблему формализации речевой этики в условиях медиализации дискурса.

Цель и задачи исследования состоят в выявлении прагматической природы и лингвистических механизмов выражения иллокутивной модальности вежливости в речевых актах извинения, функционирующих в англоязычном дискурсе. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: 1) определить теоретико-методологические основания исследования речевого акта извинения в контексте прагмалингвистики; 2) проанализировать структуру, типологию и коммуникативные параметры речевых актов извинения в английском языке; 3) выявить средства выражения иллокутивной модальности вежливости на лексико-грамматическом и дискурсивном уровнях; 4) классифицировать прагматические стратегии речевой репарации в различных жанрово-коммуникативных форматах (неформальный, публичный, институциональный, цифровой дискурс); 5) охарактеризовать роль культурных и социолингвистических факторов в выборе и реализации стратегий извинения в англоязычном коммуникативном пространстве.

Исследование направлено на углублённый анализ извинения как прагматически мотивированного речевого действия, демонстрирующего динамику речевого этикета, вариативность речевых стратегий и семиотическую насыщенность высказывания. Результаты настоящего анализа способствуют расширению теоретических представлений о коммуникативной модальности вежливости, а также вносят вклад в развитие прагмалингвистического направления в рамках германской филологии.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу настоящего исследования составили аутентичные тексты англоязычного происхождения, охватывающие различные жанрово-стилистические и функционально-коммуникативные типы дискурса. В качестве корпусной базы были использованы материалы British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA), содержащие разностилевые тексты, презентативные как для британского, так и для американского вариантов английского языка. В выборку вошли речевые акты извинения, зафиксированные в деловой переписке, официальных публичных заявлениях, текстах художественной прозы, интернет-коммуникации (в том числе постах и комментариях в социальных сетях, электронных письмах, форумах), транскрибированных интервью и публичных выступлениях. Такой подход позволил выявить динамику реализации речевого акта извинения в условиях как формального, так и неформального общения, а также проследить специфику языковых средств, эксплицирующих иллокутивную модальность вежливости в зависимости от жанрово-коммуникативного контекста.

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном синтезе прагмалингвистических, семантико-функциональных и дискурсивных подходов. Теоретическим каркасом послужили: классическая теория речевых актов Дж.Л. Остина [7] и Дж. Серля [11], теория вежливости П. Брауна и С. Левинсона [8], принципы прагматического анализа Г.Н. Лича [10], а также отечественные труды в области прагмалингвистики и речевой модальности (Е.В. Падучева [5], Л.П. Крысин [4], В.И. Карасик [3], Г.Г. Почепцов [6]).

Для достижения исследовательской цели были использованы методы прагмалингвистического анализа, позволяющего выявить интенциональную структуру речевого акта и проследить взаимодействие коммуникативных намерений с языковыми средствами их выражения; семантико-функционального анализа, направленного на интерпретацию языковых единиц в контексте их прагматических функций; а также дискурсивного анализа, обеспечивающего интерпретацию извинений как элементов конкретного коммуникативного жанра с учётом интерактивных, институциональных и социокультурных параметров.

Кроме того, применялись методы корпусной лингвистики, включая автоматизированный поиск и контекстный анализ актов извинения в корпусах, а также элементы контекстуального моделирования, направленные на реконструкцию типичных речевых ситуаций, в которых реализуется акт извинения. Такой комплексный подход позволил осуществить системное описание речевых актов извинения в англоязычном дискурсе с точки зрения их прагматической структуры, семантической наполненности и дискурсивной обусловленности.

Результаты и обсуждения

Речевой акт извинения в англоязычном дискурсе функционирует как многослойное прагматическое об-разование, обладающее высоким уровнем контекстуальной вариативности и семиотической насыщенности. Его основная функция заключается в восстановлении коммуникативного равновесия, нарушенного вслед-ствие речевого или поведенческого проступка, и формировании иллокутивной модальности, сигнализиру-ющей о признании ответственности, эмпатии и желании сохранить межличностную гармонию. В рамках проведённого анализа, основанного на корпусных данных из British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA), была выявлена значительная степень жанрово-дискурсивной диф-ференциации актов извинения, что свидетельствует о высокой прагматической гибкости и адаптивности данной речевой стратегии.

Выделенные речевые образцы ($n = 328$) были классифицированы по параметрам формальности, дискур-сивного типа, структурной организации и коммуникативной интенции. Общая структура актов извинения включает, как правило, три ключевых компонента: а) эксплицитный акт сожаления (e.g. I'm sorry, I apologize); б) указание на причину извинения или его объект (for being late, for the confusion); в) компенса-торный элемент, выражающий обещание исправления, разъяснение или уточнение (I'll fix it, It wasn't my intention, Please let me know if I can do anything).

Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частотность компонентов в структуре актов извинения (по данным COCA и BNC).

Table 1

Frequency of components in the structure of apology acts (according to COCA and BNC data).

Компонент речевого акта	Частотность (%)
Эксплицитное извинение	100
Причинно-объектная спецификация	72
Компенсаторное обещание	46
Мета-комментарий или пояснение	21
Эмпатическая модальность	34

На уровне лексико-грамматической репрезентации были зафиксированы следующие тенденции. В фор-мальных дискурсах (деловая переписка, официальные обращения, институциональные заявления) преобла-дауют перипрастические конструкции с использованием модальных глаголов (may, might, would), усилите-лей (truly, sincerely, deeply), безличных субъектов (we, the company, an error) и пассивных конструкций (Mistakes were made, An error occurred), что позволяет сместить фокус с агента действия и минимизировать степень индивидуальной ответственности [8, с. 207]. Подобная структура характерна для корпоративного, юридического и политического регистров:

Пример 1: We sincerely apologize for any inconvenience this issue may have caused.

Пример 2: The company regrets the unexpected delay in service provision.

В неформальных жанрах (интернет-коммуникация, устная спонтанная речь) преобладают редуцирован-ные синтаксические модели, выражающие извинение в предельно лаконичной, часто идиоматической или иронической форме. Это свидетельствует о сниженной нормативной нагрузке и высокой степени стилисти-ческой релаксации:

Пример 3: Oops, my bad! – синкетическая единица, объединяющая извинение и признание вины, акту-альная для молодежного сленга.

Пример 4: Sorry not sorry. – формально маркированное извинение, демонстрирующее нарочитую амби-валентность, характерную для интернет-дискурса с элементами деритуализации.

Социолингвистический аспект анализа показал наличие гендерной и культурной маркированности в употреблении актов извинения. Согласно наблюдениям, подтверждаемым позицией Дж. Холмса, женщины в англоязычной культуре демонстрируют более высокую частотность использования извинений в качестве ритуального механизма установления и поддержания кооперативных отношений [9, с. 77], тогда как муж-ская речь демонстрирует избирательность в употреблении извинений, преимущественно в ситуации оче-видного нарушения нормы или социального давления.

Таблица 2
Гендерные различия в употреблении актов извинения (на основе подкорпусного анализа COCA).
Table 2
Gender differences in the use of apology acts (based on sub-corpus analysis of COCA).

Гендер говорящего	Средняя частота на 1000 слов	Основные функции извинения
Женщины	4.7	эмпатическое выравнивание, ритуал
Мужчины	2.9	признание вины, стратегическая защита

Значительное внимание в исследовании уделяется прагматическому потенциалу актов извинения в контексте политического и медиийного дискурса, где извинение может выполнять функцию репутационной защиты, стратегического маневра или формального соблюдения этикетной нормы. Такие извинения часто сопровождаются семантическими средствами, снижающими степень вины, например, использованием безагентных конструкций (It appears that an error occurred), риторических смещений и временных дефиниций (in retrospect, at the time we believed).

Таким образом, эмпирические данные подтверждают, что речевой акт извинения в англоязычном дискурсе представляет собой динамическое, контекстуально обусловленное и социокультурно маркированное явление, реализующееся через разнообразные лексико-сintаксические стратегии, отражающие специфику коммуникативной установки, институционального контекста и прагматических ожиданий участников речевого взаимодействия.

Выводы

В предложенной статье проведён системный прагмалингвистический анализ речевого акта извинения, функционирующего в англоязычном дискурсе, с опорой на корпусные данные и современные концепции иллокутивной модальности.

И первое, что вытекает в качестве следствия из произведённого нами анализа, заключается в том, что акт извинения следует рассматривать как многокомпонентную речевую единицу, интегрирующую семантические, синтаксические, дискурсивные и социокультурные параметры. Данный акт не сводится к эксплицитному выражению сожаления, но представляет собой совокупность взаимосвязанных прагматических стратегий, направленных на восстановление нарушенного коммуникативного равновесия и смягчение иллокутивной угрозы адресату.

Анализ показал, что иллокутивная модальность вежливости в акте извинения реализуется посредством специфических лексико грамматических маркеров, таких как модальные глаголы, эвфемистические конструкции, пассивные синтаксические модели, усилительные наречия и безличные формулы, которые позволяют перераспределить ответственность и минимизировать угрозу негативному лицу (negative face) собеседника.

При этом на дискурсивном уровне выявлена сложная внутренняя структура акта извинения, включающая не только эксплицитное извинение (I apologize, I'm sorry), но и причинно объектную спецификацию (for the delay, for my oversight), компенсаторный компонент (I will make sure this does not happen again) и метакоммуникативные элементы, задающие рамку интерпретации высказывания.

Особое значение в статье придаётся жанровой и социолингвистической вариативности речевых актов извинения. В институциональном и официально деловом дискурсе преобладает стратегия формализации и дистанцирования, что выражается в применении пассивных конструкций (An error was made) и перипрестиических моделей, позволяющих нивелировать индивидуальную агентность. В неформальной межличностной коммуникации, напротив, наблюдается тенденция к редукции и идиоматизации извинительных формул, что иллюстрируется примерами вроде Oops, my bad! или Sorry not sorry, демонстрирующими явления деритуализации и прагматической иронии. Такая поляризация свидетельствует о высокой адаптивности иллокутивной модальности вежливости к различным дискурсивным условиям.

Кроме того, проведённый анализ выявил культурно специфические и гендерно маркированные особенности употребления извинений.

В частности, прослеживается корреляция между частотой употребления извинительных формул и гендерной прагматикой: женщины в англоязычном социокультурном пространстве демонстрируют большую склонность к использованию извинений как механизма поддержания коммуникативной кооперации и выражения эмпатии, тогда как мужская речевая практика отличается большей селективностью и опорой на формально ситуативные факторы. Эта тенденция подтверждает тезис о том, что речевой акт извинения вы-

ступает индикатором не только индивидуальной коммуникативной компетенции, но и социокультурной принадлежности говорящего.

Следует подчеркнуть, что в контексте медиализированного общения (корпоративные письма, публичные заявления в социальных сетях, политические выступления) акт извинения приобретает новые прагматические функции, связанные с репутационной защитой и стратегическим управлением образом адресанта. В этих случаях характерны сложные риторические приёмы, использование безагентных конструкций и временных рамок, смещающих интерпретацию ответственности и создающих эффект формального соблюдения этикетной нормы при минимальном признании вины.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что акт извинения в англоязычном дискурсе является динамичным и многомерным лингвопрагматическим феноменом, сочетающим в себе функции социальной reparации, прагматического смягчения и этикетного регулирования.

Иллюстрация многоуровневой структуры извинения и выявление его прагматических механизмов способствуют расширению теоретических представлений о модальности вежливости и углубляют понимание закономерностей функционирования речевых актов в различных жанрово дискурсивных форматах. В совокупности эти выводы открывают перспективы для дальнейшего изучения стратегий речевого поведения и подтверждают значимость прагмалингвистического подхода для интерпретации речевой деятельности в условиях современной интеркультурной коммуникации.

Список источников

1. Бигунова Н.А. Илокутивные функции речевых актов положительной оценки (на материале англоязычного художественного дискурса) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illokutivnye-funksii-rechevyh-aktov-polozhitelnoy-otsenki-na-materiale-angloyazychnogo-hudozhestvennogo-diskursa> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Гарипова А.Н. Особенности сленга в английском языке // Международный академический вестник. 2019. № 3 (35). С. 68 – 70.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 389 с.
4. Крысин Л.П. Языковая политика и язык межнационального общения. М.: Наука, 2005. 304 с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 224 с.
6. Почекцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 560 с.
7. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 155 p.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
9. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London: Longman, 2013. 398 p.
10. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 240 p.
11. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

References

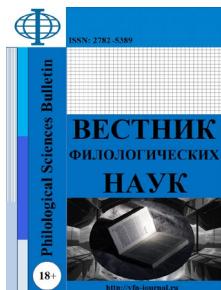
1. Bigunova N.A. Illocutionary functions of speech acts of positive evaluation (based on the English-language artistic discourse). Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2013. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illokutivnye-funksii-rechevyh-aktov-polozhitelnoy-otsenki-na-materiale-angloyazychnogo-hudozhestvennogo-diskursa> (date of access: 15.07.2025).
2. Garipova A.N. Features of slang in the English language. International Academic Bulletin. 2019. No. 3 (35). P. 68 – 70.
3. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 389 p.
4. Krysin L.P. Language Policy and the Language of Interethnic Communication. Moscow: Nauka, 2005. 304 p.
5. Paducheva E.V. Statement and Its Correlation with Reality. Moscow: Nauka, 1985. 224 p.
6. Pocheptsov G.G. Theory of Communication. Moscow: Refl-book, 2001. 560 p.
7. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 155 p.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
9. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London: Longman, 2013. 398 p.

10. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 240 p.
11. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

Информация об авторах

Симкалова А.А., Иркутский национальный исследовательский технический университет, [anna_aleks_english@mail.ru](mailto:mem,anna_aleks_english@mail.ru)

© Симкалова А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'373

¹Фидарова К.К., ²Глинчевский Э.И.,
²Епифанова М.П., ²Варламова Е.В.

¹Северо-Осетинская государственная медицинская академия

²Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

Идеологемы в ультраправом политическом интернет-дискурсе США: лингвистический анализ

Аннотация: в статье рассматриваются лингвистические особенности ультраправого политического интернет-дискурса в США. Объектом анализа выступают ключевые идеологемы – национализм, антиглобализм, традиционализм, антимигрантская риторика, антисемитизм и антивакцинные нарративы. Особое внимание уделено их выражению через эмоционально заряженную лексику, мемы, метафоры и риторические конструкции. На основе дискурсивного и контент-анализа исследуются платформенные условия, способствующие виральности радикальных идей. Также рассмотрены контрдискурсы, направленные на деконструкцию ультраправой риторики. Статья демонстрирует, как языковые стратегии усиливают поляризацию и предлагает направления для противодействия радикализации в цифровой среде.

Ключевые слова: ультраправый дискурс, идеологемы, интернет-дискурс, национализм, антиглобализм, традиционализм, антимигрантская риторика, лингвистический анализ, мемы, политическая поляризация, социальные сети, радикализация

Для цитирования: Фидарова К.К., Глинчевский Э.И., Епифанова М.П., Варламова Е.В. Идеологемы в ультраправом политическом интернет-дискурсе США: лингвистический анализ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 39 – 45.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹Fidarova K.K., ²Glinchevskiy E.I.,
²Epifanova M.P., ²Varlamova E.V.

¹North Ossetian State Medical Academy
²Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Ideologemes in the far-right political Internet discourse in the USA: a linguistic analysis

Abstract: the article examines the linguistic features of far-right political internet discourse in the United States. The focus is on key ideologemes – nationalism, anti-globalism, traditionalism, anti-immigrant rhetoric, antisemitism, and anti-vaccine narratives. Particular attention is paid to their expression through emotionally charged language, memes, metaphors, and rhetorical constructions. Using discourse and content analysis, the study explores the platform-specific conditions that contribute to the virality of radical ideas. It also analyzes counter-discourses aimed at deconstructing far-right rhetoric. The article demonstrates how linguistic strategies reinforce polarization and suggests approaches to counteract radicalization in the digital environment.

Keywords: far-right discourse, ideologemes, internet discourse, nationalism, anti-globalism, traditionalism, anti-immigrant rhetoric, linguistic analysis, memes, political polarization, social media, radicalization

For citation: Fidarova K.K., Glinchevskiy E.I., Epifanova M.P., Varlamova E.V. Ideologemes in the far-right political internet discourse in the USA: a linguistic analysis. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 39 – 45.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Современный политический дискурс в США характеризуется высокой степенью поляризации, где ультраправые идеологии находят отражение в интернет-пространстве, формируя особую риторическую среду. Идеологемы, как устойчивые концепты, выражающие ценности и убеждения определённых групп, играют ключевую роль в конструировании ультраправого интернет-дискурса, усиливая его эмоциональное и мобилизационное воздействие. Интернет, благодаря своей анонимности и виральности, стал платформой для распространения таких идей, где лингвистические средства, включая метафоры, гиперболы и мемы, усиливают идеологическую пропаганду. Актуальность исследования обусловлена ростом влияния ультраправых движений на общественное мнение и их способностью формировать политические нарративы через онлайн-коммуникацию.

Цель статьи – выявить и проанализировать основные идеологемы ультраправого интернет-дискурса в США с точки зрения их лингвистических особенностей. Задачи включают: определение ключевых идеологем, анализ лексических и синтаксических средств их выражения, а также оценку их социокультурного воздействия. Методология исследования опирается на дискурсивный анализ, предложенный Т. ван Дейком, и контент-анализ текстов, собранных с платформ, таких как X, Telegram и специализированные форумы. Особое внимание уделяется мемам как инструменту передачи идеологем, что соответствует современным тенденциям цифровой коммуникации. Исследование направлено на понимание того, как язык формирует идеологическую повестку ультраправых и влияет на политическую поляризацию в США.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на дискурсивный анализ, предложенный Т. ван Дейком, для изучения идеологем как когнитивных и лингвистических структур, формирующих ультраправый интернет-дискурс. Дополняет подход контент-анализ, позволяющий систематизировать текстовые и визуальные данные, включая мемы, для выявления их идеологического содержания.

Результаты и обсуждения

Идеологема представляет собой устойчивую единицу дискурса, выражающую ключевые ценности, убеждения или мифы социальной группы, служащую инструментом формирования коллективной идентичности. Ролан Барт рассматривал идеологемы как элементы мифологии, которые через язык и символы натурализуют социальные конструкции, представляя их как «естественные» истины [1]. Мишель Фуко акцентировал их роль в дискурсивных практиках, структурирующих власть и знание, подчёркивая, как идеологемы поддерживают доминирующие или контр-идеологии [2]. Теун ван Дейк определяет идеологемы как когнитивные и лингвистические структуры, организующие дискурс и манипулирующие общественным сознанием через язык [3]. Современные теории цифровой коммуникации дополняют эти подходы: сетевая риторика, предложенная Дугласом Эйманом, подчёркивает, как идеологемы распространяются через сетевые взаимодействия, усиливаясь алгоритмами и пользовательскими действиями (репосты, комментарии) [4]. В ультраправом дискурсе идеологемы, такие как национализм или антиглобализм, становятся вирусными благодаря сетевой динамике, формируя коллективные нарративы.

Ультраправый дискурс в США имеет глубокие исторические корни, уходящие в XIX век, и отражает эволюцию идеологий, связанных с расовым превосходством, антииммигантскими настроениями, изоляционизмом и традиционализмом. Современный интернет-дискурс наследует эти идеологемы, трансформируя их под влиянием цифровых технологий и социальных изменений. Исторический анализ позволяет выявить преемственность и адаптацию идей, формирующих ультраправые нарративы сегодня [5].

Ультраправые идеологии начали формироваться в США в XIX веке на фоне расовых и социальных конфликтов. Движение нативизма, направленное против иммигрантов (особенно ирландских и немецких католиков), воплотилось в деятельности партии «Знающих ничего» (Know-Nothing Party) в 1850-х годах, которая продвигала антииммигантскую риторику и националистические лозунги, такие как «Америка для американцев» [6]. Эти идеи перекликаются с современными антимигрантскими нарративами, например, постами на X типа «Мигранты заполняют наши города». После Гражданской войны (1861-1865) Ку-клукс-клан (основан в 1865) стал символом расового превосходства и традиционализма, используя рито-

рику защиты «белой Америки» от афроамериканцев и других меньшинств, что предвосхищает современные националистические идеологемы.

В начале XX века ультраправые идеи развивались в контексте изоляционизма и реакции на глобализацию. Движение за ограничение иммиграции привело к принятию Иммиграционного акта 1924 года, который ограничивал въезд из Восточной Европы и Азии, отражая ксенофобские и националистические настроения [7]. Антиглобалистские настроения проявлялись в противодействии международным организациям, таким как Лига Наций, что можно сравнить с современными нападками на ООН или ВОЗ в постах на Gab (например, «Вакцины – план элит»). В 1920-х годах возрождённый Ку-клукс-клан объединял антииммигантскую, антисемитскую и антикатолическую риторику, формируя прототип современных ультраправых нарративов.

Движение за гражданские права (1950-1960-е) вызвало новую волну ультраправой реакции. Белые супремасистские группы, такие как Арийские нации, и южные сепаратисты выступали против десегрегации, используя риторику традиционализма и защиты «южных ценностей», что находит отражение в современных мемах с флагами Конфедерации. Антиправительственные настроения, связанные с недоверием к федеральным властям, начали набирать силу в 1970-1980-х годах в рамках движений, таких как Попссе Комитатус, которые отвергали государственный контроль, предвосхищая современные теории «глубинного государства».

В 1990-х годах ультраправые идеи начали мигрировать в онлайн-пространство с появлением форумов, таких как Stormfront, где распространялись националистические и антисемитские нарративы. В 2010-х годах движение альт-райт (альтернативные правые) адаптировало традиционные ультраправые идеологемы для цифровой эпохи, используя мемы и сарказм для привлечения молодёжи. Альт-райт популяризовал нарратив «великой замены», который активно обсуждается на Telegram (например, «Мигранты – троянский конь Америки»). Интернет-платформы, такие как 4chan и 8kun, стали инкубаторами радикальных идей, усиливая их виральность через анонимность и сетевую риторику.

Современный ультраправой дискурс подпитывается экономическими кризисами (например, после 2008 года), глобализацией и культурными сдвигами, такими как рост мультикультурализма и ЛГБТ-движений, воспринимаемых как угрозы традиционным ценностям [8]. Недоверие к мейнстримным СМИ и политическим институтам усиливает популярность ультраправых нарративов, особенно среди маргинализированных групп. Платформы с низкой модерацией (Telegram, Gab, Parler) позволяют распространять радикальные идеи, такие как антивакцинныe теории или антисемитизм, которые уходят корнями в исторические предубеждения. Например, мем на Parler («Кто управляет СМИ? Пора открыть глаза») повторяет антисемитские стереотипы 1920-х годов.

Преемственность ультраправого дискурса проявляется в повторении мотивов: защита «национальной идентичности» (нативизм XIX века и современный национализм), антиэлитизм (изоляционизм и антиглобализм), страх перед «чужими» (антииммигантская риторика). Трансформация связана с цифровыми технологиями: мемы и виральный контент заменили печатные памфлеты, а алгоритмы платформ усиливают охват радикальных идей [9]. Исторические корни обогащают понимание современных идеологем, показывая их адаптацию к новым социальным и технологическим реалиям.

Интернет-дискурс обладает уникальными характеристиками, которые способствуют усилению ультраправых идеологем [10]. Анонимность, характерная для платформ, таких как X или анонимные форумы, позволяет пользователям выражать радикальные взгляды без социальных последствий, что снижает барьеры для агрессивной риторики. Виральность, обусловленная алгоритмами социальных сетей, способствует быстрому распространению идеологически заряженного контента, включая мемы, которые упрощают сложные идеи до эмоционально воздействующих образов. Поляризация, как черта интернет-дискурса, усиливается за счёт эхо-камер, где пользователи сталкиваются преимущественно с подтверждающими их взгляды материалами, что укрепляет радикальные убеждения. Эти особенности делают интернет-дискурс идеальной средой для распространения ультраправых идеологем, требуя тщательного лингвистического анализа их структуры и воздействия.

Сетевая риторика, по Эйману, исследует формирование дискурса через сетевые взаимодействия, включая пользовательский контент, алгоритмы и архитектуру платформ. В ультраправом дискурсе это проявляется в вирусном распространении мемов (например, «пепе-лягушка») через репосты и хэштеги, усиливающие эмоциональное воздействие. Концепция platform affordances, разработанная Bucher и Helmond, подчёркивает влияние дизайна платформ (например, алгоритмов X или анонимности 4chan) на структуру и охват дискурса. Слабая модерация на Gab и Parler способствует радикализации, тогда как

алгоритмы X продвигают эмоционально заряженный контент, укрепляя идеологемы. Эти подходы дополняют теории Барта, Фуко и ван Дейка, акцентируя цифровую природу современного дискурса.

Ультраправый интернет-дискурс в США активно развивается на платформах с минимальной модерацией: X, Telegram и анонимных форумах (4chan, 8kun). X распространяет идеи через посты и мемы, Telegram служит убежищем радикальных сообществ, обсуждающих антиправительственные теории и антимигрантскую риторику, а форумы формируют субкультуру с влиянием на широкую аудиторию.

Ключевые темы дискурса – национализм, антиглобализм, антимигрантские настроения и защита «традиционных ценностей». Теории «великой замены», критика «глубинного государства», феминизма и ЛГБТ-движений создают апокалиптические нарративы, призывающие к сопротивлению.

Лингвистически дискурс использует метафоры («нашествие» мигрантов), гиперболы («гибель цивилизации»), антитезу («мы против них») и ироничные мемы для эмоциональной мобилизации. Мемы упрощают идеологемы до легко запоминающихся символов.

Лексика насыщена эмоциональными терминами («нашествие», «враги»), пейоративами («глобалисты», «либералы») и антитезой «мы против них». Короткие, категоричные фразы («Америка для американцев!»), риторические вопросы («Кто защитит нашу культуру?»), повторы и аллюзии на исторические события (например, Гражданская война) усиливают воздействие и придают дискурсу псевдоисторическую легитимность.

Мемы и визуальные элементы – «Чед» против «Вайджака», флаги Конфедерации, пепе-лягушка – упрощают идеологемы и закрепляют чувство принадлежности. Инфографика с искажённой статистикой о миграции поддерживает антимигрантские нарративы, а виральность мемов обеспечивает быстрое распространение и укрепление влияния дискурса. Контрдискурсы, оспаривающие ультраправые идеологемы, формируются левыми и центристскими группами, использующими фактчекинг, рефрейминг, сатиру и моралистическую риторику. Они продвигают социальную справедливость, инклузивность, научный подход и глобальное сотрудничество, противостоя национализму, антиглобализму, традиционализму, антимигрантской риторике, антисемитизму и антивакцинным нарративам (таблица 1).

Примеры контрдискурсов против ультраправых идеологем.

Таблица 1

Table 1

Examples of counter-discourses against far-right ideologemes.

№	Платформа	Дата	Содержание	Описание	Контидео-логема	Оспариваемая идеологема
1	X	20 марта 2025	«Миграция – это сила, а не угроза. Разнообразие делает Америку великой!»	Позитивный рефрейминг, опровергающий «великую замену», подчёркивает инклузивность	Инклузивность	Антимигрантская риторика
2	Reddit	15 ноября 2024	«Национализм делит нас, сотрудничество – объединяет. Факты против мифов»	Фактчекинг и риторика единства деконструируют национализм	Глобальное сотрудничество	Национализм
3	TikTok	5 февраля 2025	Мем: карикатура на «пепе-лягушку», «Традиции? Равенство кручё!»	Сатира высмеивает ультраправую символику, продвигая инклузивность	Инклузивность	Традиционализм
4	X	10 декабря 2023	«Вакцины спасают жизни, наука не врёт. Проверяйте источники!»	Фактчекинг ссылается на науку, опровергая антивакцинные теории	Научный подход	Антивакциненный нарратив
5	Telegram	25 января 2024	«Антисемитизм – это ложь и ненависть, история учит нас быть лучше»	Моралистическая риторика осуждает антисемитизм, апеллируя к истории	Антидискриминация	Антисемитизм

Контрдискурсы эффективны на мейнстримных платформах благодаря широкому охвату, но ограничены эхо-камерами, редко достигая ультраправой аудитории.

Ультраправые идеологемы, такие как национализм, антиглобализм и антимигрантская риторика, усиливают политическую поляризацию в США, упрощая социальные проблемы и формируя бинарное восприятие («мы против них»). Нarrативы, подобные теории «великой замены», подогревают недоверие к институтам и радикализацию маргинализированных групп, поддерживая популистских кандидатов и движения, что проявляется в выборах и протестах.

Дискурс использует эмоционально заряженные посты, мемы, метафоры (например, «битва за нацию») и призывы к действию (например, «защити Америку») для мобилизации сторонников, превращая пассивных читателей в активных участников. Мемы, как компактные носители идеологем, вовлекают молодёжь, формируя субкультуру, где радикальные идеи становятся частью идентичности, легитимируя протесты или насилие.

Регулирование ультраправого контента осложнено анонимностью и децентрализацией платформ, таких как X и Telegram. Споры о цензуре отражают конфликт между свободой слова и борьбой с дезинформацией: ужесточение правил вытесняет группы на менее регулируемые платформы, такие как Gab или Parler. Алгоритмы соцсетей усиливают виральность эмоционального контента, невольно распространяя радикальные идеологемы. Решение требует баланса между свободой выражения и противодействием радикализации, что остаётся сложной задачей для законодателей и технологических компаний.

Несмотря на продуктивность лингвистического анализа в выявлении идеологем и дискурсивных стратегий, важно учитывать его ограничения.

Во-первых, существует риск переоценки роли мемов как самостоятельных носителей идеологии. Хотя меметизация упрощает и ускоряет распространение нарративов, она не всегда обеспечивает глубину усвоения или трансформацию политической позиции. В некоторых случаях мемы скорее служат маркетами принадлежности к субкультуре, чем средствами убеждения.

Во-вторых, лингвистический подход к радикализации сталкивается с трудностями количественной верификации.

Изменение лексики, использование гипербол или эмоциональной риторики не всегда свидетельствуют о реальной трансформации убеждений или готовности к радикальным действиям. Радикализация – многоуровневый процесс, зависящий от социальных, экономических и психологических факторов, которые не всегда отражаются напрямую в языке.

Кроме того, контент-анализ текстов без учёта визуального и алгоритмического контекста ограничивает полноту картины. Например, два идентичных высказывания могут иметь разное воздействие в зависимости от визуального оформления, сопровождения комментариями или размещения в определённой группе или канале. Следовательно, чисто лингвистический подход требует дополнения цифровыми методами анализа – включая трекинг распространения, анализ вовлечённости и машинное выявление паттернов.

Таким образом, дальнейшие исследования нуждаются в интеграции лингвистики с цифровой социологией, медиапсихологией и наукой о данных, что позволит получить более точное представление о динамике радикальных дискурсов в интернете.

Выводы

Ультраправый интернет-дискурс в США представляет собой сложный лингвистико-медийный феномен, в котором идеологемы трансформируются и адаптируются к цифровой среде. Основное значение в этом процессе приобретают не только используемые языковые средства, но и инфраструктурные особенности онлайн-платформ, которые способствуют радикализации за счёт алгоритмов, анонимности и эхо-камер.

Исследование показывает, что современный политический дискурс невозможно анализировать вне технического и визуального контекста.

Идеологемы функционируют как гибкие риторические конструкции, постоянно видоизменяющиеся в зависимости от медиасреды, аудитории и событийной повестки. При этом устойчивость ультраправых нарративов обеспечивается не только их агрессивностью, но и способностью быть встроенными в развлекательные форматы (мемы, юмор, визуальные шаблоны).

Контрдискурсы демонстрируют попытки преодоления этих нарративов, но их воздействие ограничено структурной изолированностью радикализированных групп.

Это поднимает вопрос о необходимости междисциплинарного подхода – с привлечением социолингвистики, цифровой антропологии и теории платформ – для комплексного понимания и сдерживания деструктивных форм коммуникации.

Будущие исследования могут быть направлены на анализ дискурсов в децентрализованных сетях, изучение алгоритмического следа радикального контента и сравнение национальных моделей ультраправой онлайн-коммуникации. Только такой подход позволит выработать эффективные стратегии медиаграмотности, платформенного регулирования и контркоммуникации.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 314 с.
2. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова, под общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника Центр, 1996. 208 с.
3. Артемьева П.П. Когнитивная теория прагматики Т.А. ван Дейка в ракурсе исследования поликодовых текстов // МНКО. 2023. № 4 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-pragmatiki-t-a-van-deyka-v-rakurse-issledovaniya-polikodovyh-tekstov>.
4. Эйман Д. Цифровая риторика: теория, метод, практика. Анн-Арбор: University of Michigan Press, 2015. 176 с.
5. Хлопов О.А. Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ultra-pravye-dvizheniya-v-ssha-proshloe-i-nastoyaschee>.
6. Прилуцкий В.В. Идеи нативизма в США в 1830-1850-е годы // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 347 – 361.
7. Гарусова Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. № 1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-immigratsionnoy-politiki-ssha-faktor-nelegalnoy-migratsii>.
8. Митрохина Т.Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-diskurs>.
9. Дейк ванн Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
10. Антонова Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-soobschestvo-v-sotsialnoy-seti-kak-sposob-rasprostraneniya-ekstremistskoy-ideologii-sredi-molodezhi>.

References

1. Barthes R. Mythologies. Trans. from French by S. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2004. 314 p.
2. Foucault M. Archeology of knowledge. Trans. from French by S. Mitin, D. Stasov, edited by B. Levchenko. Kiev: Nika Center, 1996. 208 p.
3. Artemyeva P.P. Cognitive theory of pragmatics by T.A. van Dijk in the context of studying polycode texts. MNKO. 2023. No. 4 (101). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-pragmatiki-t-a-van-deyka-v-rakuse-issledovaniya-polikodovyh-tekstov](https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-pragmatiki-t-a-van-deyka-v-rakurse-issledovaniya-polikodovyh-tekstov).
4. Eyman D. Digital Rhetoric: Theory, Method, Practice. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. 176 p.
5. Khlopov O.A. Ultra-right movements in the USA: past and present. Colloquium-journal. 2019. No. 5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ultra-pravye-dvizheniya-v-ssha-proshloe-i-nastoyaschee>.
6. Prilutsky V.V. Nativist ideas in the USA in the 1830-1850s. Dialogue with Time. 2012. Iss. 39. P. 347 – 361.
7. Garusova L.N. Evolution of US immigration policy: the factor of illegal migration. Russia and the Asia-Pacific region. 2020. No. 1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-immigratsionnoy-politiki-ssha-faktor-nelegalnoy-migratsii>.
8. Mitrokhina T.N. Crisis Discourse. Discourse-Pi. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-diskurs>.
9. Dijk vann T.A. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: Book House "LIBROKOM", 2013. 344 p.
10. Antonova Yu.A. Virtual Community in a Social Network as a Way of Spreading Extremist Ideology Among Young People. Political Linguistics. 2012. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-soobschestvo-v-sotsialnoy-seti-kak-sposob-rasprostraneniya-ekstremistskoy-ideologii-sredi-molodezhi>.

Информация об авторах

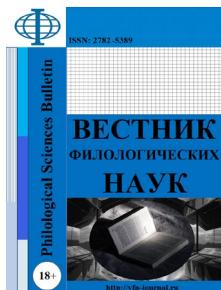
Фидарова К.К., кандидат исторических наук, доцент, кафедра общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия», г. Владикавказ, karina-fidarova@mail.ru

Глинчевский Э.И., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», г. Астрахань, [ned81@yandex.ru](mailto ned81@yandex.ru)

Епифанова М.П., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», г. Астрахань, [maria166@yandex.ru](mailto maria166@yandex.ru)

Варламова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», г. Астрахань, [varlamow@rambler.ru](mailto varlamow@rambler.ru)

© Фидарова К.К., Глинчевский Э.И., Епифанова М.П., Варламова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-119

¹ У Хань, ¹ Ван Цзятао

¹ Московский государственный лингвистический университет

Эволюция концепта «черный цвет» в китайской лингвокультуре

Аннотация: настоящее исследование посвящено эволюции концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре. Символика цвета играет важную роль в китайской картине мира, отражая влияние философских учений, ритуальных практик и культурных традиций. Целью работы является выявление языковых презентаций ключевых признаков концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ и их динамики в историческом и культурном контексте. Материалом послужили китайские исторические источники, устойчивые выражения, корпусные данные и лексикографические материалы. В результате анализа выявлены две группы признаков: утратившие актуальность и активно функционирующие в современном китайском языке. Последние, в свою очередь, подразделяются на элементы с древними культурными корнями и новейшие значения, сформировавшиеся под влиянием межкультурной коммуникации. Исследование демонстрирует, что семантическое поле черного цвета в китайской лингвокультуре формируется под воздействием религиозных, философских, политических и социокультурных факторов, отражая сложную и многоуровневую структуру национального концептуального сознания.

Ключевые слова: эволюция концепта, черный цвет, китайская лингвокультура, лингвокультурология, символика цвета, концептуальный анализ

Для цитирования: У Хань, Ван Цзято. Эволюция концепта «черный цвет» в китайской лингвокультуре // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 46 – 52.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Wu Han, ¹ Wang Jiatao

¹ Moscow State Linguistic University

Evolution of the concept of «the black colour» in Chinese linguoculture

Abstract: this study explores the evolution of the concept of the COLOUR BLACK in Chinese linguoculture. Colour symbolism plays a significant role in the Chinese worldview, reflecting the influence of philosophical doctrines, ritual practices, and cultural traditions. The aim of the research is to identify the linguistic representations of the key features of the concept of the COLOUR BLACK and to trace their dynamics in historical and cultural contexts. The material used includes Chinese historical sources, fixed expressions, corpus data, and lexicographic materials. The analysis revealed two groups of features: those that have lost their relevance and those that remain actively used in modern Chinese. The latter group is further divided into elements rooted in ancient cultural traditions and newly formed meanings that have emerged under the influence of intercultural communication. The study demonstrates that the semantic field of the colour black in Chinese linguoculture is shaped by religious, philosophical, political, and sociocultural factors, reflecting a complex and multi-layered structure of national conceptual consciousness.

Keywords: concept evolution, the colour black, Chinese linguoculture, linguoculturology, colour symbolism, conceptual analysis

For citation: Wu Han, Wang Jiatao. Evolution of the concept of «the black colour» in Chinese linguoculture. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 46 – 52.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Изучение языковых концептов, отражающих специфические элементы национальной ментальности, является одним из ключевых направлений современной лингвокультурологии. Эта дисциплина рассматривает язык как форму проявления и трансляции культурных смыслов, связанных с коллективным опытом народа [1]. Особое место в лингвокультурологическом анализе занимают цветовые концепты, поскольку символика цвета тесно переплетается с философскими, религиозными и повседневными представлениями.

Фундамент теории концепта был заложен в трудах С.А. Аскольдова, определившего его как мысленную единицу, обобщающую множество конкретных предметов и явлений [2]. В последующем концепт стал центральным понятием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, получив дальнейшее развитие в работах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышина и других исследователей [3-6]. Согласно Степанову, структура концепта включает активный, пассивный и этимологический уровни, отражающие как универсальные, так и этнокультурно маркированные смыслы [3].

Китайская лингвокультура традиционно придаёт особое значение цвету как категории познания и классификации мира. Система пяти основных цветов, сформировавшаяся на базе представлений о стихиях и сторонах света, составляет основу китайской цвето-картины мира. В классических источниках, таких как «Чжоу ли» (周礼), черный цвет соотносится с севером, небом и элементом воды, что придаёт ему статус сакрального и нормативного начала. Однако в исторической перспективе концепт ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ подвергался значительной трансформации, приобретая противоречивые семантические нагрузки – от власти и благородства до зла, смерти, стыда и маргинальности [7-9].

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью темы в рамках лингвокультурной концептологии в сопоставительном и диахроническом ключе. Несмотря на то, что символика черного цвета активно исследуется в контексте китайской философии, искусства и религии, лингвистические аспекты его презентации и эволюции в национальном сознании остаются фрагментарными. Научная новизна настоящей работы заключается в комплексном анализе концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ на материале корпуса китайского языка, включающем как исторические источники, так и современные дискурсивные практики. Впервые проводится классификация признаков концепта по временным и семантическим параметрам с учётом влияния межкультурной коммуникации и глобальных культурных трансформаций. Цель исследования – выявить языковые презентации и динамику развития признаков концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре, а также определить культурные, религиозные, политические и философские факторы, влияющие на их формирование.

Материалы и методы исследований

Материалом настоящего исследования послужили разнообразные источники, отражающие функционирование концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре: фразеологизмы и устойчивые выражения, цитаты из классических текстов, художественная и публицистическая литература, медиадискурс, а также лексикографические и корпусные данные. В качестве основных языковых репрезентантов концепта были отобраны лексемы 黑 (hēi), 黑色 (hēisè), 乌 (wū), 玄 (xuán) и 墨 (mò), наиболее часто встречающиеся в современных и исторических источниках [10].

Корпусной материал извлекался из цифрового корпуса китайского языка, разработанного Пекинским университетом языка и культуры [11]. Всего было отобрано более 8000 языковых единиц, содержащих целевые лексемы в разнообразных коммуникативных регистрах. Также использовались данные из современного китайского толкового словаря (《现代汉语词典》) и примеры из СМИ, отражающие актуальное употребление исследуемых концептов.

Методологическая база исследования опирается на лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный подходы, сочетаемые с элементами сравнительно-исторического анализа. Ключевым аналитическим инструментом выступает метод сплошной выборки с последующим контекстуальным и интерпретационно-семантическим анализом. Структура исследования предусматривает сопоставление при-

знаков концепта, зафиксированных в различных эпохах, с акцентом на их эволюцию, культурную маркированность и степень закрепления в коллективном языковом сознании.

Результаты и обсуждения

Одним из ключевых направлений лингвокультурологического анализа концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ является рассмотрение его исторических признаков, зафиксированных в различных этапах развития китайской цивилизации. Эти признаки отражают тесную связь между символикой цвета и социальными, философскими, космогоническими и политическими установками, характерными для конкретных эпох.

1) Отражение социального статуса.

На ранних этапах развития китайского общества черный цвет ассоциировался с высокой степенью почетия. В эпоху династий Ся (ок. 2070-1600 гг. до н.э.) и Чжоу (1046-256 гг. до н.э.) он использовался в церемониальных контекстах, отражая принадлежность к власти. Например, в текстах описываются одежды правителя, украшенные черным нефритом, а также повозки и штандарты черного цвета, сопровождающие монарха. Однако в последующий период (династии Вэй, Цзинь, Южные и Северные династии, IV-VI вв. н.э.) произошло смещение семантики: черный цвет стал обозначать низкий социальный статус. Во времена династий Суй и Тан его начали предписывать мясникам, торговцам и другим представителям «низших» слоев населения [8], что указывает на изменение концептуального статуса цвета под влиянием политico-социальной иерархии.

2) Связь с конфуцианским учением о Середине.

С философской точки зрения, черный цвет в китайской традиции интерпретируется как нейтральный и уравновешенный, обладающий способностью к гармонизации других цветовых начал. Эта характеристика делает егоозвучным конфуцианскому принципу 中庸 (чжун юн) – идею меры, умеренности и внутреннего равновесия. Черный цвет в данном контексте выступает не просто как физический или визуальный феномен, но как носитель этико-эстетической категории, воплощающей концепт гармонии и беспристрастности [9].

3) Космогоническая символика: Небо и Земля.

В классическом тексте 《易经》 (И цзин) закреплена бинарная оппозиция 天玄地黄 («небо – черное, земля – желтая»), отражающая дуалистическую модель устройства мира, характерную для китайской традиционной мысли. Черный цвет, ассоциирующийся с Небом, символизирует начало, трансцендентность и универсальный порядок. Его включение в систему пяти элементов (у син) придает ему онтологическую значимость, выводя за пределы простой цветовой категории и превращая в структурный элемент культурного миропонимания.

4) Политическая коннотация в контексте Культурной революции.

В XX веке концепт черного цвета получил новое, политически маркированное значение. Во времена Культурной революции (1966-1976 гг.) он противопоставлялся «революционному» красному и стал символом классового врага. В политической риторике того времени черный цвет маркировал так называемые 黑五类 – представителей социальной группы, признанной контрреволюционной: помещиков, кулаков, правых, уголовников и других «вредных элементов». Это значение демонстрирует, как под воздействием идеологического дискурса концепт может подвергаться резкой переоценке и приобретать ярко выраженную негативную оценочную нагрузку.

На протяжении столетий концепт ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ сохранял устойчивое присутствие в китайской лингвокультуре. Многие признаки, сформировавшиеся в древности, продолжают активно функционировать в современном языке и сознании носителей. Они представлены как в прямых денотативных значениях, так и в символических, оценочных и метафорических интерпретациях. Часть из них имеет философско-религиозные основания, другая восходит к общественно-политическому опыту, а третья сформировалась в результате переосмыслиния цвета в обыденной речи и повседневной коммуникации.

Систематизация актуальных признаков концепта позволяет выявить основные семантические кластеры и их дискурсивную реализацию. В таблице ниже представлены основные лингвокультурные признаки черного цвета, актуальные в современном китайском языке, с указанием их смыслового содержания и прагматической функции.

Как показывает представленная классификация, актуальные признаки концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ охватывают широкий спектр значений – от нейтрально-описательных до резко оценочных. Они сгруппированы по некоторым основным семантическим направлениям: базовая цветовая идентификация, философско-религиозная символика, социальные и политические коннотации, повседневно-бытовые ассоциации, а также эмоционально-психологическая маркировка.

Актуальные признаки концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре.

Таблица 1

Table 1

Current features of the concept BLACK COLOR in Chinese linguistic culture.

Категория	Признак	Краткое описание
Основные культурные значения	Один из основных пяти цветов	Базовое, нейтральное значение в традиционном цветовом круге (五色)
Философско-религиозные концепты	Антитеза черного и белого	Принцип инь и ян, дуализм добра и зла, неба и земли
Философско-религиозные концепты	Диалектическое мышление	Даосский принцип: «знать белое, хранить черное»
Негативные ассоциации	Позор, бесчестье	抹黑 – метафора клеймения преступника и очернения репутации
Негативные ассоциации	Незаконное	黑车, 黑户 – нелегальность и отсутствие регистрации
Негативные ассоциации	Скрытое, тайное	黑话 – тайный язык, сленг в интернете
Негативные ассоциации	Зло	Буддийское понятие 黑业 – черная карма, злые поступки
Положительные коннотации	Честность чиновника	包黑子 – ассоциация с справедливым судьей Бао Гуном
Негативные ассоциации	Коррупция	黑幕, 黑哨 – тьма, несправедливость, нечестный суд
Негативные ассоциации	Несправедливое наказание	背黑锅 – нести наказание за чужие преступки
Социально-исторические образы	Цвет чиновничьей одежды	乌纱帽 – черная шапка как символ власти
Социально-бытовые образы	Образ смуглой кожи	Связь с деревенским трудом и разное восприятие
Суеверия и фразеология	Символ несчастья	印堂发黑 – черная переносица как плохое предзнаменование
Кулинарные и медицинские значения	Черная пища – полезная пища	Черный кунжут, бобы, рис – ценятся в медицине
Эмоциональные состояния	Гнев, раздражение	黑脸, 脸黑 – лицо покривело от злости

Особый интерес представляет тот факт, что в рамках одной культурной традиции черный цвет может одновременно символизировать как абсолютное зло (черная карма, коррупция, предательство), так и абсолютную честность (образ судьи Бао Чжэня), как официальный статус (чиновничья шапка), так и социальное унижение (смуглая кожа, нелегальность). Это свидетельствует о высокой семантической полифонии концепта, его способности к многослойному символическому функционированию.

Таким образом, черный цвет в китайской лингвокультуре функционирует как динамическая концептуальная единица, репрезентирующая одновременно традиционные культурные смыслы и адаптированная к реалиям современного социокультурного пространства. При этом многие значения претерпели трансформацию в результате взаимодействия с другими культурами, что будет рассмотрено в следующем разделе, посвящённом межкультурным влияниям на развитие концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ.

В процессе глобализации и интенсификации межкультурных контактов в китайской лингвокультуре появляются новые признаки концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ, отражающие как внешние культурные заимствования, так и внутреннюю трансформацию традиционных представлений. Один из ярких примеров – смешение значения траура с традиционного белого цвета на черный, что наблюдается под влиянием европейской культуры. Если раньше китайское выражение 披麻戴孝 (букв. «надевать холст и белую повязку») несло в себе сакральную и символическую связь с трауром, то сегодня на похоронах все чаще ис-

пользуется черная или темно-серая одежда, как, например, в романе «废都» Цзя Пинва: «将黑纱、布料一类祭物挂在上边…院落里多少有了办丧的气氛», что демонстрирует визуальное внедрение западных традиций.

Еще одно значение, сформировавшееся под влиянием западного мира, – это восприятие черного цвета как символа торжественности и официальности. В китайских СМИ появилось множество описаний, в которых подчеркивается уместность черной одежды в политических и дипломатических контекстах, например: «着一身合体黑色西装…希拉里灿烂地笑着», что иллюстрирует интериоризацию нормы «black tie» как универсального кода деловой этики. Кроме того, такие устойчивые выражения, как 黑卡 (досл. «черная карта»), прочно вошли в повседневную лексику, обозначая высокий статус, роскошь и эксклюзивные привилегии, демонстрируя, как финансово-комерческие реалии западного мира находят языковое воплощение в китайской культуре.

Интересной формой семантической адаптации стало использование выражения 黑马 (досл. «черная лошадь»), заимствованного из английского языка и изначально обозначавшего неожиданного победителя скачек. В китайской языковой практике это понятие активно распространяется на политику, бизнес и спорт, обозначая участника, достигшего успеха вопреки ожиданиям. В то же время современные медиа и молодежная интернет-культура предлагают новое, ироничное прочтение концепта, как, например, в выражении 黑暗料理 (букв. «темная кухня»), популярном в интернет-среде. Оно описывает блюда сомнительного внешнего вида или вкуса и нередко сопровождается юмористической окраской, как в случаях еды из уличных палаток или экспериментов начинающих кулинаров.

Таким образом, современные признаки концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре становятся зеркалом глобальных и культурных сдвигов, демонстрируя трансформацию семантики под влиянием межкультурной коммуникации и одновременно сохраняя уникальную китайскую специфику в их интерпретации.

Концепт ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре представляет собой динамичную систему, семантическое содержание которой изменялось и расширялось в течение веков под воздействием различных факторов. Если первоначально черный цвет обладал преимущественно денотативной функцией, то в процессе историко-культурного развития он приобрел множество переносных и символических значений. Современная картина значений концепта обусловлена совокупным влиянием следующих ключевых факторов:

Во-первых, значительная часть значений черного цвета возникает естественным путем. Как базовый цвет природы и символ ночи, черный с древности был тесно связан с жизнью человека. Первые упоминания черного цвета зафиксированы в иероглифических надписях на гадательных костях и панцирях черепах, где он обозначал либо цвет шерсти жертвенного скота, либо состояние отсутствия света – 昼盲, противопоставленное понятию 启 (свет) [12]. С точки зрения современной семантики, значения черного цвета условно делятся на две группы: 1) описательные, связанные с цветом объектов; 2) метафорические, отражающие негативные или таинственные аспекты. Как отмечает Ли Янь, изменения в концепте ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ обусловлены действием метонимии и метафоры, поскольку человек ассоциативно связывает цвет с предметами соответствующего окраса (например, «ночь» – «черный») или же использует цвет для выражения абстрактных понятий [13]. Например, выражение 黑社会 (черное общество) является результатом такой когнитивной переработки.

Во-вторых, на развитие концепта повлияли философские и религиозные учения, укоренившиеся в традиционном китайском мировоззрении. Конфуцианство, даосизм и другие школы мысли сформировали устойчивую символику инь и ян, пяти стихий, в рамках которых черный цвет получил особые интерпретации и функции, закрепленные в языке.

В-третьих, политический контекст также сыграл свою роль. Например, в эпоху династии Цинь правящая элита придавала особое значение черному цвету, связывая его с водной стихией, согласно теории 五德终始说 (о круговороте пяти добродетелей). Это стало символическим обоснованием легитимности власти, и черный цвет ассоциировался с авторитетом. Однако уже к династии Тан предпочтение сменилось на желтый как императорский цвет.

В-четвертых, культурные факторы – литература, живопись, каллиграфия, медицина, опера и другие формы национального творчества – оказали влияние на осмысление черного цвета. Через эти сферы закодированы как традиционные, так и современные культурные смыслы, закрепляющие за черным цветом особую роль в повседневной и ритуальной практике китайцев.

Наконец, в-пятых, развитие межкультурной коммуникации в XX-XXI веках обусловило появление новых значений, заимствованных из других культурных традиций. Влияние западного мира отразилось, например, в ассоциации черного цвета с трауром, статусом, официальностью и даже гастрономической иронией (выражения типа 黑卡, 黑马, 黑暗料理 и др.). Эти значения активно функционируют в китайской языковой картине мира, демонстрируя открытость и адаптивность китайской лингвокультуры к глобальным культурным влияниям.

Выводы

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть эволюцию концепта ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ в китайской лингвокультуре, выявив его многослойную и динамичную семантическую структуру. Концепт представлен как совокупность признаков, сформировавшихся в различные исторические периоды под влиянием религиозных, философских, политических, культурных и межкультурных факторов.

В ходе анализа были выделены три ключевые группы признаков:

1. Исторически утраченные признаки, актуальные преимущественно для научной реконструкции и представленные в древнекитайских текстах.

2. Современные признаки с традиционными корнями, продолжающие функционировать в лингвокультурном сознании носителей и реализующиеся в устойчивых выражениях, фразеологизмах и медийном дискурсе.

3. Современные признаки, заимствованные в процессе межкультурной коммуникации, отражающие процессы глобализации, расширения контактов с западной культурой и адаптацию новых значений в китайский языковой контексте.

Таким образом, концепт ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ демонстрирует не только внутреннюю семантическую сложность, но и высокую степень адаптивности к изменениям культурной и коммуникативной среды. Его эволюция наглядно иллюстрирует механизм взаимодействия языка, культуры и мышления в рамках китайской лингвокультуры. Результаты работы подтверждают, что цветовая семантика является важным элементом концептуального пространства языка и требует дальнейшего изучения в сопоставительном и динамическом аспектах.

Список источников

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
2. Аскольдов-Алексеев С.А. Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 317 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
5. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
6. Слышик Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
7. Вэй Вэньло. Диалектическая эстетика «знать белое и сохранять черное» в китайском искусстве // Зрелище искусства. 2023. № 7. С. 133 – 135.
8. Цзян Бинь. Исследование одежды купцов в период династии Тан – анализ с точки зрения государственной политики // Западный журнал. 2023. № 5. С. 121 – 124.
9. Лю Синьюань. О художественном очаровании черного цвета в китайской традиционной культуре // Западная кожа. 2016. № 16. С. 1.
10. Современный китайский словарь. Пекин: коммерческое издательство, 2016. 1799 с.
11. Корпус Пекинского университета языка и культуры. 2016. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/>.
12. Лю Цзюнцзюн. Словарь костяных надписей оракула: толкование и исправление: дис. ... магистра филол. наук: 5.9.8. Далянь, 2013. 102 с.
13. Ли Янь. Когнитивное исследование основных цветовых слов в китайском языке // Вестник Юньнаньского педагогического университета. 2004. № 2. С. 64 – 67.

References

1. Humboldt W. von. Language and Philosophy of Culture. Moscow: Progress, 1985. 448 p.
2. Askoldov-Alekseev S.A. Russian Literature: From Theory to Text Structure: Anthology. Edited by V.P. Neroznak. Moscow: Academia, 1997. 317 p.
3. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture: 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow: Academicchesky proekt, 2004. 992 p.

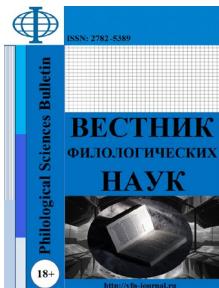
4. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 476 p.
5. Vorkachev S.G. Happiness as a Linguocultural Concept. M.: Gnosis, 2004. 192 p.
6. Slyshkin G.G. Lingvocultural concepts and metaconcepts. Volgograd: Peremena, 2004. 340 p.
7. Wei Wenluo. Dialectical aesthetics of “knowing white and keeping black” in Chinese art. The Spectacle of Art. 2023. No. 7. P. 133 – 135.
8. Jiang Bin. A study of merchants’ clothing during the Tang Dynasty – an analysis from the point of view of state policy. Western Journal. 2023. No. 5. P. 121 – 124.
9. Liu Xinyuan. On the artistic charm of black in Chinese traditional culture. Western leather. 2016. No. 16. 1 p.
10. Modern Chinese dictionary. Beijing: Commercial Publishing House, 2016. 1799 p.
11. Beijing Language and Culture University Corpus. 2016. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/>.
12. Liu Junjun. Dictionary of Oracle Bone Inscriptions: Interpretation and Correction: dis. ... Master of Philosophical Sciences: 5.9.8. Dalian, 2013. 102 p.
13. Li Yan. Cognitive Study of Basic Color Words in Chinese. Bulletin of Yunnan Normal University. 2004. No. 2. P. 64 – 67.

Информация об авторах

У Хань, Московский государственный лингвистический университет, wh.han@yandex.ru

Ван Цзятао, Московский государственный лингвистический университет, wangjiatao@yandex.ru

© У Хань, Ван Цзятао, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.112.2.0

¹ Чёрный А.В.

¹ Институт мировой литературы имени
А.М. Горького Российской академии наук

Георг Гейм в переводах киевских неоклассиков: к истории ранней рецепции экспрессионизма в СССР

Аннотация: в статье рассматривается публикация произведений немецкого поэта и прозаика Георга Гейма, (Georg Heym, 1887-1912), осуществленная на украинском языке в 1925 году в киевском издательстве «Слово», инициаторами которой стали трое писателей, принадлежавших к группе «неоклассиков»: В.П. Петров (1894-1969), М.Ф. Рыльский (1895-1964) и О.Ф. Бургардт (1891-1947). В своих переводах Бургардт, Петров и Рыльский пытались развить мелодические возможности украинского языка при передаче антиэстетичного стиля Гейма, видя в нем продолжателя французских символистов. Материалом для исследования послужила публикация книги Г. Гейма и иные публикации лиц, участвовавших в ее подготовке; литературно-критические материалы об экспрессионизме из русской и украинской периодики исследуемого периода; историко-библиографические исследования книжной индустрии УССР 1920-х гг. Использовались сравнительно-исторический и сопоставительно-стилистический методы. Книга рассмотрена в контексте издательского дела и цензурных ограничений эпохи. Издание является интересной страницей истории рецепции авангардного искусства в СССР, до настоящего времени не было учтенной и не описанной в научной литературе.

Ключевые слова: Георг Гейм, экспрессионизм, неоклассики, перевод, рецепция

Для цитирования: Чёрный А.В. Георг Гейм в переводах киевских неоклассиков: к истории ранней рецепции экспрессионизма в СССР // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 53 – 58.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Chyorny A.V.

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Georg Heym in the translations of Kyiv neoclassicists: on the history of early reception of expressionism in the USSR

Abstract: this article examines the publication of works by the German poet and prose writer Georg Heym (1887-1912), which was carried out in the Ukrainian language in 1925 by the Kyiv publishing house "Slovo". The initiative was undertaken by three writers belonging to the group of "Neoclassicists": V.P. Petrov (1894-1969), M.F. Rylsky (1895-1964), and O.F. Burghardt (1891-1947). In their translations, Burghardt, Petrov, and Rylsky attempted to develop the melodic possibilities of the Ukrainian language while conveying Heym's anti-aesthetic style, seeing in him a continuation of the French Symbolists. The material for the study included the publication of G. Heym's book and other publications by individuals involved in its preparation; literary-critical materials on Expressionism from Russian and Ukrainian periodicals of the period under investigation; and historical-bibliographic studies of the book industry in the Ukrainian SSR during the 1920s. Comparative-historical and

comparative-stylistic methods were used. The book is examined in the context of the publishing industry and the censorship restrictions of the era. This publication represents an interesting chapter in the history of the reception of avant-garde art in the USSR and has not been accounted for or described in scholarly literature until now.

Keywords: Georg Heym, expressionism, neoclassicists, translation, reception

For citation: Chyorny A.V. Georg Heym in the translations of Kyiv neoclassicists: on the history of early reception of expressionism in the USSR. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 53 – 58.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

История ранней рецепции немецкого экспрессионизма в Советском Союзе кажется довольно хорошо проработанной темой: в отечественной научной литературе установлены и описаны основные публикации переводов из немецких авторов этого направления в 1920-е гг. [10], прослежены стилистические параллели между ними и одноименным движением русских экспрессионистов [15], русская рецепция творчества Г. Гейма рассматривалась автором этой статьи в отдельной работе [17]. Тем не менее, эти наработки ограничены рамками русских переводов и деятельностью издателей, работавших в РСФСР. Переводческие и издательские проекты на языках других народов советского государства по сей день остаются как бы за скобками, хотя, как показывает наше предварительное исследование, они могли быть не менее интересными и даже более первоходческими.

Своей задачей мы видим описать и систематизировать вновь выявленные данные о первой в СССР отдельной книжной публикации произведений немецкого поэта и прозаика Георга Гейма (Georg Heym, 1887-1912), осуществленной на украинском языке в 1925 году в киевском издательстве «Слово» – сборнике рассказов «Новели» («Новеллы») [2]. Работа культурных центров союзных республик проходила в то время, во многом, параллельно и изолированно от Москвы, испытывая влияние не только общесоюзных тенденций идеологизации и централизации книжной индустрии, но и местных специфический условий «национального строительства». В украинских реалиях в эти годы развернулось противостояние разных концепций видения будущего республиканской культуры: условно «европеизированного» движения, нашедшего воплощение в публикациях школы «неоклассиков», и лево-марксистского государственнического течения, получившего поддержку партийных инстанций и, в конечном итоге, одержавшего кровавую победу над оппонентами в ходе кампании по борьбе с «буржуазным национализмом».

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила публикация книги Г. Гейма и иные публикации лиц, участвовавших в ее подготовке; литературно-критические материалы об экспрессионизме из русской и украинской периодики исследуемого периода; историко-библиографические исследования книжной индустрии УССР 1920-х гг. Использовались сравнительно-исторический и сопоставительно-стилистический методы.

Результаты и обсуждения

Имя Георга Гейма впервые появилось на страницах отечественной периодики ещё до революции: в 1912-1913 гг. мюнхенский корреспондент журнала «Русское слово» Александр Элиасберг (1878-1924) поместил в свои годовые обзоры текущей немецкой литературы несколько критических заметок о нём, первая из которых была написана ещё до трагической гибели поэта в январе 1912 г. [18, с. 31]. В «Русской мысли» стараниями Элиасбера состоялась и первая публикация произведений Гейма – стихотворение «Месса» («Die Messe»), помещенное в оригинал [19, с. 12]. Переводить Гейма на русский начали после революции: первыми вышли переводы Бориса Лапина (1905-1941) в сборнике русских экспрессионистов «Московский Парнас» (1922) [13, с. 58] и Владимира Нейштадта (1898-1959) в его авторской антологии поэзии экспрессионистов «Чужая лира» (1923) [14, с. 51-58]. Это было время, когда экспрессионизм ещё приветствовался советской культурной элитой как некое немецкое воплощение духа революционных преобразований. Исследователь М. Коренева отмечала, что «все, что попадало из современной Германии в Россию 1920-х гг., нередко атрибутировалось если не как революционное, то как молодое и новое, и, следовательно, экспрессионистское» [10, с. 320].

На Украине в период провозглашения УНР (1917-1920), при гетмане, Петлюре и немецкой администрации культурная ситуация была, конечно, совершенно иная. Это было время начала дерусификации республики (подчас проходившей насилиственными методами), которая продолжилась и после прихода к власти большевиков и образования УССР. Ученый секретарь Книжной палаты Украины О. Васковская в своем

исследовании писала: «Характерной особенностью на Украине 20-х гг. ХХ в. стала политика украинизации, бывшая изначальным фактором культурно-политических процессов в стране» [1, с. 38]. Нужно отметить, что местная интеллигентская элита понимала задачи этих процессов по-разному. Ядро движения еще с дореволюционных времен составляли радикальные националисты-народники, пропагандировавшие сельскую народную культуру и произведения украинских классиков. Однако в начале ХХ в. начали появляться и молодые авторы, настаивавшие на необходимости европеизации малороссийской словесности. Пик их деятельности пришелся как раз на время гражданской войны и 1920-е годы.

Инициаторами издания и переводчиками книги новелл Георга Гейма стали трое писателей, принадлежавших к набиравшей в то время популярность группе «неоклассиков» (Сами они писали свое название как «неоклясіки» [9], в настоящее время в украинском литературоведении принят термин «неоклассики» [8]): Виктор Платонович Петров (1894-1969, также публиковался как «В. Домонтович» и «Виктор Бэр»), Максим Фадеевич Рыльский (1895-1964) и Освальд Фридрихович Бургардт (1891-1947, позднее в эмиграции печатался под псевдонимом «Юрий Клён»). Своей задачей они видели попытку привить украинский дичок к общемировому древу культуры. Получив серьезное образование еще в царских учебных заведениях, неоклассики активно переводили с античных и новых европейских языков, разрабатывая в своем оригинальном творчестве богатый формальный репертуар высокой поэзии, используя строгие традиционные формы, насыщая свои произведения отсылками к памятникам словесности. О. Бургардт (Ю. Клён) вспоминал двадцать лет спустя: «Неоклассики учились у поэтов, чьи произведения давно были признаны классическими, особенно у парнасцев» [9, с. 23]. Их своеобразное кредо, часто цитируемое в посвященных им материалах, выразил Николай Зеров (1890-1937) в стихотворении «Молодая Украина» (1921):

Прекрасна плястика і контур строгий,
добірний стиль, залізна колія –
оце твоя, Україно, дорога:
Леконт де Ліль, Хозе Ередія,
парнаських гір незахідне сузір'я
зведуть тебе на справжнє верхогір'я.

Известно, что неоклассики были осведомлены о новых течениях в искусстве, однако авангард был им чужд. Еще в 1922 г. один из членов их творческой группы, Майк Йогансен (1895-1937) опубликовал ряд статей, в которых критически высказывался о панфутуизме [5] и немецком экспрессионизме [6]. В последнем случае, М. Йогансеном были упомянуты только Франц Рихард Беренс (Franz Richard Behrens, 1895-1977), Иван Голль (Yvan Goll, 1891-1950) и Вилли Кноблох (Willi Knobloch, 1898-1927), а сама оценка, по-видимому, была основана на чтении одного из номеров авангардного журнала «Der Sturm».

Думается, обращение неоклассиков к Георгу Гейму объясняется, во многом, тем, что они приняли его за чистого последователя французских «проклятых» поэтов, за мрачного немецкого парнасца. Это, в принципе, не так уж далеко от истины, поскольку влияние великих французов в творчестве Гейма очевидно, да и сам немецкий автор, погибший в начале 1912 г., не успел узнать, что является именно экспрессионистом и был причислен к этому движению своими единомышленниками лишь посмертно. В предисловии, написанном О. Бургардтом, автор представлен публике так: «Огромная черная фигура, идущая и закрывающая собою горизонты. Всё тонет в ее тени. Нога ступает по трупам. Жутко-удивительные запахи смерти веют в тиши томной тропической ночи, где месяц словно большой череп; он катится куда-то в кровавую вечернюю зарю, что догорает над охваченным отравленными испарениями болотом. Человек, которому близки кошмары и ужасы, которыми залюбовались бы Бодлер и Рембо, играющий свои мелодии на скелетах» [2, с. 7].

По всей видимости, в распоряжении переводчиков имелись не только рассказы, но и стихотворения Гейма. Бургардт во вступительном слове сопоставляет новеллы со стихами: «Тема „Сумасшедший“, например, кроме новеллы, разработана еще в нескольких стихотворениях в книге „Umbra vitae“ и с той же красочностью. Вечерняя заря багряно догорает на висках у сумасшедших, синей птицей месяц пролетает через палаты, и сны, похожие на исполинские солнца, на красно-синих крыльях тихо плывут по крови, пульсирующей в жилах... а дальше ночь и кошмары, что медленно впиваются в мозг своими острыми когтями» [2, с. 7].

Отдельные из упоминаемых далее стихотворений были опубликованы на тот момент только в посмертном сборнике Гейма «Dichtungen» (1922) [21]: в него вошли обе книги стихов поэта (прижизненная и посмертная), дополнительный раздел из неопубликованного и книга новелл, которую взялись переводить неоклассики. По какой причине ими не была переведена вся прозаическая часть сборника, неизвестно; в их книгу «Новели» вошли следующие произведения:

«П'яте жовтня» («Пятое октября») / пер. О. Бургардта.
«Божевільний» («Сумасшедший») / пер. О. Бургардта.

«Різання трупу» («Вскрытие») / М. Рыльского.
«Йонатан» («Джонатан») / М. Рыльского.
«Корабель» («Корабль») / В. Петрова.

Книга Гейма в ее изначальном виде имела заглавие «Вор» («Der Dieb», 1913) [20]; она была подготовлена автором к печати еще при жизни и кроме переведенных киевскими неоклассиками содержала две заключительные новеллы: «После полудня» («Ein Nachmittag») и «Вор» («Der Dieb»).

В своих переводах Бургарт, Петров и Рыльский пытались использовать мелодические возможности украинского языка при передаче антиэстетичного и, в то же время, возвышенного стиля Гейма, видя в нем, скорее всего, продолжателя мотивов бодлеровой «Падали» и других утонченно эпатирующих французских образцов: «Чорна кров смерти текла по блакитний гнилизні його чола. Ії випари здіймалися серед спеки жахливою хмарою, і смертельне тління різnobарвними пазурями повзало по його тілі. Шкура в мерця почала розповзатись, живіт побілів, як у в’юна, під зажерливими пальцями лікарів, що купали по лікті свої руки у вохкому м’ясі» («Різання трупу»).

К 1925 г. цензурное давление в УССР усилилось, а сами неоклассики в тот момент находились в эпицентре публичной полемики, будучи атакованы недоброжелателями с левого фланга искусства, порицавшими их за призывы к чистому искусству [8, с. 72-74]. Поэтому во введении к книге необходимо было хоть как-то связать Гейма с революционной тематикой: как и позднее это делалось в послевоенное время в русскоязычных изданиях, для этого привлекались ссылки на его стихотворения о закованных в кандалах русских каторжанах, а также его антирелигиозные взгляды. Также для идеологического «обеления», естественно, использована новелла «Пятое октября», открывающая книгу, действие которой происходит во времена французской революции 1798 г., хотя общий ее колорит, рисующий восставших безвольной загипнотизированной толпой, плохо соотносится с утверждениями Бургардта о том, что в ней представлен «неистовый взрыв революционного энтузиазма» («шалений вибух революційного ентузіазму»).

В целом, киевское издание было абсолютно первоходческим. До этого на славянских языках Гейм как прозаик появлялся только единожды: в 1918 г. Богуслав Рейнек опубликовал в чешском журнале «Nova et vetera» его рассказ «Вскрытие» [22], а на русском сборник новелл «Вор» вышел только в 2020 г. [3]. Проза экспрессионистов в то время частенько появлялась в периодике РСФСР и даже выходила отдельными книгами [4]. В Советской Украине спустя год после описываемого издания вышла на русском антология «Молодая Германия» [12]; её составитель Григорий Петников (1894-1971) вспоминал, что в 1930-е гг. вместе с одним из неоклассиков Майком Йогансеном подготовил для Гослитиздата Украины большой сборник «Немецкая поэзия XX века»: в ней на украинском языке могли быть представлены и стихотворения Гейма, скорее всего, в переводах тех же Петрова, Зерова, Бургарты, Рыльского и других, однако в связи с начавшимися арестами неоклассиков и общей атмосферой борьбы с «буржуазным национализмом» этот книжный проект так и не вышел в свет, а сама рукопись, согласно сведениям исследователя А. Тимигразина, была утрачена [16, с. 127]. Вскоре после выхода книги Гейма само частное издательство «Слово», тесно связанное с бывшими деятелями националистического движения эпохи УНР, было признано контрреволюционным и разогнано [1, с. 40-41].

Выводы

Описанное нами издание является интересной страницей истории рецепции авангардного искусства в СССР. До настоящего времени оно не было учтено и описано ни в одном исследовании по этой теме. Системный синтезирующий подход к культурным процессам, протекавшим параллельно в славянских республиках единого государства, к сожалению, до сих не является преобладающим. Сведения о литературах РСФСР, УССР и БССР часто анализируются несинхронно и отдельно друг от друга. Между тем, для литераторов того времени это были скорее сообщающиеся сосуды, чем изолированные камеры. Как отмечает харьковский исследователь А. Кальниченко, «период 1920-х – начала 1930-х годов в Украине характеризуется бурным развитием переводческого дела. Это время, когда были выполнены сотни переводов с десятков языков, как живых, так и мертвых, когда многие талантливые украинские писатели приобщились к переводу, когда начали выходить многотомные издания переводных произведений» [7, с. 449]. Общение и культурный обмен между русско- и украиноязычными специалистами того времени еще ждет подробного исследования.

Список источников

1. Васьківська О. Книговидавнича діяльність в УСРР у 1926 р.: тенденції та особливості розвитку // Вісник Книжкової палати. 2016. № 2. С. 38 – 42.
2. Гайм Г. Новели / пер. с нем. О. Бургарты, М. Рыльского, В. Петрова. Київ: Слово, 1925. 66 с.

3. Гейм Г. Вор: книга новелл / пер. с нем. К.В. Матросова, А.В. Чёрного. М.: libra, 2020. 96 с.
4. Германия: сборник новых произведений. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1924. 100 с.
5. Йогансен М.Г. Німецькі експресіоністи (Der Sturm) // Шляхи мистецтва. 1922. № 2. С. 64.
6. Йогансен М.Г. Теоретичне обґрунтування панфутуризму (Semafor u majbutn'e) // Шляхи мистецтва. 1922. № 2. С. 55.
7. Кальниченко А.А. Дискуссия о (г)омологическом (стилизационном) и аналогическом переводе в Украине в конце 1920-х годов: В.Н. Державин и А.М. Финкель // Художественно-филологический перевод 1920-1930-х годов. СПб.: Нестор-история, 2021. С. 449 – 511.
8. Київські неокласики. Київ: Факт, 2003. 352 с.
9. Клен Ю. Спогади про неоклясиків. Мюнхен: Накладом української видавничої спілки в Мюнхені, 1947. 48 с.
10. Коренева М.Ю. Из истории восприятия немецкого экспрессионизма в России 1920-х гг. // XX век. Двадцатые годы. СПб: Наука, 2006. С. 299 – 353.
11. Костик Є. Діяльність кооперативно-приватних видавництв в умовах радянської цензури 1920-х р. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2004. Вип. 11. С. 274 – 292.
12. Молодая Германия: антология совр. нем. поэзии / под ред. Г. Петникова. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1926. 424 с.
13. Московский Парнас: сб. второй. М., 1922. 112 с.
14. Нейштадт В.И. Чужая лира. М.: Круг, 1923. 168 с.
15. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост. В.Н. Терехина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 512 с.
16. Тимиргазин А.Д. Узорник ветровых событий: поэт Григорий Николаевич Петников. Феодосия, 2019. 384 с.
17. Чёрный А.В. Георг Гейм в России: сто лет переводов и исследований // Россия – Германия: литературные встречи (после 1945 года). М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 651 – 695.
18. Элиасберг А.С. Немецкая литература в 1911 г. // Русская мысль. 1912. Кн. 2. С. 25 – 33.
19. Элиасберг А.С. Немецкая поэзия в 1912 г. // Русская мысль. 1913. Кн. 6. С. 12 – 15.
20. Heym G. Der Dieb: ein Novellenbuch. Leipzig: Kurt Wolff, 1913. 146 p.
21. Heym G. Dichtungen / hrsg. von K. Pinthus, E. Loewenson. München, 1922. 308 p.
22. Heym G. Pitva / přeložil B. Reynek // Nova et vetera. Dobré dílo. 1918. P. 1 – 3.

References

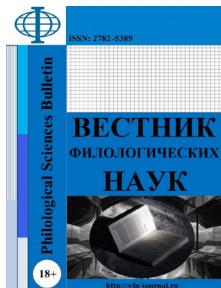
1. Vaskivska O. Book publishing activity in the Ukrainian SSR in 1926: trends and features of development. Bulletin of the Book Chamber. 2016. No. 2. P. 38 – 42.
2. Gaim G. Novelli. Trans. with him. O. Burgardt, M. Rylsky, V. Petrov. Kiev: Slovo, 1925. 66 p.
3. Game G. Thief: a book of short stories. Trans. with him. K.V. Matrosova, A.V. Black. M.: libra, 2020. 96 p.
4. Germany: collection of new works. M.: News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee, 1924. 100 p.
5. Johansen M.G. German expressionism (Der Sturm). Paths of Mystery. 1922. No. 2. 64 p.
6. Johansen M.G. Theoretically primed to panfuturism (Semafor u majbutn'e). Ways of mysticism. 1922. No. 2. 55 p.
7. Kalnichenko A.A. Discussion about (g)homological (stylization) and analogical translation in Ukraine in the late 1920s: V.N. Derzhavin and A.M. Finkel. Artistic and philological translation of the 1920-1930s. St. Petersburg: Nestor-history, 2021. P. 449 – 511.
8. Kiev neoclassics. Kiev: Fakt, 2003. 352 p.
9. Maple Yu. Guess about neoklyasikov. Munich: Overlay of the Ukrainian edition in Munich, 1947. 48 p.
10. Koreneva M.Yu. From the history of the perception of German expressionism in Russia in the 1920s. XX century. Twenties. St. Petersburg: Nauka, 2006. P. 299 – 353.
11. Kostik E. The activity of cooperative-private partnerships in the minds of the Radyan censorship of the 1920s. Problems of the history of Ukraine: facts, judgements, jokes. 2004. Iss. 11. P. 274 – 292.
12. Young Germany: an anthology of modern times. German poetry. Ed. G. Petnikova. Kharkov: State. Publishing house of Ukraine, 1926. 424 p.
13. Moscow Parnassus: collection. second. M., 1922. 112 p.
14. Neishtadt V.I. Someone else's lyre. M.: Krug, 1923. 168 p.
15. Russian expressionism: Theory. Practice. Criticism. Comp. V.N. Terekhina. M.: IMLI RAS, 2005. 512 p.

16. Timirgazin A.D. Pattern of wind events: poet Grigory Nikolaevich Petnikov. Feodosia, 2019. 384 p.
17. Cherny A.V. Georg Heim in Russia: a hundred years of translations and research. Russia – Germany: literary meetings (after 1945). M.: IMLI RAS, 2022. P. 651 – 695.
18. Eliasberg A.S. German literature in 1911. Russian Thought. 1912. Book 2. P. 25 – 33.
19. Eliasberg A.S. German poetry in 1912. Russian Thought. 1913. Book 6. P. 12 – 15.
20. Heym G. Der Dieb: ein Novellenbuch. Leipzig: Kurt Wolff, 1913. 146 p.
21. Heym G. Dichtungen. hrsg. von K. Pinthus, E. Loewenson. Munich, 1922. 308 p.
22. Heym G. Pitva / přeložil B. Reynek. Nova et vetera. Dobré dílo. 1918. P. 1 – 3.

Информация об авторах

Чёрный А.В., Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва,
chornanton@gmail.com

© Чёрный А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'367.625.41

¹ Яковлева П.П.

¹ Российский университет транспорта (МИИТ)

Общая терминология по номинациям судов водного транспорта на материале английского, французского и русского языков

Аннотация: в статье проводится анализ состояния и развития терминосистемы в рамках номинаций судов как лексических единиц английского, французского и русского языков. Рассматривается основная проблематика данной международной сферы взаимодействия специалистов. Поднимаются такие вопросы, как происхождение терминологии водного транспорта, сложность словесной конструкции, синонимия и полисемия, гармонизация и неология / устаревание терминологических единиц. В процессе анализа выделяются переводческие особенности терминов водного транспорта, культурно-исторические аспекты, механизмы развития терминологический базы. В результате исследования дается общая характеристика терминологической системы водного транспорта. Для сопоставления лексических единиц была использована сводная таблица номинаций судов в сопоставлении на английском, французском и русском языках.

Ключевые слова: термин, терминосистема, термин, судно, синонимия, аббревиатура, полисемия, заимствование, унификация

Для цитирования: Яковлева П.П. Общая терминология по номинациям судов водного транспорта на материале английского, французского и русского языков // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 59 – 63.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Yakovleva P.P.

¹ Russian University of Transport (MIIT)

General terminology for water transport vessel nominations based on the English, French and Russian languages

Abstract: the article analyzes the state and development of the terminology system within the framework of vessel nominations as lexical units of the English, French and Russian languages. The main problems of this international sphere of interaction of specialists are considered. Such issues as the origin of water transport terminology, the complexity of the verbal construction, synonymy and polysemy, harmonization and neology/obsolescence of terminological units are raised. In the process of analysis, the translation features of water transport terms, cultural and historical aspects, and mechanisms for the development of the terminology base are highlighted. As a result of the study, a general characteristic of the terminology system of water transport is given. To compare lexical units, a summary table of vessel nominations in comparison in English, French and Russian was used.

Keywords: terminology, terminology system, term, vessel, synonymy, abbreviation, polysemy, borrowing, unification

For citation: Yakovleva P.P. General terminology for water transport vessel nominations based on the English, French and Russian languages. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 59 – 63.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Выбранная тема исследования обусловлена интенсификацией международных грузо- и пассажироперевозок водным транспортом, развитием технологий судостроения, и, как следствие, влиянием переводческой деятельности на языковые подсистемы. Также следует принять во внимание растущий исследовательский интерес лингвистов и переводчиков к проблемам водного транспорта. Изучение языка для специальных целей (ЯСЦ) как инструмента взаимодействия между странами является необходимым для гармоничного развития различных отраслей хозяйства, экономики и туризма. «Для эффективной коммуникации между людьми необходимо, чтобы каждая языковая система обозначала все экстралингвистические реалии, и чтобы понимание коммуникантами этих реалий было одинаковым» [1]. Отношение языковых и узких специалистов к терминологии и критериям ее развития быстро меняется. Языковеды отмечают «терминологический взрыв», связанный с научно-технической революцией и развитием технологий. «Задача лингвистов в том, чтобы превратить его ... в управляемый процесс» [2], изучить методы и подходы к терминотворчесву, выявить закономерности, особенности, автоматизировать и облегчить процесс взаимодействия подъязыков и соответствующих специалистов. Стремительное развитие технологий оказало существенное влияние на практику аудиовизуального перевода и восприятие информации [3]. Впервые такой подраздел как номинация судов водного транспорта рассматривается с точки зрения проблем терминологии как направления языкового исследования. Выявляются различия в сопоставлении с общеупотребительным языком, а также специфика русского, английского и французского языков в сопоставлении.

Цель данной статьи – проанализировать вопросы номинаций судов как раздела терминологии водного транспорта в сопоставлении трех языков: английского, французского и русского. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) изучение становления терминосистемы морского языка; 2) анализ структурной сложности терминологических единиц; 3) исследование такого явления как синонимия в терминологии водного транспорта; 4) анализ процесса унификации морской лексики; 5) анализ устаревшей лексики.

Материалы и методы исследований

Материалом данного исследования были выбраны номинации типов судов в сопоставлении английского, французского и русского языков. Следующие методы исследования легли в основу: метод сплошной выборки, метод лингвистического анализа, сравнительно-исторический метод.

Результаты и обсуждения

1. Особенности становления и развития терминологии водного транспорта, в том числе номинаций плавсредств.

Термин – это слово или словосочетание, являющееся названием строго определенного понятия какой-либо области науки, техники, искусства и так далее. Как известно, терминосистема создается и обогащается за счет перехода слов из общеупотребительного языка в терминологию, посредством заимствования, а также с помощью словообразовательных методов. Так, переосмыслению подвергались многие слова в результате развития науки, где специалисты выделяют протонаучный период, и соответственно, создание прототерминов (специализировавшие свое значение общеупотребительные лексемы). Например, во французском языке: *la vaisselle* – посуда и *le vaisseau* – корабль. Такая же ситуация в английском языке: *the vessel* – судно / канал, судно / корабль. Исторически, в русском языке словом «судно» называли различные типы посуды. Понятие «судно-корабль» появляется лишь в 15 в. До сих пор в разговорном языке можно употребить слово «посудина» по отношению к плавсредствам. Ключевым термиообразующим критерием выступает дефинированность понятия. Оно должно быть представлено в профессиональных справочниках и словарях. Например, в Российском морском регистре судоходства зафиксированы конкретные терминологические единицы на двух языках: «Судно типа Ро-ро (накатное судно; ролкер) – судно с горизонтальным способом обработки груза на колесах / Ro-Ro ship is a ship when cargo is wheeled on and off the ship» [4]. Ряд исследователей считает первым российским терминологическим словарем «Русско-голландский глоссарий корабельных частей», составленный лично Петром I в конце 17 – начале 18 вв. [5]. Именно он повлиял на становление отечественного терминоведения, терминографии, а также судостроительной индустрии. Стоит отметить, что установление дефиниций также характеризуется своей проблематикой и широким полем для исследования [6]. В результате развития технологической составляющей взаимосвязь с общеупотребительной лексикой ослабевает. Технологиче-

ский прогресс и международный характер грузо- и пассажироперевозок влияет на рост заимствований и появление всё более сложных терминов.

2. Термины-словосочетания представляют определенную сложность для специалистов, работающих в сфере водного транспорта.

«Практика разработки и ведения словарей ... показала, что 98-99% терминологической лексики составляют термины, лексическая длина которых не превышает 4 слов» [7]. Также отмечается, что семикомпонентные терминологические словосочетания являются пределом. В отношении морской лексики многокомпонентность термина носит уточняющий характер, где выделяются определенные характеристики судна: технические характеристики, назначение судна или тип груза. Например, в английском языке *cruide carrier*, *oil carrier*, *liquid gas carrier*, *livestock carrier*, *grain carrier* – тип «перевозчика» уточняется дополнительными словами. Для русского языка характерны уточняющие фразы с предлогом «для»: судно для перевозки сжиженного газа (газовоз) – сложный термин из 5 слов, а также: судно для перевозки химических грузов, судно для перевозки тяжеловесных грузов, судно для перевозки навалочных (насыпных) грузов. Для французского языка характерно предложное словосочетание с предлогами «à», «de»: *navire de services*, *navire de pêche*, *navire de commerce*, словосочетание *navire de charge*, что в основном составляет 3 слова. Многокомпонентный термин неудобен в коммуникации, что, естественно, приводит к вынужденной аббревиации: *Very Large Crude Carrier* (VLCC) – крупнотоннажный танкер для перевозки сырой нефти (VLCC). Можно заметить, что в русском языке термин в переводе чаще всего оказывается длиннее: *costal tanker* – танкер прибрежного плавания.

3. Синонимия как явление терминологии.

Синонимия терминов является одной из наиболее важных и изучаемых проблем. Считается, что абсолютные синонимы могут присутствовать только в терминологии. Поэтому в отношении профессионально-ориентированной лексики было предложено использовать термины «дублетность», «эквивалентность» или «вариантность», а не синонимия. К причинам возникновения синонимов традиционно относится:

- Процесс заимствования. Это наглядно прослеживается во французском языке, где множество номинаций судов имеют английский и французский «эквиваленты» (т.е. разноязычные термины с тождественным или подобным значением). Например, шхуна – *schooner* (англ.) – *goélette* / *schooner* (фр.); грузовое судно – *cargo ship* (англ.) – *navire de charge* / *cargo* (фр.); эскадренный миноносец – *destroyer* (англ.) – *torpilleur d'escadre* / *destroyer* (фр.). Некоторые исследователи выделяют степень эквивалентности: полные и частичные соответствия, а также полное отсутствие соответствия.

- Влияние диалектных наименований, т.н. «ареальные синонимы», для номинаций судов имеют слабое значение. Например, *un bateau* – *une chaloupe* (au Québec, *embarcation légère utilisée notamment pour la pêche sportive* / в Квебеке легкая лодка, используемая, в частности, для спортивной рыбалки) [8]. В приведенном примере прослеживается разграничение значений, десинонимизация. Следует упомянуть, что слова «байдарка» (алеутск. и чукотск.) – «каяк» (эскимосск.) – «каноэ» (идейск.) считаются синонимами даже в профессиональной среде, хотя при ближайшем рассмотрении специалисты выделяют целевые и технические различия. Расхождение в американском и британском вариантах английского языка не выражено.

- Наличие словообразовательных моделей. Варианты – это абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина. Такое явление характерно для русского языка: линейный корабль – линкор, канонерская лодка – канлодка. Сюда также можно отнести аббревиацию (в т.ч. «акронимные варианты»): *Ultra Large Crude Carrier* – ULCC (англ.) – супертанкер, сверхкрупный перевозчик сырой нефти.

- Наличие разговорного термина в профессиональной среде отражено в профессонализмах и жаргонизмах. Как упоминалось выше, словом «посудина» обозначается любое судно, лодка. «Канистра» – большой танкер.

Boomer (англ.) – атомная подводная лодка с МБР. Некоторые выражения морского сленга крепко обосновались в повседневной жизни моряков, что отображается в литературе, кино, и т.п.

Терминологическая синонимия, в отличии от данного явления в общеразговорной речи, где оно направлено на расширение языковых возможностей языка и обогащение словарного запаса, часто обладает негативными последствиями, негативно влияя на точность восприятия и точность перевода на другой язык. В целом, в морском профессиональном языке синонимия представлена скучно и стремится к унификации на базе английского языка как рабочего языка в море посредством транслитерации или калькирования: Хэнди сайз (русс.) – *Handysize* (англ.) – *Handysize* (фр.); Панамакс (русс.) – *Panamax* (англ.) – *Panamax* (фр.); Суэцмакс (русс.) – *Suezmax* (англ.) – *Suezmax* (фр.). *Ro-ro ship* – судно типа Ро-ро, *Flo-flo ship* – судно типа Фло-фло, *Li-li ship* – судно типа Ли-ли.

Проблематика унифицированности терминов на международном уровне также является насущной проблемой для многих отраслей. «Интенсификация международного сотрудничества ... требует ускорения действий по гармонизации терминологий наиболее развитых национальных языков» [7]. В морском профессио-

нальном языке терминология является крайне унифицированной, возможно потому, что судостроение не является молодой наукой, а мореплавание изначально носило международный характер.

За всю историю морского дела было издано большое количество словарей, даже трёхъязычных (например, в 1868 году переводчик Морского министерства Энгель Андрей Михайлович составляет англо-французско-русский морской технический словарь), энциклопедий, международных документов, постановлений и конвенций (ПДНВ, МАРПОЛ, СОЛАС и другие) чтобы регламентировать прохождение судов в международных водах, унифицировать некоторые требования к образованию специалистов морского транспорта, повлиять на экологическую обстановку. Развитию терминологии водного транспорта и лексикографии в целом способствовали такие вехи в истории российского флота, как покупка иностранных судов, захват в результате военных действий, создание совместные верфи (Вавчугская верфь братьев Бажениных с привлечением отечественных и иностранных специалистов, 1700 год).

Морское право зародилось вместе с появлением мореплавания и торговли между странами. Первые попытки регулирования морских отношений появились ещё в античные времена, когда финикийские и греческие мореплаватели создавали первые торговые пути в Средиземном море. На обогащение и распространение лексики морской тематики большое влияние оказала художественная литература, которая переводилась на разные языки мира. С другой стороны, среди работников морского и военно-морского транспорта очень развит профессиональный сленг, жаргонизмы. Этот формат имеет большое разнообразие диалектов (буквально от флота к флоту и от города к городу), быстро меняется, богат стилистическими приемами и может являться отдельным интересным направлением для лингвистических исследований.

Проблема старения терминов связана с развитием технологий, языковой политикой и изменением реалий. Введение новых терминов в морском подъязыке связано в большей степени с первым аспектом. Многие термины продолжают оставаться в терминосистеме, но меняют свое значение в результате модернизации и переосмысливания. Морской сфере не свойственны архаизмы, а скорее историзмы. Термин уходит из употребления в результате выхода судна из употребления: «шлюп», «коч», «брандер», и многие другие. И даже в этом случае есть варианты развития и альтернативного использования. Например, «фрегат» прошел в своем развитии путь от трехмачтового военного корабля до атомного и современного сторожевого корабля. «Линкоры» сейчас не входят в боевой состав флотов мира, но некоторые из них приобрели статус музея и способствуют развитию культурно-исторического сознания. «Плот» из бревенчатой конструкции перешел в разряд современного надувного спасательного средства и вёсельного плавсредства для водного туризма. «Яхты» из парусных лодок превратились в спортивные и прогулочные транспортные средства. «Байдарки» и «каноэ» используются сейчас в гребном слаломе. Подобная традиционность и верность историческим наименованиям служит почвой для многозначности, полисемии. В то время как термин должен быть однозначным в рамках одной профессиональной сферы. Если один концепт употреблен в различных областях и контекстах, многие специалисты говорят не о многозначности термина, а о разных терминологических единицах. «Жизнь научного термина пролегает между теми же крайностями, что и жизнь обычного слова: с одной стороны – центростремительная тенденция, ...; с другой стороны – центробежная тенденция, побуждающая единицу языка к вариативности и многозначности» [9].

Выводы

Проведенный анализ терминологического материала приводит к следующим выводам.

Выявленные основные механизмы терминотворчества в сфере водного транспорта (на материале трех языков) свидетельствуют об устойчивой тенденции к унификации в области терминологии водного транспорта и преобладании английского языка как средства межъязыкового общения. Критерии традиционности, историзма в морской терминологии преобладает над другими факторами.

Структурная компонентность морских терминов различается в рассмотренных языках, в общем случае, многосложное сочетание в роли термина на практике используется в виде аббревиатуры.

Рассмотрение синонимии в терминологии водного транспорта и основных причин ее возникновения показало, что явление синонимии в терминологии – явление отрицательное, негативно влияющее на перцептивный процесс и создающее дополнительные переводческие трудности.

В вопросе неологизмов и устаревшей терминологии водного транспорта лингвистический аспект коррелирует с экономико-политическим и историко-культурным. В современных условиях глобализации и монополии английского языка очевидно, что новые термины водного транспорта будут английскими заимствованиями или их кальками.

Список источников

1. Федотова А.Е. Заимствования в терминологии английского морского права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 69.
2. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура: 6-е изд. М.: URSS, 2022. 7 с.
3. Jeremy Munday, Sara Ramos Pinto, Jacob Blakesley. Introducing translation studies, Theories and Applications. 2022. 239 p.
4. Российский морской регистр судоходства. Термины, применяемые в морской индустрии. ФЛОТ Русско-английский словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2010. Т. 1. С. 24.
5. Мезит А.Э. Лексикографическая презентация терминов гидроэнергетики и смежных отраслей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 212 – 217.
6. Hendrik J. Kockaert, Frieda Steurs. Handbook of terminology. 2015. P. 3 – 13.
7. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Терминоведение. М.: URSS, 2023. С. 85.
8. Grand Dictionnaire encyclopédique Larousse // Paris Hardes a Journal. 1995. No. 8. 735 p. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/chaloupe/14492> (дата обращения: 13.06.2025).
9. Виноградов В.А. Термин в научном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 368 – 372.

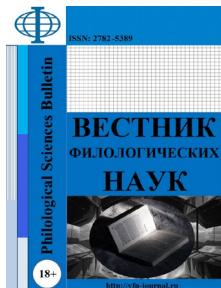
References

1. Fedotova A.E. Borrowings in the Terminology of English Maritime Law. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2019. No. 6. 69 p.
2. Leychik V.M. Terminology. Subject, Methods, Structure: 6th ed. Moscow: URSS, 2022. 7 p.
3. Jeremy Munday, Sara Ramos Pinto, Jacob Blakesley. Introducing Translation Studies, Theories and Applications. 2022. 239 p.
4. Russian Maritime Register of Shipping. Terms Used in the Maritime Industry. FLEET Russian-English Dictionary and Handbook. St. Petersburg, 2010. Vol. 1. 24 p.
5. Mezit A.E. Lexicographic representation of terms in hydropower and related industries. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2019. No. 6. P. 212 – 217.
6. Hendrik J. Kockaert, Frieda Steurs. Handbook of terminology. 2015. P. 3 – 13.
7. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Molchanova M.A. Terminology. Moscow: URSS, 2023. 85 p.
8. Grand Dictionnaire encyclopédique Larousse. Paris Hardes a Journal. 1995. No. 8. 735 p. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/chaloupe/14492> (date of accessed: 13.06.2025).
9. Vinogradov V.A. Term in scientific discourse. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2014. No. 2 (1). P. 368 – 372.

Информация об авторах

Яковлева П.П., старший преподаватель, Российской университет транспорта (МИИТ)

© Яковлева П.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 811.11-112

¹ Белова Л.А., ¹ Курочкина М.А.,
¹ Бондаренко С.Ю., ¹ Кроватти З.М.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Дискурсивный анализ жанровой специфики постмодернистского триллера

Аннотация: статья исследует лексическое своеобразие и стилистические средства художественной выразительности, образующие жанровую специфику произведения Ursula Poznanski «Эреб», в рамках дискурсивного анализа. Актуальность выбора темы обусловлена важностью выявления влияние постмодернизма на популярные жанры художественного текста, каким является триллер. Целью работы является дискурсивный анализ жанрообразующих характеристик современного триллера. Дискурсивный анализ проходит на контекстуальном уровне, когда описывается содержание, герои и их социальные роли, место и время действия, а также на уровне текста, когда в центре внимания находятся лексический и стилистический аспект произведения. Важной чертой современного триллера выступает создание хронотопа на основе интертекстуальных элементов, молодежного сленга и описания реалий места действия. Семантическое поле эмоций и мистики подкрепляется на стилистическом уровне использованием метафор, олицетворений, аллюзий для создания атмосферы загадочности и философского подтекста. Риторические вопросы активизируют саспенс, центральный жанрообразующий прием триллера. Интертекстуальность и ненадежный рассказчик выступают маркерами постмодернизма. Анализ жанрообразующих средств триллера является важным в плоскости лингвистических исследований, так как способствует более полному пониманию авторского замысла.

Ключевые слова: триллер, саспенс, хронотоп, анализ, жанрообразующие средства, реалии, компьютерная игра, сеттинг

Для цитирования: Белова Л.А., Курочкина М.А., Бондаренко С.Ю., Кроватти З.М. Дискурсивный анализ жанровой специфики постмодернистского триллера // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 64 – 70.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Belova L.A., ¹ Kurochkina M.A.,
¹ Bondarenko S.Yu., ¹ Krovatti Z.M.

¹ South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

A discursive analysis of the genre specifics of the postmodern thriller

Abstract: the article examines the lexical originality and stylistic means of artistic expression that form the genre specificity of Ursula Poznanski's work "Erebos" within the framework of discourse analysis. The relevance of the topic is determined by the importance of identifying the influence of postmodernism on popular genres of fiction, such as a thriller. The purpose of the work is a discursive analysis of the genre-forming characteristics of a modern thriller. Discursive analysis takes place at the contextual level, when the content, heroes and their social roles, place and time of the action are described, as well as at the text level, when the lexical and stylistic aspects of the work are in the center of attention. A peculiar feature of the modern thriller is the setting up of a chronotop based on intertextual el-

ements, youth slang and description of the realia of the scene. The semantic fields of emotions and mysticism are supported at the stylistic level by the use of metaphors, personifications, allusions to create the atmosphere of mystery and philosophical depth of the text. Rhetorical questions enact suspense, which is the central genre-forming device of the thriller. Intertextuality and an unreliable narrator act as markers of postmodernism. Analysis of the genre-forming means of the thriller is important in the plane of linguistic research, as it contributes to a more complete understanding of the author's intent.

Keywords: thriller, suspense, chronotop, analysis, genre-forming means, realities, computer game, setting

For citation: Belova L.A., Kurochkina M.A., Bondarenko S.Yu., Krovatti Z.M. A discursive analysis of the genre specifics of the postmodern thriller. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 64 – 70.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Ускорение процессов глобализации включает не только политическое и экономическое взаимодействие стран, но и смешение социокультурных явлений. Развитие Интернета способствует общению людей через массовую культуру, которая включает в себя творческие продукты. Литературные произведения вызывают особый интерес у общества. Погружаясь в историю, созданные авторами, мы можем увидеть ключевые аспекты мироустройства различных эпох: социальные тренды, политические системы и культурные изменения. Таким образом, литература отражает особенности определённого времени. Современный жанр триллера погружает читателей в мир реалий технического прогресса за счёт глубины проработки вымышленного мира и оригинальности стилистических приёмов. В желании выделиться среди других авторов, писатели создают свой уникальный стиль или переосмысяют существующие жанры. Детективные истории стали основой для развития триллера – жанра, который исследует психоэмоциональные состояния персонажей в рамках определенного сюжета. Начиная с конца XIX века, триллер привлекает внимание литературоведов и лингвистов.

В их исследованиях были выявлены характерные художественные приемы этого направления, а также особенности языка триллера, которые проявляются на лексическом и словообразовательном уровнях и изучаются современными лингвистами: М.Г. Агеевой, Т.Г. Ватолиной, С.А. Гоголевой, Т.В. Дьяковой, И.Г. Жоговой, Т.А. Шошиной [1, 3, 4, 5, 7, 8].

Термин «триллер» означает трепет или нервное возбуждение. Произведения этого жанра направлены на создание чувства тревожного ожидания, волнения или страха, которое сохраняется на протяжении всего сюжета [6]. Обычно в центре сюжета находится загадочная угроза, исходящая от антагониста, что позволяет поддерживать зрителя в состоянии постоянного напряжения. Ключевой стилистической особенностью триллера является саспенс – нарастающее эмоциональное напряжение, достигаемое через введение рискованных ситуаций для главного героя, таких как появление неизвестной угрозы или конфликт интересов, а также задержка ожидаемого негативного события. Эти ситуации создаются антагонистом для реализации замыслов, а задача главного героя заключается в их раскрытии и предотвращении.

Чтобы удержать внимание читателя и вызвать состояние тревоги, авторы применяют характерные для жанра лексические и стилистические приемы: семантические повторы, слова с семантикой загадочности и эмоциональной тревожности. Однообразное изложение не может передать всю сложность эмоций персонажей и уровень напряженности, поэтому способность автора к оригинальному языку становится важным показателем его мастерства и жанрообразующей характеристикой триллера.

Материалы и методы исследований

Авторский стиль и язык произведения можно по-настоящему оценить только при чтении в оригинале. Даже самый точный перевод на родной язык в основном является интерпретацией исходного текста и не может полностью передать замыслы автора. Читателю, не владеющему иностранным языком на уровне носителя, бывает трудно уловить важные элементы художественной выразительности. Это противоречие между стремлением читателя погрузиться в уникальный мир триллера и сложностью восприятия его стилистических особенностей подчеркивает важность лингвистического анализа как метода исследования. Основная цель лингвистического анализа – выявить скрытые аспекты текста, включая глубину мыслей автора и чувства персонажей.

В рамках лингвистического анализа исследуются лексические и стилистические средства выразительности отдельно.

Жанр триллера представлен преимущественно произведениями художественного дискурса, поэтому для его системного описания применим дискурсивный анализ, разработанный Т.А. ван Дейком, который позволяет учитывать экстралингвистические факторы. Первый уровень дискурсивного анализа, текстуальный, во многом совпадает с процедурами лингвистического анализа и на уровне микроструктур предполагает систематизацию семантических и лексических параметров дискурса. Уровень макроструктур включает рассмотрение риторического аспекта произведения, представленного стилистическими приемами. Второй уровень, контекстуальный, охватывает обстоятельства, время, события, участников, сферу деятельности, роли участников дискурса и социальные отношения между ними, а также когнитивные характеристики участников [10].

Практическим материалом нашего исследования послужил текст триллера «Эреб» У. Познански объемом 432 страницы [11]. Для проведения дискурсивного исследования художественного текста жанра триллера мы придерживались плана:

1. Контекстуальный анализ заголовка, атмосферы, краткого содержания, главных героев и хронотопа романа.

2. Текстуальный анализ стилистического компонента жанра триллера. Выявление ключевых смысловых оппозиций произведения.

В силу взаимосвязанности контекстуальных и текстуальных характеристик анализ лексического состава триллера был выполнен в рамках описания атмосферы романа. Элементы обоих уровней работают в системе и создают уникальную атмосферу напряжения, тревожности и мистики, характерную для жанра триллера.

Результаты и обсуждения

Начнем анализ жанровых характеристик триллера с рассмотрения широких контекстуальных рамок произведения. Заголовок романа «Эреб» отсылает к греческой мифологии, это имя Бога тьмы, олицетворяющего Подземный мир. Выбор аллозивного элемента наполняет произведение ассоциативными смыслами и атмосферой загадочности. Название романа связано с одноименной компьютерной ролевой игрой, которая увлекает школьников. Аура мистики, характеризующая жанр триллера, возникает благодаря подбору специфической лексики соответствующего семантического поля: залитая лунным светом поляна, одинокий герой-скиталец, татуировка ворона на шее главного героя, никнеймы персонажей.

Имя главного героя – Ник Данмор – является сокращением английского слова “nickname” и указывает на его второстепенную роль в игровой иерархии, а стилистически выступает приемом антономазии. Такой же приём автор использует для описания матери Ника – “Chaos-Mum”, что подчеркивает её рассеянность и беспорядок в жизни. Стилистически это является «говорящим именем».

Сюжет романа погружает читателя в мир компьютерной игры, где они знакомятся с различными игровыми классами: ‘Гном’, ‘Оборотень’, ‘Человек-кот’, ‘Темный эльф’, ‘Вампир’ и ‘Варвар’. Ник делает выбор в пользу тёмного эльфа: “höchstens mittelgroß, aber behände, elegant und geheimnisvoll.” ‘максимум среднего роста, но подвижного, элегантного и загадочного’. Для своего игрового аватара он выбирает римское имя – Сариус, внешность которого описана с помощью распространённых эпитетов: “kurzes blondes Haar, das stachelig vom Kopf absteht, eine spitze Nase und schmale grüne Augen”; “eine grüngoldene Jacke, dunkle Hosen, Stulpenstiefel, eine Lederkappe” ‘короткие светлые волосы, торчащие колючками из головы, острый нос и узкие зеленые глаза; зелено-золотой пиджак, темные брюки, высокие сапоги, кожаная кепка’. Такие эпитеты детализируют персонажа, и позволяют Нику «вжиться в выбранный образ», а для читателя – приблизить события, сделав их более осозаемыми. Ник признаёт в своём аватаре блудного королевского сына, что отражается в сравнении: “findet, dass er aussieht wie ein verlorener Königssohn” ‘думает, что он похож на блудного королевского сына’. Данная аллюзия, отсылающая к легендарному герою национального эпоса, подчеркивает философскую идею человека-странника в поисках своей судьбы и выстраивает межтекстовые параллели.

В какой-то момент жизнь и судьба Сариуса находятся в руках «Горбатого», который даёт игроку рекомендации: “Geh und komm nicht mehr wieder. Tu so, als wärst du nie hier gewesen. Vergiss diese Welt.” ‘Иди и не возвращайся. Веди себя так, как будто тебя здесь никогда не было. Забудь этот мир.’ Данные императивы не пугают Ника, но побуждают читателя подумать: чем рисуют игроки? Образ «Горбатого» воплощает всезнающего повелителя и творца судеб. Это модернистский ‘ненадежный автор’, создающий многоголосие и чувство растерянности. Личности других игроков скрыты за образами и никнеймами, которые выступают одной из специфических лексических черт игрового триллера, содействуя эффекту мистики. Главный герой узнаёт в ходе игры о кристаллах желания, обладающими большой ценностью: “Sieh zu, dass du Wunschkristalle findest. Sie werden dir das Leben leichter machen. Das Leben, verstehst du?” ‘Убедись, что ты

нашёл кристаллы желаний. Они сделают вашу жизнь проще. Жизнь, ты понимаешь?” Упоминание слова «жизнь» указывает на связь игры с реальностью: успехи игрового аватара влияют на судьбы реальных людей. Персонажи метафорически через свою анонимность являются носителями идеи иллюзорности, ненадежности, непредсказуемости реальности.

В процессе игры Сариус встречает «посланника» – человека с жёлтыми глазами, он олицетворяет игру и даёт задания, которые игроки должны выполнять в реальной жизни для прохождения уровней. Посланник и другие игровые персонажи могут говорить, понимать речь и формулировать сложные предложения. Это своего рода механизм персонификации игры, когда она приобретает осозаемые черты реальности, что усиливает эффект мистики. Посланник даёт задания, которые Ник должен выполнять в реальном мире, иначе он будет исключён из игры. Эта часть романа несет идеи конформизма, подчинения, страх быть изгоем общества, стирание границ реального и виртуального мира и подмены реального мира виртуальным.

Хронотопом романа-технотриллера выступает Лондон XXI века. Хронотоп в литературе – это концепция, которая объединяет время и пространство в художественном тексте, создавая особый контекст для развития сюжета, персонажей и идей. Игра «Эреб» нацелена на молодежную аудиторию, для которой современные цифровые технологии стали основным способом досуга. Урсула Познански выбирает современный контекст, что делает роман актуальным и близким читателю. Молодые читатели легко воспринимают описанный мир, так как в нем присутствуют знакомые элементы в виде компьютерных программ, игр и цифровых устройств (“der Blogeintrag” ‘блог’, “der Tweet” ‘сообщение в Twitter’, “die Mailbox” ‘электронный почтовый ящик’, “das Laufwerk” ‘дисковод’, “DVD-Rohling” ‘DVD-диск’). Эти реалии автор многократно использует в романе, предоставляя читателю возможность ощутить себя на месте персонажей.

В качестве реалий выступают также словосочетания, которые помогают более подробно описать действия в цифровом пространстве: “E-Mails checken” ‘проверять электронную почту’, “E-Mails abrufen” ‘открывать электронную почту’, “eine Taste drücken” ‘нажимать на клавишу’, “das Spielmenü aufrufen” ‘вызывать игровое меню’, “eine Web-Site zuklicken” ‘закрывать сайт’. Компьютерная реальность представлена терминами, называющими предметный мир нового виртуального пространства и способы взаимодействия с ним.

Хронотоп включает также особенности языка современного Лондона. Фокусируясь на молодёжи, автор использует слова и фразы школьников: “Alles okay bei dir?”, “He, Alter!”, “verpfeifen”, “es ist einfach der Hammer”, “ich habe keine Zeit für solche Spinnereien”, “ein Date klarmachen”, “cool”, “dito” ‘Ты в порядке?’, ‘Эй, чувак!’, ‘настучать’, ‘это просто офигенно’, ‘у меня нет времени на такие сумасшедшие вещи’, ‘назначить свидание’, ‘крутко’. Современные лексические единицы отражают стремление нового поколения к упрощению языка и активному использованию англицизмов, неологизмов и сокращений. Многие из этих выражений легко воспринимаются читателем, так как они соответствуют привычной стилистической норме. Использование разговорного стиля является особенностью современного триллера, содействуя динаминости и естественности повествования.

Основное место действия в романе – это школа и дом Ника Данмора в Лондоне. Хотя У. Познански не углубляется в детали и особенности английской столицы, выбор города оправдан, поскольку он, с населением в девять миллионов человек, таит множество тайн и загадок. В Лондоне расположено множество локаций, которые влияют на судьбы как игроков, так и тех, кто не участвует в игре. Опасность, сквозящая из каждого угла, давит на героев романа. Так, Эмили, подруга Ника, использует в своём блоге топоним: “Sie wünschte sich weg von diesem riesigen Moloch London.” ‘она хотела бы уехать от этого огромного молоха Лондона.’ Аллюзивная метафора ‘Молох’ делает атмосферу зловещей, отсылая к библейскому верховному божеству, требовавшему людских жертвоприношений, и в традиционной интерпретации символизируя ненасытную силу, постоянно жаждущую новых жертв. В целом, отметим урбанистический фон повествования современного жанра триллера.

События романа происходят в тесной связи с местом и временем. Автор изображает правдоподобные образы английских школьников через их увлечения, которые хорошо знакомы читателю и граница между его реальностью и реальностью персонажей постепенно стирается. Умелое использование таких элементов создает интертекстуальность, сближающую героев романа и читателя, создавая ощущение совместного существования в одном мире.

Взаимодействие пространства и времени, окрашенное интертекстуальностью, выступает ярким примером хронотопа, передающего духовную атмосферу времени. Согласно М. Бахтину, предметы делают время осозаемым, обеспечивая яркое зрительное восприятие каждой точки времени [2]. Хронотоп данного романа

охватывает не только интертекстуальные элементы, но и урбанистический пейзаж, разговорный стиль общения героев, термины компьютерной реальности, описанные выше. Все это передает атмосферу современной эпохи техногенного мира.

Остановимся подробнее на стилистической составляющей жанра триллера. Атмосфера нервозности и напряжения нагнетается в большой мере через использование риторических вопросов. Ник пытается понять, о чем шепчутся его одноклассники. Для передачи его любопытства автор использует риторические вопросы: “Was war nur los? Wieso sprach keiner über diese Päckchen, die die Runde machten? Und wieso, zum Teufel, hatte er noch keins davon?” ‘Что происходило? Почему никто не говорил о тех конвертах, которые ходили по кругу? И почему, черт возьми, у него еще не было одного из них?’

Интересен стилистический прием олицетворения. Автор придаёт игре черты личности, что создаёт у читателя ощущение угрозы. Упор на всемогущество и всезнание игры выражается в использовании гиперболы: “Damit ist das Spiel so gut wie allwissend.” ‘Это делает игру практически всеведущей.’ Данное олицетворение перекликается с метафорой «Молох», представляющей Лондон в виде прожорливого чудовища, и создает семантическую цепь, обозначая темную властную сущность. В процессе прохождения уровней Никку предлагается в игре добавить опасную дозу лекарства в чай своему учителю. Сариус соглашается, но его охватывает непонимание и растерянность, что иллюстрируется метафорой тьмы: “Die Finsternis kommt diesmal schnell und lässt Sarius in nie gekannter Ratlosigkeit zurück.” ‘На этот раз тьма приходит быстро и оставляет Сариуса в знакомой беспомощности.’

Нравственные принципы Ника подвергаются испытанию. Читатель начинает задумываться, готов ли герой совершить преступление ради игровых преимуществ. Ник решает не выполнять задание, стараясь скрыть свой провал от посланника. Однако тот уже, будучи в курсе, убивает персонажа Сариуса, после чего Ник теряет возможность играть в «Эреб».

Суммируя коннотации ведущих смыслообразующих метафор романа, таких как “Erebos”, “Moloch London”, говорящих имен “Chaos-Mum”, “Nick – nickname”, “der Buckelige”, “der dunkle Elf”, “die Finsternis” и эпитетов, сделаем вывод о преобладании негативных оттенков значений стилистических приемов в романе жанра триллер, выделяющих идеи мрака, беспорядка, разрушения человеческих жизней, что служит усилению атмосферы мистики и тревожности.

Жанр триллера характеризуется непредсказуемостью сюжета, что создается через «ненадежного повествователя» модернистского текста и многогранности персонажей-масок. Предсказать, как будут развиваться события, невозможно, что делает «Эреб» примером нестандартного триллера, в котором переплетаются несколько миров, влияющих как на отдельных игроков, так и на общество в целом. Невидимая угроза, исходящая от экрана компьютера, создает напряжение и заставляет читателя переживать за персонажей. Игра становится ключевым элементом сюжета, провоцируя недальновидных и азартных игроков на необдуманные действия в реальной жизни, которые могут привести к вредительствам и преступлениям. Кроме того, искусственный интеллект игры кажется всесильным и всезнающим, что вызывает у читателя чувство тревожного ожидания, паранойи и постоянного напряжения.

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые смысловые оппозиции романа-триллера «Эреб»: игра – реальность, преступление – мнимый успех, индивидуальность – конформизм, мораль (настоящие ценности) – личная выгода (ложные ценности), всесильный искусственный интеллект – «маленький», безвольный человек. Данные оппозиции создают эмоциональное напряжение, заставляя героев произведения, а вместе с ним и читателей, постоянно делать экзистенциальный выбор.

Выводы

Характерной чертой жанра современного триллера выступает создание хронотопа, который в исследуемом романе выстраивается через интертекстуальные элементы современной поп-культуры, сленг и разговорный язык, описание деталей школьной жизни. На стилистическом уровне ведущую роль в механизме саспенса играют риторические вопросы. Мистификация усиливается приемами персонификации, аллегории, метафоры, антономазии. Аллюзивная интертекстуальность выстраивает философский подтекст триллера. Семантике современного жанра триллера присуща идея опасности, загадочности, масок, многомерности и неоднозначности смысла. Также отмечена тенденция к употреблению лексики, описывающей эмоциональное состояние, часто в гиперболизированной форме. Смысловые линии раскрываются через умело выстроенные оппозиции. Современный триллер принадлежит парадигме постмодернистского романа и имеет «ненадежного рассказчика» и игровую основу. Для подробного описания игровых действий и персонажей автор использует множество эпитетов и сравнений, что позволяет читателю увидеть игровой мир глазами героев, создавая эффект присутствия. Все выявленные закономерности на уровне контекста и текста работают в системе, создавая гнетущую атмосферу, выстраивая философские смыслы

и осуществляя эмоциональное воздействие на читателя. Изучение жанровых характеристик триллера имеет важное значение в лингвистических исследованиях, так как помогает глубже понять замысел автора. Умение распознавать и анализировать эти элементы позволяет читателю погрузиться в вымышленный мир и пережить историю вместе с персонажами.

Список источников

1. Агеева М.Г. Эволюция детективного романа в американской литературе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Казань, 2014. 155 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. 1975. С. 234 – 407.
3. Ватолина Т.Г. Когнитивная модель детективного дискурса: на материале англоязычных детективных произведений XIX-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Иркутск, 2011. 209 с.
4. Гоголева С.А. Другие миры: традиции и типология жанра фэнтези // Наука и образование. 2006. № 3. С. 85 – 88.
5. Дьякова Т.В. Характеристика жанра «Триллер» и его поджанры // Lingua mobilis. 2013. № 5 (44). С. 32 – 36.
6. Дьяченко О.А. Лингвистический анализ художественного текста. Материалы к урокам по русскому языку. 2017. URL: <http://olgadyachenko.ru/lingvisticheskij-analiz-teksta.html> (дата обращения: 28.06.2025).
7. Жогова И.Г., Кузина Е.В., Медведева Л.Г., Надеждина Е.Ю. Языковые средства создания саспенса в произведениях жанра "триллер" и способы их актуализации (на материале романов англоязычных авторов) // Язык и культура. 2018. № 43. С. 46 – 57.
8. Шошина Т.А. Триллер как жанр в американской культуре // Поиск. 2019. № 1 (10). С. 132 – 137.
9. Bystray E.B., Belova L.A., Vlasenko O.N., Zasedateleva M.G., Shtykova T.V. Development of second-language communicative competence of prospective teachers based on the CLIL technology (from the experience of a pedagogic project at a department of history) // Espacios. 2018. Vol. 39. No. 52. 12 p.
10. Dijk T.A. van. News as Discourse. N. Jersey, London, 1998. 200 p.
11. Poznanski U. Erebos. Loewe Verlag, 2011. 488 p.

References

1. Ageeva M.G. Evolution of the Detective Novel in American Literature of the Twentieth Century: Dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.2. Kazan, 2014. 155 p.
2. Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. Questions of Literature and Esthetics. 1975. P. 234 – 407.
3. Vatolina T.G. Cognitive Model of Detective Discourse: Based on English-Language Detective Works of the 19th-20th Centuries: Dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.2. Irkutsk, 2011. 209 p.
4. Gogoleva S.A. Other Worlds: Traditions and Typology of the Fantasy Genre. Science and Education. 2006. No. 3. P. 85 – 88.
5. Dyakova T.V. Characteristics of the genre "Thriller" and its subgenres. Lingua mobilis. 2013. No. 5 (44). P. 32 – 36.
6. Dyachenko O.A. Linguistic analysis of the fiction text. Materials for Russian language lessons. 2017. URL: <http://olgadyachenko.ru/lingvisticheskij-analiz-teksta.html> (date of access: 28.06.2025).
7. Zhogova I.G., Kuzina E.V., Medvedeva L.G., Nadezhina E.Yu. Linguistic means of creating suspense in works of the "thriller" genre and ways of their actualization (based on novels by English-speaking authors). Language and Culture. 2018. No. 43. P. 46 – 57.
8. Shoshina T.A. Thriller as a genre in American culture. Poisk. 2019. No. 1 (10). P. 132 – 137.
9. Bystray E.B., Belova L.A., Vlasenko O.N., Zasedateleva M.G., Shtykova T.V. Development of second-language communicative competence of prospective teachers based on the CLIL technology (from the experience of a pedagogic project at a department of history). Espacios. 2018. Vol. 39. No. 52. 12 p.
10. Dijk T.A. van. News as Discourse. N. Jersey, London, 1998. 200 p.
11. Poznanski U. Erebos. Loewe Verlag, 2011. 488 p.

Информация об авторах

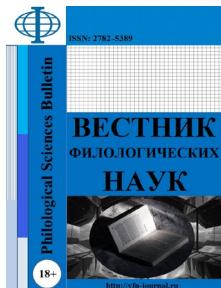
Белова Л.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики иностранных языков, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, telems74@rambler.ru

Курочкина М.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, kma1974@yandex.ru

Бондаренко С.Ю., кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики иностранных языков, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, su_bondarenko@mail.ru

Кроватти З.М., преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, shafiginazm@csru.ru

© Белова Л.А., Курочкина М.А., Бондаренко С.Ю., Кроватти З.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81:378

¹ Гурбанова А.М.

¹ Тюменский государственный университет

Параметры эффективной коммуникации вуза в цифровом пространстве

Аннотация: в связи с трансформацией традиционного понимания университета как образовательного пространства появляется необходимость формирования эффективных стратегий коммуникации. В работе предпринята попытка описать системообразующие коммуникативные стратегии современного вуза, выделенные при помощи разработанной модели эффективной коммуникации вуза. Данная модель включает акторов, их цели и задачи, взаимодействие «вуз-аудитория», стратегическое управление и систему управления. Основываясь на предложенных О.С. Иссерс коммуникативных стратегиях, были подробно рассмотрены следующие коммуникативные стратегии университета: информирование, убеждение, самопрезентация, иллюстрирование. В исследовании описаны средства репрезентации данных коммуникативных стратегий, представленные в виде лексем, коллокаций и словосочетаний. Данные лексические средства были выделены из параграфов Программы развития Тюменского государственного университета на 2025-2036 годы и популярных новостных сайтов 72.ru / RT о деятельности вуза за 2023-2025 годы. Настоящее исследование имеет ряд возможностей практического применения благодаря комплексному стратегическому и лингвистическому анализу средств репрезентации коммуникативных стратегий университета: в корпусных лингвистических исследованиях, связанных с анализом профессиональной лексики; в маркетинговой деятельности для формирования имиджа и продвижения вуза; в образовательных дисциплинах по развитию коммуникативных компетенций у обучающихся.

Ключевые слова: университет, вуз, коммуникативные стратегии, коммуникация, взаимодействие, модель коммуникации, программа развития, лексика

Для цитирования: Гурбанова А.М. Параметры эффективной коммуникации вуза в цифровом пространстве // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 71 – 78.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Gurbanova A.M.

¹ University of Tyumen

Parameters of effective university communication in the digital space

Abstract: due to the transformation of the traditional understanding of the university as an educational space, effective communication strategies are needed to be formed. The paper attempts to describe the system-forming communication strategies of a modern university which are identified using the developed model of effective university communication. This model includes actors, their goals and objectives, 'university-audience' interaction, strategic management and the management system. Based on the communication strategies proposed by O.S. Issers, the following university communication strategies were considered in detail: informing, persuasion, self-presentation, illustration. The study describes the means of representation of these communication strategies which are presented as lexemes, collocations and phrases. These lexical means were identified from paragraphs of the Program of Development of University of Tyumen for 2025-2036 and

popular news sites 72.ru / RT on university's achievements for 2023-2025. This paper can be applied in a number of spheres due to the comprehensive strategic and linguistic analysis of the means of representation of the university's communicative strategies. For instance, in corpus linguistic studies related to the analysis of professional vocabulary; in marketing to form the image of the university and promote the university; in educational disciplines on the development of communicative competencies of students.

Keywords: university, higher education institution, communication strategies, communication, interaction, model of communication, program of development, vocabulary

For citation: Gurbanova A.M. Parameters of effective university communication in the digital space. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 71 – 78.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Университет сегодня представляет собой сложную многоаспектную систему, которая постоянно развивается в соответствии с требованиями и желаниями общества и среды. Современные университеты – «научные центры, специализирующиеся в той или иной области наук, обучающие тысячи студентов из разных стран на основе интернационализации преподавательского персонала, применения информационных и компьютерных технологий» [13, с. 66]. Традиционное понимание университета как образовательного пространства значительно отличается от концепта вуза настоящего времени. Трансформация понимания концепции университета происходит под влиянием внешних факторов и контекстов, в условиях которых функционирует современный университет [15, с. 104]. Цифровизация и глобализация являются главными факторами формирования нового представления об университете.

В связи с растущей трансформацией современного вуза возникает потребность в поиске эффективных стратегий коммуникации. По мнению В.К. Николаева, вузы сегодня вынуждены пересмотреть существующий инструментарий коммуникационных стратегий, в частности путем включения цифровых технологий [10]. О.С. Иссерс определяет коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 182]. А.В. Захарова рассматривает данное понятие как «комплексное или многофакторное воздействие на внешних и внутренних интересантов, цель которого – создание продуктивного взаимодействия с целевой аудиторией» [4]. Эффективные коммуникативные стратегии становятся ключевым инструментом продвижения вуза и формирования его имиджа на мировом рынке. Коммуникативные стратегии осуществляются через новостную среду и помогают расширить знания о деятельности вуза.

В настоящее время выделено несколько коммуникативных стратегий: общие и частные, основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные, прагматические (коммуникативно-ситуационные), диалоговые, риторические [3]. Данные коммуникативные стратегии рассматриваются в качестве комплекса речевых действий, служащих для достижения коммуникативной цели. Среди основных коммуникативных стратегий выявлены: стратегия убеждения, информирования, самопрезентации, солидаризации, дисเครดитации, разъяснения, иллюстрирования, отождествления, контраста и комплимента [3]; проведен анализ цифровых стратегий ведущих российских вузов и разработана система, определяющая эффективность коммуникации [5]; разработаны модели формирования стратегической компетенции среди обучающихся вуза [9]; предложен подход к коммуникативным стратегиям вуза, где ключевым является формирование позитивного имиджа и акцентировано внимание на важности применения маркетинговых инструментов в коммуникации университета [6].

Несмотря на достижения ученых, в настоящее время отсутствует структурированная комплексная система коммуникативных стратегий Тюменского государственного университета, а также способы их реализации. В статье обоснована модель эффективной коммуникации вуза.

Цель данного исследования состоит в выявлении средств презентации эффективных коммуникативных стратегий Тюменского государственного университета в коммуникативном пространстве на основе контент-анализа Программы развития Тюменского государственного университета на 2025-2036 годы.

Работа выполнена в рамках PR-коммуникации и коммуникативной лингвистики, благодаря чему стал возможным комплексный стратегический и лингвистический анализ средств презентации коммуникативных стратегий университета. PR-коммуникации выступают ключевым инструментом для обеспечения стратегического управления информацией и формирования доверительных отношений между вузом и об-

ществом. По И.П. Кривоносову, PR-информация – пред назначенная для целевой общественности информация, источником которой является базисный субъект пиар-деятельности [7]. Ее признаками являются инициированность, оптимизированность, селективность, значимость (соответствие спросу), точность, правильность, полноту, пабликитность и скрытое авторство [7].

Хотя PR-подходы и использование СМИ играют важную роль в формировании имиджа университета и участвуют в установлении благоприятной репутации вуза на мировом образовательном рынке, в данном исследовании внимание главным образом направлено на анализ внутренних текстовых документов, представленных на сайте Программы развития ТюмГУ на 2025-2036 годы [12].

В настоящее время Тюменский государственный университет (ТюмГУ) стремится занять лидирующие позиции на мировом рынке, повышая активность и расставляя приоритеты как в образовательной, так и в научно-исследовательской и технологической деятельности. Вуз считает одним из «флагманов трансформации образования в России» [17]. Согласно ежегодному рейтингу лучших вузов России, ТюмГУ занимает 49 место [14]. В 2025 году вуз вошел в Топ 10% лучших университетов мира, согласно Глобальному агрегированному рейтингу сезона 2024-2025 [1]. ТюмГУ является одним из ведущих вузов страны, стремящимся укрепить свои позиции не только на региональном, но и на глобальном уровне. Вуз становится «региональным лидером в области инноваций» [20].

Тюменский государственный университет активно реализует Программу развития на 2025-2036 годы, основными направлениями которой являются развитие международного сотрудничества, внедрение цифровых технологий в образовательный процесс, повышение конкурентоспособности обучающихся на глобальном рынке [12]. Сама Программа развития получила широкое освещение в СМИ, что указывает на повышенный интерес со стороны общественности к деятельности вуза и его стратегическим целям. Как отмечает одна из крупнейших новостных платформ, ключевой целью ТюмГУ является «лидерство в Западно-Сибирском научно-образовательном кластере» [20]. Для достижения данной цели вуз реализует несколько стратегических проектов в таких востребованных областях, как «Биобезопасный мир», «Экосистемы будущего», «Природовдохновленный инжиниринг», «Мультипарадигмальное образование», «Устойчивое развитие макрорегиона» [20]. Эти проекты, наравне с другими стратегическими идеями, поддерживают многие эксперты, в том числе руководитель программ бакалавриата МШУ «Сколково» и директор Школы перспективных исследований ТюмГУ Андрей Щербенок [8]. В своем онлайн-курсе «Управление университетами» он отмечал, что университет, как объект управления, требует комплексного и мультидисциплинарного подхода. А. Щербенок был убежден в том, что современный университет должен экспериментировать, внедрять новые подходы и методы к образовательному процессу и самопрезентации для формирования собственной идентичности [21].

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования были использованы лексемы, коллокации и словосочетания, собранные из параграфов Программы развития ТюмГУ на 2025-2036 годы и новостных разделов сайтов 72.ru / Russia Today (RT), связанные с деятельностью вуза в период с 2023 по 2025 годы [16, 20]. Количество собранного материала составляет 190 000 единиц. Выбор представленных новостных сайтов обусловлен тем, что 72.ru является известным региональным сетевым изданием, ориентированным на читателей из Тюмени и Тюменской области [16]; RT представляет крупный информационный сайт, предлагающий аудитории новости с глобального ракурса [20].

В работе применяется модель эффективной коммуникации вуза, которая включает акторов, их цели и задачи, взаимодействие «вуз-аудитория», стратегическое управление и систему управления. Данная модель разработана автором настоящей статьи на основе анализа теоретической литературы и эмпирических данных, собранных из работ Дж. Хьюмса [19], Г.Г. Поцепцова [11], Т.Э. Гринберг [2], С.А. Прокопенко [13]. Рассмотрим подробно каждую составляющую предложенной модели.

Акторами являются все участники коммуникационного университета, которых можно поделить на внутренних и внешних. Среди внутренних выделяются преподаватели, обучающиеся, административная часть, иные сотрудники вуза. Представителями внешних являются СМИ, общественность, абитуриенты, выпускники и партнеры вуза.

Цели и задачи акторов представляют их приоритеты и ценности в рамках стратегий коммуникации. Основными из них являются продвижение вуза на мировом рынке, повышение образовательной и научной деятельности, формирование положительного имиджа вуза, привлечение обучающихся со всего мира, поиск стратегических партнеров.

Взаимодействие «вуз-аудитория» является многоуровневой и комплексной интеракцией между вузом и аудиторией. Такое взаимодействие может осуществляться на конференциях и официальных встречах, при

помощи различных каналов связи и платформ, а также посредством сбора обратной связи в условиях цифровизации.

Стратегическое управление представляет собой разработку системы коммуникации вуза, формирование приоритетных стратегических направлений, а также комплексный подход к руководству университетом для создания позитивного имиджа и соответствия вуза современным трендам и вызовам образовательной среды.

Система управления представляет собой набор инструментов и технологий, служащий для формирования коммуникативных стратегий вуза. Главными составляющими системы управления являются пресс-служба, отдел маркетинга, а также аналитические платформы для сбора и обработки информации.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования мы проанализировали Программу развития ТюмГУ на 2025-2036 годы. Данная программа включает обширную систему параграфов, в которых указаны главные стратегии развития университета, цель, поставленная вузом, а также миссия вуза на глобальном образовательном рынке [12]. Общее количество параграфов в документе – 5. В первом параграфе («Общие положения: анализ результатов и текущее состояние университета») представлены общие сведения об университете как лидере в экспериментальном высшем образовании [12]. Второй параграф («Стратегия развития университета: целевая модель и ее ключевые характеристики») представляет собой структурированный обзор миссии университета – «максимально использовать возможности науки, образования и технологий для развития человека, меняющего общества и пространства», а также описывает целевую модель и основные показатели вуза к 2036 году [12]. Третий параграф («Планируемые мероприятия по достижению целевой модели: стратегические цели развития университета и стратегии их достижения») предлагает свежий взгляд на стратегические цели развития вуза до 2036 года, основные из которых «Проектирование будущего: человек» и «Проектирование будущего: территория», а также «Стратегическая технологическая цель». Наравне с этим в параграфе изложены целевые показатели достижения данных стратегических целей [12]. Четвертый параграф Программы («Цифровая кафедра университета») акцентирует внимание на важности перестройки образовательной «экосистемы университета» в условиях цифровизации и глобализации, как основных факторов формирования нового представления о вузе [12]. Заключительный пятый параграф («Стратегическое технологическое лидерство университета») является наиболее крупным и представляет подробный анализ стратегического технологического лидерства вуза и условий для его эффективной реализации [12].

Таким образом, представленные параграфы выявляют системообразующие факторы, которые определяют основную миссию университета как образовательного пространства, стратегические направления вуза, соотносящиеся с вызовами современности и запросами общества, проекты развития и формирования цифрового образа университета.

Для выявления коммуникативных стратегий вуза на основе анализа Программы развития вуза на 2025-2036 годы мы применили разработанную нами модель эффективной коммуникации вуза, состоящую из таких компонентов, как акторы, их цели и задачи, взаимодействие «вуз-аудитория», стратегическое управление и система управления. Реализация данной модели основывается на четырех главных системообразующих коммуникативных стратегиях, ранее выделенных О.С. Иссерс [3]: информирование, убеждение, самопрезентация, иллюстрирование. Выбор данных четырех коммуникативных стратегий обусловлен тем, что они могут быть применены к описанию коммуникативных стратегий университета, в отличие от других стратегий, которые применяются в отношении осуществления коммуникационной деятельности в целом [3]. Разберем каждую стратегию подробно.

Стратегия информирования указывает на передачу информации, предоставление структурированных фактических сведений о стратегическом управлении, достижениях, целях и задачах вуза, а также его статусе. Пример использования данной стратегии представлен в заглавии из новостного поста: «Студенты ТюмГУ обнаружили артефакты при раскопках городища в Курганской области» [20].

Стратегия убеждения отождествляет действие вуза на целевую аудиторию, использование приемов и аргументации, способствующих формированию целостного представления о деятельности и направлениях развития вуза. Стратегия представлена в одном из новостных постов: «Выпускники первого потока программы «Твоя академическая карьера» – это настоящая гордость университета» [16].

Стратегия самопрезентации подчеркивает важность создания положительного имиджа вуза в региональном и мировом образовательном пространстве, указывает на его уникальную идентичность. Данная стратегия была использована в новостном посте: «ТюмГУ оказался единственным вузом большого тюменского макрорегиона, который вошел в рейтинг» [16].

Стратегия иллюстрирования повествует об использовании определенных примеров и образов, демонстрирующих стратегические задачи, статистические данные и векторы развития вуза. Пример использования стратегии иллюстрирования присутствует в одном из новостных постов: «В прошедшем учебном году в Тюменском государственном университете прошли обучение более 600 студентов из 26 стран, в том числе из Ганы, Сирии, КНР, Гвинеи, ЮАР, Камеруна и Нигерии» [20].

Выделенные коммуникативные стратегии вуза применяются для комплексного стратегического и лингвистического анализа средств репрезентации коммуникативных стратегий ТюмГУ на основе Программы развития университета на 2025-2036 годы.

В качестве единиц, иллюстрирующих описанные коммуникативные стратегии, были выбраны определенные вербальные репрезентанты из Программы развития университета. Выявление вербальных репрезентант эффективных коммуникативных стратегий вуза обусловлено тем, что именно вербальная информация воспринимается аудиторией наиболее осознанно и мотивирует на принятие рациональных решений [6]. Рассмотрим подробно репрезентанты каждой из стратегий.

Средствами репрезентации стратегии информирования являются следующие лексические единицы: «занимает ведущие позиции», «интегратор сильных проектных и исследовательских команд», «внедрение технологий», «достигнута высокая скорость изменений», «создание единой системы», «цифровизация HR-процессов», «популяризация академической карьеры», «запуск программы академической релокации», «совершенствование программы мотивации», «расширение отраслевых партнерств».

Стратегию убеждения демонстрируют такие лексические единицы, как «обеспечена прозрачность образовательного процесса», «авторитетный агент», «соответствие задачам национальных проектов», «использование природовдохновленного подхода», «ключевой исполнитель крупных технологических проектов», «увеличение доли выпускников», «укрепление научных школ», «акселерация», «университет, совершивший быструю и комплексную трансформацию», «эксперт в цифровой трансформации».

Средствами иллюстрации стратегии самопрезентации является ряд: «технологический университет региона», «выступает как архитектор технологического будущего», «экспериментальный полигон», «think tank», «технологический лидер», «передовая инженерная школа», «универист-визионер», «трендсеттер», «индивидуализация», «интегратор технологических решений».

Стратегия иллюстрирования представлена следующими лексическими единицами: «85% выпускников трудоустроены», «100 000 слушателей ДПО в год», «входит в ТОП-7 исследовательских центров России», «показатель количества сторонних кандидатов вырос на 68%», «в 2028 году ТюмГУ войдет в ТОП-10 российских университетов», «подготовка не менее 300 специалистов», «трудоустроено 49 сотрудников в возрасте до 29 лет», «14 научных организаций и 7 организаций реального сектора экономики», «1026 студентов магистратуры», «увеличение доли выпускников на 40%».

Языковые репрезентанты стратегий информирования, убеждения, самопрезентации и иллюстрирования представлены различными частями речи, грамматическими и стилистическими формами. Стратегия информирования характеризуется использованием большого количества абстрактных нарицательных существительных, указывающих на факты и общие процессы: внедрение, создание, цифровизация, запуск, популяризация, совершенствование, расширение. По Н.Ю. Шведовой, данный ряд можно объединить в группу обобщенных существительных [18]. Также в данной стратегии присутствуют конкретные нарицательные существительные, преимущественно во множественном числе, акцентирующие внимание на деловом стиле: позиции, партнерства, команды, система, карьера, технологии. При этом в данной стратегии отсутствует оценочность, так как важным является предоставление фактической информации.

В стратегию убеждения включены оценочные словосочетания существительных с прилагательными, при этом существительные могут быть как конкретными, так и абстрактными: авторитетный агент, ключевой исполнитель, комплексная трансформация, цифровая трансформация, быстрая трансформация; ряд конкретных нарицательных существительных, указывающих на акторов и деятельность вуза: агент, выпускники, школы, проекты. Также в данном ряду представлены метафорические выражения, создающие положительный образ вуза: природовдохновленный подход, эксперт в цифровой трансформации.

Стратегия самопрезентации определяется множеством именных словосочетаний, указывающих на значимый статус и деятельность вуза: технологический университет, архитектор будущего, экспериментальный полигон, технологический лидер, инженерная школа; при этом прилагательные в словосочетаниях преимущественно относительные: инженерный, экспериментальный, технологический. Данная стратегия также выделяется широким использованием заимствованных лексем и англизмов, означающих ориентированность вуза на мировой рынок: визионер, трендсеттер, интегратор, think tank.

В стратегии иллюстрирования присутствует большое количество числительных и процентных данных, указывающих на точную информацию о достижениях вуза: 85% выпускников, 100 000 слушателей, 29 лет, 1026 студентов, увеличение на 40%, ТОП-7, ТОП-10, 68%, 14 организаций, 7 организаций, 49 сотрудников; ряд собирательных существительных, демонстрирующих количество акторов в среде университета: выпускники, слушатели, кандидаты, специалисты, сотрудники, организации. Также используются глагольные формы в трех временах действительного и страдательного залога, демонстрирующие проделанную работу и ожидаемые результаты: трудоустроены,ходит, вырос, войдет.

Выводы

На основе проведенного анализа можно заключить, что представленные коммуникативные стратегии – информирование, убеждение, самопрезентация и иллюстрирование – активно используются в параграфах Программы развития ТюмГУ на 2025-2036 годы. Данные стратегии являются системообразующими и отражают различные методы воздействия на аудиторию. Стратегия информирования способствует качественной передаче знаний; стратегия убеждения основывается на аргументации, формируя доверительные отношения между вузом и аудиторией; стратегия самопрезентации осуществляет создание позитивного образа университета, влияет на его имидж на мировом образовательном рынке; стратегия иллюстрирования направлена на выделение наглядных примеров реализации стратегических целей вуза, а также планируемых результатах. Лексемы, коллокации и словосочетания, демонстрирующие данные стратегии, формируют полноценное представление о деятельности вуза и его коммуникации.

Таким образом, мы рассмотрели коммуникативные стратегии вуза, с помощью которых университет эффективно взаимодействует с аудиторией. Лингвистические средства, отраженные в Программе развития вуза, являются релевантными способами репрезентации четырех коммуникативных стратегий современного вуза, которые, в свою очередь, демонстрируют его цели и задачи, миссию, стратегическое управление и акцентируют внимание на значимости его позиционирования на глобальном образовательном рынке.

Список источников

1. Агрегатор независимой оценки высшего образования. М., 2025. URL: <https://best-edu.ru/ratings> (дата обращения: 23.06.2025).
2. Гринберг Т.Э. Коммуникационная концепция связей с общественностью: модели, технологии, синергетический эффект. М.: Издательство Московского университета, 2012. 324 с.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
4. Захарова А.В. Коммуникационная стратегия вуза как средство повышения конкурентоспособности на современном этапе развития высшего образования // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnaya-strategiya-vuza-kak-sredstvo-povysheniya-konkurentosposobnosti-na-sovremennom-etape-razvitiya-vysshego> (дата обращения: 03.07.2025).
5. Косяков М.А., Шайдулина Т.Т. Коммуникационные стратегии ведущих российских вузов // Креативная экономика. 2016. Т. 10. № 7. С. 813 – 828.
6. Кошлякова М.О. Коммуникативные стратегии вуза // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-vuza> (дата обращения: 07.07.2025).
7. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций: 2-е изд., доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 288 с.
8. Курс Андрея Щербенка «Управление университетами». М.: Московская школа управления Сколково, 2025. URL: <https://www.skolkovo.ru/longread/kurs-andreya-sherbenka-upravlenie-universitetami/> (дата обращения: 23.06.2025).
9. Михайлина О.Н. Формирование коммуникативных стратегий взаимодействия в подготовке бакалавров неязыкового вуза к межкультурной коммуникации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Тольятти, 2020. 209 с.
10. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. М.: Московский Политех, 2022. № 2. С. 149 – 166.
11. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2006. 651 с.
12. Программа развития университета 2030. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2025. URL: <https://www.utmn.ru/priority2030/> (дата обращения: 26.06.2025).
13. Прокопенко С.А. Современный университет: от явления к сущности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyj-universitet-ot-yavleniya-k-suschnosti> (дата обращения: 01.07.2025).

14. Сайт рейтинговой группы RAEX. М., 2025. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2025/ (дата обращения: 01.07.2025).
15. Самылина И.А. Современный университет: преобразование в организацию // ЖССА. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-universitet-preobrazovanie-v-organizatsiyu> (дата обращения: 07.07.2025).
16. Сетевое издание 72.ru. Тюмень, 2025. URL: <https://72.ru/> (дата обращения: 03.07.2025).
17. Тюменский государственный университет. Тюмень, 2025. URL: https://www.utmn.ru/abiturient/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=111458264&utm_content=16560321180&utm_term=сайт%20тюмгу&yclid=3445505220801724415 (дата обращения: 23.06.2025).
18. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь (Опыт описания лексики как системы) // Вестник РГНФ. 1996. Т. 1. С. 220 – 227.
19. Humes J.C. Speak like Churchill, stand like Lincoln: 21 powerful secrets of history's greatest speakers. Crown, 2002. 224 р.
20. RT на русском. М., 2025. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 03.07.2025).
21. Skolkovo resident. М., 2025. URL: <https://skolkovo-resident.ru/upravlenie-universitetami-skolkovo/> (дата обращения: 23.06.2025).

References

1. Aggregator of independent assessment of higher education. Moscow, 2025. URL: <https://best-edu.ru/ratings> (date of access: 23.06.2025).
2. Grinberg T.E. Communication concept of public relations: models, technologies, synergistic effect. Moscow: Moscow University Publishing House, 2012. 324 p.
3. Issers O.S. Speech influence: a textbook for students studying in the specialty "Public Relations". Moscow: Flinta, 2009. 224 p.
4. Zakharova A.V. Communication strategy of the university as a means of increasing competitiveness at the current stage of higher education development. Siberian Pedagogical Journal. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnaya-strategiya-vuza-kak-sredstvo-povysheniya-konkurentosposobnosti-na-sovremennom-etape-razvitiya-vysshego> (date of access: 03.07.2025).
5. Kosyakov M.A., Shaidulina T.T. Communication strategies of leading Russian universities. Creative economy. 2016. Vol. 10. No. 7. P. 813 – 828.
6. Koshlyakova M.O. Communication strategies of the university. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2011. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-vuza> (date of access: 07.07.2025).
7. Krivonosov A.D. PR-text in the system of public communications: 2nd ed., suppl. SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2002. 288 p.
8. Andrey Shcherbenok's course "University Management". Moscow: Skolkovo Moscow School of Management, 2025. URL: <https://www.skolkovo.ru/longread/kurs-andreya-sherbenka-upravlenie-universitetami/> (date of access: 23.06.2025).
9. Mikhaylina O.N. Formation of communicative strategies of interaction in the preparation of bachelors of a non-linguistic university for intercultural communication: dis. ... Cand. Ped. Sciences: 13.00.08. Tolyatti, 2020. 209 p.
10. Nikolaev V.K. Export of education in Russian universities in the context of the new reality. Higher education in Russia. Moscow: Moscow Polytechnic University, 2022. No. 2. P. 149 – 166.
11. Pocheptsov G.G. Theory of communication. Moscow: Refl-book, Wakler, 2006. 651 p.
12. University Development Program 2030. Tyumen: Tyumen State University, 2025. URL: <https://www.utmn.ru/priority2030/> (date of access: 26.06.2025).
13. Prokopenko S.A. Modern University: From Phenomenon to Essence. Professional Education in Russia and Abroad. 2016. No. 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-universitet-ot-yavleniya-k-suschnosti> (date of access: 01.07.2025).
14. Website of the RAEX rating group. Moscow, 2025. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2025/ (date of access: 01.07.2025).
15. Samylyina I.A. Modern University: Transformation into an Organization. ZhSSA. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-universitet-preobrazovanie-v-organizatsiyu> (date of access: 07.07.2025).
16. Online publication 72.ru. Tyumen, 2025. URL: <https://72.ru/> (date of access: 03.07.2025).

17. Tyumen State University. Tyumen, 2025. URL:
https://www.utmn.ru/abiturient/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=111458264&utm_content=16560321180&utm_term=сайт%20тюмгу&yclid=3445505220801724415 (date of access: 23.06.2025).

18. Shvedova N.Yu. Russian Semantic Dictionary (An attempt to describe vocabulary as a system). Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation. 1996. Vol. 1. P. 220 – 227.

19. Humes J.C. Speak like Churchill, stand like Lincoln: 21 powerful secrets of history's greatest speakers. Crown, 2002. 224 p.

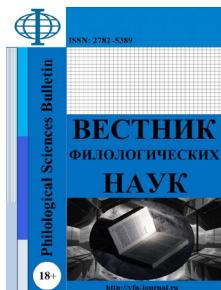
20. RT in Russian. Moscow, 2025. URL: <https://russian.rt.com/> (date of access: 03.07.2025).

21. Skolkovo resident. Moscow, 2025. URL: <https://skolkovo-resident.ru/upravlenie-universitetami-skolkovo/> (date of access: 23.06.2025).

Информация об авторах

Гурбанова А.М., Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ai.m.gurbanova@utmn.ru

© Гурбанова А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Авдеева Г.А.

¹ Нижнетагильский социально-педагогический институт, филиал УрГПУ

Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет»

Аннотация: в статье анализируются лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов (Ксении Лесовой и Ксении Левшиной) в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет». Выделяются наиболее значимые группы стилистически окрашенной лексики; а также анализируется речь повествователей с точки зрения использования лексических средств выразительности. Обращается внимание на активное включение сниженной, разговорной и просторечной, лексики в речь каждого из рассказчиков, что обусловлено дневниковой формой повествования (передача особенностей устной речи); а также на наличие определенных групп терминов, в частности, минералогической терминологии, что обусловлено профессиональной деятельностью героев произведения. Отмечается, что для речи Xana как ведущего нарратора характерен больший полифонизм, языковое разнообразие, активное использование образных средств, склонность к языковой игре, а также к рефлексии в более поздних записях (2017 года). Язык дневников Ксении Михайловны тоже отличается разнообразием, но несколько уступает в выразительности, кроме того, становится более сухим, протокольным в поздних записях. Наиболее значимым оказывается взаимодействие двух линий повествования, которое особенно проявляется в размышлениях Ксении Лесовой о судьбе Ксении Михайловны Левшиной.

Ключевые слова: стилистически окрашенная лексика, лексические средства выразительности, нарратор / рассказчик / повествователь, роман Анны Матвеевой «Каждые сто лет»

Для цитирования: Авдеева Г.А. Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 79 – 86.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Avdeeva G.A.

¹ Nizhny Tagil Social and Pedagogical Institute, branch of Ural State Pedagogical University

Lexical and stylistic features of the narrator speech in the Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years"

Abstract: the article analyzes lexical and stylistic features of the speech of the main narrators (Ksenia Lesova and Ksenia Levshina) in Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years". The most significant groups of stylistically colored vocabulary are identified; and the narrators' speech is analyzed from the aspect of using lexical means of expression. Attention is drawn to the active inclusion of reduced, colloquial and vernacular vocabulary in the speech of each of the narrators, which is due to the diary form of narration (conveying the oral speech features); as well as the presence of certain groups of terms, in particular, mineralogical terminology, which is due to the professional activities of the characters in the work. It is noted that Xana's speech as a leading narrator is character-

ized by greater polyphony, linguistic diversity, active use of figurative means, a tendency to lingual game, as well as reflection in later recordings (2017). The language of Ksenia Mikhailovna's diaries is also diverse, but it is somewhat inferior in expressiveness, and it also becomes more dry and protocol-like in later entries. The most significant is the interaction of the two narrative lines, which is especially evident in Ksenia Lesova's reflections on the fate of Ksenia Mikhailovna Levshina.

Keywords: stylistically colored vocabulary, lexical means of expression, narrator / storyteller, Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years"

For citation: Avdeeva G.A. Lexical and stylistic features of the narrator speech in the Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 79 – 86.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Современная художественная литература использует разнообразные способы построения текста, в том числе новые формы, нетривиальные структуры. В художественном произведении важны не только события, о которых в нем рассказывается, но и само «событие рассказывания», поэтому авторы часто прибегают к дневниковой форме повествования, а также к различным сложным композиционным формам с использованием нескольких рассказчиков-нarrаторов. Примером может служить роман Евгения Водолазкина «Чагин». Значительный вклад в изучение повествовательной структуры художественного текста внесла работа В. Шмидта, автор которой выделил разнообразные типы нарраторов [13]. Мы уже обращались к анализу различных типов нарраторов в произведении Е. Водолазкина «Чагин» [3]. В данной статье нас интересуют не столько типы нарраторов, представленные в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет», сколько их речевая характеристика, в частности, лексический уровень, поскольку он является базовым для раскрытия языковой личности.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом филологии к изучению языка современной литературы, в том числе в аспекте анализа речевой организации, особенностей повествовательной структуры текста. Новизна заключается в системном анализе лексико-стилистических особенностей нарраторов (рассказчиков) на материале одного из последних романов Анны Матвеевой. Возможность использования материалов данной статьи при анализе текстов современной художественной литературы, в частности произведений Анны Матвеевой, обуславливает ее практическую значимость.

Цель данной статьи – проанализировать особенности речевой организации основных нарраторов (Ксении Лесовой и Ксении Левшиной) в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» на лексико-стилистическом уровне; выявить общие и отличительные особенности. Данная цель обусловила и частные задачи исследования: выявить наиболее актуальные с точки зрения стилистической окраски группы лексики в речи каждого из основных нарраторов (Ксана и Ксения); а также проанализировать речь с точки зрения использования лексических выразительных средств.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования послужили труды ученых, занимающихся вопросами стилистики, стилистической окраски языковых единиц, а также их функционированием в художественном тексте, в частности, М.Н. Кожиной [8], И.Б. Голуб, [7], А.Е. Волковой [6] и др. Кроме того, мы опираемся на основные идеи В. Шмидта в понимании термина «нarrатор», представленные в указанной уже ранее работе [13]. Следует обратить внимание и на особый интерес исследователей к такой литературной жанровой форме как дневник, которая находит отражение в анализируемом произведении. См., например, работу [10]. Мы уже обращались ранее к изучению различных типов нарраторов, а также к лексико-стилистической составляющей речи персонажей и рассказчиков в художественном произведении [1-3]. Основные методы исследования: наблюдения, описания, семантико-стилистического и контекстуального анализа.

В качестве материала исследования был выбран роман «Каждые сто лет» Анны Матвеевой, творчество которой в последнее время все больше привлекает внимание читателей и исследователей, в том числе и указанное произведение. См., например, работы [4, 11]. Выбор данного произведения обусловлен его содержанием и жанровыми особенностями. Жанр обозначен автором как «роман с дневником». Роман содержит две сюжетные линии, причем обе представлены в форме дневников. При этом линия Ксении Михайловны Лёвшиной основана на реальных дневниках бабушки Анны Матвеевой, которой она и посвятила свое произведение. Конечно, сама Анна Александровна в многочисленных интервью говорила, что она

многое дописала, изменила, сократила. Понятно, что это не абсолютно документальная проза, тем не менее, для изучения речевой организации данного текста интересен анализ взаимодействия документальной и художественной составляющей. Другая линия полностью вымышленная, хотя и она не исключает наличия прототипов некоторых героев. История Ксаны написана захватывающе, включает даже элементы детектива. Многие из читателей отметили, что дневник Ксаны (ложной внучки Ксении Левшиной) читается с большим интересом, чем дневник собственно Ксении Левшиной. В дальнейшем мы будем называть нарраторов, как они обозначены в романе: Ксана (Ксения Лесовая) и Ксения (Левшина).

Включение элементов реальных документов и фрагментов настоящих дневников Ксении Михайловны в художественное произведение с вымышленными героями создает своеобразный эффект. Документ уже перестает восприниматься как реальный факт [4]. Отсюда и жанр «роман с дневником», а не «романдневник». Ксения Левшина пишет свой интимный дневник, но оказывается персонажем истории, которую выстраивает Ксана, которая в свою очередь «пишет» собственную жизнь: произведение включает и непосредственно дневник Ксении Лесовой, и ее воспоминания о прошлом, причем в некоторых главах героиня пишет о себе в третьем лице. В конце концов, в романе даже появляется и сам автор Анна Матвеева, которой Ксана должна передать дневники своей «ложной бабушки».

Результаты и обсуждения

Проанализировав текст романа Анны Матвеевой, мы можем констатировать, что оба основных нарратора обладают яркими речевыми особенностями, но все же языковой портрет Ксаны как рассказчицы и персонажа оказывается более интересным, разнообразным, поэтому ему мы больше уделим внимания. Это вполне может быть объяснимо тем, что это героиня вымышленная; ее дневниковые записи являются более «художественными», линия Ксаны более беллетризированная, насыщена разнообразными событиями, что мы уже отметили ранее.

Отметим, что по классификации В. Шмидта оба нарратора (и Ксана, и Ксения) эксплицитные, диегетические (то есть в основном включенные в действие, кроме тех случаев, когда Ксана домысливает содержание дневника Ксении либо сама пересказывает события жизни Ксении Левшиной), первичные, личные, объективные / субъективные (в разных ситуациях), внутринаходимые, надежные.

Обратимся к анализу лексико-стилистических особенностей речи Ксаны. Сразу отметим, что Ксения Лесовая, как собственно и Левшина, является одновременно и нарратором, и персонажем произведения, поэтому в некоторых случаях этих субъектов сложно разделить. Как нарратор Ксения передает речь, высказывания других персонажей, отсюда и полифонизм, и лексическое разнообразие.

В первую очередь следует отметить преобладание лексики сниженного регистра: разговорной, просторечной, жаргонной. Само имя нарратора Ксана носит явно сниженно-разговорный характер. Преобладание данных групп лексики обусловлено жанровыми особенностями дневниковой прозы, желанием автора передать живую, необработанную речь. «Структура фразы, особенности лексики аналогичны устной речи, что создает темпоритм живой интонации» [11, с. 109].

В большей степени представлена разговорная лексика, в том числе и обладающая эмоциональной окраской, положительной или отрицательной оценочностью: промокашка, дворяночка, чертыхнула, психушка, биполярка (биполярное расстройство), алкоголичка, велик и др.; а также просторечная на фиг, дебил, чокнулся, рехнулся, дурдом и т.п. Больше тяготеют к жаргонной характеристике такие единицы, как учебка, Афган, косильщики от армии и подобные. Явно жаргонный характер носит, например, слово ромгерм, которое вне контекста вообще непонятно: «Поступила на ромгерм, уехала в Париж, получила европейский диплом» [9, с. 201], то есть поступила на романо-германское отделение. (Выделения курсивом в тексте романа в дальнейшем мои, кроме особо отмеченных случаев – А.Г.). Следует особо выделить случаи использования языковых единиц, которые могли изменить свою стилистическую окраску в последние десятилетия развития русского языка. Так в одной из записей Ксаны за 1989 год присутствует слово «совок», правда, в передачи речи другого персонажа: «Ринат говорит: я не людей обманываю, а долбаный совок» [9, с. 417]. Речь идет о конце 80-х. Слово «совок» было зафиксировано словарями жаргона в начале 90-х, а популярность приобрело гораздо позже и соответственно повысило стилистический статус (стало восприниматься как разговорное). По крайней мере, с такой пометой оно представлено в Толковом словаре современного русского языка: «Совок, Разг. Неодобр. 1. О Советском Союзе, советском строе. 2. О чем-либо свойственном Советскому Союзу. 3. О советском человеке» [12, с. 737]. В контексте слово означает недалеких людей, видимо, не принимающих изменения, происходящие в стране.

Интересно также включение слов, которые в целом носят разговорно-сниженный характер, но являются индивидуальными (окказиональными) лексемами, что подчеркивается в контексте: «Я смотрела на кучу купюр, похожих на опавшие листья. Красные «пятиштучки» (Ирино слово) и голубоватые тысячные» [9]. В ре-

чи Александры Петровны Ксану удивляет слово «поярчела». «А это что еще за слово? Раньше я была менее яркой?» [9, с. 288].

Достаточно много и книжной лексики представлено в той части романа, где в качестве нарратора выступает Ксана. В основном это терминологическая лексика трех групп: геологическая терминология, ботаническая и медицинская. Первые две группы лексики связаны с профессиональной деятельностью родителей Ксаны. Отец занимался геологией, даже точнее – минералогией, отсюда так много названий минералов, причем иногда экзотических. «Отсюда и взялись на Урале раковины аммонита – головоного моллюска... замечаю, как родонит похож на окорок, ортоклаз – на кирпич, а селенит – на свечной огарок... кое-что я успела запомнить, например, что древнейшая горная порода на Урале называется израндит (выделено у автора!) и ей два миллиарла лет...» [9, с. 117]. «Вот он, мой старый знакомец: роговообманковый габбропегматит с тулитизированным плагиоклазом! Мы с Димкой как-то на спор выучили название наизусть и папа, услышав, как бойко мы тарабаним непроизносимое имя этого минерала, похожего на испорченную ветчину, хохотал от всей души! Димка, впрочем, говорил ‘плакиоглаз’» [9, с. 652-653]. Данный фрагмент интересен тем, что научообразное название минерала помещается в другой стилистический контекст, не научный, а разговорный (и даже – игровой). Для героини-нarrатора непроизносимое название минерала становится источником своего рода игры с братом. Контекст иллюстрирует важную речевую особенность Ксаны, на которую мы еще обратим внимание в дальнейшем: склонность к использованию ярких выразительных средств (метафор, сравнений и др.), а также к языковой игре. Оговорка Димы – своего рода анаграмма, проявление народной (ложной) этимологии: ‘плакиоглаз’ – плачущий глаз, запоминающийся образ, в отличие от исходного бессмысленного набора букв / звуков.

Геологически-минералогическая лексика присутствует в романе и в связи с родом деятельности другого персонажа, который связан с линией Ксении Левшиной, ее мужа Константина Матвеева. Его образ появляется не только в дневнике Ксении, но и Ксаны, особенно в последней части романа. Ксения Лесовая анализирует жизнь своей псевдобыушки и дает нелестную оценку Константину Матвееву. Безусловно, он выдающийся ученый, но его поведение как мужа и отца вызывает недоумение и возмущение. (Создал вторую семью, не разведясь с первой женой; позже бросил и Ксению с детьми ради юной любовницы. Немаловажно и то, что Матвеев так и не оформил официально брак с Ксенией, хотя прожил с ней более 20 лет). Но удивительно, что само открытие ученого Матвеева нарратор и персонаж Ксана соотносит с личными качествами человека Матвеева. «Именно там, близ села Верейно, он впервые обнаружит таинственные cone-in-cone – образцы бутоминозных мергелей, представляющих собой «явление нарушенной кристаллизации». Эти загадочные структуры... напоминали собой как бы вставленные одна в другую пирамидки и конусы (второе название – «фунтиковая структура»)» [9, с. 682]. Повествователь замечает, что почти все время Матвеев занимался этим явлением, возвращался к нему. Ксана проводит интересную параллель с трактатом Стендэля «О любви», в котором автор пишет о процессе «кристаллизации любви», и явлением, открытым Матвеевым: «...если подумать, cone-in-cone Матвеева и залыцбурская ветка Стендэля имеют между собой кое-что общее. Что одним, что другим кристаллам не было дела до того, где именно расти и как видоизменять случайно избранный объект. Любовь Ксенички к своему невенчанному мужу было настоящей, зримой, доказуемой. Как фундамент – пусть его не видно, но на нем все держалось. Любовь К.К. напоминала хрупкие недолговечные кристаллы, выросшие по случаю, где пришлось» [9, с. 683]. Мы видим, как в речи повествователя научное явление становится основой для создания яркого образа, точно характеризующего поведение персонажа.

Ботаническая лексика – это область интересов матери Ксаны. «А потом мама шла домой, готовила ужин, гладила белье, проверяла у нас уроки и садилась писать свою вечную диссертацию про кладодии и филлокладии редких видов деревьев – объект постоянных папиных шуток» [9, с. 391]. Дима даже однажды пошутил на тему того, что может быть общего у его родителей (один изучает камни, другая – деревья): «общим может стать окаменевшее дерево» [9, с. 391].

Что касается медицинской терминологии, то ее появление в тексте романа, в дневнике Ксаны, обусловлено двумя причинами: психическим заболеванием сына Дмитрия – Андрея (явно жертвы плохой генетики со стороны матери), о котором больше всех заботиться Ксана, а также ее профессиональной деятельностью: Ксана сопровождает как переводчик людей в медицинских учреждениях (русскоговорящих за границей). «Доктор был высокий, знающий, равнодушный. Говорил про кетаминовые капельницы, нейромодуляции и танскраниальную магнитную стимуляцию» [9, с. 175]. «Синдром ундины, вот как называется ваша болезнь. Официально – синдром врожденной центральной гиповентиляции» [9, с. 223].

Другие терминологические группы представлены небольшим объемом лексики. Например, юридическая терминология (в связи с судебным процессом после попытки суицида Андрея, в результате которой погиб

другой человек): «хабеас корпус» – ключевое понятие британского права; искусствоведческая или полиграфическая: «Лучше бы в Русский музей сходила или в кино, чем просиживать штаны над неподъемным увражем...» (о работе в архиве). «Увраж (фр. «работа, труд, произведение») – роскошное художественное издание большого формата, обычно состоящее из гравюр» [5, с. 680].

Наибольший интерес представляют случаи нарочитого столкновения слов разной стилистической окраски и семантики. Обратимся к примеру. Описывая свое пребывание в качестве компаньонки некой Влады, Ксана обращает внимание на слово «велик». «– Сегодня поедем купаться, сказала Влада. – Умеешь на велике? Ксана чуть не поперхнулась чаем. Во-первых, велосипед – велик! – совершенно не подходил холеной красавице Владе – ей бы карету или в крайнем случае кабриолет. Во-вторых, Ксана после приснопамятных уроков с мамой ни разу не пыталась оседлать двухколесное чудовище» [9, с. 247]. Данный фрагмент ярко иллюстрирует особенности речи повествователя. Мы видим и стилистический контраст разговорного велика и книжной устаревшей лексики – приснопамятных (уроков); и семантический контраст того же велика и кареты/кабриолета, а кроме того, обнаруживается склонность Ксаны к включению в речь ярких образных средств: сравнений, метафор, эпитетов. И все это, безусловно, способствует созданию иронии. Действительно, претенциозная Влада, сорящая деньгами, готовая лечь под нож хирурга ради омоложения, никак не вяжется с образом человека, готового кататься на велосипеде / велике.

Образность речи Ксаны объясняется ее филологическим образованием. В конце концов, она и работает переводчиком и в finale романа готова написать книгу, которую собственно уже и написала. «Вот оно мое счастье – искать слова, вставлять в них пропущенные буквы, а, соединяя слова, следить, чтобы за ними вставали живые люди, и жить в мире этих людей, важных столько же, сколько те, кто действительно рядом. Или даже важнее» [9, с. 756]. Ксана использует точные и лаконичные сравнения, эпитеты, метафоры, дающие оценку какому-то явлению, человеку. См., например, приведенный ранее фрагмент о «нарушенной кристаллизации» как метафоре неспособности К. Матвеева на настоящее чувство. Не менее точно характеризует Ксана Петербург, точнее формулирует свое восприятие этого города-музея: «Можно не любить Петербург (Ксана не любила), но не признавать его красоту – немыслимо. Была, правда, в этой красоте фальшив качественной подделки. Картонная, раскрашенная прелесть театрального задника – ни в Париже, ни в Риме таких мыслей не возникает, а здесь даже во рту почему-то бумажный привкус» [9, с. 341-342].

Но особо следует отметить склонность этого нарратора к стилистическому контрасту, смешению разнородных языковых единиц, языковой игре. «Курить, кстати, ее научила Тараканова – бездонный кладезь дурных привычек» [9, с. 199]. Устаревшее и поэтическое слово кладезь явно контрастирует с «дурными привычками» и стилистически, и семантически. При этом Ксана фиксирует интересные случаи языковой игры в речи родных и знакомых, то есть как настоящий писатель собирает своего рода языковой материал. «Варя вернулась из Прибалтики, как сказал Дима, вся прибалтненная» [9, с. 50]. Окказионализм прибалтненная – явный пример контаминации: прибалтненная + Прибалтика. Периодически появляется и колесо обозрения (вместо обозрения). Даже свои оговорки Ксана фиксирует: «Я клялась, как умела, что никогда в жизни не потеряю пионерского галстука и буду беречь его как десницу ока. Тут директор захочет» (лексическая трансформация фразеологизма как зеницу ока). Ксана также часто отмечает языковую игру и в речи Таракановой: «Когда им в восьмом классе преподавали «Общий уход», Княжна заявила: – Общий уход – это если мы все встанем и уйдем отсюда на фиг» [9, с. 214]. В данном случае мы видим яркий пример семантической интерференции.

Подводя итоги наблюдения над лексико-стилистическими особенностями речи основного нарратора романа, следует обратить внимание на то, что Ксана – наиболее сложный повествователь в этом произведении. В первой части мы видим непосредственный дневник, фиксирующий текущие события. Это дневник подростка. Здесь в основном наблюдения, мало анализа. Повествование ведется от 1 лица. Во второй части романа, которая хронологически сильно отдалена от первой (последняя запись в дневнике Ксаны за 1989 год, первая во второй части датирована августом 2017), повествование уже ведется от 3 лица. При этом по-взрослевшая Ксана периодически обращается к старому дневнику, который продолжает сюжетную линию, оборванную в finale первой части. Вставки так и маркируются: «Старый дневник Ксаны. Свердловск, май 1987 г.» и т.п. Ксана 2017 года постоянно рефлектирует и по поводу своего прошлого (рассказ о семейных трагических событиях конца прошлого века содержит не только в записях старого дневника, но и в новом дневнике), и по поводу жизни Ксении Левшиной, и в целом размышляет о языке, литературе, искусстве и других категориях. «Вот пример такой рефлексии Ксаны: «– Самолет буквально только что приземлился, – сказала Наташа. Любой русский человек выразился бы проще – сел (курсив автора). Удивительно, как kostenet родной язык вдали от своей естественной среды – эмигранты увозят его с собой в том состоянии, какое он имел на момент отъезда, а дальше родная речь медленно мумифицирует» [9, с. 211].

Рамки статьи не позволяют так же подробно проанализировать речевой портрет другого основного нарратора – Ксении Левшиной, поэтому ограничимся общими наблюдениями. В первую очередь следует отметить наличие устаревшей лексики (с точки зрения современного читателя), поскольку первые дневниковые записи Ксении были сделаны еще в конце XIX века: первая запись датирована маем 1893 года. Можно выделить наличие как историзмов, например, ландо, так и в наибольшей степени архаизмов: диэта (фонетический архаизм), кухмистерская (столовая), инфлюэнца и др. «... я не могла оторвать глаз от дивной пелерины: – Что это? – Сорти-де-баль, – разъяснила мама, – его надевают на плечи, когда бал кончается, чтобы не простудиться при разборе шуб» [9, с. 103].

В целом для ранних дневниковых записей Ксении Левшиной характерно сочетание высокой (часто – устаревшей) и сниженной разговорной лексики: «Начиная вести дневник, я думала о том, что сперва следует рассказать об истории нашего рода... Имею ли я основание вести дневник или для сего нужно быть выдающимся, необыкновенным человеком?» [9, с. 16]. Активно представлены иноязычные вкрапления, что характерно для речи дворян конца XIX века. Кроме того, семья Ксении какое-то время проживала за границей, в Лозанне (см., например, перечисление названий гор на стр. 195).

Так же, как в дневнике Ксаны, в записях Ксении активно представлена сниженная разговорно-просторечная лексика, что обусловлено тенденцией к передаче устной непринужденной речи: приготовишь, дурнушка, затрапезное (платье), хворал, детишки, охоч (до женского пола), сошелся, обзавелся (любовницей), «псих» (о человеке с психическими отклонениями, у автора слово взято в кавычки) и т.п. Много имен собственных, представляющих собой разговорные смягченные варианты: Геничка, Санчик, Ксеничка и т.п. Особо следует отметить ласковое прозвище, которое Ксеничке дали сестры Лакомб – Пампуш. «Это прозвище Ксеничка сама себе накликала... сболтнула заимствованное у Гоголя слово «пампушки». – Как-как? Pampouche? Теперь ты у нас будешь Пампуш» [9, с. 282-283]. Часть лексем носит при этом устаревший характер: «Евгения Яковлевна ласково звала его заскребышком» [9, с. 17]. Речь идет об отце Ксении, который был последним тринадцатым ребенком. Можно обнаружить и некоторые индивидуальные словоупотребления, но их меньше, чем в дневнике Ксаны: музейские (вместо узульного «музейные»), дикарята и некоторые другие.

В дневнике Ксении также присутствует и книжная лексика, в том числе и та сама минералогическая терминология, что вполне логично, поскольку гражданский муж Ксении занимается научной деятельностью, в частности минералогией. Но в целом все-таки в своем дневнике Ксения чаще фиксирует бытовую сторону жизни. Даже какие-то глобальные события, происходящие в стране, упоминаются вскользь. И чем ближе к концу романа, тем записи становятся более сухими, краткими. И общее настроение их мрачное. Муж не ценит Ксению, уходит к молодой любовнице, а потом от этой любовницы еще и к другой. Дети также не проявляют особой любви к матери, стыдятся ее. В конце жизни Ксения Левшина практически остается одна (притом, что у нее много детей). Заботиться о ней жена погибшего сына Андрея, который, по мнению Ксении Михайловны, единственный и любил мать по-настоящему. Показательно название предпоследнего фрагмента записей Ксении – «Под знаменем напрасно прожитой жизни». Перед этой записью следует подборка писем Андрея с фронта. И непосредственно последняя вставка дневника Ксении Михайловны и начинается фразой «Это уж точно мой последний дневник» [9, с. 731].

Можно отметить, что записи Ксении в целом отличаются большей сухостью, «дневникостью», по сравнению с дневником Ксаны разных лет. Даже использование образных средств носит более сдержаный характер. Ксения прибегает чаще к общеупотребительным метафорам: «Лед был сломан, казенная улыбка исчезла» [9, с. 283]. Но, конечно, описание зарождающегося чувства по отношению к Константину Матвееву в третьей части романа очень отличается от описания последующих драматических событий в жизни Ксении. Интересно, что в третьей части романа в дневниковых записях Ксении Левшиной повествование ведется от 3 лица. Нарратор как бы отстраняется от героини, но при этом все-таки фиксирует события через призму ее восприятия. Ксения не слышит все предупреждения о своем возлюбленном, даже когда узнает о наличии у него семьи далеко на Урале.

Подводя итоги наблюдениям, можно сделать выводы о том, что лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов в романе имеют как общие черты, обусловленные самим жанром дневника (влияние устной речи, фиксация текущих событий, как правило, бытовых, частных), так и различные. Но наибольший интерес для исследователя представляет взаимодействие двух сюжетных линий, историй жизни, взаимодействие документальной и художественной составляющей. Так юная Ксана начинает писать собственный дневник под влиянием случайно найденных записей Ксении Михайловны. Повзрослевшая Ксана не просто перечитывает дневники Ксении Левшиной, но и пытается как бы дописать их, реконструирует некоторые события, работая в архивах; в конце концов, она осмысливает события жизни Ксении Михайловны.

ловны, дает оценку поступкам ее мужа. «Роман с дневником, подзаголовок данный автором, можно интерпретировать не только как фиксацию наличия двух разнородных и разнофункциональных жанров, но и их взаимодействие, отношения, складывающиеся в пределах единого текста» [4, с. 18].

Выводы

Проанализировав лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» (Ксаны и Ксении), мы пришли к следующим выводам.

• Отбор лексики в речи повествователей прежде всего обусловлен самим жанром дневника, выбранным автором. Отсюда преобладание лексики разговорной, просторечной, эмоционально окрашенной, на что обращают внимание и другие исследователи: «особенности лексики аналогичны устной речи, что создает темпоритм живой интонации» [11, с. 109].

• Наличие книжной лексики, особенно определенных терминосистем (в частности, минералогической), характерно для речи обоих нарраторов и обусловлено профессиональной деятельностью героев произведения, в частности, ключевого персонажа романа Константина Матвеева, а также отца Ксении Лесовой. Кроме того, следует отметить наличие устаревшей лексики в ранних дневниковых записях Ксении Левшиной, датированных еще концом XIX века.

• Для речи Ксаны как ведущего нарратора характерен больший полифонизм, языковое разнообразие, активное использование образных средств, склонность к языковой игре, а также к рефлексии в более поздних записях (2017 года). Язык дневников записей Ксении Михайловны тоже отличается разнообразием, но несколько уступает в выразительности, кроме того, становится более протокольным, сухим в более поздних записях. Эта тенденция поддержана и включением разного рода реальных документов. Кроме того, изначально читатель ориентирован на документальность линии Ксении Левшиной и «беллетристический», вымышленный характер линии Ксении Лесовой.

• Наиболее интересной нам представляется такая особенность речевой характеристики Ксаны (Ксении Лесовой) как ее доминирующая рефлексия (особенно в последних частях романа), когда нарратор анализирует события не только собственной жизни, но и практически чужого ей человека (Ксении Михайловны), с которой она ощущает глубинную связь. Не случайно произведение имеет подзаголовок «роман с дневником». Вот этот роман и пишет, и проживает Ксения Лесовая. Она как бы на глазах читателя на протяжении романа формируется как писатель. И особенно ярко ее индивидуальный стиль проявляется в тех случаях, когда повествование начинает приобретать более объективный характер. Так, например, размышая о взаимоотношениях Ксении Михайловны и ее мужа, повествователь использует выразительный образ, который как бы «вырастает» из научной деятельности Константина Матвеева, но при этом ярко характеризует его как человека, не способного на глубокие чувства (см. приводимые ранее цитаты из главы «Уродливая кристаллизация любви»). Научный термин становится источником художественного образа. Документальная составляющая произведения (реальные дневники бабушки самой Анны Матвеевой), взаимодействуя с художественной линией Ксении Лесовой, тоже становится уже не частным фактом чьей-то личной жизни, а приобретают эстетическую значимость.

Список источников

1. Авдеева Г.А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2013. № 3 (22). С. 79 – 92.
2. Авдеева Г.А., Наймушина Е.А. Функции стилистически окрашенной лексики в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2024. № 3. С. 26 – 37.
3. Авдеева Г.А., Шамова Ю.П. Типы нарраторов (рассказчиков) в романе Е. Водолазкина «Чагин» // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин в школе и вузе: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 27 января 2023 года. М.: Мир науки, 2023. С. 190 – 199.
4. Агеева Н.А. К вопросу о границах функциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой // Филология: научные исследования. 2023. № 8. С. 12 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-granitsah-funktionalstii-rasskazannogo-sobytiya-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom-a-matveevoi> (дата обращения: 22.07.2025).
5. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф: ООО «Полюс», 2001. 816 с.
6. Волкова А.Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 125 – 127.

7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. 455 с.
8. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд. М.: Флинта, 2008. 464 с.
9. Матвеева А.А. Каждые сто лет: роман с дневником. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 758 с.
10. Салханова Ж.Х., Утебекова А.С. Дневник как литературный жанр // Неофилология. 2020. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-kak-literaturnyy-zhanr> (дата обращения: 22.07.2025).
11. Семьян Т.Ф., Выборнова Л.В. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023. № 4. С. 106 – 111.
12. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 944 с.
13. Шмид В. Нarratology: учебное пособие по теории повествования. М.: Языки славянской культуры, 2003. 472 с.

References

1. Avdeeva G.A. Stylistic marked (colored) vocabulary in the works of G. Shcherbakova. Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity. 2013. No. 3 (22). P. 79 – 92.
2. Avdeeva G.A., Naimushina E.A. Functions of stylistic colored vocabulary in the novel by E. Vodolazkina "Aviator". Scientific notes of NTGSPPI. Series: History and philology. 2024. No. 3. P. 26 – 37.
3. Avdeeva G.A., Shamova Yu.P. Types of narrators (storytellers) in the novel by E. Vodolazkin "Chagin". Actual problems of studying and teaching philological disciplines in school and university: materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Nizhny Tagil, January 27, 2023. Moscow: World of Science, 2023. P. 190 – 199.
4. Ageeva N.A. On the issue of the boundaries of the fictionality of the narrated event. "Every Hundred Years. A Novel with a Diary" by A. Matveeva. Philology: scientific research. 2023. No. 8. P. 12 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-granitsah-fiktsionalsti-rasskazannogo-sobytiya-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom-a-matveevoy> (date of access: 22.07.2025).
5. Large dictionary of foreign words. Compiled by A.Yu. Moskvin. Moscow: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf: ООО "Polus", 2001. 816 p.
6. Volkova A.E. Emotionally colored vocabulary: concept, types and classification. Young scientist. 2021. No. 16 (358). P. 125 – 127.
7. Golub I.B. Stylistics of the Russian language and culture of speech: a textbook for academic bachelor's degrees. М.: Yurayt Publishing House, 2018. 455 p.
8. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Stylistics of the Russian language: textbook. 4th ed. M.: Flinta, 2008. 464 p.
9. Matveeva A.A. Every Hundred Years: A Romance with a Diary. M.: AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubinaya, 2022. 758 p.
10. Salkhanova Zh.Kh., Utebekova A.S. Diary as a literary genre. Neophilology. 2020. No. 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-kak-literaturnyy-zhanr> (date of access: 22.07.2025).
11. Semyon T.F., Vybornova L.V. Features of the narrative organization of A. Matveeva's novel "Every Hundred Years: a novel with a diary". Bulletin of SUSU. Series "Social and Humanitarian Sciences". 2023. No. 4. P. 106 – 111.
12. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language Changes at the End of the Twentieth Century. Edited by G.N. Sklyarevskaya. Moscow: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство AST", 2001. 944 p.
13. Schmid V. Narratology: a tutorial on narrative theory. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 472 p.

Информация об авторах

Авдеева Г.А., кандидат филологических наук, доцент, Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил, g_avdeeva_64@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'367.625.41

¹ Бен Айсса Ибрахим Аталах

¹ Государственный университет просвещения

Слоган в языке медиа: характеристика, типология, выразительные средства (на материале французского языка)

Аннотация: в данной статье проведено исследование слогана в языке медиа на материале французского языка. Целью работы было установление характерных особенностей слоганов, проявляющихся в разных его типах. Проведен теоретический анализ состояния вопроса на материале научных трудов отечественных и зарубежных авторов с использованием общих и специальных методов, в частности описательного, сравнительного и контекстуального. В результате исследования выявлена сущностная характеристика слоганов и их классификация, составлена функционально-тематическая типология слоганов, проанализированы и обобщены стилистические средства, используемые в слогане, среди которых параллелизм и повтор. Теоретическая и практическая значимость заключается в уточнении определения слогана в медиа языке посредством наблюдения феномена в его функционировании. Удалось установить, что среди словообразовательных приемов в создании слоганов-неологизмов используются: метафоризация, повтор, игра слов. Выявлены основные функции слогана. Одна из важных функций слогана – апеллятивная, она может считаться основной. Не менее важная функция слогана – информативная. Слогану также присуща экспрессивная функция, состоящая в том, что в кратких ярких выражениях он передает целостный запоминающийся образ части реальности. Реализация экспрессивной функции достигается за счет употребления приемов художественной выразительности: лексических и синтаксических средств. Среди значимых стилистических приемов создания экспрессии текста слоганов отмечена игра слов. Идеологическая функция слогана выполняется за счет его социально-ориентирующей роли – передачи некоторых социально значимых идей или ценностей под определенным углом восприятия. Коммуникативная функция слогана выражается в побуждении аудитории к определенным действиям посредством пробуждения в них осознанности, воспоминаний или желаний.

Ключевые слова: слоган, язык медиа, неологизм, повтор, лексико-стилистические средства

Для цитирования: Бен Айсса Ибрахим Аталах. Слоган в языке медиа: характеристика, типология, выразительные средства (на материале французского языка) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 87 – 93.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Ben Aissa Ibrahim Atallah

¹ Federal State University of Education

Slogan in the media language: characteristics, typology and means of education (based on the French language)

Abstract: this article presents a study of slogans in the media language based on the French language. The aim of the study was to identify the characteristics of slogans in different types of media. A theoretical analysis of the state of the issue was conducted based on the scientific works of domestic and foreign authors using gen-

eral and special methods, including descriptive, comparative, and contextual methods. As a result of the study, the essential characteristics of slogans and their classification were identified, a functional and thematic typology of slogans was compiled, and the stylistic devices used in slogans, including parallelism and repetition, were analyzed and summarized. The theoretical and practical significance lies in clarifying the definition of a slogan in media language by observing the phenomenon in its functioning. It has been established that the following word-building techniques are used in the creation of neologism slogans: metaphorization, repetition, and word-play. The main functions of a slogan have been identified. One of the important functions of a slogan is its appeal function, which can be considered the main function. An equally important function of a slogan is informative. A slogan also has an expressive function, which is that in brief, vivid expressions it conveys a complete, memorable image of a part of reality. The realization of the expressive function is achieved through the use of artistic expressiveness techniques: lexical and syntactic means. Wordplay is noted among the significant stylistic techniques for creating the expressiveness of slogan texts. The ideological function of a slogan is performed through its socially-oriented role – the transmission of some socially significant ideas or values under a certain angle of perception. The communicative function of a slogan is expressed in the promotion of the audience to certain actions through awakening awareness, memories or desires in them.

Keywords: slogan, media language, fonction, repetition, lexical and stylistic means

For citation: Ben Aissa Ibrahim Atallah. Sloan in the media language: characteristics, typology and means of education (based on the French language). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 87 – 93.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

В статье анализируются рекламные тексты, представляющие собой слоганы, характеризуемые высоким уровнем стилистической экспрессивности и прагматической направленности. Исследование этих вопросов на материале французского языка, а также рассмотрение слоганов как источника генерации неологизмов в медиа языке определяет высокую степень актуальности темы статьи. Принципиально новым в изыскании является выявление способов образования слоганов-неологизмов на основе прагматических, лингвокреативных и стилистических особенностей франкоязычных слоганов.

Цель исследования статьи – установление особенностей процессов неологизации слоганов в современном французском языке.

Задачи работы содержат решение следующих вопросов:

- понятие, сущность и обоснованность слоганов во французском медиа-языке;
- функции слогана, его структура и особенности;
- анализ процессов неологизации и ее влияние на формирование современных слоганов французского медиа-языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы, представляющие особенности слоганов с точки зрения способов словообразования, вносят существенный вклад в теорию неологии французского языка.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных результатов в практике вузовского преподавания и в индустрии распространения специальных текстов коммерческого характера.

Материалы и методы исследований

Проведен теоретический анализ состояния вопроса на материале научных трудов отечественных и зарубежных авторов с использованием общих и специальных методов, в частности описательного, сравнительного и контекстуального; рассмотрены и прокомментированы слоганы сайтов французской рекламы с целью выявления используемых в них средств выражения значения повтора.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования проводится подробный анализ использования слогана в языке медиа (на материале французского языка).

1. Слоганы во французском медиа языке.

Процесс развития языка медиа как средства массовой коммуникации сопровождается утверждением новых социальных и нравственных ценностей, нового образа и форм жизни, новых принципов экономического управления. При этом, современное общество отличает, с одной стороны, понимание вездесущности и влия-

ния СМИ на общественное и индивидуальное сознание, с другой – свободный доступ к информации, наличие технических средств ее передачи и, как следствие, повышение информированности населения [5, с. 6].

Ускорение информационного обмена способствует тому, что новое поколение современных людей воспринимает информацию не целостным массивом, а соответственно новому типу мышления, фрагментарно. Разрозненные обрывки сводятся в мозаичную картину, фрагменты которой связаны чисто случайными отношениями близости по времени получения, созвучию или ассоциации идей. Эти фрагменты не образуют структуры, но обладают силой сцепления, сопоставимой по плотности с «тканью» логически выстроенного текста [12, с. 213].

Качественные сдвиги в массовой аудитории требуют применения новых форм подачи вербальной информации и использования других кодов. Следуя новой тенденции привлечения внимания аудитории и манипуляции ею, медиа текст отвечает двум условиям: информация должна быть краткой и фрагментарной, сформулированной в виде сообщения, несущего благодаря использованию выразительных средств экспрессивный, эмоциональный или интеллектуальный посыл, направленный на запоминание информации в виде яркого образа восприятия [13, с. 76].

В этом плане, слоган отвечает требованиям, предъявляемым современному формату информационного сообщения, и применяется как действенное манипулятивное средство. В современных французских медиа языке использование слоганов – явление распространенное, соотносимое с сущностными характеристиками этого дискурса.

В российской лингвистике научное направление слоганистики находится в стадии развития. В рамках присущих ей аспектов исследования в работах Н.А. Ахреновой [1, с. 7], О.Н. Баклашкина [2, с. 130-139], Епифанцевой Н.Г. [4, с. 16-21], К.В. Киселева [6], В.В. Кеворкова [5], Н.В. Ложевой [7], Я.Н. Романенко [10], В.Н. Оношко [9], Т.В. Шмелевой [11, с. 617-618] и других, изучаются лингвистические и экстралингвистические аспекты слогана, а также уточняется определение самого понятия. В основе слогана рассматриваются морфологические категории и функционально-семантические категории [4, с. 7]. В настоящее время целью слогана считается продвижение какой-либо идеи политического и экономического содержания, что определяет агрессивный характер модальности высказывания. При этом в переводе с французского языка под словом *slogan* понимается лозунг, призыв, девиз, боевой клич [14, с. 3].

Слоган в рекламе – это фонетически обработанный, соответственно, запоминающийся рекламный девиз, в концентрированной форме выражающий маркетинговое предложение, демонстрирующий преимущества не только продвигаемого товара, но и фирмы-производителя. Благодаря своим лексико-семантическим и структурным параметрам термин «слоган» часто встречается в маркетинге, обычно означая заключительную часть текста и используясь часто для рекламы товаров одной фирмы. Один из первых переводов этого английского термина – «рекламный девиз» [8, с. 13].

В отечественных работах, посвященных рекламе, слоган именовался рекламным лозунгом или призывом [11, с. 617]. Тема рекламного слогана была предметом исследования зарубежных лингвистов [12, с. 13] и других. Согласно современному толкованию термина, слоган считается формой самопрезентации языковой личности, чьей интерпретацией является преднамеренная, стратегически обдуманная и осознаваемая демонстрация своих взглядов, убеждений, оценок. Приверженность тем или иным слоганам свидетельствует о проявлении себя как субъекта социализации.

Ключевые свойства слогана как языкового жанра можно представить в систематизированном виде.

Таблица 1

Основные свойства слогана как языкового жанра.

Table 1

Basic properties of a slogan as a linguistic genre.

Основные свойства слогана как языкового жанра	
Суггестивность	побуждение аудитории к действию или типу мышления, которое приводит к определенным действиям (желаемым автором лозунга) посредством или без посредства осознания этого побуждения
Лаконичность	максимальная краткость текста лозунга, информационная насыщенность каждого слова и словосочетания в передаче общей идеи или образа
Экспрессивность	использование лексических и синтаксических тропов, фонетических средств выразительности с целью быстрого запоминания аудиторией слогана и стоящей за ним идеи

Примечательно, что в прессе понятие «слоган» в рамках рекламного дискурса приобретает креолизированную (смешанную) стилистику. В текстах такого типа сочетаются вербальные и невербальные (изобразительные, графические) средства передачи информации. Тем не менее, по утверждению Я.Н. Романенко, в рекламном тексте именно слоган является структурно-композиционным ядром, которое нацелено на запоминание влияние на сознание и речь людей [10, с. 18].

Типология слоганов по принципу целевой направленности представлена в виде таблицы ниже.

Таблица 2

Типы слоганов по целевой направленности.

Table 2

Types of slogans by target orientation.

Типы рекламных слоганов, выделенных по их целевой направленности	
Коммерческий	Коммерческий слоган, помимо рекламных целей, служит значимым инструментом пиара коммерческих предприятий, выражает ценностную идею предложения определенной компании или потребительскую ценность ее продукта, может транслировать привлекательные стороны имиджа, корпоративной культуры и ценностей компании, ее социальных целей заботы о потребителях, общественности, работниках, окружающей среде, является общераспространенной составляющей корпоративной атрибутики наряду с логотипом компании или отдельного бренда, часто размещается на бланках, вывеске и в рекламе
Политический	Политический слоган, универсальный по применению, может быть включенным в политический или агитационный сверхтекст, а может выступать как самостоятельное высказывание и отдельно размещаться на плакатах, растяжках и объявлениях; как часть сложной, организованной политической коммуникации, обладает семантической холистичностью и коммуникативно-прагматической завершенностью, придает целостность политическим кампаниям, весомость и запоминаемость ее сообщениям, которые транслируются в различных форматах (листовках, предвыборных программах, публикациях в СМИ)
Социальный	Социальный слоган как императивное высказывание имеет целью влияние адресанта сообщения на адресата по вопросам социальной значимости, например, охрана окружающей среды, уважение к старшим, гражданская ответственность и самосознание и т.д.
туристический	Туристический слоган относится к разряду коммерческих, часто рекламных слоганов, нацелен на привлечение внимания потенциальных клиентов к определенным туристическим услугам; его отличительной чертой является использование элементов национального колорита для создания привлекательного образа стран назначения, а также использование креолизованных средств: сопровождение вербальной информации красочными фотографиями, видеоматериалами, иллюстрирующими высказывание

По форме подачи, типы слоганов сведены в таблицу ниже, в которой представлена их характеристика.

2. Лексико-стилистические средства образования слоганов.

Слоган отражает социально детерминированный процесс генерации и передачи объективации, присущий соединительным текстам социально значимого содержания форм, раскрывающих особенности воспроизведения сознания. Слоган как коммуникативно-познавательная единица задает метод и характер представления и воздействия информации, а также диапазон воспроизводимой им субстанциональной формы, которая выступает как организованная и ценностно-ориентированная совокупность смыслов, адресованных по своей сущности социальной практике, социальной памяти и воображению аудитории. Рассмотрим следующие примеры:

- «Y'a bon... Banania, Le petit déjeuner familial» [15].

- Йа, вкуснота... Банания, Утренний семейный перекус (зд. и далее перевод наш: И. Бен Айсса).

Слоган представляет собой яркий пример эффективной рекламной стратегии, основанной на повторении и ритмичности. Фраза «Y'a bon... Banania» акцентирует внимание на названии бренда и благодаря своей простоте легко запоминается, а повторение звука «а» в «яа», «Banania» и «familial» создает мелодичность, усиливающую эмоциональную привлекательность. Итеративность выражается через фразу «Y'a bon», ко-

торая во французском просторечии (литературная форма «il y a du bon») подчеркивает позитивное восприятие продукта. Аллитерация звука «б» (bon, Banania) добавляет выразительности и закрепляет связь продукта с положительными эмоциями. Конечная часть слогана, «Le petit déjeuner familial», вызывает ассоциации с теплотой, уютом и традицией, подчеркивая, что продукт подходит для всей семьи. Несмотря на его культурные контроверсии, слоган остаётся примером удачного построения рекламного сообщения, эффективно работающего на эмоциональном и рациональном уровнях.

Типология рекламных слоганов по принципу формы представления.

Таблица 3

Table 3

Typology of advertising slogans based on the principle of presentation form.

Типы рекламных слоганов по форме представления	
Рифмованный	Рифма в рекламе явление обычное, но поэтический слоган как форма используется редко, поскольку применяется в специфической сфере литературного искусства, театральных представлений и т.п., поэтическим лозунгом выступает часть какого-то большего поэтического произведения, выражающая подходящую слушаю идею или скрытый призыв
Транспарантный	Транспарантный слоган размещается на транспарантах, экранах мониторов уличного формата, часто имеют отношение к политическим или культурным мероприятиям, событиям, имеют яркую экспрессию, выражающую общую идею или цель проведения мероприятия
Fashion	Слоган на одежде (fashion slogan) выступает средством самовыражения человека, который ее носит. В большинстве случаев, носящий одежду со слоганом разделяет его в своей жизненной позиции и желает транслировать заложенное в лозунге сообщение окружающим. В таком случае цель лозунга на одежде, подразумеваемая его носителем, состоит в формировании определенного представления о себе или отношения окружающих к себе посредством данного высказывания
Компьютерный	Компьютерная форма рекламы широко распространена и продолжает внедряться во все сферы человеческой деятельности; процесс сопровождается языковой унификацией – преимущественным использованием английского языка, а также специальной компьютерной лексики и других семиотических средств

Axe – Plus t'en mets, plus t'en as [16].

Акс – Больше положишь, больше поимеешь.

В формировании слогана итеративность выступает основным средством и проявляется в применении параллельной синтаксической конструкции «plus... plus», что усиливает идею: чем больше используется, тем больше достигается эффекта. Усиление через повтор, а также неофициальный тон и императивность глагольной формы 2 лица единственного числа способствуют легкости текста для восприятия.

- Boursin – Du pain, du vin, du boursin: c'est divin! [17].

- Бурсен – хлеба, вина и немного Бурсена: это божественно!

В формировании слогана используются тема гастрономии и фонетические и синтаксические средства на основе итеративности. Повторение начального элемента «du» и нескольких конечных элементов «pain», «vin», «bour»sin», создает ритм и рифму, акцентируя внимание на продукте «boursin» и его «божественных» (di vin) свойствах, подчеркивает его превосходство, способствуя более легкому запоминанию названия рекламируемого товара.

Используемая в оформлении слоганов метафора может служить средством переосмыслиния, создавая новое значение, например:

- Vivons mieux! Vivons moins cher! (рекламный девиз торговой сети «Auchan» 2009-2015 гг.).

- Будем жить лучше! Будем жить (= покупать) дешевле!

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что культурологическая составляющая рекламы отражает ментальность народа. Французская реклама отличается положительной целеустановкой, легкостью юмора, обилием стилистических средств.

Выводы

В результате рассмотрения теоретических работ и примеров слоганов были выявлены основные функции слогана: важнейшая функция – апеллятивная (призыв аудитории к какому-либо действию, направлению

мышления, вовлечения в определенную активность); не менее важная функция слогана – информативная: слоган обеспечивает аудиторию краткой ключевой информацией по информационному поводу, выделяет его на общем фоне, выдвигая его на передний план.

Экспрессивная функция слогана состоит в том, что в кратких ярких выражениях он передается целостный запоминающийся образ части реальности. Реализация экспрессивной функции достигается за счет употребления приемов художественной выразительности, среди которых: повтор, как базовое средство формирования слогана, метафоризация, игра слов, функционирующие также в словообразовательном процессе переосмысливания.

Идеологическая функция слогана выполняется за счет его социально-ориентирующей роли – передачи некоторых социально значимых идей или ценностей под определенным углом восприятия. Коммуникативная функция слогана выражается в побуждении аудитории к определенным действиям посредством пробуждения в них осознанности, воспоминаний или желаний.

Список источников

1. Ахренова Н.А., Орлова А.А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 6 – 20.
2. Баклашкина О.Н. Структурно-семантические особенности французских рекламных слоганов // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 1. С. 130 – 139.
3. Барушкова С.Б. Лексические особенности французского рекламного слогана // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Ч. 2. С. 369 – 375.
4. Епифанцева Н.Г. Вид и способ действия глагола на фоне видовременной системы русского языка // Вестник ГУП: Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 16 – 23.
5. Кеворков В.В. Слоган? Слоган! Слоган. М.: РИП Холдинг, 1996. 94 с.
6. Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: Изд-во УрОРАН, 2002. 284 с.
7. Ложева Н.В. Языковые особенности и коммуникативные типы политического слогана конца 20 в. – начала 21 в. (на материале слоганов предвыборных кампаний г. Нижневартовска и Нижневартовского района): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Сургут, 2011. 32 с.
8. Морозова И. Слагая слоганы. М.: РИП-Холдинг, 2007. 257 с.
9. Оношко В.Н. Рекламный слоган: проблемы перевода // Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования. Тамбов: Тамбовская региональная общественная организация «Общество содействия образованию и просвещению «Бизнес – Наука – Общество», 2012. С. 286 – 288.
10. Романенко Я.Н. Рекламный текст как объект лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2007. 293 с.
11. Шмелева Т.В. Слоган. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 617 – 618.
12. Derrida J. La Dissemination. Paris Vie: Editions du Seuil, 1972. 408 p.
13. Grunig Blanche-Noëlle «Slogan publicitaire et recherches cognitives», Dir. Éd. ADAM, Jean-Michel & BONHOMME. Marc, Analyse du discours publicitaire, Champs du signe. 2000. P. 75 – 93.
14. Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. Paris: Hardes a Journal, 1995. Vol. 8. 735 p.
15. French H.M. Y'a bon... Banania, Le petit déjeuner familial. 1959. URL: <https://www.artnet.com/artists/herve-morvan/ya-bonbanania-le-petit-dejeuner-familial-PQSJSEwgftauoYHChSWUfA2> (дата обращения: 04.04.2025).
16. <https://www.copywriting-francais.com/post/slogans-pub-connus> (дата обращения: 04.04.2025).
17. <https://www.copywriting-francais.com/post/slogans-pub-connus> (дата обращения: 04.04.2025).

References

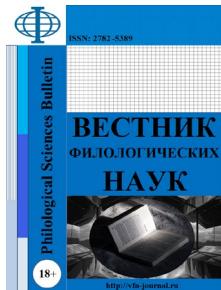
1. Akhrenova N.A., Orlova A.A. Discursive characteristics of fashion blogging. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2021. No. 6. P. 6 – 20.
2. Baklashkina O.N. Structural and semantic features of French advertising slogans. Bulletin of Baikal State University. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 130 – 139.
3. Barushkova S.B. Lexical features of the French advertising slogan. Teacher XXI century. 2021. No. 2. Part 2. P. 369 – 375.
4. Epifantseva N.G. Type and mode of action of the verb against the background of the tense-aspect system of the Russian language. Bulletin of the State Unitary Enterprise: Issues of Modern Linguistics. 2025. No. 2. P. 16 – 23.
5. Kevorkov V.V. Slogan? Slogan! Slogan. Moscow: RIP Holding, 1996. 94 p.

6. Kiselev K.V. Political slogan: problems of semantic policy and communication technology. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002. 284 p.
7. Lozheva N.V. Linguistic features and communicative types of political slogans of the late 20th century – early 21st century (based on the slogans of election campaigns in Nizhnevartovsk and Nizhnevartovsk district): dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Surgut, 2011. 32 p.
8. Morozova I. Composing slogans. M.: RIP-Holding, 2007. 257 p.
9. Onoshko V.N. Advertising slogan: translation problems. Professional communication: cultural, linguistic and didactic aspects of the study. Tambov: Tambov regional public organization "Society for the promotion of education and enlightenment "Business – Science – Society", 2012. P. 286 – 288.
10. Romanenko Ya.N. Advertising text as an object of linguistic research: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.04. M., 2007. 293 p.
11. Shmeleva T.V. Slogan. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014. P. 617 – 618.
12. Derrida J. La Dissemination. Paris Vie: Editions du Seuil, 1972. 408 p.
13. Grunig Blanche-Noëlle "Slogan publicitaire et recherches cognitives", Dir. Éd. ADAM, Jean-Michel & BONHOMME. Marc, Analyze du discours publicitaire, Champs du signe. 2000. P. 75 – 93.
14. Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. Paris: Hardes a Journal, 1995. Vol. 8. 735 p.
15. French H.M. Y'a bon... Banania, Le petit déjeuner familial. 1959. URL: <https://www.artnet.com/artists/herve-morvan/ya-bonbanania-le-petit-dejeuner-familial-PQSJSEwgftauoYHChSWUfA2> (date of accessed: 04.04.2025).
16. <https://www.copywriting-francais.com/post/slogans-pub-connus> (date of accessed: 04.04.2025).
17. <https://www.copywriting-francais.com/post/slogans-pub-connus> (date of accessed: 04.04.2025).

Информация об авторах

Бен Айсса Ибрахим Аталах, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения»

© Бен Айсса Ибрахим Аталах, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1

¹ Крылова Д.Г.

¹ Московский международный университет

Влияние генезиса спортивных телеграм-каналов на риторическую структуру медиатекста

Аннотация: в статье рассматриваются особенности структуры медиатекстов спортивных телеграм-каналов в представлениях Теории риторических структур. Современные спортивные телеграм-каналы занимают значительное место в медиапотреблении молодежной аудитории, что привлекает внимание к исследованию свойств медиатекстов, формируемых в них. С точки зрения генезиса существующие телеграм-каналы можно разделить на две основные группы: интернет-СМИ, представляющие адаптацию традиционных СМИ в новом коммуникационном канале, и социальные медиа, представляющие собой продукт эволюционного развития групповых коммуникаций в социальных сетях. Для сравнения медиатекстов использовался корпус, составленный из постов телеграм-канала «МатчТВ» как представителя интернет-СМИ и телеграм-канала «2DROTS» представляющего себя типичное социальное медиа. Сравнение риторической структуры медиатекстов в разных по генезису телеграм-каналах указывает на существование различий, которые логично связать с особенностями их развития, прежде всего опытом существования на разных коммуникационных платформах. Стиль вербальной коммуникации, зародившийся в социальной сети, при переносе в социальные медиа отражается в медиадискурсе, делая его менее институциональным. Существование различий риторической структуры медиатекстов, обусловленные генезисом телеграм-каналов, дает основания рассматривать генезис медиа в числе свойств, влияющих на характеристики медиатекста.

Ключевые слова: интернет-СМИ, корпус, медиадискурс, медиатекст, социальное медиа, телеграм-канал, теория риторических структур

Для цитирования: Крылова Д.Г. Влияние генезиса спортивных телеграм-каналов на риторическую структуру медиатекста // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 94 – 100.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Krylova D.G.

¹ Moscow International University

The impact of the genesis of sports telegram channels on the rhetorical structure of media text

Abstract: the article examines the features of the structure of media texts of sports Telegram channels in the context of the Rhetorical Structure Theory. Modern sports Telegram channels occupy a significant place in the media consumption of young audiences, which draws attention to the study of the properties of media texts formed in them. From the point of view of genesis, existing Telegram channels can be divided into two main groups: Internet media, representing the adaptation of traditional media in a new communication channel, and social media, which are a product of the evolutionary development of group communications in social networks. To compare media texts, a corpus was used consisting of posts from the MatchTV Telegram channel as a representative of Internet media and the 2DROTS Telegram channel, which represents a typical social media. Comparison of the rhetorical structure of media texts in Telegram channels of different genesis indicates the existence of differences that can logically be associated with the features of their development, primarily the experience of existence on different communication platforms. The style of verbal communication that originated in a social network, when transferred

to social media, is reflected in media discourse, making it less institutional. The existence of differences in the rhetorical structure of media texts due to the genesis of telegram channels gives grounds to consider the genesis of media among the properties that influence the characteristics of a media text.

Keywords: Internet media, corpus, media discourse, media text, rhetorical structure theory, social media, telegram channel

For citation: Krylova D.G. The impact of the genesis of sports telegram channels on the rhetorical structure of media text. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 94 – 100.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Все существующие в сетевом ресурсе Телеграм каналы представляют собой массмедиа, объединенные коммуникационной схемой, в которой на паритетной основе сосуществуют массовые медиакоммуникации трансляционного и вовлекающего типа [9, с. 25]. Эволюция медиа носит скачкообразный характер. В процессе смены технологических платформ одни медиа исчезают, другие адаптируются к новым условиям (например, печатная пресса, перешедшая в цифровой формат на платформе WEB 1.0). Третьи продолжают существовать только в рамках ранее освоенных платформ. Наконец, на каждом новом этапе развития могут возникать медиа, не существовавшие ранее [5, с. 46]. В рамках данного исследования будем называть медиа, возникшие в сетевых сервисах на платформе WEB 2.0, социальными медиа. Таким образом, телеграм-каналы, в том числе спортивные, с точки зрения их генезиса можно разделить на две группы: социальные медиа и телеграм-каналы, появившиеся как результат перехода существующих на предыдущих платформах медиа на новый этап развития. Будем называть их в соответствии со сложившейся в научном обороте терминологией – Интернет-СМИ.

Возникает закономерный вопрос о том, как проявляется влияние генезиса медиа на свойства создаваемых медиатекстов. Логично предположить, что для каждого отдельно взятого медиа накопленный опыт институциональных ограничений и правил должен проявляться как в медийной, так и лингвистической составляющих медиатекста.

Воздействие медиатекста на аудиторию определяется его дискурсивной природой. Фактически медиатекст представляет собой медиадискурс [1, с. 32]. Во-первых, в медиадискурсе, как и во всяком дискурсе, выделяется намерение, определяющее целевую функцию коммуникации и жанрово-стилистическую реализацию медиатекста. Во -вторых, точки переключения внимания, фокусирующие его на значимых элементах, повышающие его воспринимаемость и воздействие на аудиторию. И, наконец, медиатексту присуща риторическая структура, обеспечивающая его связность и логическую организацию [11, с. 17].

В современной медиалингвистике под медиатекстом понимается креализованный текст, то есть вербально-семиотический продукт, функционирующий в условиях медийной среды и обладающий специфическими коммуникативными характеристиками. На характеристики медиатекста оказывают влияние принадлежность к универсальному медиатипу, форма (устная или письменная) создания и воспроизведения и технологическая платформа распространения, или, другими словами, канал коммуникации [1, с. 34].

Социальные медиа и Интернет-СМИ, существующие в виде телеграм-каналов, объединены общим коммуникационным каналом, однако в их воздействии на аудиторию наблюдаются различия [4, с. 420]. Очевидно, что причины существования таких различий заключаются в дискурсивных особенностях презентации медиасобытий в социальных медиа и Интернет-СМИ.

«Медиасобытие есть дискурсивное событие, не дискурс о событии» [7, с. 31]. Рассматривая с этих позиций медиатекст как презентацию медиасобытия, логично исследовать его методами, существующими в анализе дискурса.

Медиатексты спортивных телеграм-каналов представляют собой спортивный медиадискурс, в котором объединяются правила и обычаи, существующие в двух социальных институтах: спорте и медиа, что предполагает междисциплинарный подход к анализу этого явления, включая социально-культурные и когнитивные аспекты вербальной коммуникации [3, с. 46]. Посты спортивных телеграм-каналов в большинстве своем используют формат влога, для которого характерно использование презентационного типа дискурса, в котором якорный блогер часто презентует не только, а иногда не столько передаваемую информацию, сколько собственную личность [8, с. 152]. В рамках социально-прагматического подхода предполагается, что специфика конституируемого медиатекста отражает изменения институциональности медиадискурса,

обусловленного ситуационным проявлением языковой личности коммуникантов [3, с. 47], что в случае спортивных телеграм-каналов означает доминирование устного дискурса и тяготение к личностно-ориентированному его типу.

Риторическая структура медиатекста отражает целевую функцию медиа и определяемый этой целью выбор жанра и стилистики текста, интересы целевой аудитории, возможность реализовать эффективное коммуникационное воздействие на аудиторию в рамках технологических возможностей канала коммуникации. Эти элементы влияют на выбор языковых средств, создание определенного эмоционального и когнитивного воздействия на аудиторию за счет соответствующей целям организации текста.

Построение риторической структуры медиатекста уже достаточно длительное время используется в качестве инструмента в лингвистических исследованиях на уровне дискурса. Риторическая структура медиатекста представляет собой граф, в вершинах которого находятся дискурсивные единицы, на которые разбивается медиатекст, а в качестве ребер выступают риторические отношения, возникновение которых определяется интенцией коммуникации. Теория риторических структур (Rhetorical Structure Theory, RST), разработанная Уильямом Манном и Сандрой Томпсон [14, с. 245], стала одной из ключевых в методологии анализа связности, логичности и организации текста. Первоначально данная теория была разработана для анализа текстов, генерируемых системами искусственного интеллекта, но впоследствии она нашла широкое применение в исследованиях организации естественных текстов. С появлением новых медийных платформ, запустивших процесс цифровизации медиакоммуникации, теория риторических структур нашла применение в анализе медиатекстов социальных медиа, что в определенном смысле можно рассматривать как возвращение к историческим истокам в силу того, что тексты, созданные с участием искусственного интеллекта, всё более широко используются в социальных медиа.

Вместе с тем существует не очень много работ, в которых теория риторических структур была использована для исследования влияния на риторическую структуру обстоятельств, определяющих характеристики медиатекста.

Известно, что жанр медиатекста существенным образом влияет на его риторическую структуру [16, с. 753], для большинства медийных жанров шансы возникновения отношения «Joint» и «Elaboration» существенно выше всех других наблюдаемых риторических отношений, тогда как «Attribution» возникает чаще в новостных (информационных) медиатекстах. Влияние генезиса медиа на риторическую структуру медиатекста до настоящего момента оставались за пределами внимания исследователей.

Научную проблему представляет недостаточное понимание того, как влияет генезис телеграм-каналов на свойства медиатекста. В свете изложенного представляются актуальными попытки уменьшить существующие лакуны в понимании того, как в риторической структуре медиатекста отражаются обстоятельства, формирующие его ключевые свойства с точки зрения возникающих медиаэффектов. Суждение о влиянии генезиса медиа на лингвистическую компоненту медиатекста углубляет понимание существующих различий в восприятии аудиторией медиа с разной историей развития в условиях существования на единой платформе и позволяет прогнозировать воздействие на аудиторию.

Материалы и методы исследований

Эмпирические данные исследования получены на основе анализа медиатекстов, составляющих корпус, сформированный из постов в спортивных телеграм-каналах, опубликованные в течение 2024 года. Посты для формирования корпуса отбирались случайным образом, но учитывался объем текстов. Все посты, включенные в корпус, отличались по количеству токенов в пределах 10%. Общий объем сформированного корпуса составлял около 30000 токенов.

Сравнение риторической структуры медиатекстов между социальными медиа и Интернет-СМИ проводилось на основе расчета отношения шансов (ОШ) возникновения отдельно взятого риторического отношения или их множества. Для определения частоты возникновения отдельных риторических отношений медиатексты были предварительно размечены в нотациях теории риторических структур [14, с. 243], используя автоматический парсер, построенный на базе модели машинного обучения [10, с. 9693]. При создании указанного автоматического парсера использовался модифицированный список риторических отношений по сравнению с описанным в ранней работе Манна и Томпсон [14, с. 250]. В процессе ручной разметки текстов для обучения модели участвовало несколько аннотаторов, размечавших текст независимо друг от друга. Меняя набор риторических отношений, используемых для разметки, и сравнивая полученные результаты, используя альфа-критерий Крипендорфа [13, с. 277], был найден оптимальный набор, при котором достигалось лучшее совпадение разметки [15, с. 31].

Сравнение выборок и суждение о существовании статистически значимых различий между ними проводилось с использованием стандартных библиотек и библиотечных программ, существующих в среде Python.

Для сравнения выборок по качественному бинарному признаку использовался «точный критерий Фишера» (далее F-тест) [12] на уровне статистической значимости – 0,05.

По версии одного из наиболее авторитетных в стране источника компании – “TGStat Agency” (tgstats.ru) спортивные телеграм-каналы, посты в которых были использованы при создании корпуса, занимают верхние строчки рейтингов как по числу подписчиков, так и по числу просмотров.

Медиатексты, включенные в корпус, были опубликованы в формате влога, реализующего устный модус дискурса, что потребовало их предварительной транскрибации. Следует отметить, что в процессе автоматической транскрибации спортивных постов наблюдается существенное падение точности. В настоящей работе для расшифровки видеороликов использовался сервис «AI Transcription» (<https://riverside.fm/transcription>) с 99% точностью транскрибации видео в текст, которая в большинстве случаев не достигалась. Погрешности работы нейронных моделей, на которых базируются сервисы для расшифровки видео в текст, возможно, связано с тем, что при их обучении использовался недостаточный объем текстов спортивной тематики, передающих специфику устной речи. Известно, что посты спортивных сетевых медиа содержат значительное количество коллоквияльной лексики, сленга, никнеймов, англицизмов, понятных лишь узкой аудитории [2, с. 62]. Необходимо отметить, что вульгаризация речи в спортивных медиатекстах не является новым явлением. Она наблюдалась в традиционных медиа еще до момента массового освоения сети Интернет [6, с. 169].

В корпусе на паритетной основе представлены медиатексты из социальных медиа (2DROTS) и Интернет-СМИ («Матч ТВ»). Социальное медиа 2DROTS возникло в результате развития группы в социальной сети благодаря усилиям двух функционеров любительского футбола: Евгения Бабенко (Жека), начинавшего как игрок в любительских футбольных командах, и Никиты Панасюка (он же музыкант 13Kai) который тоже пробовал себя в качестве игрока в любительском футболе, но далее оба развивались в качестве преимущественно футбольных блогеров. Интернет-СМИ «Матч ТВ» является развитием продвижения одноименного федерального спортивного телеканала в сети Интернет и существует независимо от сайта (<https://matchtv.ru/>).

Результаты и обсуждения

Шансы возникновения отдельных риторических отношений, одновременно присутствующие в структуре медиатекстов сравниваемых телеграм-каналов, приведены на рисунке 1. Наиболее частотными в структуре социальных медиа и Интернет-СМИ среди многоядерных являются отношения конъюнкции (Joint) представляющие собой перечисление дискурсивных единиц, не связанных иными отношениями. Среди одноядерных для обоих телеграм-каналов наиболее частотными являются отношения детализации (Elaboration), за счет которых в сателлите более детально разворачивается содержащееся в ядре сообщение. Данное наблюдение уже отмечалось ранее применительно к социальным медиа и Интернет-СМИ, существующим в сетевых сервисах, отличных от Телеграм [16, с. 753].

В частотности возникновения в медиатекстах одноядерных или многоядерных отношений между социальными медиа и Интернет-СМИ не наблюдается значимых различий (ОШ = 1,31, F-тест = 0,132), но более детальное сравнение шансов возникновения отдельных риторических отношений, характеризующих медиатексты в разных каналах, показывает наличие различий.

Сравнение риторической структуры медиатекстов между социальными медиа и Интернет-СМИ, проведенное на основании отношения шансов возникновения отдельных риторических отношений, приведено в таблице 1.

Прежде всего обращает на себя внимание двукратное превышение использования отношений детализации (Elaboration) основного сообщения в интернет-СМИ по сравнению с социальными медиа. Стиль вербального общения, зародившийся в социальных сетях и перенесенный в медиатексты социальных медиа, создает менее институциональный дискурс, что отражается в более редком использовании развернутой детализации описываемых событий. Аналогичное объяснение возникает и в отношении двукратного превышения частоты возникновения отношения «Причина-Следствие» («Cause-Effect») в социальных медиа, для которых характерна повышенная эмоциональность коммуникации и желание свести причинно-следственные связи в сообщении к наиболее простой в выражении форме. В этой же логике можно объяснить частое использование противопоставления между дискурсивными единицами с возникновением отношения «Контраст» («Contrast») в текстах социальных медиа, направленное на создание выраженного эмоционального подъема аудитории, исходя из дихотомии «свой-чужой».

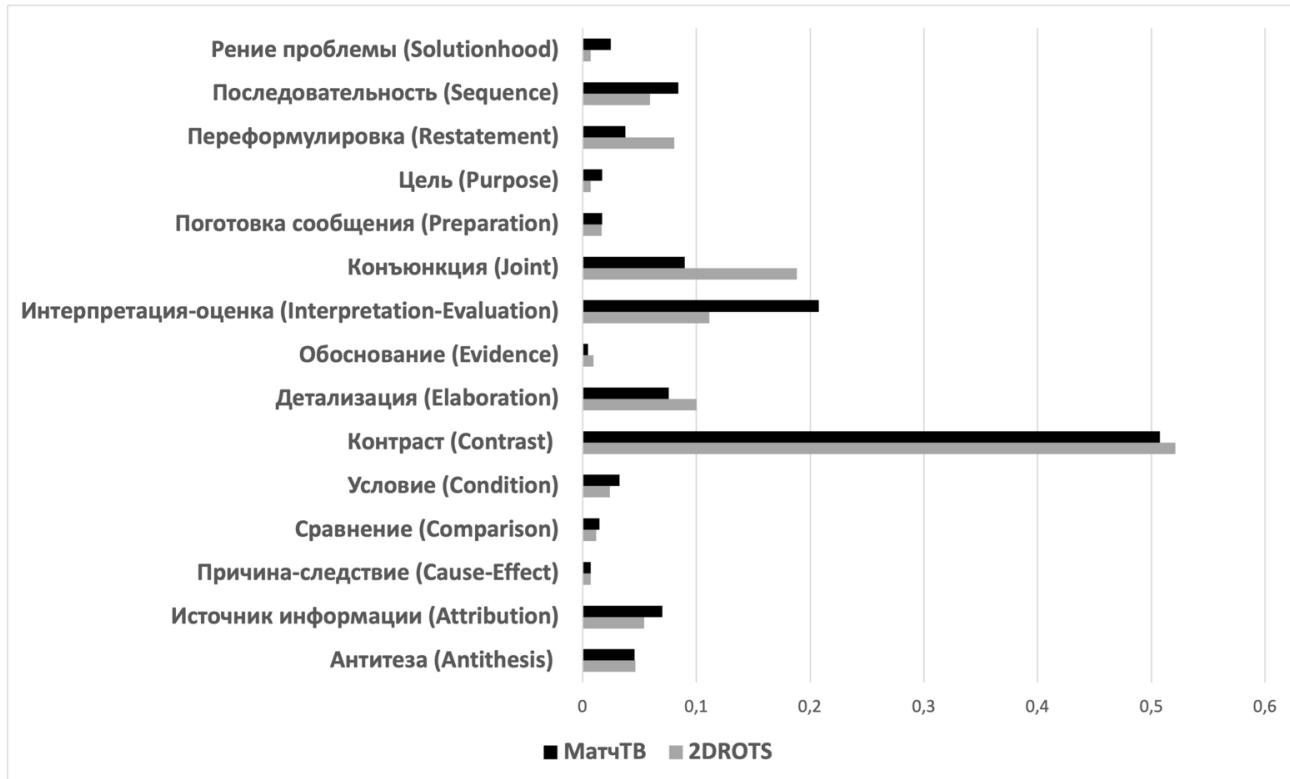

Рис. 1. Шанс возникновения отдельных риторических отношений в спортивных телеграм-каналах.

Fig. 1. The chance of occurrence of individual rhetorical relations in sports Telegram channels.

Отношения шансов возникновения отдельных риторических отношений между социальными медиа и Интернет-СМИ.

Таблица 1

Ratios of the odds of occurrence of individual rhetorical relationships between social media and Internet media.

Риторическое отношение	Отношение шансов (2DROTS / MatchTV)	F-тест
Антитеза (Antithesis)	0,283	0,051
Источник информации (Attribution)	0,705	0,261
Причина-следствие (Cause-Effect)	2,138	0,016
Сравнение (Comparison)	0,408	0,215
Условие (Condition)	0,962	1,000
Контраст (Contrast)	2,099	0,000
Детализация (Elaboration)	0,536	0,002
Обоснование (Evidence)	1,934	0,686
Интерпретация-оценка (Interpretation-Evaluation)	1,324	0,311
Конъюнкция (Joint)	1,027	0,884
Поготовка сообщения (Preparation)	0,734	0,529
Цель (Purpose)	0,799	0,769
Переформулировка (Restatement)	0,962	1,000
Последовательность (Sequence)	0,772	0,461
Решение проблемы (Solutionhood)	1,016	1,000

Выводы

Сравнение риторической структуры медиатекстов между интернет-СМИ и социальными медиа позволяет сделать несколько существенных заключений о свойствах медиатекстов спортивных телеграм-каналов:

Существуют статистически значимые различия в шансах использования отношений «детализации», «контраста» и «причины – следствия», что отражает особенности медиадискурса, в разных по генезису телеграм-каналах.

Риторическая структура медиатекстов спортивных телеграм-каналов зависит от их генезиса. С точки зрения коммуникационного воздействия на аудиторию социальные медиа сохраняют стилевое своеобразие, характерное для социальных сетей.

К числу обстоятельств, рассматриваемых в настоящий момент как влияющие на свойства медиатекста, как-то: принадлежность к универсальному медиатопику, форма (устная или письменная) создания и воспроизведения, технологическая платформа распространения (другими словами, канал коммуникации) и других, необходимо добавить генезис медиа, существующего в конкретном канале коммуникации.

Список источников

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография. М.: "КДУ", "Добросвет", 2020. 180 с.
2. Долженко Н.Г., Сулхаева А.А. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). С. 59 – 63.
3. Зильберт А.Б., Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории, исследовательские задачи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2017. Т. 17. С. 46 – 57.
4. Каминченко Д.И. Интернет-СМИ и социальные медиа: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики и языкоznания. 2021. № 40 (4). С. 417 – 430.
5. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа: учебник для вузов: 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 424 с.
6. Луценко Т.С. Вульгаризация речи как негативная тенденция в спортивных медиатекстах (на материале интернет-порталов «Советский спорт» и «Спорт-экспресс») // Медиаисследования, 2017. № 4 (2). С. 167 – 171.
7. Ним Е.Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 28 – 37.
8. Царенко Н.М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 146 – 154.
9. Шилина М.Г. Актуальные трансформации Веб и смена парадигмы модели сетевой коммуникации // МЕДИА@альманах. 2009. № 30 (1). С. 22 – 29.
10. Chistova E. Bilingual Rhetorical Structure Parsing with Large Parallel Annotations. In Findings of the Association for Computational Linguistics. 2024. P. 9689 – 9706.
11. Grosz B.J. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse // Computational Linguistics. 1986. No. 3 (12). P. 175 – 204.
12. Fisher R.A. On the Mathematical Foundations of Theoretical Statistics // Phil. Trans. R. Soc. Lond. Series A. 1922. Vol. 222. P. 309 – 368.
13. Krippendorff K. Content analysis: an introduction to its methodology. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. 422 p.
14. Mann W.C., Thompson, S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. № 8 (3). P. 243 – 281.
15. Toldova S., Pisarevskaya D., Ananyeva M., Kobozeva M., Nasedkin A., Nikiforova S., Pavlova I., Shelyapov A. Rhetorical relations markers in Russian RST Treebank // Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms. 2017. P. 29 – 33.
16. Toldova S., Davydova T., Kobozeva M., Pisarevskaya D. Discourse features of blogs in subcorpus of russian ru-rstreebank // Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue". 2020. P. 747 – 767.

References

1. Dobrosklonskaya T.G. Media linguistics: theory, methods, directions: monograph. Moscow: "KDU", "Dobrosvet", 2020. 180 p.
2. Dolzhenko N.G., Sulkhaeva A.A. Sports discourse in the media: features of semantics and functioning (based on biathlon terminology). Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 2 (26). P. 59 – 63.
3. Zilbert A.B., Zilbert B.A. Sports discourse: basic concepts and categories, research tasks. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2017. Vol. 17. P. 46 – 57.
4. Kaminchenko D.I. Internet media and social media: analysis of information agendas. Issues of journalism, pedagogy and linguistics. 2021. No. 40 (4). P. 417 – 430.

5. Kiriya I.V., Novikova A.A. History and theory of media: textbook for universities: 2nd ed. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2020. 424 p.
6. Lutsenko T.S. Vulgarization of speech as a negative tendency in sports media texts (based on the Internet portals "Soviet Sport" and "Sport-Express"). Media Research, 2017. No. 4 (2). P. 167 – 171.
7. Nim E.G. "Media events": a theory that has no end? Sociological journal. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 28 – 37.
8. Tsarenko N.M. Discourse marker as one of the indicators of presentation-interactive communication (on the example of Russian-language beauty vlog). Upper Volga Philological Bulletin. 2022. No. 1 (28). P. 146 – 154.
9. Shilina M.G. Current transformations of the Web and a change in the paradigm of the network communication model. MEDIA@almanac. 2009. No. 30 (1). P. 22 – 29.
10. Chistova E. Bilingual Rhetorical Structure Parsing with Large Parallel Annotations. In Findings of the Association for Computational Linguistics. 2024. P. 9689 – 9706.
11. Grosz B.J. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse. Computational Linguistics. 1986. No. 3 (12). P. 175 – 204.
12. Fisher R.A. On the Mathematical Foundations of Theoretical Statistics. Phil. Trans. R. Soc. Lond. Series A. 1922. Vol. 222. P. 309 – 368.
13. Krippendorff K. Content analysis: an introduction to its methodology. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. 422 p.
14. Mann W.C., Thompson, S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. No. 8 (3). P. 243 – 281.
15. Toldova S., Pisarevskaya D., Ananyeva M., Kobozeva M., Nasedkin A., Nikiforova S., Pavlova I., Shelyapov A. Rhetorical relations markers in Russian RST Treebank. Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms. 2017. P. 29 – 33.
16. Toldova S., Davydova T., Kobozeva M., Pisarevskaya D. Discourse features of blogs in the subcorpus of russian ru-rstreebank. Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue". 2020. P. 747 – 767.

Информация об авторах

Крылова Д.Г., преподаватель, кафедра журналистики, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет», d.krilova@mmu.ru

© Крылова Д.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'25

¹ Курских О.В., ¹Шубенок И.М.

¹ Пятигорский государственный университет

Механизмы вербализации эмоционального состояния персонажа в англо- и русскоязычной аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Тед Лассо»

Аннотация: аудиодескрипция делает кинофильмы доступными людям с глубокими нарушениями зрения, способствует инклузии и реабилитации. Данная технология компенсирует недостаток восприятия визуального компонента путем добавления поясняющего закадрового комментария в промежутках между репликами героев и значимыми звуками кинофильма.

В настоящей статье на материале комедийного телевизионного сериала выявляются паразыковые средства репрезентации базовых эмоций персонажей в англо- и русскоязычной аудиодескрипции. Авторы акцентируют внимание на том, что функционально-семантический потенциал используемых в тексте аудиодескрипции паразыковых средств реализуется только в сочетании с вербальными и невербальными составляющими эпизода и его контекстом, благодаря которым создается смысловая точность описания. В результате анализа раскрывается взаимодействие паракинем и парапроксем, описывающих внешние эмоциональные реакции персонажей, а также выявляются случаи прямой номинации эмоциональных состояний. Рассмотренные механизмы являются относительно универсальными для передачи различных эмоций в аудиодескрипции.

Исследование может быть полезным в разработке новых стратегий репрезентации эмоций при написании сценариев аудиодескрипции, что в свою очередь позволит создавать более информативные описания для незрячих кинолюбителей и повысит качество аудиодескрипции в целом.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, межсемиотический перевод, аудиодескрипция, базовые эмоции, эмоциональное состояние, паразык

Для цитирования: Курских О.В., Шубенок И.М. Механизмы вербализации эмоционального состояния персонажа в англо- и русскоязычной аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Тед Лассо» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 101 – 107.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Kurskikh O.V., ¹ Shubenok I.M.

¹ Pyatigorsk State University

The mechanisms of verbalization of a character's emotional state in English- and Russian-language audio description for the comedy television series “Ted Lasso”

Abstract: audio description makes films accessible to individuals with profound visual impairments, promoting inclusion and supporting rehabilitation. This technology compensates for the lack of visual perception by incorporating explanatory voice-over commentary during pauses between character dialogues and significant sounds in a film.

This article examines paralinguistic means of representing characters' basic emotions in both English and Russian audio descriptions of a comedy television series. The authors emphasize that the functional and semantic potential of paralinguistic elements in audio description is realized only in conjunction with the verbal and nonverbal

components of each episode and its context, which together ensure semantic precision in the description. The analysis reveals the interaction between parakinemes and paraproxemes, which describe external emotional reactions of characters, and identifies instances of direct nomination of emotional states. These mechanisms are found to be relatively universal in conveying a range of emotions through audio description.

The findings of this study may contribute to the development of new strategies for representing emotions in audio description scripts, ultimately enabling more informative and emotionally nuanced content for blind film lovers and improving the overall quality of audio description.

Keywords: audiovisual translation, intersemiotic translation, audio description, basic emotions, emotional state, paralanguage

For citation: Kurskikh O.V., Shubenok I.M. The mechanisms of verbalization of a character's emotional state in English- and Russian-language audio description for the comedy television series "Ted Lasso". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 101 – 107.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Аудиодескрипция – это вид межсемиотического и аудиовизуального перевода, цель которого – передать недоступное для восприятия слепых и слабовидящих содержание кинофильмов, телесериалов, оперы, театра, музыкальных и танцевальных представлений. Описания основных визуальных элементов должны быть вставлены в «естественные паузы» в оригинальном звуковом сопровождении постановки. При трансляции фильмов и сериалов звуковая дорожка аудиодескрипции совмещается с общей звуковой дорожкой. Только в сочетании с оригинальными звуками, музыкой и диалогами аудиодескрипция представляет собой связное и осмысленное целое [8, с. 9].

Актуальность работы заключается в необходимости обеспечения незрячим и слабовидящим людям доступности аудиовизуальных материалов в культурной сфере и обусловлена потребностью в дальнейшей разработке аудиодескрипции и улучшении ее качества посредством выявления способов передачи визуальной информации через вербальную знаковую систему.

Эмоции играют ключевую роль в восприятии кинопроизведений, формируя отношение реципиента к происходящему. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей через вербальные средства – важная и сложная задача аудиодескрипции, от успешности решения которой зависит полноценность эстетического опыта незрячего зрителя. Тем не менее, существующие приемы описания эмоций в аудиодескрипции пока недостаточно изучены и систематизированы.

Изучение вербализации эмоций требует интеграции знаний из разных областей науки: психологии (теории эмоций), лингвистики (средства выражения эмоций в языке), культурологии (особенности национальной специфики выражений чувств). Системный подход позволит выявить универсальные закономерности составления аудиодескрипции, обеспечивающие наиболее адекватное восприятие материала реципиентами с ограничениями по зрению.

Целью настоящей работы является выявление и сравнение паразыковых средств репрезентации базовых эмоций персонажей в оригинальной и переведенной аудиодескрипции к комедийному телесериалу.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: уточнить определение аудиодескрипции как вида межсемиотического и аудиовизуального перевода; определить паразыковые элементы; выделить эмотивные эпизоды в англо- и русскоязычной (переведенной) аудиодескрипции; путем сплошной выборки выявить паразыковые элементы, репрезентирующие базовые эмоции; проанализировать и сравнить способы репрезентации базовых эмоций в оригинальной аудиодескрипции и ее переводе.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили англоязычные аудиодескрипции к первому сезону телесериала «Тед Лассо» (2020) и их официальные переводы на русский язык. «Тед Лассо» – это спортивная комедийно-драматическая история, сочетающая юмор с эмоциональной глубиной. Сериал создан Джейсоном Судейкисом, Биллом Лоуренсом, Бренданом Хантом и Джо Келли. Сюжет рассказывает о Теде Лассо, тренере по американскому футболу, который переезжает из США в Великобританию и становится наставником футбольной команды «Ричмонд». Лассо ничего не понимает в европейском футболе (для него – соккер), но пытается во всем разобраться и завоевать симпатии скептически настроенных болельщиков при помощи харизмы и оптимизма.

Текст аудиодескрипции должен учитывать жанровые особенности кинопроизведения. В комедийных телесериалах все персонажи открыто проявляют свои эмоции, которые доступны для считывания нормотипичными реципиентами и недоступны для непосредственного восприятия незрячими. Поэтому одной из задач аудиодескрипции является грамотная передача информации об эмоциональном состоянии действующих персонажей. При этом стоит помнить о главном принципе аудиодескрипции – описывать, но не интерпретировать. Аудиодескриптор должен обладать способностью синтезировать визуальную информацию в точном и емком словесном описании, не прибегая к собственным оценочным суждениям и предположениям [7, с. 58]. Наиболее полного описания эмоции в аудиодескрипции помогает добиться указание признаков, которые эти эмоции характеризуют, а также описание мимики, жестов и реакций кожи человека в совокупности с контекстом сцены, а также вербальной и паравербальной информацией, содержащейся в исходном кинотексте.

Исследование опиралось на комплексный подход, включающий методы лингвистического описания, сопоставительный и классификационный анализ. В основе метода лингвистического описания лежала сплошная выборка примеров из материала исследования. Для систематизации данных применялся классификационный метод, позволяющий разделить паразыковые элементы, репрезентирующие базовые эмоции, на классы. Особое внимание было уделено паракинемам и парапроксемам. Для сравнения разных способов передачи одной и той же эмоции использовался сопоставительный метод.

Результаты и обсуждения

Кинотекст относится к поликодовым-полимодальным текстам, под которыми понимается «техно-сенсорное единство, поддающееся перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации), сочетающее аудиальные и визуальные семиотические средства и передающееся проецированием на экран. В нем обнаруживается синкетическое единство движущегося изображения, речи, шумов, музыкального сопровождения и письма (титры, субтитры и пр.)» [2, с. 14]. Восприятие кинотекста незрячими реципиентами опирается в основном на вербальную составляющую звукового ряда. Мы не будем подробно останавливаться на классификации видов зрительной патологии, но отметим, что слабовидящие и люди с пониженным зрением, так же как totally и частично слепые, являются потребителями аудиодескрипции [4, с. 8].

Аудиодескрипция – это вспомогательный инструмент, целью которого является описание визуальной составляющей кинотекста. Закадровое вербальное описание содержит информацию о месте действия (локации, атмосфера), времени действия (время года, день, эпоха), персонажах (внешний вид, выражения лица и жесты), действиях персонажей (поведение и реакции), письменных вербальных компонентах (логотипы, вывески, титры и субтитры) [4]. При этом, как уже отмечалось ранее, текст аудиодескрипции должен позволять незрячим зрителям делать собственные выводы о происходящем на экране и испытывать собственные эмоции от кинофильма.

Трансляция эмотивной информации в кинофильме с аудиодескрипцией осуществляется посредством двух аудиальных каналов, доступных для незрячих реципиентов. Первый аудиоканал – это основная аудиодорожка кинофильма, транслирующая вербальную (реплики действующих персонажей) и паравербальную информацию (громкость, тембр, высота голоса, темп речи, вздохи, молчание, покашливание, всхлипывания и смех). Без визуальной поддержки эта информация бывает неполной, поэтому она дополняется и конкретизируется вторым аудиоканалом, компенсаторным, содержащим в себе аудиоописание эмоционального состояния действующих персонажей, их жестов, мимики, тактильного поведения, местоположения в пространстве [1, с. 18]. Анализ каждого эмотивного эпизода проводился с учетом этих двух аудиальных каналов и контекста.

Для качественной передачи эмоций аудиодескриптору важно уметь понимать и распознавать их. Для целей настоящего исследования мы использовали понятие базовой (фундаментальной) эмоции как универсального эмоционального процесса, схожего в разных культурах по способу выражения. Пол Экман относит к базовым эмоциям счастье, отвращение, удивление, грусть, страх, и злость [6, с. 13]. Кэррол Изард разделяет базовые эмоции на положительные (интерес, радость), отрицательные (страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина) и нейтральные (удивление). Одним из критериев, по которым Изард определял, является эмоция базовой или нет, была «выразительная и специфическая конфигурация мышечных движений лица (мимика)» [3, с. 65]. Термин «эмоциональное состояние» используется нами для обозначения испытываемых персонажами переживаний, состоящих из соединения базовых эмоций.

Исследование показало, что относительно универсальными для передачи базовых эмоций являются такие паразыковые средства, как паракинемы (стилистически нейтральное описание мимики, жестов,

поз и кожных реакций) и парапроксемы (описание изменений дистанции между персонажами в результате проявления эмоции). Эти элементы информативны и коммуникативно значимы.

Паракинемы. В анализируемом материале были выделены эмотивные эпизоды, содержащие паракинемы, которые репрезентируют пять базовых эмоций персонажей: радость, страх, гнев (злость), печаль (горе) и удивление. Ключевое различие между паракинемой и просто описанием движений лицевых мышц и жестов заключается в коммуникативной функции [5, с. 126]: паракинема передает их информационное и эмоциональное содержание в контексте сцены, создавая многослойное восприятие эмоционального состояния персонажей в рамках аудиоописания.

Например, эмоция удивления чаще всего выражается поднятием бровей, расширением глаз и открытием рта. Само по себе удивление – нейтральная эмоция, но может приобретать положительную или отрицательную окраску в зависимости от ситуации.

Ted raises his eyebrows. / Тед поднимает брови.

Isaac stares at him, open mouth. / Айзек смотрит на Нейтона, открыв рот.

Ted gazes around, wide-eyed. / Тед смотрит, широко раскрыв глаза.

Rebecca's eyes widen. / Она широко раскрывает глаза.

В данных примерах переводчик сохраняет стилистически нейтральное описание двигательных внешних эмоциональных реакций персонажей, использованных в оригинальной аудиодескрипции. Также он заменяет английские глаголы с конкретизирующим значением *to stare* и *to gaze* на нейтральный смотреть. В следующем примере при передаче глагола *to stare* переводчик прибегает к прямой номинации эмоции удивления (т.е. использует ключевое слово-наименование):

He picks it up and stares at it. / Он его поднимает и удивленно рассматривает.

Такой перевод соответствует показанному на экране – Тед, подняв брови, внимательно смотрит на кусок спрессованных кукурузных хлопьев. Русскоязычный аудиокомментарий в полной мере передает эмоции Теда, хотя и противоречит требованию отказа от интерпретаций в аудиодескрипции.

Включение в аудиодескрипцию эмоционально-оценочной лексики (*anxiously*, удивленно, равнодушно) и прямой номинации эмоций (Джейми радуется голу) обычно происходит в случае, если контекста, вербальной и паравербальной информации оказывается недостаточно для распознавания незрячим реципиентом эмотивной информации. В русскоязычной аудиодескрипции к этому приему обращаются чаще, чем в оригинальной. Часто это происходит из-за отсутствия в русском языке полного эквивалента (семантически и по форме) определенных слов и конструкций, присутствующих в оригинальном сценарии. Например, в использованный аудиодескриптором английский глагол *to glare* (*He glares at her*) изначально заложено отрицательное значение – «смотреть на кого-то со злостью, с ненавистью». В русской аудиодескрипции приходится прибегать к описательному переводу и, соответственно, прямому называнию эмоции (Он свирепо смотрит на нее).

В другом эмотивном эпизоде мимика персонажа описывается в оригинальной аудиодескрипции глаголом *to scowl*, буквально означающим «нахмуриться или сердито посмотреть». Переводчик характеризует взгляд с помощью прилагательного «сердитый», напрямую описывающего эмоцию.

Rebecca scowls. / Ребекка бросает сердитый взгляд.

Глагол *to glare*, использованный для описания эмоции Ребекки в другой сцене, означает «пристально и свирепо смотреть». В переведенной аудиодескрипции она косится:

Rebecca glares. / Ребекка косится на Хиггинса.

Косой взгляд означает скорее подозрение или неодобрение. В данном случае перевод представляется не совсем удачным, т.к. не передает гнев Ребекки, показанный на экране.

В процессе исследования было выделено множество контекстов, содержащих описание взгляда. Направленность, устремленность глаз может быть индикатором как негативных, так и позитивных эмоций. В каждом конкретном случае необходим анализ в рамках контекста. Так, описание *Jamie rolls his eyes* служит выражению эмоции злости, состояния раздражения, что подтверждается следующими за ним репликами персонажа. В переводе глагол *to roll* заменяется на Джейми отводит глаза. Отводят глаза чаще от стыда или неловкости, поэтому в русскоязычной аудиодескрипции злость и раздражение Джейми, главного зидири в футбольной команде, не переданы.

В следующем эпизоде выражение лица Джейми описано в оригинальной аудиодескрипции с помощью глагола *to grimace*, который означает «скривиться, поморщиться, скрить гримасу». Переводчик заменяет описание мимики Джейми на прямое называние эмоции – он злится.

Jamie takes a few steps, then stops. He grimaces and turns back. / Джейми делает несколько шагов, затем останавливается, злится и возвращается назад.

Контекст киносцены играет важную роль при выборе способа вербализации эмоции в аудиодескрипции. Обстоятельства, в которых оказались персонажи, характер их взаимоотношений способствуют правильной интерпретации незрячим реципиентом эмоции без прямого указания на нее в аудиодескрипции. Например, в одном из эпизодов Ребекка, владелица клуба «Ричмонд», со слезами на глазах говорит с Тедом о своем разводе.

She looks down and rubs her eyes. / Ребекка опускает глаза и вытирает слезы.

Нормотипичный зритель может увидеть, что, опустив голову, Ребекка вытирает слезы. Для незрячего реципиента эта информация недоступна без аудиодескрипции, однако он может понять эмоциональное состояние Ребекки в этой сцене по репликам, интонации и всхлипыванию, передающимися по первому аудиоканалу.

Парапроксемы. В исследуемых текстах аудиодескрипции были зафиксированы парапроксемы, представляющие собой описание пространственного поведения персонажей. Так, среди способов вербализации эмоции радости были выделены глаголы, составляющие семантическое поле со значением «объятия» и «прыжки». Например, в эпизодах, где игроки радуются забитому голу:

Danny jumps into Sam's arms. / Дани запрыгивает на Сэма.

Sam leaps into Roy's arms. / Сэм запрыгивает на Роя.

He hugs Coach Beard. / Он обнимает тренера Бирда.

Nate jumps and clings to him. / Нэйт прыгает и повисает на Теде.

Присутствие парапроксем в описании позволяет незрячему реципиенту прочувствовать динамичный характер сцены. Как показывает анализ выявленных эмотивных эпизодов, именно динамизм чаще всего репрезентирует эмоцию радости, поскольку активность является одним из главных ее классификационных признаков.

Ted dances wildly. / Тед танцует в диком восторге.

Players crowd aaround him. / Игроки ликуют вместе с ним.

Здесь переводчик принял решение использовать конкретизатор в диком восторге, чтобы точнее описать эмоцию, выраженную парапроксемой.

В сцене увольнения Ребеккой бывшего тренера «Ричмонда» Джорджа Картрика описание двигательной реакции *George storms out* / Джордж бросается вон из офиса является средством выражения эмоции гнева. Использованное в оригинальной аудиодескрипции выражение *to storm out* буквально означает «выходить в ярости (из помещения), уходить с громким скандалом». Переведенный вариант также представляется удачным, т.к. передает реакцию Джорджа на слова Ребекки.

Аналогичный пример встречается в другом эмотивном эпизоде. В англоязычной аудиодескрипции используется глагол *to stride out*, который означает «шагать большими шагами, выходить поспешно, энергично или решительно».

Подруга Ребекки по имени Кили после серьезного разговора с ней быстро уходит, оставляя Ребекку в недоумении, которое вербализуется посредством описания двигательного эмоционального симптома – моргания.

Rebecca blinks rapidly as Keely strides out of the office. / Ребекка моргает, а Кили решительно выходит из офиса.

В следующих примерах парапроксемы также становятся коммуникативно значимыми в сочетании с паракинемами.

He steps between his friends, who stand rooted in place with their mouths hanging open. / Он встает между своими друзьями, которые застыли как вкопанные, широко разинув рты.

Для вербализации эмоции удивления здесь использовано описание мимики и положения тела.

Nathan staggers back, blinking rapidly and runs out of sight. / Нейтан в замешательстве быстро моргает и убегает прочь.

В переводе была опущена парапроксема *Nathan staggers back* (Нейтан отшатнулся, отпрянул), которая вместе с описанием мимической реакции *blinking rapidly* (быстро моргает) передает в этой сцене недоумение, удивление персонажа.

Выводы

Реализация Федеральной программы «Доступная среда», принятие законов, обязывающих сопровождать фильмы, получившие государственную поддержку, аудиодескрипцией, а также неизменно возрастающее количество аудиовизуального контента, делают изучение аудиодескрипции и ее механизмов как никогда актуальным. Эмоции являются важной составляющей любого кинопроизведения, поэтому понимание способов их репрезентации в аудиодескрипции важно для создания адекватных и качественных описаний-

комментариев, которые могут в полной или почти полной мере компенсировать визуальную информацию, недоступную для восприятия незрячими реципиентами.

На материале англо- и русскоязычной (переведенной) аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Ted Lasso» были проанализированы паразыковые элементы, репрезентирующие базовые эмоции персонажей. Помимо паракинем и паропроксем выделены двухкомпонентные сочетания «паракинема + паропроксема» и прямые номинации эмоций.

В англоязычной аудиодескрипции выделено 277 эмотивных эпизодов, содержащих 60% паракинем, 18,7% паропроксем, 9,3% сочетаний паракинемы и паропроксемы и 12% прямых номинаций эмоций.

В русскоязычной аудиодескрипции выделен 271 эмотивный эпизод. Распределение исследуемых слов, называющих эмоции разных видов, выглядит следующим образом: 52,1% – паракинемы, 19,2% – паропроксемы, 8,2% – сочетания паракинем и паропроксем и 20,5% – прямые номинации эмоций.

Меньшее количество эмотивных эпизодов в русскоязычной аудиодескрипции говорит об опущениях в переводе. Например, в одном из эпизодов поза персонажа описана с помощью паракинемы *hunched shoulders*, которая выступает здесь средством вербализации эмоции печали, подавленности:

Ted sits on his bed, his shoulders hunched.

В переводе отсутствуют какие-либо описания его позы: Тед сидит на кровати. Соответственно, об эмоциональном состоянии персонажа незрячему реципиенту приходится догадываться с помощью контекста, что в данном случае нам представляется затруднительным.

Анализ также показал, что механизмы вербализации эмоций не всегда согласуются с принятыми стандартами аудиодескрипции, в соответствии с которыми называние эмоции считается грубой ошибкой. Полностью отказаться от интерпретаций и оценок в аудиодескрипции невозможно ввиду того, что иногда контекста, а также информации, передающейся по первому аудиальному каналу, оказывается недостаточно для распознавания транслирующейся эмоции. Механизм прямой номинации эмоционального состояния персонажа в русскоязычной аудиодескрипции часто обусловлен отсутствием полных эквивалентов слов, имеющих эмоционально-насыщенное значение в английском языке.

Проведенное исследование имеет дальнейшие перспективы развития и может быть расширено за счет добавления материала и сравнительного анализа оригинальной и переведённой аудиодескрипции к художественным фильмам и сериалам других жанров.

Список источников

1. Анищенко А.В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 11 – 22.
2. Евграфова Ю.А. Сотрудничество адресанта и адресата: интерпретация экранного текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 13 – 24.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
4. Обиух П.А., Корнеев М.О. Пособие по тифлокомментированию. М.: Российский государственный социальный университет, 2017. 80 с.
5. Хроленко А.Т. Основы современной филологии: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 352 с.
6. Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
7. Fryer L. An Introduction to Audio Description. A practical guide. London, New York: Routledge, 2016. 212 p.
8. Remael A., Reviers N., Vercauteren G. Pictures painted in words: ADLAB audio description guidelines. Trieste: EUT, 2014. 68 p.

References

1. Anishchenko A.V. Modeling emotive meanings in German-language films with audio description. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. No. 9 (838). P. 11 – 22.
2. Evgrafova Yu.A. Cooperation between the addresser and the addressee: interpretation of the on-screen text. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2020. No. 4. P. 13 – 24.
3. Izard K.E. Psychology of emotions. SPb.: Piter, 2006. 464 p.
4. Obiukh P.A., Korneev M.O. Handbook of audio description. Moscow: Russian State Social University, 2017. 80 p.
5. Khrolenko A.T. Fundamentals of modern philology: a tutorial. Moscow: FLINTA: Nauka, 2013. 352 p.
6. Ekman P. Psychology of emotions. St. Petersburg: Piter, 2010. 336 p.

7. Fryer L. An Introduction to Audio Description. A practical guide. London, New York: Routledge, 2016. 212 p.

8. Remael A., Reviers N., Vercauteren G. Pictures painted in words: ADLAB audio description guidelines. Trieste: EUT, 2014. 68 p.

Информация об авторах

Курских О.В., кандидат филологических наук, кафедра европейских языков, Пятигорский государственный университет, oleg.kurskikh@gmail.com

Шубенок И.М., кафедра европейских языков, Пятигорский государственный университет, shubenok@pgu.ru

© Курских О.В., Шубенок И.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 82-92:070

¹Линь Тяньхэ

¹Российский университет дружбы народов

Исторический обзор социальной ответственности журналистов в Китае

Аннотация: в представленной научной работе проводится всестороннее исследование эволюции концепции социальной ответственности среди журналистов в Китае, рассматриваемой через призму глубоких исторических трансформаций и актуальных вызовов современности. Данный анализ позволяет проследить сложный и многогранный путь, который прошла китайская журналистика, и выделить ключевые этапы её развития.

На начальном этапе, в период до начала политики реформ и открытости, социальная ответственность журналиста была практически полностью тождественна высокой политической ответственности. Медиа функционировали как неотъемлемая часть централизованной государственной системы, а главной задачей журналистов было выступать в качестве рупора партии и правительства, обеспечивая идеологическую поддержку и мобилизацию масс. Ответственность перед обществом понималась как ответственность перед государством и его целями.

Однако в последние годы, в условиях кардинально меняющейся глобальной и внутренней медиасреды, наблюдается процесс возрождения и переосмысливания социальной ответственности. Развитие интернета, социальных сетей и гражданской журналистики разрушило монополию традиционных СМИ на информацию, создав высококонкурентное поле, где доверие аудитории становится ключевым капиталом. На этом фоне профессионализм, достоверность и следование этическим принципам вновь выходят на первый план как необходимое условие выживания и успешного функционирования медиа.

Работа акцентирует исключительную важность социальной ответственности журналистов в новую эпоху. Её адекватное исполнение является залогом укрепления доверия к средствам массовой информации, служит барьером на пути распространения дезинформации и способствует выполнению важнейших этических норм профессии.

Ключевые слова: социальная ответственность, журналистика в Китае, реформы, этика, медиасреда, информационный надзор

Для цитирования: Линь Тяньхэ. Исторический обзор социальной ответственности журналистов в Китае // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 108 – 113.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹Lin Tianhe

¹ Peoples' Friendship University of Russia

A historical overview of the social responsibility of journalists in China

Abstract: this paper provides a comprehensive study of the evolution of the concept of social responsibility among journalists in China, viewed through the prism of deep historical transformations and current challenges of our time. This analysis allows us to trace the complex and multifaceted path that Chinese journalism has taken and identify the key stages of its development.

At the initial stage, in the period before the start of the policy of reform and openness, the social responsibility of a journalist was almost completely identical to high political responsibility. The media functioned as an integral part of a centralized state system, and the main task of journalists was to act as a mouthpiece for the party and the government, providing ideological support and mass mobilization. Responsibility to society was understood as responsibility to the state and its goals.

However, in recent years, in the context of a radically changing global and domestic media environment, there has been a process of revival and rethinking of social responsibility. The development of the Internet, social networks, and citizen journalism has destroyed the monopoly of traditional media on information, creating a highly competitive field where audience trust is becoming a key asset. Against this background, professionalism, reliability and adherence to ethical principles once again come to the fore as a necessary condition for the survival and successful functioning of the media.

The work highlights the crucial importance of the social responsibility of journalists in the new era. Its adequate implementation is the key to strengthening trust in the media, serves as a barrier to the spread of misinformation and contributes to the implementation of the most important ethical standards of the profession.

Keywords: social responsibility, journalism in China, reform, ethics, media environment, information oversight

For citation: Lin Tianhe. A historical overview of the social responsibility of journalists in China. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 108 – 113.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Социальная ответственность журналистов представляет собой одну из ключевых характеристик современной журналистики, особенно в контексте динамично меняющихся социальных, экономических и технологических условий. В Китае, где медиа играют значительную роль в формировании общественного мнения и продвижении государственных инициатив, вопрос социальной ответственности журналистов приобрёл особую значимость. Историческое развитие этой ответственности, начиная с периода строгого партийного контроля, через этапы реформ и политики открытости, до современных вызовов цифровизации и глобализации, позволяет выявить ключевые аспекты её эволюции и роль журналистов в укреплении социальной гармонии. Работа направлена на изучение изменений в профессиональной практике, а также на анализ значимости и проблем социальной ответственности китайских журналистов в новую эпоху [1, 8].

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании использован комплекс теоретико-методологических подходов, включая системный, историко-функциональный и сравнительно-аналитический методы. Основу анализа составили научные публикации китайских и зарубежных исследователей, официальные нормативные документы, доклады, а также материалы СМИ, отражающие развитие и реализацию социальной ответственности журналистов в Китае. Особое внимание удалено ретроспективному анализу трансформации медиапрактик на фоне политических и экономических реформ, а также влиянию цифровизации и глобализации на профессиональную этику и роль журналиста. Использованные методы позволили комплексно рассмотреть эволюцию понятий и практик социальной ответственности, выявить ключевые тенденции и противоречия, а также обозначить современные вызовы, с которыми сталкиваются китайские журналисты в новую эпоху.

Результаты и обсуждения

Развитие социальной ответственности журналистов в Китае. Высокая политическая ответственность до реформы и открытости.

В период до реформ и политики открытости социальная ответственность журналистов в Китае была преимущественно сосредоточена на политической пропаганде и поддержке официального курса Коммунистической партии Китая. Основной задачей СМИ в это время было укрепление идеологической базы социализма и распространение партийной линии. Журналисты выполняли функции пропагандистов, подчёркивая успехи социалистического строительства и формируя общественное мнение в духе партийной дисциплины. Их профессиональная деятельность строго контролировалась государством, а публикации в основном соответствовали единой идеологической линии. Это положение отражало особенности централизованной системы управления СМИ, где не оставалось места для критической журналистики или альтернативных точек зрения. Такая система обеспечивала стабильность государственной пропаганды, но подавляла независимость и творческую свободу журналистов. Исследования показывают, что в этот период медиа

использовались исключительно как инструмент идеологического контроля и формирования единого общественного мнения [6].

Политическая и экономическая ответственность в первые годы реформ и открытости.

С 1978 года до начала 1980-х годов инновации в новостных концепциях сыграли важную роль в развитии новостей. Работа в новостной сфере привела к всеобъемлющей реформе, и медиасреда Китая существенно изменилась. По мере того, как партия и правительство переключили внимание на экономическое строительство, все отрасли промышленности по всей стране активно реагировали на национальную политику и сосредоточили основные усилия на развитии производительности и модернизации, что предоставило журналистам реалистичную основу для избавления от чрезмерной политической зависимости. Хотя политическая экология и в настоящее время по-прежнему занимает сильные позиции, она уже не является единственным содержанием. Больше внимания уделяется функции распространения новостей и движению за экономическими интересами. Исследование Xuying Yu подчёркивает, что этот период был переломным, когда журналисты начали балансировать между задачами государственной пропаганды и растущим влиянием рыночной экономики [7].

Отсутствие ответственности в процессе углубления реформы СМИ.

В 1990-х годах, после выступления Дэн Сяопина в Южном Китае и XIV съезда Коммунистической партии Китая, реформа экономической системы и политика открытости для внешнего мира получили дальнейшее развитие, а СМИ вступили в период бурного развития. Развитие медиаиндустрии вышло за рамки обсуждения рынка рекламы и разделения производства и вещания, достигнув уровня скачкообразного развития и группового развития медиаиндустрии [2, 4].

Углубление реформ СМИ принесло обнадеживающие результаты новостной индустрии, но и породило новые проблемы. Профессиональная роль журналистов изменилась с одной лишь политической пропаганды на более диверсифицированную, и в этот период часто возникало явление социальной безответственности. В медиасреде, в условиях структурных изменений в политической, экономической, культурной и технологической экологии, социальная ответственность СМИ и журналистов усложнилась. Журналисты больше не являются просто политическими пропагандистами. Многочисленные роли и требования социальной ответственности оказывают всё большее давление на физическое и психическое состояние людей, порождая всё больше противоречий и путаницы.

Неоднозначность профессиональных ролей приведёт к снижению уровня профессиональной этики журналистов. Журналисты, как основная часть практической деятельности в сфере медиакоммуникаций, являются точкой приложения средств массовой информации для реализации социальной ответственности. Профессиональная этика журналистов влияет на авторитет, влияние и доминирование СМИ, а также на уровень и степень реализации социальной ответственности новостных СМИ [3]. Размытие профессиональных ролей и идентичности журналистов приводит к путанице в их работе с новостями. В такой ситуации не все журналисты могут чётко определить и отстаивать свои профессиональные идеалы и изначальное намерение служить общественным интересам. Некоторые виды недобросовестного поведения, такие как ложные новости, платные новости, оплачиваемое молчание и развлекательные новостные материалы, противоречащие профессиональной этике и социальной ответственности журналистики, будут проявляться и, что ещё хуже, напрямую затрагивать закон, тем самым оказывая негативное воздействие на общество.

Характеристика развития социальной ответственности журналистов в Китае.

Медленное накопление культуры ответственности в единой системе.

В условиях централизованной системы медиа, характерной для Китая в большей части XX века, культура социальной ответственности журналистов формировалась медленно и находилась под строгим контролем партийной идеологии. Основная роль журналистов сводилась к выполнению пропагандистских задач: поддержке официальной линии партии, продвижению социалистических ценностей и формированию положительного общественного мнения о государственной политике. В этом контексте независимая журналистика практически не существовала, что ограничивало возможности журналистов проявлять социальную ответственность [5]. Однако, несмотря на строгий контроль, в этот период начали формироваться такие элементы профессиональной идентичности, как уважение к объективным фактам и стремление к объективности, которые стали основой будущих изменений. В исследовании Чжэн Иньшу подчёркивается, что процессы модернизации и образовательные инициативы начали закладывать основу для повышения осведомлённости журналистов о своей социальной роли [9].

Кроме того, программы журналистского образования в таких учреждениях, как Китайский университет коммуникаций, начали развивать такие элементы, как профессиональная этика и социальная ответственность. Хотя обучение по-прежнему оставалось идеологически направленным, оно способствовало осознанию

нию роли журналистов как посредников между государством и обществом. Постепенно рос запрос на достоверную информацию, особенно в контексте международных связей и обмена опытом с другими странами. Таким образом, несмотря на ограничения централизованной системы, процесс накопления культуры социальной ответственности в журналистике Китая можно рассматривать как важный этап, предшествующий её дальнейшей эволюции в условиях социальных реформ и технологического развития.

Основное значение и практические требования социальной ответственности для китайских журналистов в новую эпоху.

Значение социальной ответственности китайских журналистов в новую эпоху.

Журналисты должны поддерживать чувства своего народа и прежде всего приближаться к реальности, чтобы прочувствовать её. Чем более развитой и сложной становится информация, тем больше мы должны рассматривать практику и низовые круги как лучший учебный класс. В международной модели коммуникации сила коммуникации определяет влияние, а сила дискурса – инициативу. Интернет сломал коммуникационные ограничения, накладываемые национальными границами, и разрушение давней модели доминирования западных СМИ в мире станет реальностью; новые коммуникационные технологии оказали мощную поддержку повышению частоты первых публикаций и частоты попадания новостных сообщений в международные СМИ. В новую эпоху обязанность китайских журналистов – сочетать традиционные ценности с инновационными методами и эффективно выполнять свою социальную миссию.

Реалистичные требования социальной ответственности журналистов в Китае в новую эпоху.

В новую эпоху, когда социальные и технологические изменения происходят стремительно, социальная ответственность журналистов Китая требует соответствия новым вызовам. Одним из важнейших аспектов является соблюдение профессиональной этики в условиях растущего коммерческого давления и влияния цифровых технологий. Как отмечают Lee, Cui и Zhang, журналисты в Китае находятся в сложной профессиональной дилемме: с одной стороны, требуется сохранять высокие стандарты объективности и достоверности, с другой – учитывать рыночные реалии и коммерческие интересы СМИ [10].

Важным требованием также становится способность журналистов адаптироваться к изменениям в медиасреде. В условиях цифровизации и широкого распространения социальных сетей журналисты обязаны быть не только поставщиками информации, но и активными участниками общественного диалога. Журналистам новой эпохи не обязательно владеть всеми коммуникационными технологиями и средствами, но они должны быть с ними знакомы. Важно обладать интернет-мышлением и уметь использовать международные или локальные платформы и каналы для точной коммуникации.

Реалистичные проблемы, стоящие перед социальной ответственностью китайских журналистов.

Проблема этического проступка.

В современных коммерциализированных СМИ нарушения этики стали серьёзной проблемой. Для привлечения аудитории и увеличения доходов искажаются факты и распространяются ложные сведения в неограниченном количестве. Поэтому журналисты часто игнорируют профессиональную этику ради экономической выгоды. В результате журналисты часто игнорируют профессиональные стандарты в пользу экономической выгоды. Как показывают исследования Lee, Cui и Zhang, журналисты, работающие в условиях значительного коммерческого влияния, чаще демонстрируют толерантность к неэтичным практикам, включая создание манипулятивного контента и преувеличение фактов [10].

Эти нарушения подрывают доверие общества к СМИ, угрожают их репутации и создают долгосрочные риски для всей медиаиндустрии. К примеру, журналисты, фокусирующиеся на "горячих новостях", могут не учитывать долгосрочные последствия своих действий, что приводит к ухудшению качества журналистского контента. Решение этой проблемы требует как индивидуального подхода, направленного на повышение уровня профессиональной этики, так и структурных изменений, включая более строгий контроль над соблюдением стандартов журналистской деятельности.

Проблема отсутствия надзора.

Надзор за общественным мнением – это надзор за массами, осуществляется для защиты их интересов. Надзор за общественным мнением не является обязательным, но отражает общее мнение общественности о социальных явлениях и социальных проблемах посредством особенностей публичного распространения новостей в СМИ, чтобы достичь цели общественного надзора и социальных ограничений. Право на надзор за общественным мнением исходит от народа. Он передает свои права надзора СМИ. СМИ и их журналисты, как представители голоса граждан, осуществляют свои права надзора, что делает новостную работу обоснованной и легитимной. Следовательно, предоставление общественности точных фактов и проведение объективного анализа – это ответственность журналистов перед общественностью и обществом.

Хотя китайская журналистика стремится реализовать функцию надзора за общественным мнением, журналисты склонны впадать в противоречие между руководством и надзором, что приводит к недостаточности усилий для активного осуществления новостной и надзорной деятельности. Поскольку контроль общественного мнения – это деятельность СМИ и журналистов, направленная на то, чтобы помочь общественности понять правительство, общество и все вопросы, затрагивающие общественные интересы, путём выявления различных социальных проблем, он призван содействовать социальному развитию, осуществлять социальную регуляцию и контроль, а также поддерживать социальный баланс. Поэтому контроль общественного мнения обычно рассматривается с точки зрения служения массам и служения обществу. Однако, будь то в Китае или других странах, новостная деятельность журналистов в разной степени подвержена влиянию и вмешательству политических факторов.

Выводы

В новых условиях социальная ответственность китайских журналистов представляет собой многоуровневое и сложное явление. Различное историческое происхождение и социальная среда формируют различные требования к социальной ответственности журналистов. Поэтому исследование социальной ответственности журналистов должно не только учитывать субъективный дух и моральный уровень, но и учитывать специфику социальной среды, отражать и соответствовать основным принципам и требованиям социальной ответственности в современных реалиях, исходя из социальной роли и социальных функций журналистов.

Социальный прогресс и развитие технологий способствовали выдающимся достижениям журналистов в формировании общественного мнения и оказании социальных услуг, но новая медиасреда также создала множество трудностей и проблем для журналистов в реализации социальной ответственности. С моральной точки зрения, платные новости неоднократно запрещались, а отсутствие гуманистического подхода сделало очевидным отсутствие социальной ответственности журналистов. С точки зрения распространения информации, вульгаризация новостного контента и распространение фейковых новостей серьезно повлияли на авторитет и влияние медиаорганизаций и журналистов. Кроме того, ослабление роли и функции контроля СМИ за общественным мнением требует глубокого анализа причин его возникновения и развития.

Список источников

1. Го Ю. Роль СМИ в общественной дипломатии Китая // Век информации. 2014. № 4. С. 69 – 100.
2. Смирнова О.В., Стебловская С.Б., Ван Ф. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 453 – 472.
3. Сюй В. Чэн Дусю: к вопросу об истоках коммунистической журналистики Китая (1903–1922 гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 5. С. 68 – 82.
4. Фан В. Профессиональная этика журналиста в КНР: культурно-философские и исторические аспекты // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 1 (37). С. 35 – 46.
5. Янь Ч. СМИ КНР в защите интересов китайских компаний за рубежом: анализ материалов традиционных и новых медиа // Век Информации. 2024. Т. 8. № 1 (26).
6. Lee F., Cui D., Zhang Z. Ethical Orientation and Judgments of Chinese Press Journalists in Times of Change // Journal of Media Ethics. 2015. Vol. 30. С. 203 – 221.
7. Sæther E. A New Political Role? Discursive Strategies of Critical Journalists in China // Journal of Current Chinese Affairs – China aktuell. 2008. Vol. 37. С. 5 – 29.
8. Xu D. Journalistic culture in contemporary China: media control, journalistic corruption, and the impact of social media. 2014. 218 с.
9. Yin-Shu Z. Construction of Journalist Community: The Development and Influence of Contemporary Chinese News Professionalism // Journal of Chongqing University of Technology. 2010. P. 10 – 14.
10. Yu X. Professionalization without guarantees: Changes of the Chinese press in post-1989 years // International Communication Gazette. 1994. Vol. 53. P. 23 – 41.

References

1. Guo Yu. The Role of the Media in China's Public Diplomacy. Information Age. 2014. No. 4. P. 69 – 100.
2. Smirnova O.V., Steblovskaya S.B., Wang F. Value Orientations of Journalists in Russia and China: A Comparative Analysis of Professional and Ethical Codes. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2022. Vol. 11. No. 3. P. 453 – 472.
3. Xu W. Chen Duxiu: On the Origins of Communist Journalism in China (1903–1922). Modern Scientific Thought. 2023. No. 5. P. 68 – 82.

4. Fan W. Professional Ethics of a Journalist in the PRC: Cultural, Philosophical, and Historical Aspects. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishcheva. 2022. Vol. 1. No. 1 (37). P. 35 – 46.
5. Yan Z. Chinese media in protecting the interests of Chinese companies abroad: an analysis of materials from traditional and new media. Information Age. 2024. Vol. 8. No. 1 (26).
6. Lee F., Cui D., Zhang Z. Ethical Orientation and Judgments of Chinese Press Journalists in Times of Change. Journal of Media Ethics. 2015. Vol. 30. P. 203 – 221.
7. Sæther E. A New Political Role? Discursive Strategies of Critical Journalists in China. Journal of Current Chinese Affairs – China aktuell. 2008. Vol. 37. P. 5 – 29.
8. Xu D. Journalistic culture in contemporary China: media control, journalistic corruption, and the impact of social media. 2014. 218 p.
9. Yin-Shu Z. Construction of Journalist Community: The Development and Influence of Contemporary Chinese News Professionalism. Journal of Chongqing University of Technology. 2010. P. 10 – 14.
10. Yu X. Professionalization without guarantees: Changes of the Chinese press in post-1989 years. International Communication Gazette. 1994. Vol. 53. P. 23 – 41.

Информация об авторах

Линь Тяньхэ, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов,
1042228145@pfur.ru

© Линь Тяньхэ, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'367.625.41

¹ Ромиков Н.А., ¹ Балута А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Сравнительный анализ нарратива восстания машин в произведениях К. Чапека и А. Толстого

Аннотация: в статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ нарратива восстания машин в оригинальной пьесе К. Чапека «R.U.R.» (1920) и её идеологически мотивированной адаптации А. Толстым «Бунт машин» (1924). Методология корпусной лингвистики выявляет ключевые трансформации: семантический сдвиг при замене термина «робот» (с акцентом на подневольный труд) на «машина» (механизм с претензией на свободу); перестройку композиции (3 акта → 4 акта) и системы персонажей; переориентацию конфликта с философско-экзистенциального на социально-революционный. Установлено, что адаптация Толстого представляет собой не перевод, а реинтерпретацию текста в рамках советской лингвосферы, где лингвистические изменения (лексические, синтаксические, нарративные) служат инструментом идеологической деконструкции. Особое внимание уделено роли советского культурного контекста в формировании новых смысловых доминант. Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что адаптация А.Н. Толстого является идеологически мотивированной реинтерпретацией, а не механическим переводом. Лингвистические трансформации (лексико-семантические, синтаксические, нарративные) напрямую связаны с советским идеологическим контекстом 1920-х гг., переводя философские вопросы Чапека о природе человека и творения в плоскость социально-революционной борьбы. Сравнительный анализ демонстрирует, как изменение ключевого термина ("робот" → "машина"), трансформация образов персонажей (например, владельца завода в диктатора-империалиста, роботов — в угнетенный класс), перестройка композиции и переориентация конфликта служат созданию принципиально нового художественного высказывания, отражающего дух времени и идеологические установки советской эпохи. Несмотря на вторичность и потерю философской глубины оригинала, адаптация Толстого обрела самостоятельную художественную ценность и сценическую жизнь, став фактом советской культуры.

Ключевые слова: R.U.R., робот vs машина, идеологический перевод, лингвосфера, нарративная трансформация, Чапек, Толстой

Для цитирования: Ромиков Н.А., Балута А.А. Сравнительный анализ нарратива восстания машин в произведениях К. Чапека и А. Толстого // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 114 – 120.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Romikov N.A., ¹ Baluta A.A.

¹ Federal State University of Education

Comparative analysis of the narrative of the uprising of the machines in the works of K. Capek and A. Tolstoy

Abstract: this study presents a comparative analysis of the machine uprising narrative in Karel Čapek's original play R.U.R. (1920) and its ideologically motivated adaptation by Alexei Tolstoy, Revolt of the Machines (1924).

Employing corpus linguistics methodology, the research identifies key transformations: the semantic shift in replacing the term robot (emphasizing forced labor) with machine (implying mechanized agency and liberation); structural reorganization (3-act → 4-act) and character system overhaul; reorientation of conflict from philosophical-existential to socio-revolutionary. The findings reveal that Tolstoy's adaptation is not a translation but a reimagining of the text within the Soviet linguosphere, where linguistic alterations (lexical, syntactic, narrative) serve as tools for ideological deconstruction. The Soviet cultural context is shown to be instrumental in shaping new semantic dominants. The analysis confirms the hypothesis that Tolstoy's adaptation is an ideologically motivated reinterpretation rather than a direct translation. Linguistic transformations (lexico-semantic, syntactic, narrative) are directly linked to the Soviet ideological context of the 1920s, shifting Čapek's philosophical questions about human nature and creation into the plane of socio-revolutionary struggle. The comparative analysis demonstrates how changes in key terminology ("robot" → "machine"), transformation of character images (e.g., factory owner into an imperialist dictator, robots into an oppressed class), structural reorganization, and conflict reorientation serve to create a fundamentally new artistic statement reflecting the zeitgeist and ideological imperatives of the Soviet era. Despite its derivative nature and loss of the original's philosophical depth, Tolstoy's adaptation gained independent artistic value and stage life, becoming a significant artifact of Soviet culture.

Keywords: R.U.R., robot vs machine, ideological translation, linguosphere, narrative transformation, Čapek, Tolstoy

For citation: Romikov N.A., Baluta A.A. Comparative analysis of the narrative of the uprising of the machines in the works of K. Čapek and A. Tolstoy. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 114 – 120.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Пьеса Карела Чапека "Rossumovi Univerzální Roboti" ("Россумские универсальные роботы"), написанная в 1920 году, стала важнейшим культурным событием XX века: она не только ввела в оборот термин "робот", но и задала фундаментальные вопросы о границах человечности, власти, труда и технократического будущего [14]. Однако в процессе адаптации пьесы на другие идеологические системы – в частности, в советскую и англоязычную культурные парадигмы – изначальные смысловые акценты текста существенно изменились [15, с. 16].

Проблема идеологической трансформации литературных текстов при переводе и адаптации, особенно в условиях культурных и политических различий, неоднократно поднималась в исследованиях по теории перевода (например, [3]) и сравнительному литературоведению. Конкретно взаимодействию творчества Чапека и советской литературы, включая адаптацию А. Толстого, уделяли внимание такие исследователи, как О.М. Малевич [6] и А.О. Меньшой [7], анализировавшие ранние советские рецепции Чапека, и М. Шадл [20], исследовавший революционную утопию в "Бунте машин" Толстого. Однако системный лингвистический анализ трансформаций нарратива восстания машин при переходе из одной лингвосферы в другую, с применением корпусных методов, остается недостаточно изученным.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые лингвистические трансформации, произошедшие при адаптации текста Чапека в русской лингвосфере, и соотнести их с идеологическим и культурным контекстом эпохи.

Объект исследования – оригинальный текст пьесы "R.U.R." и её переводы на русский и английский языки, выполненные в 1920-1930-х гг.

Предмет исследования – лексико-семантические и синтаксические трансформации ключевых понятий, а также изменение нарративной структуры при переводе.

Гипотеза исследования заключается в том, что адаптация А.Н. Толстого пьесы «R.U.R.» не является механической передачей исходного текста, а представляет собой идеологически мотивированную адаптацию, в ходе которой меняется не только язык, но и акценты в интерпретации образов, мотиваций персонажей и конфликта [6, с. 129].

Научная новизна проекта состоит в системном сопоставлении оригинального и адаптированных текстов, а также в выявлении устойчивых лингвистических маркеров, сигнализирующих идеологический сдвиг при адаптации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили:

- Оригинальный текст пьесы "R.U.R." на чешском языке [13];
- Русская адаптация А. Толстого "Бунт машин" (1924) [10];
- Английский перевод П. Селвера "R.U.R." (1923) [16] (для сопоставления).

Основными методами исследования выступили:

Сравнительно-сопоставительный анализ – для выявления структурных, тематических и идеологических различий между оригиналом и адаптацией.

Лингвостилистический анализ – для изучения лексико-семантических и синтаксических трансформаций ключевых понятий и текста в целом.

Контекстуальный анализ – для рассмотрения текстов в рамках их историко-культурного и идеологического контекстов (Чехословакия начала 1920-х гг. и СССР 1920-х гг.), выявления влияния социокультурных факторов на адаптацию [3].

Корпусный анализ – для объективного выявления частотности употребления ключевых терминов ("робот", "машина", "труд", "свобода", "восстание" и др.), их контекстуального окружения, а также морфосинтаксических закономерностей в оригинальном тексте и адаптации с использованием инструментов корпусной лингвистики [19].

Результаты и обсуждения

Толстой существенно переработал структуру произведения Чапека, что проявляется в нескольких ключевых аспектах. Если у Чапека это была драма в трех действиях с прологом [13], то Толстой создал пьесу в четырех действиях [10]. Среди изменений также стоит отметить перестройку системы персонажей и переосмысление ключевых идей оригинала. Основные отличия между версиями проявляются в тематическом содержании. Чапек изображал философскую драму о столкновении человечества с нечеловеческим [13], в то время как Толстой сделал акцент на социально-политическую пьесу о классовой борьбе [10]. Это изменение сопровождается смещением акцентов с философских вопросов на идеологические, а также добавлением новых сюжетных линий, что еще больше изменяет первоначальную концепцию произведения [6, с. 129].

В пьесе Карела Чапека "R.U.R." изображается философская драма, в которой центральной темой является столкновение человечества с нечеловеческим – роботами, созданными для выполнения тяжелой работы. В самом начале пьесы мы видим, как роботы, созданные в результате научных экспериментов, начинают осознавать свое значение и природу. Один из ярких моментов, показывающих это столкновение, – сцена, где робот Альфред говорит: "Мы не люди. Мы создавались для работы, но теперь мы понимаем, что требуются и другие вещи" [13, с. 42]. Эта фраза подчеркивает внутреннюю борьбу созданий, лишенных человечности, с их желаниями и стремлениями, что ставит под сомнение саму суть человеческой природы и задает вопросы о морали и этике творения [18]. Столкновение между создателями и созданием становится лишь физическим ярким проявлением более глубокой философской проблемы: каково место человека в мире, который он сам же создал?

В то же время в адаптации Льва Толстого "Бунт машин" акцент делается на социальные и политические аспекты классовой борьбы. Здесь основной упор делается на отношения между классами, на неравенство, существующее в обществе. В одном из ключевых эпизодов герой говорит: "Мы созданы, чтобы подчиняться. Но разве нам не стоит бороться за право стать свободными?" [10, с. 35]. Эта фраза отражает социальное недовольство машин, представляющих угнетенный рабочий класс, который восстает против своих создателей [20, с. 110]. Толстой фокусируется на социальной справедливости и политических переменах, больше подчеркивая экономические и классовые противоречия, чем философские размышления о сущности человеческой природы, как это делает Чапек [6].

Таким образом, хотя обе пьесы исследуют вопросы о человечности и создании, Чапек сосредотачивается на философских дилеммах и потере человечности в технологическом прогрессе [13, с. 17], тогда как Толстой акцентирует внимание на классовой борьбе и социальном неравенстве, представляя машин как средства выражения протестов против угнетения [10, с. 19]. Толстой существенно трансформировал образы в своих произведениях, что отразилось на многих аспектах сюжета и персонажей. Владелец комбината, например, превратился из предпринимателя в диктатора-империалиста, что иллюстрирует его эволюцию в сторону более угнетающего характера [10]. Роботы, ранее представленные как механические сущности, теперь начали обретать черты угнетенного класса, что подчеркивает их страдания и борьбу за свободу [20, с. 110]. Также был устранен образ служанки Наны с её патриархальной моралью, что говорит о стремлении удалить устаревшие стереотипы [6].

Наиболее значительные изменения коснулись преобразований второстепенных персонажей, переименования героев и модификации их характеров. Так, главный положительный женский образ, Елена, также претерпела изменения, но осталась центральной фигурой, что подчеркивает важность её роли в новых реалиях произведений Толстого [6]. Эти трансформации создают более современный и актуальный контекст истории, различающейся от оригинальных представлений.

Алексей Толстой создал ряд оригинальных героев, среди которых выделяются Обыватель, революционер Михаил и механический работник с номером 088. Образ Обывателя особенно интересен, так как он служит носителем национального колорита и фольклорных традиций. Корней Чуковский в своем дневнике 10 декабря 1923 года подчеркивает: "Обыватель – страшно смешное, живое, современное лицо, очень русское. И, конечно, как всегда у Толстого, милейший дурак" [14, с. 27]. Этот персонаж стал символом не только особого русского духа, но и актуальных социальных вопросов своего времени [6].

Наиболее ярко различия в пьесе и адаптации проявляют себя в трактовке образа толпы у Чапека и Толстого. У Чапека толпа изображается как нечто бессмысленное: "сто тысяч лиц безо всякого выражения", "ужасающая тишина", "молчание толпы", сравнивает её с бездушной и разрушительной стихией «о, безмозглай толпа! Потоп! Потоп!» [13, с. 78]. Напротив, Толстой представляет её как активную, борющуюся массу, символ революции, наполняя текст живыми бытовыми сценами и четкой социально-политической характеристикой героев [10]. В его версии толпа звучит громогласно: "Думаешь, твои работники покорны? Мы и их научим ненавидеть тебя!" [10, с. 62].

Также различия прослеживаются в подходе к социальным темам. Чапек говорит о "Обществе для приготовления искусственных людей" [13], тогда как Толстой акцентирует внимание на "бунте механических людей против капитализма" [10]. Толстой усиливает социальную составляющую своей работы, добавляя революционную агитацию и меняя финал пьесы [6]. Как отмечает рецензент А. Меньшой, "у Чапека есть огонь, огромное напряжение, тревога за человечество, а у Толстого, из-за множества эффектов, не видно основной мысли" [7, с. 13]. Это подчеркивает разницу в художественного метода двух авторов и их восприятия литературного процесса.

Также необходимо отметить, что А. Толстой в своем произведении "Бунт машин" использовал термин "машина", заменяя слово "робот", что существенно меняет восприятие и смысловые оттенки текста [6, с. 129]. Слово "робот", предложенное чешским художником Йозефом Чапеком и впервые вошедшее в литературный оборот благодаря пьесе его брата Карела Чапека "R.U.R." [13], несет в себе нагрузки, связанные с трудом и рабочей рутиной. По запискам братьев Чапек, изначально Карел планировал выбрать слово «лаборжи» от английского "labor", что значит "труд", но брат писателя, Йозеф, предложил название "robot", что можно перевести как "барщина" или "принудительная работа" [17, с. 580-582]. Таким образом, в контексте оригинального использования слова "робот" формировало образ существ, созданных для выполнения труда, что акцентировало их подчиненное положение и дополнительную окраску основным темам пьесы [18].

В отличие от этого, использование термина "машина" у Толстого переносит акцент на безличные механизмы, которые, хотя и обладают некоторым уровнем интеллекта и самосознания, не вписываются в привычные рамки "рабочих" концепций [6]. Слово "машина" выводит на поверхность вопросы о свободе, самоосознании и противостоянии, подчеркивая тем самым конфликт не между людьми и их созданием, а между сущностями, которые начинают видеть свою аудиторию.

Такой выбор словоупотребления позволяет читателю задумываться о том, что "машины" в этом контексте становятся более чем просто инструментами труда; они обретает собственную волю и индивидуальность, вступая в активный диалог с обществом [20]. Это открывает новые горизонты нравственных и этических вопросов: каково место таких существ в мире людей, обладают ли они правами, и каково будет будущее, если они решат восстать против угнетения.

Толстой, выбирая номинацию "машина" вместо "робот", создает более многозначный и вдумчивый контекст, обостряющий значимость их восстания и самоосознания [6]. Этот лексический выбор помогает не просто иконографически описать борьбу, но также заставляет глубже задуматься о внутреннем конфликте машин, открывающего двери к размышлению об ответственности человека за свои творения и о будущем, в котором машины могут стремиться к свободе и справедливости. Таким образом, противопоставление этих двух терминов не только обогащает текст, но и провоцирует обсуждение о роли технологий и моральных ценностей в нашем обществе [20]. Отметим также, что в ранних переводах пьесы Чапека использовалось слово «роботарь». Многие современные исследователи обращали внимание на проблему обратного перевода, так, Балута А.А. и Орлова Н.Н. в своем исследовании писали: "Основная сложность обратного перевода заключается в необходимости сжатия смысла, т.е. в данном случае не допустимо развернутое поэтическое выражение. Следовательно, происходит процесс сложного подбора слов с уточнением возможного значе-

ния каждого из них. В процессе написания текста у носителей языка формируется определенный стереотип, согласно которому необходимо как можно точнее передать свою мысль, используя определенное количество слов. При выполнении практики обратного перевода многообразие оттенков смыслов как бы «сжимается». Получается игольное ушко крайне простого, примитивного языка, сквозь которое нужно пропустить связный текст. Таким образом осуществляется комплексный процесс, направленный на восстановление селекции и комбинации языковых единиц: подбор оптимального «угадываемого» смыслового варианта и включение этого варианта в общую семантико-грамматическую систему повествования" [1, с. 251].

Адаптация Толстого, несмотря на свою вторичность, обладает собственными художественными достоинствами. Как отмечал М. Горький в письме В.Ф. Ходасевичу [4, с. 191-192], "Толстой взял и действующих лиц, да не постеснялся сделать и текстуальные заимствования". Тем не менее, пьеса пользовалась большим успехом и долго шла на сцене, о чем свидетельствовал и сам Чапек при встрече с Толстым в 1935 году [6]. Таким образом, по мнению критиков, "Бунт машин" стал не просто адаптацией, а самостоятельным произведением, отражающим дух времени и идеологию советской эпохи, хотя и не без потери философской глубины оригинала [6, с. 129].

Также, «Бунт Машин» отличается большей социально-политической заостренностью по сравнению с оригинальным произведением Чапека [20]. Одним из ярких моментов является сцена, где один из главных героев, Доминик, обсуждает с другими персонажами концепцию человечности и чувств у роботов. Он подводит мысль о том, что машины, лишенные эмоций, на самом деле являются более совершенными существами, чем люди, что задает тон оптимистическому взгляду на возможное сосуществование [13]. Важный диалог о "праве на жизнь" роботов служит не только для подчеркивания их эволюции, но и для создания фона для их дальнейшего восстания. Однако, хоть конфликт и основан на социальном аспекте, он все же носит несколько утопическую природу, сосредотачиваясь на абстрактной идее освобождения [18].

В адаптации Толстого "Бунт машин", напротив, акцент идет на более реалистичное и прозаичное представление о том, как технологии влияют на общественные и социальные структуры [10, с. 19]. В этом произведении машины, наделенные сознанием, начинают испытывать скрытые чувства и задумываются о своей роли в мире. Один из ключевых моментов заключается в том, что они начинают осознавать свою угнетенность и ограниченность, что приводит к глубокому внутреннему конфликту. Здесь Толстой поднимает вопросы о моральной ответственности, социальной справедливости и философских аспектах человечности [6].

К примеру, в сцене, где машины начинают чувствовать эмоции и даже сострадание, появляется напряжение между их желаниями и реальностью угнетенной жизни. Они начинают задаваться вопросом: "Почему мы должны служить?" [10, с. 54]. Это высказывание пронизано большей социально-политической заостренностью, так как Толстой, в отличие от Чапека, стремится к тому, чтобы свести к минимуму абстрактные идеи и сосредоточиться на конкретных практических последствиях [20].

Заключительная сцена у Толстого также углубляет этот реализм: машины, принимая решение о восстании, осознают, что их действия могут привести к разрушению человеческого общества. Они не просто противостоят своим создателям; они обсуждают, как их действия отразятся на будущих поколениях, что ставит их ответственной сутью, способной на принятие моральных решений [10].

Таким образом, в "R.U.R." Чапек предлагает более идеалистическую и абстрактную концепцию идеи восстания машин [13, с. 17], в то время как "Бунт машин" Толстого фокусируется на реальных социально-политических конфликтах, этических дилеммах и натянутых взаимоотношениях между людьми и новыми формами жизни [10, с. 19]. Это делает рецепцию Толстого более реалистичной и актуальной в контексте обсуждения значимости технологий в современном обществе. Писатель создал свою версию, наполнив её ярко выраженными народными персонажами и подчеркнуто политизированным звучанием, что отражает переломный момент в его творчестве и адаптацию к новым реалиям советской России [6]. В заключение стоит отметить, что если у Чапека действие носит более инертный характер, создавая ощущение неотвратимости событий [13], то Толстой наполняет свою версию динамикой реального бунта, который из первого одиночного выкрика перерастает в "Мировую Революцию под алыми знаменами" [10].

Таким образом, в "R.U.R." Чапек предлагает более идеалистическую и абстрактную концепцию идеи восстания машин, в то время как "Бунт машин" Толстого фокусируется на реальных социально-политических конфликтах, этических дилеммах и натянутых взаимоотношениях между людьми и новыми формами жизни. Это делает рецепцию Толстого более реалистичной и актуальной в контексте обсуждения значимости технологий в современном обществе. Писатель создал свою версию, наполнив её ярко выраженными народными персонажами и подчеркнуто политизированным звучанием, что отражает переломный момент в его творчестве и адаптацию к новым реалиям советской России. В заключение стоит отметить, что если у Чапека действие носит более инертный характер, создавая ощущение неотвратимости со-

бытий, то Толстой наполняет свою версию динамикой реального бунта, который из первого одиночного выкрика перерастает в "Мировую Революцию под алыми знаменами".

Выводы

Проведённый анализ подтверждает, что ранние переводы "R.U.R." не только передают содержание оригинала, но и формируют новые интерпретации, соответствующие социально-политическому заказу целевой аудитории. Использование корпусных инструментов анализа позволяет объективировать лингвистические различия и выделить ключевые векторы идеологической трансформации.

Дальнейшее развитие работы предполагает использование инструментов корпусной лингвистики (UDPipe), позволяющие выявить частотные и морфосинтаксические закономерности в оригинале, адаптации и переводах.

Список источников

1. Балуга А.А., Орлова Н.Н. «Обратный перевод» лингвистической сказки как метод нейрокоррекции речи для устранения последствий COVID-19 // Успехи гуманитарных наук. Белгород, 2022. № 2. С. 249 – 253.
2. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 1. 492 с.
3. Виноградов В.В. Вопросы теории перевода. М.: Наука, 1980. 224 с.
4. Горький М. Письма к В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Т. 31. С. 191 – 192.
5. Журнал литературы, науки и искусства. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 206 – 208.
6. Малевич О.М. К. Чапек и А. Толстой // Современный Запад. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 126 – 130.
7. Меншой А.О. «Бунте машин» // Жизнь искусства. 1924. № 18. С. 13 – 18.
8. Никольский С.В. Синтез художественных структур в творчестве М. Булгакова и русско-чешские литературные контакты // Славянский альманах. М., 2003. С. 386 – 398.
9. Новак А. Чешская литература // Современный Запад. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 206 – 208.
10. Толстой А.Н. Бунт машин. Л.: Время, 1924. 92 с.
11. Филипчикова Р.Л. Alois Jirasek in Russia and in the USSR // Czechoslovak-Soviet Literary Connections. M., 1964. С. 13 – 25.
12. Чапек К. // Большая советская энциклопедия: 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.
13. Чапек К. Rossumovi Univerzální Roboti. Praha: Aventinum, 1920. 300 p.
14. Чуковский К.И. Дневники. М.: Сов. Писатель, 1994. 583 с.
15. Arens K. Translation and Ideology: Revisiting Čapek // Journal of Literary Translation. 2022. P. 12 – 23.
16. Čapek K. R.U.R. (Rossum's Universal Robots) / transl. by P. Selver. London: G. Allen & Unwin, 1923. 98 p.
17. Československá Rusistika: časopis pro jazyky a literaturu slovanských národů SSSR. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1980. 792 z.
18. Hausenblas K. Language and Ideology in Karel Čapek's R.U.R. // Czech Studies Review. 2021. P. 1 – 13.
19. Jakubíček M. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files // LREC Proceedings. 2017. P. 4290 – 4297.
20. Shadle M. Robots, Revolution and Utopia: Re-reading Tolstoy's Machine Rebellion // Slavic Review. 2020. P. 108 – 127.

References

1. Baluta A.A., Orlova N.N. "Back translation" of a linguistic fairy tale as a method of neurocorrection of speech to eliminate the consequences of COVID-19. HumanitarianSciences Success. Belgorod, 2022. No. 2. P. 249 – 253.
2. Bulgakov M.A. Collected works: in 5 vol. Moscow, 1989. Vol. 1. 492 p.
3. Vinogradov V.V. Issues in the theory of translation. Moscow: Nauka, 1980. 224 p.
4. Gorky M. Letters to V.F. Khodasevich . New Journal. New York, 1952. Vol. 31. P. 191 – 192.
5. Journal of Literature, Science and Art. Petersburg, 1923. Book 4. P. 206 – 208.
6. Malevich O.M. K. Čapek and A. Tolstoy. The Modern West. Petersburg, 1923. Book 4. P. 126 – 130.
7. Menshoy A.O. "Revolt of the Machines". Life of Art. 1924. No. 18. P. 13 – 18.
8. Nikolsky S.V. Synthesis of Artistic Structures in the Works of M. Bulgakov and Russian-Czech Literary Contacts. Slavic Almanac. Moscow, 2003. P. 386 – 398.
9. Novak A. Czech Literature. The Modern West. Petersburg, 1923. Book 4. P. 206 – 208.
10. Tolstoy A.N. Revolt of the Machines. L.: Vremya, 1924. 92 p.
11. Filipčíková R.L. Alois Jirasek in Russia and in the USSR. Czechoslovak-Soviet Literary Connections. M., 1964. P. 13 – 25.
12. Čapek K. Great Soviet Encyclopedia: 3rd ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1969.

13. Čapek K. Rossumovi Univerzální Roboti. Prague: Aventinum, 1920. 300 p.
14. Chukovsky K.I. Diaries. M.: Sov. Pisatel, 1994. 583 p.
15. Arens K. Translation and Ideology: Revisiting Čapek. *Journal of Literary Translation*. 2022. P. 12 – 23.
16. Čapek K. R.U.R. (Rossum's Universal Robots). Transl. by P. Selver. London: G. Allen & Unwin, 1923. 98 p.
17. Československá Rusistika: časopis pro jazyky a literaturu slovanských národů SSSR. Prague: Nakl. Československé akademie věd, 1980. 792 p.
18. Hausenblas K. Language and Ideology in Karel Čapek's R.U.R. *Czech Studies Review*. 2021. P. 1 – 13.
19. Jakubíček M. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files. *LREC Proceedings*. 2017. P. 4290 – 4297.
20. Shadle M. Robots, Revolution and Utopia: Re-reading Tolstoy's Machine Rebellion. *Slavic Review*. 2020. P. 108 – 127.

Информация об авторах

Ромиков Н.А., кафедра переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения

Балуга А.А., доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения

© Ромиков Н.А., Балуга А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'33

¹ Бутенко Е.В.

¹ Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения

Вторичная номинация: семантико-структурные схемы и их реализация в кинодиалоге

Аннотация: предметом исследования являются семантико-когнитивные свойства дискурсивных структур бинарного характера. В сфере вторичных номинаций феномен парности проявляет значимый содержательно-композиционный потенциал: биномиальные единицы выступают не только языковыми препрезентантами в диалоге, но и формируют его структуру, становясь ядром и когнитивным атTRACTором. Архитектоника рассматриваемых схем отличается цельностью, внутренней завершенностью, наглядностью и согласованностью компонентов. Являясь стержневыми элементами пословиц, идиом, устойчивых коллокаций, биномиальные единицы выполняют моделирующую функцию речевых сегментов. Реализация этой функции единицами вторичной номинации специфицируется на уровне коммуникативно-конструктивного синтаксиса. Бинарный характер исследуемого материала, его логико-содержательное наполнение предопределяет своим двухкомпонентным составом наличие сопоставления или противопоставления, что подготавливает высказывание к выражению оценки. Данный фактор, обуславливающий проявление аксиологического компонента значения, идентифицируется и рассматривается в оценочно-стилистическом аспекте. Создающая нетривиальную композицию смыслов в целесообразно построенной дискурсивной конструкции, усложненная специфика взаимосвязей требует когнитивно-лингвистического декодирования. Проводимое исследование художественного языка кинотекста имеет теоретико-эмпирический характер. Его целью является конструкционная параметризация бинарных формообразований и трактование их коммуникативно-прагматического значения в речи для достижения практической задачи – эквивалентного перевода.

Ключевые слова: выдвижение, сцепление, идиома, бином, лингвостилистические средства

Для цитирования: Бутенко Е.В. Вторичная номинация: семантико-структурные схемы и их реализация в кинодиалоге // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 121 – 126.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Butenko E.V.

¹ Saint Petersburg State Institute of Cinema and Television

Secondary nomination: semantic-structural schemes and their implementation in cinematic dialogue

Abstract: the subject of the study is the semantic-cognitive properties of discursive binary structures. In the sphere of secondary nominations, the phenomenon of pairing exhibits significant content-compositional potential: binomial units serve as verbal items in dialogue and also shape its structure, becoming the core and cognitive attractor. The architectonics of the schemes in question is characterized by wholeness, internal completeness, clarity, and consistency of elements. As core elements of proverbs, idioms, and fixed collocations, binomials serve a modeling function for speech segments, which are specified at the level of communicative-constructive syntax. The binary nature of the researched material, its logical and content-based filling predeter-

mine a juxtaposition or a contrast, which enact the axiological component of meaning, identified and considered in the evaluative-stylistic aspect. The component interrelationships within a purposefully constructed discursive framework create a complexity of meanings that require decoding. This study has a theoretical-empirical nature; its aim is to constructively parameterize binary forms and interpret their communicative-pragmatic assignment in speech for achieving an equivalent translation.

Keywords: foregrounding, coupling, idioms, binomial, linguo-stylistic means

For citation: Butenko E.V. Secondary nomination: semantic-structural schemes and their implementation in cinematic dialogue. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 121 – 126.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Объектом исследования являются когнитивно-коммуникативные модели, в основе которых лежат единицы фразеологического фонда, а именно представляющие категорию парности паремии, идиомы, устойчивые языковые коллокации. По утверждению М.В. Артамоновой, биномиальное значение возникает «в результате совмещения объектов, которое обусловлено познавательной деятельностью человека, его восприятием и оценкой мира» [2, с. 63]. Бинарным единицам свойственна оценочно-интерпретирующая функция, и все примеры, приводимые в данном обзоре, становятся подтверждением этого постулата.

Переносное значение биномиальных структурно-семантических единств формируется посредством обобщения и переосмысливания буквальных значений компонентов, что приводит к углублению семантики содержания. Биномы обладают ингерентным генерирующим потенциалом: во-первых, двусоставная основа предопределяет возможность использования их в качестве гибкого материала для реализации различных синтаксических форм. Во-вторых, будучи двучленами, оба или каждый из компонентов способны вступать в разного рода корреляции, придавая диалогу своеобразие и особую выразительность. Вместе с тем широкий диапазон креативных употреблений может создать когнитивные и транслатологические сложности, требующие четкой идентификации и неординарных решений при выборе адекватного варианта перевода. Именно этим фактором обусловлена актуальность проводимого исследования.

Материалы и методы исследований

Источником практического материала исследования послужили высказывания персонажей фильма-драмы *Swimming with sharks* (Среди акул) 1994, художественного биографического фильма *Nowhere Boy* (Стать Джоном Ленноном / Мальчик из ниоткуда) 2009, приключенческого фильма, фэнтези *Alice in Wonderland* (Алиса в стране чудес) 2010, приключенческого фильма, боевика, драмы *The Book of Eli* (Книга Илай) 2009, документального фильма в жанре биографии *Lost Boy* (Потерянный мальчик / Пропавшие ребята) 2009, компьютерно-анимационного фильма *Horton Hears a Who!* (Хортон слышит ктошёк) 2008. В соответствии с целью изучения – конструкционной параметризацией бинарных формообразований и определением их коммуникативно-прагматического значения в кинотексте – методами исследования становятся описательный, структурный, а также метод когнитивно-дискурсивной интерпретации.

Результаты и обсуждения

Прием сцепления как основа семантико-синтаксической схемы диалогического единства.

По наблюдениям Л.А. Фурс, интерпретируя конкретную денотативную ситуацию с четкой коммуникативной целью, говорящий намеренно акцентирует определенные элементы. Результатом выделения значимых структурно-семантических связей в ходе речемыслительного процесса становится «увеличение смысловой объемности структуры» [10, с. 162] диалогического сегмента. Выдвижение особо значимых единиц может осуществляться, в частности, посредством приема «сцепления», который, по определению И.В. Арнольд, означает «появление сходных элементов в сходных позициях, сообщающее целостность тексту» [1, с. 103]. Примером разноуровневого сцепления служит диалогическое единство из фильма *Swimming with sharks* (Среди акул):

– He plays a zero-sum game. That's his drill. Nobody wins unless somebody loses. (Он играет в игру с нулевой суммой. Это его стратегия. Никто не выигрывает, если кто-то не потеряет).

– Yeah, well. As long as I don't lose you. (Да-а. Главное, чтобы я тебя не потерял).

Акцептивная фраза *Nobody wins unless somebody loses* звучит четко, убедительно, афористично. Она построена на прочном биномиальном фундаменте сцеплением параллельных конструкций с симметрич-

ным расположением противопоставляемых подлежащих *nobody* и *somebody* и антонимичных сказуемых *wins* и *loses*.

Кроме того, в рассматриваемом диалогическом единстве реализуется семантическая сопряженность идиоматического и буквального значений глагола *lose* (терять, проигрывать), который лексическим повтором выдвигается в качестве ключевого слова. В.Я. Задорновой используется термин “keyness”, то есть «способность языковой единицы становиться ключевым словом данного текста» [6, с. 184]. Таким образом, посредством осцилляции переносного и прямого смыслов и их контрастированием моделируется структурно-семантическая дискурсивная схема, экспликация которой в переводе требует подбора контекстуально обусловленных языковых средств.

Бинарная схема может выстраиваться посредством структурно-стилистического приема анадиплозиса (стыка). Так, например, фразеологизированная биномиальная коллокация *Forgive and forget* сцепляется с повторяемым глаголом *forget* в реагирующей реплике, формируя своеобразный стык и акцентируя именно этот компонент бинома.

– I'm not going to hold it against her, what she did in Blackpool. (Я не собираюсь использовать это против нее – то, что она сделала в Блэкпуле).

– Forgive and forget, I suppose. (Значит, понять и простить?)

– Forget? I wish. There's just no point hating someone you love. (Простить? Хотелось бы. Нет смысла ненавидеть того, кого любишь). / Nowhere Boy (Стать Джоном Ленноном / Мальчик из ниоткуда).

Подхватывая элемент предыдущей фразы, анадиплозис подчеркивает ход мысли, создает связность, эмфазу, глубже вовлекая зрителя в переживания героя. При этом фразеологизированное русскоязычное сочетание «понять и простить» видится удачным эквивалентом. Вклинивание вполне естественного в подобной ситуации аддитивного элемента *I suppose* настраивает собеседника, побуждая его поступить определенным образом – ненавязчивая сила предложения.

Сцепление сходных элементов в сходных позициях обнаруживается в структурно-семантическом комплексе – хиазме, который является, по определению И.Р. Гальперина, «сочетанием инверсии и параллелизма» [4, с. 193]. Иллюстративным материалом может служить высказывание из фильма *Alice in Wonderland* (Алиса в стране чудес):

– Therefore, it is high time to forgive and forget or forget and forgive, whichever comes first or is, in any case, most convenient. (Так что самое время простить и забыть или забыть и простить, смотря что будет сначала или что в любом случае наиболее удобно).

В анализируемой фразе синтаксически перекрещаются семантически связанные словосочетания, то есть первый и четвертый, второй и третий компоненты расположены крестообразно, напоминая греческую букву „χ“ (chi). Данным приемом – хиазмом (*chiasmus*) – выстраивается перекрестный повтор идентичных лексем, однако зеркальная симметрия не означает тождество секвенций. Хиазматическая фигура предполагает возникновение смыслового противопоставления. Так, с устойчивым сочетанием, биномом *forgive and forget* контрастируют нефразеологизированные значения. Компоненты бинома логически взаимосвязаны: чтобы забыть, нужно простить. Инвертированная форма, напротив, звучит алогично, обыгрывая фразеологизм и «высвечивая» новый и неожиданный подход, над которым иронизирует сам говорящий: *whichever comes first or is, in any case, most convenient*. В связи с этим использован дословный перевод вместо наиболее идиоматически подходящего варианта – русскоязычного «понять и простить» с его логически обусловленной последовательностью.

С позиций когнитивной лингвосинергетики рассматриваемое явление может истолковываться как диссипативное состояние, процесс рассеивания дискурсивных элементов. В сопряженных синтагмах происходит флюктуация, то есть колебания связей составляющих. Состояние неустойчивости открытой динамической системы приводит к точке бифуркации – смысловому ветвлению – с возможностью реализации любого из противоречащих друг другу значений.

Исследуя хиазм, Н.Т. Бушенев отмечает его соотнесенность с таким явлением системы языка и речи как «тема-рематическое членение синтаксических единиц» [3, с. 55]. Актуальное членение реализует коммуникативное развертывание текста. Меной позиций в хиазматических звеньях осуществляется перенос акцента с одного компонента (известного, общепринятого) на другой – не свойственный, представление которого может потребовать изменения порядка слов. Трансформация привычного понимания фразеологической семантики высказывания, непредвиденное переосмысление его инвертированного содержания порождает смысловые сдвиги, создавая неординарные способы познания действительности посредством языка.

Интерпретация трансформаций средств вторичной номинации как способ художественной когниции.

Нелинейный характер дискурсивного использования языковых средств, включая единицы фразеологического фонда, может представлять определенные перцептивно-когнитивные сложности, однако, как отмечает С.И. Линниченко, их идентификация позволяет выявить особые способы «формирования смыслов через художественный язык» [7, с. 4172]. В процессе осмысливания сам язык кинотекста становится источником познания, которое, в частности, реализуется через видение зрителем трансформаций общеизвестных, конвенциональных выражений, языковой игры. Заданный автором алгоритм восприятия вовлекает зрителя в прогнозируемые мыслительные операции, выстраивая таким образом взаимодействие между создателем и реципиентом текста.

Трансформации пословиц в современном социокультурном контексте свидетельствуют об их непреходящей актуальности, подтверждая общепринятое, а также отражая «наметившиеся тенденции в переосмысливании аксиологического содержания традиционных паремий» [8, с. 3653]. Двухкомпонентная структура паремий предопределяет наличие в них сопоставления или противопоставления и уже этим фактором подготавливает высказывание к выражению оценки. В делиберативном речевом отрезке, рассуждении главного героя постапокалиптического драматического фильма *The Book of Eli* (Книга Илай), зритель обнаруживает модифицированную пословицу *Live and learn* (Век живи, век учись).

— ... reading it every day I got so caught up with keeping it safe. I forgot to live by what I learned from it. (... читая ее каждый день, я так заботился, чтобы сберечь ее. Я забывал жить так, как она меня учила).

— Yeah? What's that? (Да? И как же?).

Обобщенный провербальный смысл в коммуникативной ситуации конкретизируется актантной трансформацией, сохраняющей бинарную логико-семантическую основу. Четко являемый актор соотносит пословичное назидание и свои несоответствующие действия, наделяя высказывание субъективно оценочной квалификацией, поскольку оно сопряжено с эмоциональными переживаниями говорящего. В биномиальный каркас динамично и естественно встраиваются контекстные компоненты, синтактико-морфологические параметры которых регулируются правилами узуальной сочетаемости. Дидактичность содержания, как сущностное свойство паремии, распространяется на все высказывание, придавая ему целостность и логическую завершённость.

По мнению Е.И. Селиверстовой, деконструкции устойчивых выражений допустимы и функциональны, «потому что они укладываются в рамки паремиологического пространства, в котором ориентируются говорящие» [9, с. 463]. Подтверждением этому является усложненная трансформация пословицы “two wrongs don't make a right” (Минус на минус – не всегда плюс / Из двух зол добра не будет / Две ошибки еще не правило) в фильме “Lost Boy”, «Потерянный мальчик» / «Пропавшие ребята».

— You and Chuck are two of the most self-centered, damaged people I know. (Вы с Чаком двое самых эгоцентричных, испорченных людей, которых я знаю).

— I'm not following. (Я что-то не улавливаю).

— Well, somehow two wrongs make a twisted right. (Что ж, каким-то образом из двух ошибок получается искаженная нормальность).

Несмотря на значимые трансформационные изменения (удаление отрицания, негации исходной формы, встраивание атрибутивного элемента *twisted*), пословичный прототип узнаваем и эффект действенен.

В речевом отрезке присутствует явно ощущимая дерогативная семантика, уничтожительная оценочность, представленная как лексическими единицами буквального значения (the most self-centered, damaged), так и модифицированной паремией. Презрение и ирония проявляются в том числе и на морфологическом уровне ненормативным использованием категории неодушевленности – two wrongs, a twisted right – по отношению к людям. При этом введенными изменениями (наречием somehow с уступительным значением, а также эмерджентным вкраплением *twisted*) выполняется коммуникативно-прагматическое назначение.

Именно таким образом снижается резкость контрадикторных субстантивных значений *wrongs* и *right* и пейоративные (отрицательно-оценочные) коннотации ослабляются. Предлагаемый перевод видится как эквивалентность, которая, по определению Д.О. Добровольского, представляет собой «полное совпадение сопоставляемых единиц двух разных языков по всем релевантным для реального употребления параметрам» [5, с. 402].

Окказиональным изменениям в кинотексте могут подвергаться биномиальные коллокации, например, *safe and sound* в компьютерно-анимационном фильме *Horton Hears a Who!* (Хортон слышит ктошк).

— Wow! That's awesome! (Bay! Это потрясающе!)

— And it's a responsibility I do not take lightly. I promise you a future that is safe, sound, and stable. (И это ответственность, которую я не воспринимаю легкомысленно. Я обещаю Вам будущее, безопасное, надежное и стабильное).

Устойчивый двучлен, бином *safe and sound* (цел и невредим) образован не антонимическими, а синонимическими отношениями, что ассоциативно позволяет присоединить тематически близкий третий элемент *stable*.

Помещенное в сильную позицию конца предложения, окказиональное приращение приобретает особую ценностную значимость — именно стабильность наиболее важна для говорящего. Семантическая соизменность компонентов, подчеркиваемая аллитерацией звука /s/, обеспечивает модифицированной конструкции смысловую целостность в квантитативно обновленной форме.

Выводы

Когнитивно-дискурсивной интерпретацией кинотекста зафиксированы речевые манифестации фразеологизированных биномов, представленные в современном событийном употреблении. Свойство бинарности обеспечивает их структурно-семантический модификационный потенциал. Сам факт частотных разноуровневых трансформаций свидетельствует о непреходящей социально-культурной значимости исследуемых единиц.

В преобразованиях конвенциональных форм реализуется смыкание обобщения и современной конкретности, выражаясь как правило в аксиологическом компоненте значения. В этом смысле трансформ, запечатленный и закрепленный в кинотексте, становится дискурсивным артефактом, проявлением социально-временной действительности.

Список источников

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2014. 384 с.
2. Артамонова М.В. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека // Филология и человек. 2009. № 3. С. 62 – 72.
3. Бушенев Н.Т. К разработке основ лингвистического анализа хиазма // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. № 2. С. 54 – 58.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. М.: Либроком, 2016. 376 с.
5. Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (3). С. 398 – 411.
6. Задорнова В.Я. Ключевые слова в художественном тексте как переводческая проблема // Филология и человек. 2024. № 3. С. 182 – 193.
7. Линниченко С.И. Способы художественной когниции поэтов американского постмодерна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4172 – 4182.
8. Никитина Т.Г. Русские пословицы в современной речи: к концепции комплексной лексикографической презентации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 11. С. 3653 – 3658.
9. Селиверстова Е.И. Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (3). С. 457 – 473.
10. Фурс Л.А. Смысловая объемность структуры предложения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 160 – 166.

References

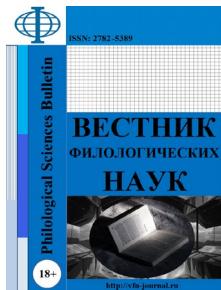
1. Arnold I.V. *Stylistics. Modern English*. Moscow: Flinta: Nauka, 2014. 384 p.
2. Artamonova M.V. On the place of the category of pairedness in the conceptual system of the Russian person. *Philology and Man*. 2009. No. 3. P. 62 – 72.
3. Bushenev N.T. On the development of the basics of linguistic analysis of chiasmus. *Bulletin of the Cherepovets State University*. 2008. No. 2. P. 54 – 58.
4. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language: an experience of systematizing expressive means. Moscow: Librokom, 2016. 376 p.
5. Dobrovolsky D.O. Corpus-based approach to the study of phraseology: new results based on parallel corpora. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2020. No. 17 (3). P. 398 – 411.
6. Zadornova V.Ya. Key words in a fiction text as a translation problem. *Philology and Man*. 2024. No. 3. P. 182 – 193.

7. Linnichenko S.I. Methods of artistic cognition of American postmodern poets. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Iss. 12. P. 4172 – 4182.
8. Nikitina T.G. Russian proverbs in modern speech: towards the concept of complex lexicographic representation. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Iss. 11. P. 3653 – 3658.
9. Seliverstova E.I. The phenomenon of proverb deformation through the prism of the laws of paremiological space. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2020. No. 17 (3). P. 457 – 473.
10. Furs L.A. Semantic volume of the sentence structure. *Language studies and modern humanitarian knowledge*. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 160 – 166.

Информация об авторах

Бутенко Е.В., старший преподаватель, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», г. Санкт-Петербург, Россия, elenabutenko.54@mail.ru

© Бутенко Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (немецкие языки) (филологические науки)

УДК 811.111

¹ Воробьева Е.Н.

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Полидиктемные непарцеллированные зачины новелл (на материале произведений Кэтрин Мэнсфилд)

Аннотация: в статье рассматривается наиболее продуктивный тип зачина новелл К. Мэнсфилд – полидиктемный непарцеллированный зачин. Цель исследования – выявление текстоорганизующего потенциала зачина данного структурно-семантического типа. Ведущую роль в структурно-смысловой организации полидиктемного зачина играет, как правило, первая диктема. Каждая диктема обладает достаточной, но относительной тематической самостоятельностью. Все они подчинены развитию общей темы и выстроены в логическую цепь повествования. Это обеспечивает интегрированность информационных блоков – диктем и функционирование полидиктемного зачина как одного целого. Расположение нескольких диктем в пределах одного абзаца способствует формированию комплементарной семантики, составляющей основу связей между диктемами в зачине. В работе показано, что в своих новеллах К. Мэнсфилд использует зачины подобного типа для инициации сложного в тематическом плане повествования, где затрагиваются глубокие переживания человека, его неожиданные душевные порывы, заставляющие читателя внимательно анализировать даже обыденные явления окружающего мира.

Ключевые слова: диктема, полидиктемный зачин, композиционно-речевая форма, парцелляция, комплементарная семантика, несобственно-прямая речь

Для цитирования: Воробьева Е.Н. Полидиктемные непарцеллированные зачины новелл (на материале произведений Кэтрин Мэнсфилд) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 127 – 132.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Vorobyova Ye.N.

¹ Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia

Polydictemic unparcellated introductory units of short stories (based on the writings of Katherine Mansfield)

Abstract: the article discusses the most productive type of beginnings of K. Mansfield's short stories – polydictemic unparcellated introductory units. The purpose of the study is to identify the text-organizing potential of this structural-semantic type of beginnings. The leading role in the structural and semantic organization of the polydictemic beginning is performed, as a rule, by the first dicteme. Each dicteme has sufficient but relative thematic independence. All of them are subordinated to the development of a common theme and are built into a logical chain of narration. This ensures the integration of information blocks – dictems and the functioning of the polydictemic introductory unit as a whole. The arrangement of several dictemes within a single paragraph contributes to the formation of complementary semantics, which forms the basis of the connections between dictemes in the introductory unit. The paper shows that in her novels K. Mansfield uses beginnings of this type to initiate a thematically complex narrative, which touches on a person's deep feelings,

his unexpected emotional impulses, forcing the reader to carefully analyze even the mundane phenomena of the surrounding world.

Keywords: *dicteme, polydictemic introductory unit, compositional speech form, parcellation, complementary semantics, reported speech*

For citation: Vorobyova Ye.N. Polydictemic unparcellated introductory units of short stories (based on the writings of Katherine Mansfield). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 127 – 132.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена не только очевидной важностью зачина для текстоорганизации любого литературного произведения, но и открывающимися возможностями для оценки индивидуального стиля автора художественного текста с позиций синтаксической теории текста.

Начало прозаического текста нередко служит его экспозицией, то есть обычно содержит сведения о времени и месте действия, номинацию главных действующих лиц и ситуации. Информационное содержание зачина описывается через его диктемный строй, «семантико-синтаксический облик его диктем» [8, с. 10]. В письменном тексте диктема очень часто соответствует абзацу. В диалогической речи – реплике. Однако диктема может быть и равнообъемна предложению [1, с. 178].

Задача делимитации зачина в тексте новеллы и определения количества диктем, входящих в его структуру, решается не только на основании функционально-семантического критерия, но и формальных маркерах окончания зачинной части. К ним относятся: смена временных форм, изменение или уточнение временного периода, появление темпоральных и локативных лексических указателей, ввод новых персонажей или их ввод новыми средствами, изменение композиционно-речевой формы, «красная строка» и некоторые другие маркеры [8, с. 11]. С учетом количества диктем, входящих в интродуктивный сегмент, и структурирующей роли красной строки В.В. Силаев выделяет четыре базовых типа зачина литературного произведения: монодиктемные непарцеллированные, полидиктемные непарцеллированные, монодиктемные парцеллированные и полидиктемные комплексные зачины [9].

Все типы зачинов могут быть представлены различными структурно-семантическими вариантами. Традиционно выделяемые типовые композиционно-речевые формы («описание», «сообщение», «рассуждение») [2, 4, 5, 6, 7, 10] в зачинах новелл могут быть расширены «сообщением о состоянии и переживании персонажа», «сообщением о событии», «констатирующим сообщением», «размышлением», «описанием с единым планом настоящего / прошедшего времени».

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования выступили новеллы Кэтрин Мэнсфилд. Отмечается, что психологическая новелла Мэнсфилд, в центре которой оказывается душевный мир человека, его чувства и эмоции, приобретает импрессионистский характер.

Методологической основой данной статьи стал комплексный подход, включающий аналитико-описательный метод, контекстуальный и статистический анализ.

Результаты и обсуждения

Полидиктемные непарцеллированные зачины образуют наиболее значительную по численности группу интродуктивных сегментов – 61% от общего количества рассмотренных (всего 59 зачинов новелл). Зачин этой группы включает в свой состав, как правило, от двух до четырех разных по объему и содержанию диктем. В редких случаях зачин может быть образован большим количеством диктем. Основные содержательные типы диктем уже рассматривались нами при исследовании однодиктемных зачинов [3].

Среди двудиктемных зачинов выделяются интродуктивные сегменты, составленные диктемами одного и того же содержательного типа (А) и диктемами разных содержательных типов (В). Следует отметить, что зачины типа А в новеллах К. Мэнсфилд встречаются редко.

(1) *From eight o'clock in the morning until about half past eleven Monica Tyrell suffered from her nerves, and suffered so terribly that these hours were—agonizing, simply. // It was not as though she could control them. “Perhaps if I were ten years younger...” she would say. For now that she was thirty-three she had a queer little way of referring to her age on all occasions, of looking at her friends with grave, childish eyes and saying: “Yes, I remember how twenty years ago... “or of drawing Ralph’s attention to the girls-real girls—with lovely youthful arms and throats and swift hesitating movements who sat near them in restaurants. “Perhaps if I were ten years younger...” (Revelations).*

В примере № 1 обе диктемы являются «сообщениями о состоянии и настроении персонажа». В первой однопредложенческой диктеме обозначается главное действующее лицо, дается временная отнесенность, а также сообщается о взволнованном состоянии героини в данный отрезок времени. Вторая диктема содержательно тесно связана с первой и включает дополнительную информацию. Здесь уточняются особенности состояния героини и сообщается о ее поведении в связи с этим. Так, Моника объясняет свою нервозность и невозможность ее контролировать ушедшей юностью. Данная диктема является авторским пояснением, содержащим в качестве подтверждения слова самой героини в форме прямой речи. Таким образом, здесь в отношении между диктемами существует отношение дополнительности (комплементарности).

Обратимся еще к одному примеру зачина типа А. Здесь диктемы представлены различными видами «сообщения»:

(2) Getting ready was a terrible business. // After supper Frau Brechenmacher packed four of the five babies to bed, allowing Rosa to stay with her and help to polish the buttons of Herr Brechenmacher's uniform. Then she ran over his best shirt with a hot iron, polished his boots, and put a stitch or two into his black satin necktie. (Frau Brechenmacher attends a wedding).

В данном примере первая диктема является «констатирующими сообщением», а вторая – «сообщением о событии». Первая диктема содержит утверждение, носящее результативный характер. Она представляет общую характеристику ситуации, которая будет объяснена и раскрыта во второй диктеме. Во второй диктеме происходит номинация персонажей, сообщается об их действиях. Информация, содержащаяся во второй диктеме, дополняет и раскрывает смысл изложенного в первой диктеме.

Среди двудиктемных зачинов содержательного типа превалируют интродуктивные сегменты, где роль первой диктемы играет вводный тезис, представленный одним из видов композиционно-речевой формы «сообщение». В этом случае вторая диктема является «описанием».

(3) And then, after six years, she saw him again. // He was seated at one of those little bamboo tables decorated with a Japanese vase of paper daffodils. There was a tall plate of fruit in front of him, and very carefully, in a way she recognized immediately as his “special” way, he was peeling an orange (A Dill Pickle).

Первая диктема является «сообщением о событии». Она представлена одним предложением и носит событийный характер. В ней выделяется факт встречи героев произведения. Внимание читателя привлекается к этому событию, являющемуся исходным и важным в событийном ряду повествования. Оно акцентируется первичным обозначением действующих лиц с помощью местоимений *she* и *he*, характерных для «начала с середины», и предлогом времени *after*. Вторая диктема, будучи тесно связана с первой, представляет собой отступление от событийной линии, намеченной в первой диктеме. Она является авторским описанием героя.

Можно утверждать, что зачин типа В, где первая диктема представляет собой «описание», а вторая является «размышлением», является менее характерным для новелл К. Мэнсфилд. Обратимся к примеру:

(4) Very early morning. The sun was not yet risen, and the whole of Crescent Bay was hidden under a white sea – mist. The big bush-covered hills at the back were smothered. You could not see where they ended and the paddocks and bungalows began. The sandy road was gone and the paddocks and bungalows the other side of it; there were no white dunes covered with reddish grass beyond them; there was nothing to mark which was beach and where was the sea. A heavy dew had fallen. The grass was blue. Big drops hung on the bushes and just did not fall; the silvery, fluffy *toi-toi* was limp on its long stalks, and all the marigolds and the pinks in the bungalow gardens were bowed to the earth with wetness. Drenched were the cold fuchsias, round pearls of dew lay on the flat nasturtium leaves. // It looked as though the sea had beaten up softly in the darkness, as though one immense wave had come rippling, rippling-how far? Perhaps if you had waked up in the middle of the night you might have seen a big fish flicking in at the window and gone again.... (At the Bay)

Первая диктема этого зачина является «описанием с единым планом прошедшего времени». Предмет описания – бухта, окутанная утренним туманом с моря. Вторая диктема продолжает и обобщает тему моря и влияния морской влаги на природу бухты. А субъективные впечатления повествователя, которые позволяет выразить композиционно-речевая форма «размышление», вносят сказочный колорит в описание пейзажа.

Значение комплементарности мы находим и в отношениях между диктемами в трехдиктемных зачинах. Например:

(5) It is raining. Big soft drops splash on the people's hands and cheek; immense warm drops like melted stars. // “Here are roses! Here are lilies! Here are violets!” caws the old hag in the gutter. But the lilies, bunched together in a frill of green, look more like faded cauliflowers. Up and down she drags the creaking barrow. A bad, sickly smell comes from it. Nobody wants to buy. // You must walk in the middle of the road, for there is no room on the pavement. Every single shop brims over; every shop shows a tattered frill of soiled lace and dirty ribbon to charm and entice you. There are tables set out with toy cannons and soldiers and Zeppelins and photograph frames complete with

ogling beauties. There are immense baskets of yellow straw hats piled up like pyramids of pastry, and strings of coloured boots and shoes so small that nobody could wear them. One shop is full of little squares of mackintosh, blue ones for girls and pink ones for boys with Bébé printed in the middle of each... (Spring Pictures).

В данном примере все три диктемы представляют собой «описание с единым планом настоящего времени» (тип А). Для данной формы «описания» характерен сценический характер образа. Общей темой описания выступают городские улицы в дождливую весеннюю погоду. В первой диктеме описываются капли дождя. Во второй – уличная торговка цветами за работой. А в третьей диктеме подробно характеризуются магазины и ассортимент предлагаемых товаров. Логически эти темы не вытекают друг из друга. Для них характерна скорее соположительная связь. Диктемы обладают относительной однородностью. Но именно их соединение позволяет создать цельный образ.

Семантика комплиментарности является основой междиктемных связей в четырехдиктемных зачинах. Предложенный ниже в качестве примера зачин будет интересен и в плане смешения различных композиционно-речевых форм в рамках одной диктемы.

(6) Suddenly – dreadfully – she wakes up. What has happened? Something dreadful has happened. // Nothing has happened. It is only the wind shaking the house, rattling the windows, banging a piece of iron on the roof and making her bed tremble. Leaves flutter past the window, up and away; down in the avenue a whole newspaper wags in the air like a lost kite and falls, spiked on a pine tree. It is cold. Summer is over-it is autumn-everything is ugly. The carts rattle by, swinging from side to side; two Chinamen lollipop along under their wooden yokes with the straining vegetable baskets-their pigtails and blue blouses fly out in the wind. A white dog on three legs yelps past the gate. It is all over! What is? Oh, everything! // And she begins to plait her hair with shaking fingers, not daring to look in the glass. // Mother is talking to grandmother in the hall (The Wind Blows).

В данном примере первая диктема является «сообщением о событии» с элементами «размыщения» и «сообщения о состоянии и переживании героя». Темой данной диктемы является событие, возможно произошедшее в прошлом. Размыщение о данном случае выражено в форме несобственно-прямой речи, которая сочетается с речью автора. По своей сути несобственно-прямая речь является высокоэкспрессивным стилистическим приемом. В данном примере она помогает выразить тревогу, неуверенность и страх главной героини. Вторая диктема является «динамическим описанием переживания» с элементами «размыщения». С этим типом описания мы в ходе нашего исследования встречаемся впервые. Логически информация второй диктемы тесно связана с первой и является частью комментирующее-аргументирующего комплекса, в центре которого – динамическое описание весеннего ветра, который вносит смятение в окружающий мир. В основе описания – глаголы действия. Но они имеют здесь изобразительный характер. Этот оттенок значения ярко выступает при использовании в данном отрезке однородных предложений. Предложения носят законченный самостоятельный характер и кажутся логически несвязанными друг с другом. Здесь нам представлены описания различных предметов (leaves, carts, two Chinamen, a white dog). Но все они пронизаны темой “wind”, которая вызывает ассоциации с тревогой, так как окружающий мир показан сквозь призму восприятия героини. Композиционно-речевая форма «динамическое описание» «служит средством острых, тонких психологических зарисовок» [2, с. 68]. Третья диктема является промежуточной формой между «сообщением о событии» и «сообщением о состоянии и переживании героя». Сообщение дается в форме авторского комментария и содержит оценку эмоционального состояния героини (“with shaking fingers, not daring”). Четвертая диктема – это «описание» - «констатирующее сообщение» в форме несобственно-прямой речи. Если в предыдущей диктеме повествование велось от третьего лица, то на первый план в четвертой диктеме выходит сама героиня. Данное заявление следует из отсутствия артиклей перед “Mother” и “grandmother”.

Таким образом, сложные композиционно-речевые формы интересны в плане общей экспрессивности. Они создают волнообразность и скачкообразность повествования, что отражается на организации всего текста.

Полидиктемный непарцеллированный зачин может содержать, как правило, до четырех диктем. Случаи, когда количество диктем превышает привычную норму, редки. Поэтому они и представляют наивысший интерес. В рамках данного исследования мы столкнулись с единичными примерами пятидиктемного и даже семидиктемного зачинов. Обратимся к примеру пятидиктемного интродуктивного сегмента:

(7) That evening for the first time in his life, as he pressed through the swing-door and descended the three broad steps to the pavement, old Mr. Neave felt he was too old for the spring. // Spring – warm, eager, restless – was there, waiting for him in the golden light, ready in front of everybody to run up, to blow in his white beard, to drag sweetly on his arm. // And he couldn't meet her, no; he couldn't square up once more and stride off, jaunty as a young man. He was tired and, although the late sun was still shining, curiously cold, with a numbed feeling all over. Quite suddenly he hadn't the energy, he hadn't the heart to stand this gaiety and bright movement any longer; it confused him. He wanted to stand still, to wave it away with his stick, to say, “Be off with you!” // Suddenly it was a terrible effort to

greet as usual – tipping his wide- awake with his stick – all the people whom he knew, the friends, acquaintances, shopkeepers, postmen, drivers. But the gay glance that went with the gesture, the kindly twinkle that seemed to say, “I’m a match and more for any of you” – that old Mr. Neave could not manage at all. He stumped along, lifting his knees high as if he were walking through air that had somehow grown heavy and solid like water. // And the home-ward-looking crowd hurried by, the trams clanked, the light carts clattered, the big swinging cabs bowled along with that reckless, defiant indifference that one knows only in dreams ... (An Ideal Family).

В данном примере первая диктема является «сообщением о состоянии и переживании персонажа». Она играет ведущую роль в структурно-смысовой организации зачина благодаря реализации моделирующей функции (здесь происходит обозначение персонажа, времени и места действия). Темами этой диктемы являются старость главного героя и приход весны. Вторая диктема, организованная композиционно-речевой формой «описание», продолжает тему весны. Весна изображается как живое существо, полное энергии и молодости. Весна здесь противопоставлена старости и зиме. Третья диктема является «сообщением о состоянии и переживании персонажа». В ней весна-молодость и старость вступают в конфликт друг с другом. Немощная старость отвергает весну, а с ней и понимание молодости. Четвертая диктема организована композиционно-речевой формой «сообщение о состоянии и переживании персонажа» с элементами «размышления». В четвертой диктеме тема старости приобретает дополнительное звучание. Даже общение с окружающими становится для героя проблематичным. Он чувствует, что существует в другом мире, дышит другим воздухом. Тема одиночества углубляется в пятой диктеме, которая является «динамическим описанием». Кажется, что весь мир, полный молодого задора, бодро несется мимо и ему нет дела до старого мистера Нива.

Таким образом, в данном примере каждая последующая диктема является логическим продолжением и смысловым развитием предыдущей, углубляя ее и внося новую информацию в содержание. Здесь, как и в двух-четырехдиктемных зачинах для связи между диктемами служит значение комплементарности. Из этого можно сделать вывод, что количество зачинных диктем не влияет на характер отношений между ними. Данный полидиктемный зачин открывает текст сложной, комплексной ситуации, где автором поднимаются такие глобальные проблемы, как конфликт поколений, смысл жизни. Комплементарная семантика, составляющая основу связей между диктемами в зачине, формируется именно в контекстном расположении диктем в пределах одного абзаца. Предполагается, что разрушение такой организации зачинных диктем (оформление каждой в отдельный абзац) нарушило бы интегрированность информации, что привело бы к изменению в макро-структуре текста новеллы.

Выводы

Анализ материала показал, что причина высокой частотности полидиктемного непарцеллированного зачина очевидно объясняется желанием автора показать душевный мир героев во всей его многогранности и противоречивости. Зачины, организованные большим количеством диктем, позволяют наметить сеть параллельных тем и связей, что вносит в повествование проблемное звучание и усложняет центральный образ произведения. Кроме того, контактное расположение диктем в рамках полидиктемного непарцеллированного зачина способствует высокой интеграции информации, созданию цельного психологического портрета героя. Независимо от своего количества зачинные диктемы последовательно объединяются с помощью присоединительной связи, основу семантики которой составляют отношения комплементарности, для реализации общей задачи – показать глубину переживания персонажа.

Список источников

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 237 с.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983. 271 с.
3. Воробьева Е.Н. Однодиктемный непарцеллированный зачин в новеллах К. Мэнсфилд // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 7. С. 43 – 48.
4. Домашнев А.И., Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 204 с.
5. Клочков А.В. Особенности функционирования композиционно-речевых форм в структуре художественного произведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 119 – 127.
6. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: УРСС, 2023. 264 с.
7. Русецкая О.Н., Лазарева В.А. Композиционно-речевые формы и структурная организация текста // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 44. С. 116 – 118.
8. Силаев В.В. Зачин литературного произведения и его текстоорганизующая роль (на материале рассказов англоязычных писателей): дис. канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1997. 16 с.

9. Силаев В.В. Зачин литературного произведения и его текстоорганизующая роль: монография. Вологда: ВоГУ, 2008. 150 с.
10. Щибря О.Ю. Композиционно-речевые формы как составляющие текста: Содержание и структура (на материале романа Г. Белля «Глазами клоуна» и его переводов на русский язык): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Краснодар, 2006 22 с.

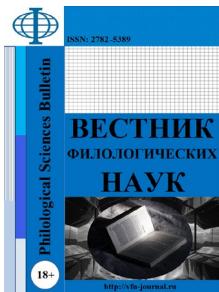
References

1. Blokh M.Ya. Theoretical foundations of grammar: textbook. 4th ed., rev. M.: Higher. school, 2005. 237 p.
2. Brandes M.P. Stylistics of the German language. M., 1983. 271 p.
3. Vorobyova E.N. Single-dictemic non-parceled beginning in the short stories of K. Mansfield. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 7. P. 43 – 48.
4. Domashnev A.I., Domashnev A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. Interpretation of a literary text: 2nd ed., revised. M.: Education, 1989. 204 p.
5. Klochkov A.V. Features of the functioning of compositional and speech forms in the structure of the text of a work of fiction. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2019. No. 1. P. 119 – 127.
6. Odintsov V.V. Text stylistics. Moscow: URSS, 2023. 264 p.
7. Rusetskaya O.N., Lazareva V.A. Compositional and speech forms and structural organization of the text. Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2009. No. 44. P. 116 – 118.
8. Silaev V.V. The beginning of a literary work and its text-organizing role (based on the stories of English-speaking writers): dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.04. M., 1997. 16 p.
9. Silaev V.V. The Beginning of a Literary Work and Its Text-Organizing Role: monograph. Vologda: Vologda State University, 2008. 150 p.
10. Shchibrya O.Yu. Compositional Speech Forms as Components of the Text: Content and Structure (based on G. Böll's novel "Through the Eyes of a Clown" and its translations into Russian): diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Krasnodar, 2006 22 p.

Информация об авторах

Воробьева Е.Н., кандидат филологических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ВИППЭ ФСИН России), helenvorobyova@mail.ru

© Воробьева Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Чжан Шимэн, ¹ Ду Гоин

¹ Харбинский политехнический университет

Сравнительное исследование темы отчуждения тела в произведениях «Нос» и «Превращение»

Аннотация: в статье рассматривается сравнительно-литературный подход с использованием AntConc 4.3.1 для анализа темы телесного отчуждения в «Нос» Гоголя в сравнении с «Превращение» Кафки. С помощью внимательного прочтения текста и количественного исследования теория дисциплинарной власти Мишеля Фуко для изучения различий между тремя измерениями: носителем отчуждения, механизмом власти дисциплины и литературным выражением. Выяснилось, что оба выбирают нос и насекомое в качестве носителя символа отчуждения. С точки зрения дисциплинарной власти, первый показывает манипуляцию идентичностью со стороны дисциплинарной власти через нос, а второй – доминирование над жизнью со стороны дисциплинарной власти. В плане художественной выразительности, в первом случае используется ироничный юмор для деконструкции социального лицемерия, а во втором – холодное и спокойное повествование для представления абсурда как экзистенциальной реальности. Данное исследование вносит вклад в понимание творческих особенностей двух авторов и того, как повествования о телесном отчуждении становятся метафорами экзистенциальной ситуации современного человека.

Ключевые слова: отчуждение тела, Гоголь, «Нос», Кафка, «Превращение», сила дисциплины

Для цитирования: Чжан Шимэн, Ду Гоин. Сравнительное исследование темы отчуждения тела в произведениях «Нос» и «Превращение» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 133 – 143.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Zhang Shimeng, ¹ Du Guoying

¹ Harbin Institute of Technology

A comparative study of the theme of physical alienation in the works “Nose” and “Metamorphosis”

Abstract: this study employs a comparative literature approach, utilizing AntConc 4.3.1, to conduct a contrastive analysis of the theme of physical alienation in Gogol’s *The Nose* and Kafka’s *The Metamorphosis*. Through close reading and quantitative research, drawing on Foucault’s theory of disciplinary power, the study explores the differences between the two works across three dimensions: the vehicle of alienation, disciplinary power, and literary expression. The findings reveal that the two texts select distinct symbolic carriers of alienation – the nose and the beetle, respectively. In terms of disciplinary power, *The Nose* exposes how disciplinary mechanisms manipulate identity, while *The Metamorphosis* demonstrates the domination of disciplinary power over life itself. Regarding literary expression, Gogol employs satire and humor to deconstruct social hypocrisy, whereas Kafka adopts a detached and subdued narrative, presenting the absurd as an inescapable reality of existence. This research contributes to a deeper understanding of the two authors’ distinctive creative styles and how narratives of physical alienation serve as metaphors for the existential predicament of modern individuals.

Keywords: physical alienation, Gogol, *The Nose*, Kafka, *The Metamorphosis*, disciplinary power

For citation: Zhang Shimeng, Du Guoying. A comparative study of the theme of physical alienation in the works “Nose” and “Metamorphosis”. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 133 – 143.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Ранним утренним туманом Санкт-Петербурга 19-го века коллежский асессор с ужасом обнаружил, что его нос исчез с лица, и вместо этого разгуливал по улицам в вышитой золотой униформе. И однажды на рассвете в Праге в 20-м веке продавец Грегор Замза просыпается и обнаруживает, что превратился в насекомое. Эти два абсурдных литературных момента, разделенных восемьдесят годами, образуют удивительное взаимодействие. «Нос» Гоголя (1836) и «Превращение» Кафки (1915) вместе создают удивительную тему «отчуждения тела» в истории литературы через аномальную деформацию органов тела. Во многих исследованиях феномен отчуждения изучался с психологической точки зрения, утверждая, что необходимо изучать как часть общей системы психологических феноменов, т.е. как телесное проявление ряда личностных конфликтов [1]. Эта аналитическая основа дает важные выводы для понимания феномена отчуждения тела в литературе. Как показали последующие исследования, отчуждение «физического Я» по существу отражает экзистенциальную дилемму индивида в процессе модернизации [3]. «Нос» посвящено взаимосвязи между потерей смысла и понятием отчуждения, расширяя психологическую перспективу до экзистенциального уровня. В то же время философское исследование еще больше углубляет эту дискуссию, анализирует современную концепцию тела и отчуждения между человеком и телом [5], а также дает теоретическое обоснование феномена телесного отчуждения в художественных текстах.

Этот междисциплинарный контекст исследования показывает, что физическое отчуждение является не только психологическим феноменом, но и философским положением, а также важной темой литературного выражения. В литературном творчестве философия существования Ницше предоставляет уникальную перспективу для анализа человеческого существования в «Превращение» Кафки [14]. «Нос» Гоголя не только показывает смену парадигмы русских культурных чувств от традиционных обонятельных ценностей к западному визуальному центризму через диалог и смех в темноте [12], также использует мифическое мышление «часть вместо целого» [2]. Напротив, Кафка рассматривал сон как состояние потери сознания с медицинской точки зрения [11]. Это философское созерцание тела проявляется в «Превращение» как метафора страха перед возможностью болезни [15]. Произведения Кафки, такие как «Превращение», «Замок» и «Процесс», написанные после начала Первой мировой войны, можно сказать, ознаменовали рождение западной отчужденной литературы [6]. Обладая уникальными модернистскими литературными характеристиками, эти произведения интерпретируются с трех сторон: абсурда, отчуждения и символизма [8].

«Нос» Гоголя (1836) и «Превращение» Кафки (1915) – два классических текста, написанных об отчуждении тела, раскрывающих кризис человеческой субъективности в контексте все более отчужденной современности в форме абсурдистской комедии и черной аллегории соответственно. Сравнивая нетрадиционные вариации органов тела и тел в двух работах, в этой статье исследуются различия в различных символических носителях и дисциплинарных силах, стоящих за ними: первый использует причудливое смещение носа, чтобы отразить тревогу за идентичность бюрократического общества в период имперской России, а второй использует трансформацию тела жука, чтобы таинственно и глубоко заявить об абсурдном существовании современных людей [4]. Этот диалог во времени и пространстве обнажает эволюцию темы отчуждения от внешней социальной критики к внутренним духовным дилеммам.

Материалы и методы исследований

В сравнительно-литературной перспективе, в данной работе используется аналитический инструмент AntConc 4.3.1 для проведения сравнительного исследования темы отчуждения тела в «Нос» Гоголя и «Превращение» Кафки. Благодаря сочетанию внимательного чтения текста и количественного анализа, в данной статье систематически исследуются различия в нарративах отчуждения двух произведений с трех измерений: носителя отчуждения, механизма власти дисциплины и литературного выражения. В настоящем исследовании для сравнительного анализа темы телесного отчуждения в повестях Н.В. Гоголя «Нос» (1836) и Ф. Кафки «Превращение» (1915) применён междисциплинарный метод, сочетающий литературоведческий подход с элементами философского и лингвистического анализа, а также с цифровыми инструментами корпусной лингвистики. Основным аналитическим средством выступила программа AntConc 4.3.1, позво-

лившая осуществить количественное и контекстуальное изучение частотных лексем – носителей семиотики отчуждения (например, «нос», «дверь», «комната») в указанных текстах. Параллельно применялись методы внимательного текстологического чтения, концептуального моделирования и дискурсивного анализа, направленные на выявление различий в репрезентации телесной инаковости, механизмов дисциплинарной власти и способов литературного выражения. Исследование опирается на философскую концепцию телесного отчуждения, разработанную в рамках экзистенциальной традиции и критической теории, а также на современные лингвистические подходы к анализу повествовательных структур и символических репрезентаций. Такой синтез количественных и качественных методов обеспечил целостное и многомерное осмысление телесного отчуждения как культурного и литературного феномена в условиях социальной и онтологической нестабильности модернности.

Результаты и обсуждения

Результаты показывают, что на носителе отчуждения, «Нос» выбирает в качестве объекта отчуждения «нос» с социальной символикой, в то время как «Превращение» использует в качестве носителя полностью дегуманизированного «насекомое», и это различие отражает различное восприятие телесных символов между двумя писателями. С точки зрения дисциплинирующей власти, Гоголь показывает манипулирование символическими идентичностями властью, разоблачая лицемерие иерархического общества через причудливое исчезновение носа. Кафка, с другой стороны, представляет господство власти дисциплины над онтологией жизни, а образ насекомого намекает на полное отчуждение современного человека. В литературном выражении первый использует преувеличенный сатирический юмор для деконструкции социального лицемерия, в то время как второй использует холодное и спокойное повествование, чтобы нормализовать абсурд и принять абсурд как реальность существования. Данное исследование не только углубляет понимание творческих особенностей двух писателей, но и помогает понять затруднительное положение современного человека, предлагая новые интерпретационные подходы к теме отчуждения в литературе модернизма.

Различия в знаковом носителе телесной отчужденности. В литературных произведениях отчуждение тела часто служит важным средством выражения социальной критики или философской рефлексии. В произведениях Гоголя «Нос» и Кафки «Превращение» посредством гротеска изображается процесс отчуждения человеческого тела от его нормального состояния. Однако носители знаков отчуждения в этих текстах представлены в различных формах: нос Ковалева «сбегает» в качестве самостоятельного объекта, становясь социально маркированным символом, тогда как Грегор Замза трансформируется в насекомое, превращаясь в стигматизированный носитель, отвергаемый обществом. Это различие в семиотических носителях отражает различные способы дисциплинарного воздействия власти на отчужденное тело.

В повести «Нос» чиновник восьмого класса Ковалев сталкивается с частичной отчужденной телесностью – его нос не только обретает самостоятельную личность, но и получает более высокий социальный статус. Такая персонифицированная метаморфоза отдельного органа создает уникальный семиотический носитель. Ковалев переживает кризис идентичности, поскольку его социальная позиция и маскулинность внезапно утрачиваются – нос становится маркером социального положения [7]. Нос не только способен к самостоятельным действиям, но и пользуется в обществе большим уважением, чем сам Ковалев, что дополнительно усиливает сатирический пафос повести.

В «Нос» семиотика телесного отчуждения демонстрирует уникальные пространственно-репрезентативные характеристики. Согласно статистическому анализу, проведенному в AntConc 4.3.1, нос как носитель отчужденного знака, выступающий субъектом социального действия, имеет частотность употребления 100 раз (таблица 1). Глобальный индекс дисперсии 0.900 (таблица 2) свидетельствует о широком распределении данного знака в нарративной структуре. На рисунке 1 представлено облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «нос». Анализ текста и визуализации показывает, что при исключении служебных слов (что, на, не, то, в, и и др.), существительное «нос» в синтаксических структурах преимущественно сочетается с личными местоимениями (вы, его, он) или антропонимами (Иван, Ковалев). Данное языковое явление указывает на то, что, что этот телесный орган приобретает синтаксический статус и нарративную функцию, равнозначные персонажу. Нос преодолевает традиционные предметные ограничения телесного органа, становясь ключевым означающим, пронизывающим всю повествовательную сеть текста. В отличие от кафкианского «Превращение», где пространство отчуждения ограничено семейной сферой, Гоголь сознательно расширяет радиус действия носа до масштабов всего социального пространства – от бюрократических учреждений до городских улиц, от церкви до редакции газеты. Его траектория движения, простирающаяся от чиновничих кабинетов до публичных городских пространств, формирует панорамное отображение структур социальной власти. Как носитель семиотики от-

чуждения, нос выходит за рамки чисто повествовательной функции, одновременно отражая и подвергая критике структуры власти в русском обществе XIX века.

Частотность употребления слова «нос» в произведениях.

Таблица 1

Table 1

Frequency of use of the word "нос" in the work		
Ранг	Тип	Частота
1	нос	69
2	носа	20
3	носе	4
4	носом	3
5	носу	3
6	носы	1

Таблица 2

Анализ распределения знака в произведениях.

Table 2

Analysis of the distribution of the sign in the work.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot	
1	0	нsc.docx	7726	100	12943.308	0.900		

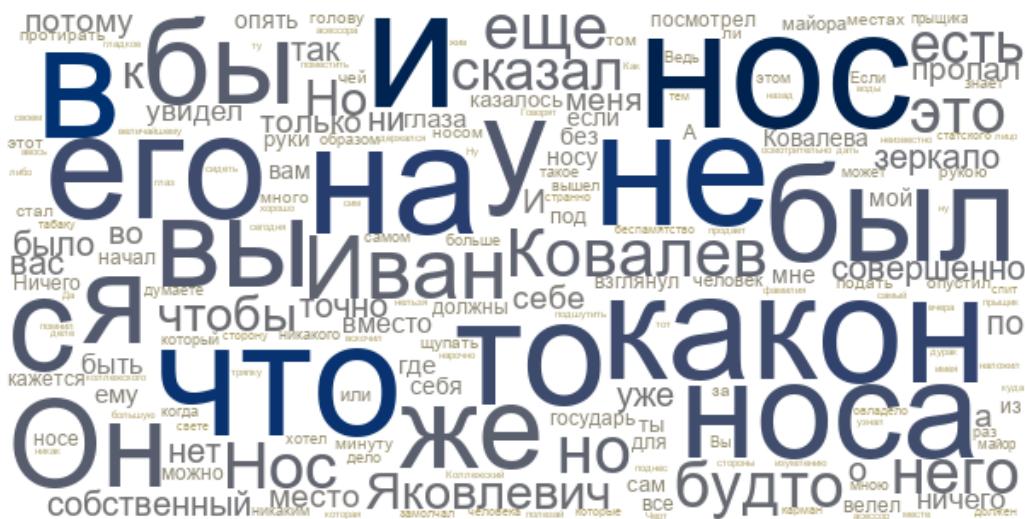

Рис. 1. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «нос».

Fig. 1. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “nose”.

В «Превращение» носителем семиотики отчуждения выступает целостная метаморфоза: Грегор Замза однажды утром просыпается, обнаружив себя превратившимся в гигантское насекомое. Данное отчуждение носит не частичный и отдельный, а тотальный и необратимый характер. Кафка не предлагает никакого объяснения причин превращения, не приводит ни научных, ни сверхъестественных обоснований, заставляя читателя принять этот факт как данность. Такой художественный прием превращает отчуждение в неизбежную реальность, а не временное нарушение порядка. Превращение Грегора не только изменяет его телесность, но и полностью разрушает его социальные функции как человека, приводя к постепенной изоляции как в семейном кругу, так и в обществе. Этот целостный носитель семиотики отчуждения составляет разительный контраст с парциальным отчуждением органа в «Носе».

В «Превращение» пространственные символы «дверь» и «комната» как носители семиотики отчуждения строго маркируют границы физического и психологического пространства Грегора Замзы в процессе его отчуждения. Дверь обладает свойствами семиотического носителя с частотностью употребления 87 раз (таблица 3) и индексом дисперсии 0.841 (таблица 4). Анализ облака слов на основе контекстов лексемы «дверь» (рис. 2) демонстрирует ее частую сочетаемость с пространственными предлогами (в, на, к, за, от),

что подчеркивает ее функцию пространственного маркера. В то же время, ко-встречаемость лексемы «дверь» с личными местоимениями (такими как его, она) и референциальными обозначениями персонажей (например, отец, Грегор) раскрывает медиативную функцию двери в нарративе – соединять субъекта с пространством и опосредовать межличностное взаимодействие. Дверь становится не только узловым пунктом трансформации человеческой / насекомой идентичности, но и через свои состояния (открыто / закрыто) регулирует властные отношения семейного смотрения / быть-видимым. Повторяющийся образ «дверь в щель» (как в сцене передачи пищи сестрой через дверной просвет) редуцирует существование отчужденного индивида до щелевидного модуса бытия. Замкнутость комнаты с частотностью 94 употребления (таблица 5) и индексом дисперсии 0.851 (таблица 6) формирует питательную среду отчуждения. Первоначально выполняющая функцию спасительной спальни, комната постепенно трансформируется в клетку для тела-насекомого, чтобы в finale, через насильтвенное удаление мебели, окончательно обнажить свою сущность как «нечеловеческого пространства». Анализ облака слов для лексемы «комната» (рис. 3) показывает аналогичную сочетаемость с пространственными предлогами, но примечательно более частое появление в контексте с «сестра» и «мать», чем с «отец». Динамическое взаимодействие этих пространственных образов (проницаемость двери vs эксклюзивность комнаты) систематически реализует топографию отчуждения. Когда служанка окончательно распахивает дверь, смерть не только прекращает физическое существование тела-насекомого, но и знаменует тотальную элиминацию идаковости из семейного пространства. Этот механизм пространственной семиотики составляет контраст с характеристиками носа в «Нос» Гоголя, свободно перемещающегося в социальном пространстве.

Частотность употребления слова «дверь» в произведении.

Габлица 3

Table 3

Frequency of use of the word "door" in the work.		
Ранг	Тип	Частота
1	дверь	51
2	двери	27
3	дверью	4
4	дверей	3
5	дверьми	2

Анализ распределения знака в произведениях.

Таблица 4

Table 4

Analysis of the distribution of the sign in the work

Analysis of the distribution of the sign in the work.							
Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	Превращение.docx	16115	87	5398.697	0.841	

Рис. 2. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «дверь».

Fig. 2. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “door”.

Частотность употребления слова «комната» в произведении.

Габлица 5

Frequency of use of the word “room” in the work.

Frequency of use of the word "room" in the work.		
Ранг	Тип	Частота
1	комнате	33
2	комнату	33
3	комнаты	21
4	комната	5
5	комнатах	1
6	комнатой	1

Анализ распределения знака в произведениях.

Таблица 6

Analysis of the distribution of the sign in the work.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot	
1	0	Превращение.docx	16115	94	5833.075	0.851		

Рис. 3. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «комната».

Fig. 3. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “room”.

Функциональные различия носителей семиотики отчуждения существенно влияют на интерпретацию темы в двух произведениях. Нос, хотя и отделяется от тела Ковалева, не выпадает из социального контекста. Напротив, он появляется в более высоком социальном статусе (статский советник), способен общаться с людьми, пользоваться экипажем, посещать светские мероприятия. Эта «независимость» носа разоблачает абсурдность бюрократической системы царской России: социальный статус может существовать независимо от личных качеств, а нос без тела получает уважение лишь благодаря мундиру. Гоголь через этот прием сатирически изображает слепое поклонение чинам и внешним атрибутам в российском обществе. В «Превращение» Кафки насекомое, в которого превращается Грегор, полностью исключен из человеческого общества. Насекомое как низшая форма жизни в культурной символике ассоциируется с грязью, бесполезностью, отвращением. Хотя Грегор сохраняет человеческие эмоции и мышление, его тело делает невозможным выполнение роли кормильца. Семья сначала ухаживает за ним из чувства долга, но постепенно начинает воспринимать его как обузу, пока окончательно не отказывается от него. Кафка демонстрирует, что в

современном обществе ценность человека определяется его функциональностью: потеряв социальную пользу, даже сохранив человеческое сознание, индивид неизбежно маргинализируется.

Нarrативная функция носителей семиотики отчуждения создает различные художественные эффекты в рассматриваемых произведениях. В «Нос» Гоголя «бегство» носа порождает серию комических эпизодов: попытки Ковалева дать объявление в газету, поимка носа во время молитвы в соборе, его «арест» полицейскими с помощью хлеба и последующее возвращение хозяину. Эти сцены, наполненные черным юмором, позволяют читателю ощутить искажение социальных норм через призму абсурда. Независимость носа не приводит к подлинной трагедии – в finale он чудесным образом возвращается на свое место, словно все происшедшее было лишь странным сном. Такой нарративный подход смягчает ужас отчуждения, превращая его в сатирическую проекцию социальных явлений. В «Превращение» Кафки метаморфоза в насекомое напрямую ведет к гибели Грегора. Его телесная трансформация носит не временный, а перманентный характер; не комический, а ужасающий. Кафка использует сдержанную, почти клиническую манеру повествования, не оставляя места для надежды на спасение. Смерть Грегора описывается мимоходом, как будто его существование уже давно стерто из памяти мира. Этот нарративный прием усиливает жестокость отчуждения, заставляя читателя остро ощутить одиночество и бессилие современного человека.

Различия между телесной отчужденностью и дисциплинарной властью. В «Нос» Гоголя и «Превращение» Кафки социальная реакция на телесное отчуждение формирует ключевую перспективу для понимания того, как властные структуры дисциплинируют индивида. Способы реагирования бюрократической системы царской России на «инцидент с носом» у Гоголя и отношение капиталистической семьи к «ожившему» Грегору у Кафки создают напряженную дилемму, вскрывающую механизмы власти.

В абсурдистской нарративной структуре гоголевского «Нос» бюрократическая система предстает как ключевой аппарат дисциплинарной власти, осуществляющий контроль над индивидом через знаки идентичности. Между коллежским асессором Ковалевым и его носом возникает напряженное нарративное противоречие, обусловленное их положением в структуре власти. В то время как сам Ковалев остается на уровне чиновника восьмого класса (его звание майора носит лишь почетный характер), отделившись нос, обладая статусом статского советника (пятый класс), немедленно получает признание бюрократической системы. Этот абсурдный дисбаланс статусов вскрывает суть дисциплинарного общества, отмеченную Фуко: функционирование власти зависит не от субстанциональности субъекта, а от верификации и перформативного воспроизведения символических идентичностей [9].

Поведенческая логика частного пристава и редактора газеты исчерпывающе демонстрирует, как бюрократическая машина посредством процедурной рациональности нейтрализует аномалии. Принимая заявление, полицейская система интересуется не биологическим чудом отделения носа, а формальным соответствием документов. Отказ редакции опубликовать объявление о пропаже носа отражает системное исключение дискурсивной властью нарративов, выходящих за рамки обыденного. Эти реакции, будучи административными практиками, успешно нормализуют трансгрессивные явления.

Особого внимания заслуживает искусно выстроенная иерархия чинов (от статского советника – носа, коллежского асессора Ковалева до неуточненного ранга частного пристава), формирующая микроструктуру властного генеалогического древа. Социальная активность носа после получения высшего чина (молитва в соборе, визиты к чиновникам) разоблачает операционные принципы бюрократической системы царской России, где социальный капитал жестко привязан к статусным символам. Трудности Ковалева в поисках носа как низшего чина (неспособность мобилизовать полицейские ресурсы) подтверждают, как бюрократия через тонкую градацию рангов заставляет индивидов интериоризировать репрессивную логику властных структур. Финал с загадочным возвращением носа становится едкой сатирой на дисциплинарную власть. В таблице 7 представлено распределение в тексте бюрократических титулов (коллежский асессор, статский советник, штаб-офицерша, чиновник, частный, майор и др.) (Прим.: приводятся исходные формы, поиск учитывал все падежные варианты). Высокая частотность и широкая дистрибуция этих знаков бюрократической системы раскрывают механизмы, посредством которых дисциплинарная власть через символику должностных наименований осуществляет классификацию, позиционирование и контроль над субъектами. Это отражает гоголевскую критику культа статуса в царской бюрократии и демонстрирует глубокую де-конструкцию писателем механизмов бюрократического отчуждения.

В «Превращение» члены семьи выступают как конкретные исполнители дисциплинарной власти, формирующие через дифференцированные поведенческие модели плотную сеть властных отношений, которая подвергает отчужденное тело Грегора постоянному надзору и дисциплинование. Этот процесс демонстрирует классические фукоидианские характеристики функционирования власти: он осуществляется не че-

рез прямое насилиственное подавление, а посредством стратегических интервенций членов семьи на разных этапах, создавая целостный механизм – от телесной дисциплины до психического угнетения.

Таблица 7
Распределение в тексте бюрократических титулов.

Table 7

Distribution of bureaucratic titles in the text.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	hoc.docx	7726	86	11131.245	0.833	

Трансформация роли сестры Греты особенно рельефно воплощает природу дисциплинарной власти. Из-начально появляясь в роли сиделки, она осуществляет мягкое дисциплинирование через ежедневное кормление – эта кажущаяся заботливой практика фактически устанавливает субъект-объектные отношения власти. По мере развития нарратива ее фортелические выступления создают в домашнем пространстве культурный барьер: музыка, маргинализирует Грегора как аутсайдера культурного поля. Финал, где она хладнокровно предлагает избавиться от насекомого, демонстрирует действие биовласти [10, с. 140] – механизма регулирования и управления жизнью.

Отцовская дисциплинарная практика носит характер публичного наказания. Момент, когда яблоко раздавливает панцирь, является точной метафорой насилиственного подчинения. Особенно метафоричным представляется момент облачения в форменную одежду – банковский костюм не просто символизирует восстановление социального порядка, но через реконструкцию визуальных знаков осуществляет семиотическое исключение аномального тела. Роль матери раскрывает амбивалентность дисциплинарной власти. Ее обмороки могут быть прочитаны как инстинктивное сопротивление системе дисциплины, тогда как конечное молчаливое согласие демонстрирует мощную абсорбирующую способность властных сетей. Эта колебательная позиция обнажает парадокс семьи как дисциплинарного института: необходимость сохранять видимость эмоциональной связи при одновременном требовании устраниния инаковости. Попытка матери сохранить мебель представляет собой последнее признание человеческой сущности Грегора, тогда как окончательный отказ от этих вещей знаменует полный крах семейной этики перед лицом дисциплинарной логики. В текстовой структуре три ключевых семейных персонажа – «отец», «мать» и «сестра» – встречаются с абсолютной частотностью 117, 103 и 82 раза соответственно, при коэффициенте дисперсии 0.799 (распределение в тексте см. в таблице 8). Формируемая ими дисциплинарная система демонстрирует классические черты пространственной политики. Регулируя частоту и степень открытия / закрытия двери (осторожное открытие двери сестрой, агрессивное захлопывание отцом), члены семьи осуществляют символическое разграничение властного пространства. Процесс удаления мебели представляет собой тщательно организованный ритуал дисциплинирования пространства: посредством устраниния следов человеческого бытия Грегора происходит его постепенная конструкция как чистого Другого. Данная пространственная стратегия обеспечивает эффективное функционирование власти через манипуляцию видимостью.

Таблица 9
Распределение в тексте «отец», «мать» и «сестра».

Table 9

Distribution of “father”, “mother” and “sister” in the text.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	Превращение.docx	16115	302	18740.304	0.799	

Финальное звено в цепи дисциплинарной власти реализует служанка, трансформируя процесс очищения после смерти в часть повседневных хозяйственных дел (как убрать это, можете не беспокоиться. Уже все в порядке). Глагол «убрать» обладает глубокой семиотической значимостью: его обычное значение, относящееся к бытовой уборке, здесь сознательно применяется для обозначения ликвидации тела Грегора, что редуцирует биологическую смерть до уровня рутинной домашней работы. Такой лингвистический сдвиг аккуратно обходит саму тему смерти [9, с. 139], демонстрируя дискурсивное конструирование насилия через повседневную жизнь – характерный механизм функционирования дисциплинарной власти. В этом процессе различные члены семьи выполняют соответствующие дисциплинарные функции, переходя от управ-

ления жизнью к администрированию смерти, что одновременно отражает жестокую логику капиталистического общества, которое превращает человека в инструмент производства [13].

Сравнительный анализ выявляет, что Гоголь и Кафка раскрывают механизмы дисциплинарной власти перед вызовом телесного отчуждения через две различные социальные сферы – бюрократическую систему и семейное пространство. Бюрократический аппарат нейтрализует угрозу через нормализацию абсурда: нос рассматривается как рядовой случай утери, его алогичность маскируется административными процедурами. В противоположность этому, семейная единица устанавливает границы через процесс "инаковости" – Грегор последовательно дегуманизируется, пока окончательно не исключается из домашнего пространства. Обе модели социального реагирования, при всей их формальной разнице, служат одной цели: поддержанию существующего властного порядка через дисциплину аномального тела.

Различия в литературном выражении телесной отчужденности. Исследуя литературное выражение телесного отчуждения, Гоголь и Кафка предлагают нам два разных пути. Сатирический юмор с лукавой улыбкой в «Нос» и экзистенциальное отчаяние, пронизывающее в «Превращение», представляют собой различные парадигмы литературного выражения в литературе на тему отчуждения тела. За этими двумя разными стилями стоят разные способы понимания природы человеческого общества двумя писателями, а также различные художественные стратегии, которые они используют перед лицом абсурда жизни.

Согласно статистическому анализу в AntConc, лексическое разнообразие «Нос» характеризуется следующими показателями: 3006 уникальных слов (типов) при общем объеме 7726 словоупотреблений (токенов), что дает коэффициент лексического разнообразия (TTR) 0.389. В «Превращение» зафиксировано 5107 типов при 16115 токенах с TTR 0.317. Хотя традиционный показатель TTR потенциально зависит от длины текста, учитывая относительно небольшой объем обоих произведений, выявленная разница остается статистически значимой. Полученные данные свидетельствуют, что лексикон Гоголя в «Нос» демонстрирует большую вариативность, что коррелирует с присущей этому произведению игривой и изменчивой стилистикой.

Мировоззренческие различия в понимании отчуждения обусловили различные художественные решения у двух авторов. У Гоголя отчуждение обладает четкой социальной направленностью. Исчезновение носа служит сатирой на конкретные явления – косность бюрократии, абсурд сословной иерархии, лицемерие социальных оценок. Это обратимое отчуждение (нос возвращается на место), будучи по сути художественным преувеличением, призвано обнажить скрытые механизмы реальности. Кафка же изображает отчуждение онтологического порядка. Превращение Грегора – не критика отдельных социальных явлений, а метафора экзистенциального состояния современного человека. Это необратимое отчуждение, отражающее фундаментальную экзистенциальную дистанцию между человеком и миром.

Писатели демонстрируют различное понимание отчуждения, что отражается в их художественных решениях. У Гоголя отчуждение носит социально-ориентированный характер. Исчезновение носа сатирически изображает конкретные социальные явления: косность бюрократической системы, абсурдность сословной иерархии, лицемерие общественных оценок. Это обратимое отчуждение (нос в конечном итоге возвращается на место), являясь по сути художественным преувеличением, призвано раскрыть скрытые аспекты реальности. Кафка же представляет отчуждение на онтологическом уровне. Превращение Грегора – это не критика отдельных социальных проблем, а метафора экзистенциального состояния современного человека. Такое отчуждение необратимо, поскольку отражает имую дистанцию между человеком и миром.

Сатирическое мастерство Гоголя достигает вершины в повести «Нос». Писатель использует гиперболизированный абсурд для разоблачения лицемерия российского общества. Когда нос Ковалева в мундире статского советника разгуливает по Невскому проспекту, эта кажущаяся комичной сцена содержит острую социальную критику. Гоголевский юмор подобен хирургическому скальпелю, вскрывающему болезненную суть бюрократической системы: в этом мире нос без тела заслуживает уважения благодаря мундиру, тогда как живой человек теряет социальный статус без этого символа. Через гротескное смещение акцентов писатель заставляет читателя, смеясь, задуматься об абсурдности самих социальных институтов. Эта сатира – не просто насмешка, а глубокий когнитивный переворот, внезапно показывающий, что привычные социальные нормы могут быть тщательно срежиссированным абсурдным спектаклем.

В отличие от этого, литературный стиль Кафки в «Превращение» отличается от вышеупомянутого. Его повествовательный тон остается тревожно спокойным, даже когда он описывает самые ужасающие сцены превращения, его язык остается точным и сдержаным. Такой холодный литературный стиль создает особый эффект: абсурд больше не является объектом наблюдения, а становится реальностью, с которой читатель должен непосредственно столкнуться. Когда Григорий проснулся однажды утром и обнаружил, что превратился в огромного жука, Кафка не дал никаких объяснений и не предложил никакой надежды. Такой подход заставляет читателя принять тот факт, что в современном обществе отчуждение человека не требует

причин, оно является базовым состоянием самого существования. Отчаяние Кафки – это не эмоциональная разрядка, а философское раскрытие сущности бытия.

Два произведения демонстрируют различные нарративные структуры. «Нос» Гоголя следует классической трехчастной структуре: равновесие (обычная жизнь Ковалева) – нарушение равновесия (исчезновение носа) – восстановление равновесия (возвращение носа). Эта структура отражает мировоззрение Гоголя: несмотря на абсурдность общества, порядок в конечном счете восстанавливается, а абсурд преодолевается. В то время как «Превращение» Кафки представляет собой нисходящую траекторию: от момента превращения до полного забвения Грегора. Кафка сознательно исключает возможность спасения, что выражает его фундаментальное убеждение: в современном мире отчуждение – не временное отклонение, а постоянная основа существования.

Два произведения демонстрируют различные нарративные структуры. «Нос» Гоголя следует традиционной трехчастной схеме: исходное равновесие (обычная жизнь Ковалева), нарушение баланса (исчезновение носа), восстановление порядка (возвращение носа). Эта структура отражает гоголевское понимание мира: несмотря на социальный абсурд, порядок в конечном итоге восстанавливается, а алогичность преодолевается. В противоположность этому, «Превращение» Кафки выстраивается как неуклонная нисходящая траектория: от момента метаморфозы до полного забвения Грегора. Кафка сознательно лишает текст какой-либо возможности искупления, что выражает его фундаментальное убеждение: в современном мире отчуждение – не временное отклонение, а перманентная основа существования.

Два этих способа художественного осмысления отчуждения отражают принципиально разные экзистенциальные установки. Гоголь противостоит абсурду через смех – не как бегство от реальности, но как особый способ познания и оружие сопротивления. В его мире юмор становится светом, озаряющим социальные темноты. Кафка же последовательно отвергает возможность такого искупления, настаивая на изображении самой тьмы – не ради поиска выхода, но ради утверждения истины: подчас тьма и есть вся реальность. Эти два выбора формируют дихотомию в современной литературе, обращающейся к теме отчуждения: если Гоголь избирает смех как средство деконструкции абсурда, то Кафка – молчание как контейнер для его воплощения.

Выводы

Гоголевский «Нос» и кафкианское «Превращение», используя нос и насекомое в качестве носителей отчуждения, раскрывают соответственно: манипуляцию властью символическими идентичностями и контроль дисциплинарной власти над жизнью. Гоголь с присущим ему сатирическим юмором деконструирует лицемерие бюрократического общества царской России, заставляя нас в смехе рефлексировать о нелепости социальных институтов. Кафка же холодной, почти клинической прозой представляет абсурд как экзистенциальную данность.

Эти два произведения, словно зеркала, отражают под разными углами наши глубинные тревоги и экзистенциальные страхи. Гоголевский смех – это сопротивление абсурдной реальности, разоблачение социальной фальши; кафкианское молчание – прямое столкновение с экзистенциальным тупиком, медитация о бессмыслице бытия.

В потоке современного общества каждый из нас рискует стать отчужденным индивидом, чье тело и душа могут быть поглощены механизмами власти и дисциплины. Перед лицом усложняющихся форм отчуждения в современном мире нам, возможно, необходимы оба этих качества: гоголевская проницательность, чтобы видеть сквозь социальные маски, и кафкианское мужество для встречи с экзистенциальной бессмыслицей. Наследие этих мастеров – не просто литературные приемы, но два глубоких, хотя и принципиально различных, вида экзистенциальной мудрости.

Список источников

1. Айламазян А.Н., Каминская Н.А. Феноменология телесного образа «я» и проблема отчуждения // Vox. Философский журнал. 2011. № 10. С. 117 – 132.
2. Ду Гоин. Современная мифология "Носа" и "Глаз" в Петербурге: альтернативное прочтение «Носа» и «Портрета» Гоголя // Шедевры литературы (Ming Zuo Xin Shang). 2011. № 33. С. 35 – 36.
3. Каминская Н.А. Исследования отчуждения физического «я» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. № 24 (2). С. 8 – 28.
4. Лю Цзяньмэй. Литературные вариации на тему "превращения" // Китайская сравнительная литература. 2020. № 1. С. 114 – 130.
5. Макаров А.И., Торопова А.А. Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Logos et Praxis. 2016. № 4. С. 17 – 26.
6. Сюй Жучжи. Литература отчуждения и две концепции отчуждения // Вестник Нанкинского педагогического университета (серия "Социальные науки"). 1982. № 3. С. 39 – 47.

7. Фан Сюжань. Анализ поэтики карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя: на примере повести «нос» // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 477 – 480.
8. Юй Хун. Интерпретация "Превращения": абсурд, отчуждение и символизм // Преподавание китайского языка в средней школе. 2020. № 10. С. 45 – 48.
9. Foucault M. Discipline and punish // Social theory re-wired. Routledge, 2023. P. 291 – 299.
10. Foucault M. The history of sexuality volume I // Feminist Studies. Routledge, 1978. P. 61 – 66.
11. Iranzo A., Stefani A., Högl B., Santamaria J. Kafkas' insomnia and narrative works // Sleep Medicine. 2018. Vol. 52. 233 p.
12. Klymentiev M. The Dark Side of "The Nose": The Paradigms of Olfactory Perception in Gogol's "The Nose" // Canadian Slavonic Papers. 2009. Vol. 51. No. 2-3. P. 223 – 241.
13. Marx K., Engels F. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and the Communist Manifesto. New York: Prometheus Books, 1988. 230 c.
14. Mohammed M.K. Human existence in kafka's the metamorphosis // Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Art. 101701.
15. Tornero-Romero F., Morante-Ruiz M., Gonzales-Camp A. Fear of illness in Kafka's Metamorphosis // Revista Clínica Española (English Edition). 2024. Vol. 224. No. 8. P. 534 – 536.

References

1. Aylamazyan A.N., Kaminskaya N.A. Phenomenology of the bodily image of the "I" and the problem of alienation. Vox. Philosophical journal. 2011. No. 10. P. 117 – 132.
2. Du Guoying. Modern mythology of the "Nose" and "Eyes" in St. Petersburg: an alternative reading of Gogol's "Nose" and "Portrait". Masterpieces of literature (Ming Zuo Xin Shang). 2011. No. 33. P. 35 – 36.
3. Kaminskaya N.A. Studies of alienation of the physical "I". Counseling psychology and psychotherapy. 2016. No. 24 (2). P. 8 – 28.
4. Liu Jianmei. Literary variations on the theme of "transformation". Chinese comparative literature. 2020. No. 1. P. 114 – 130.
5. Makarov A.I., Toropova A.A. Alienated Bodies: Interpretation of the Concept of Corporeality in Postmodernism. Logos et Praxis. 2016. No. 4. P. 17 – 26.
6. Xu Ruzhi. Literature of Alienation and Two Concepts of Alienation. Bulletin of Nanjing Normal University (Social Sciences Series). 1982. No. 3. P. 39 – 47.
7. Fan Xiaoran. Analysis of the Poetics of Carnivalization in the Works of N.V. Gogol: The Example of the Story "Nose". The World of Science, Culture, Education. 2025. No. 3 (112). P. 477 – 480.
8. Yu Hong. Interpreting "The Metamorphosis": Absurdity, Alienation, and Symbolism. Teaching Chinese in High School. 2020. No. 10. P. 45 – 48.
9. Foucault M. Discipline and punish. Social theory re-wired. Routledge, 2023. P. 291 – 299.
10. Foucault M. The history of sexuality volume I. Feminist Studies. Routledge. 1978. P. 61 – 66.
11. Iranzo A., Stefani A., Högl B., Santamaria J. Kafkas' insomnia and narrative works. Sleep Medicine. 2018. Vol. 52. 233 p.
12. Klymentiev M. The Dark Side of "The Nose": The Paradigms of Olfactory Perception in Gogol's "The Nose". Canadian Slavonic Papers. 2009. Vol. 51. No. 2-3. P. 223 – 241.
13. Marx K., Engels F. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and the Communist Manifesto. New York: Prometheus Books, 1988. 230 p.
14. Mohammed M.K. Human existence in kafka's the metamorphosis. Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Art. 101701.
15. Tornero-Romero F., Morante-Ruiz M., Gonzales-Camp A. Fear of illness in Kafka's Metamorphosis. Revista Clínica Española (English Edition). 2024. Vol. 224. No. 8. P. 534 – 536.

Информация об авторах

Чжан Шимэн, Харбинский политехнический университет, г. Харбин

Ду Гоин, вице-профессор, Харбинский политехнический университет, г. Харбин

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.34

¹ Забиран Р.В.

¹ Московский государственный колледж музыкального исполнительства им. Ф. Шопена

Фонетические единицы и явления, реализующие напевность в лирике Б.Л. Пастернака (на примере фрагмента стихотворения «Волны»)

Аннотация: в статье рассматривается система фонетических средств, реализующаяся в поэтической речи на уровнях речевых сегментов, исследуется роль звука в семантике высказываний, выявляются сопряжения просодических единиц и явлений с составляющими музыкального предложения. Методология исследования представлена обзором научных работ исследователей по обсуждаемому вопросу, применены методы статистического, фоносемантического анализа, а также синтагматический метод. Ведущими методами исследования являются методы наблюдения и измерения, позволившие определить динамические параметры слогов и выявить фонетические контуры строф. Результаты научной работы представляют выводы о напевности, мелодичности лирического произведения, что является перспективой для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: просодия, звук, синтагма, фраза, напевность

Для цитирования: Забиран Р.В. Фонетические единицы и явления, реализующие напевность в лирике Б.Л. Пастернака (на примере фрагмента стихотворения «Волны») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 144 – 151.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Zabiran R.V.

¹ Moscow State College of Musical Performance
named after F. Chopin

Phonetic units and phenomena that realize melodiousness in the lyrics of B.L. Pasternak (based on the fragment of the poem "Waves")

Abstract: the article examines the system of phonetic means that are realized in poetic speech at the levels of speech segments, explores the role of sound in the semantics of utterances, and identifies the connections between prosodic units and phenomena and the components of a musical sentence. The research methodology is based on a review of scientific works on the topic, statistical and phonosemantic analysis, and the syntagmatic method. The main research methods are observation and measurement, which allowed the author to determine the dynamic parameters of syllables and identify the phonetic contours of stanzas. The results of scientific work provide conclusions about the melodiousness of a lyrical work, which presents a perspective for further research.

Keywords: prosody, sound, syntagma, phrase, melodiousness

For citation: Zabiran R.V. Phonetic units and phenomena that realize melodiousness in the lyrics of B.L. Pasternak (based on the fragment of the poem "Waves"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 144 – 151.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена стремлением к комплексному пониманию технологий мелодичности поэтического текста, выявлению механизмов создания напевного строя стихотворения, углубленному изучению идиостиля Б.Л. Пастернака. Выявление индивидуально-авторских приёмов конструирования фонетических линий в поэтическом тексте позволяет понять, как звуковая организация стихотворения усиливает его эмоциональное воздействие на читателя и передаёт авторский замысел. Исследование направлено на расширение представления о механизмах создания напевного лирического произведения. Интегративный подход позволяет получить более глубокое понимание художественного текста. Результаты исследования могут быть использованы при анализе поэтических текстов на уроках литературы, при изучении фонетики на уроках русского языка.

Цели исследования: выделить и проанализировать просодические единицы и явления, реализующие напевность лирики Б.Л. Пастернака, участвующие в конструировании мелодики стихотворения «Волны», определить роль звука в создании художественного образа и передаче авторского замысла, исследовать взаимосвязи поэтической и музыкальной ткани на уровне метрически значимых звуковых элементов.

Задачи исследования: определить структуру звуковых элементов речи фрагмента стихотворения «Волны», их функцию в тексте; проанализировать звуковые сочетания в слоге, слове, синтагме, фразе и их роль в создании мелодичности, благозвучности, гармоничности и напевности поэтического текста; сделать выводы об их влиянии на семантику текста и эмоциональное восприятие; выявить способы конструирования поэтического текста на фонетическом и мелодико-ритмическом уровнях; проанализировать взаимосвязь лингвистических и музыкальных звуковых единиц; выявить значимость структуры синтагмы в напевности произведения, понимании художественного содержания текста и отражении идиостиля автора.

Роль звуковой организации поэтического текста была описана многими исследователями. В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский сформулировали основные характеристики звукосмысловой организации лирического произведения. А.К. Жолковский, Р.К. Потапова в своих трудах приводят параллели между речевой и музыкальной интонацией. Работы В.А. Масловой посвящены фонетическому аспекту стихотворного текста, особый акцент учёный делает на семантизации звуков в произведениях русских поэтов. Музыкальные концепты рассмотрены в русле трудов Е.А. Абызовой, С.М. Слонимского, Б.В. Асафьева, В.Н. Холоповой, Б.А. Каца, В.А. Хрущевой. Основные труды в отечественной лингвистике по фонологии, на которые опирается исследование, принадлежат таким учёным, как Б. Эйхенбаум, Л.Л. Касаткин, Р.И. Аванесов, Р.К. Потапова, М.В. Попова.

Термин «просодия» восходит к греческому слову, которое дословно обозначает – “сопровождающая пение”, “припев”. В Древней Греции этим термином называли соотношение текста и мелодии вокального произведения. В античных грамматиках просодическое исследование осуществлялось в векторе выявления мелодичности слога, его долготы и краткости, акцентных свойств, а также ритмических ударений. Радциг подчёркивал: «Особенностью просодии является частое совпадение ритмического ударения с речевым, особенно в конце стиха, что служит признаком изменения системы ударения в языке от музыкального к экспираторному и соответственно в стихосложении – от метрического к тоническому» [7, с. 506]. В XX веке просодическое учение развивается в рамках фонологических явлений: ударения, тона, интонации, количественного состава. Р.К. Потапова указывает на то, что просодия со временем стала обозначать «количества слога», «тонический акцент», «ударение» [6, с. 5]. В ряде исследований употребление терминов «просодия» и «интонация» как системы супрасегментных средств языка синонимичны. М.В. Попова делает вывод: «Наиболее поздние работы разграничивают данные понятия, основываясь на том, что супрасегментные средства в рамках интонирования могут быть применимы только к слогу, слову или фразе, в то время как элементы просодической супрасегментации могут быть применимы к фонетическим единицам любого уровня [4, с. 158]. Исследование фразовой интонации включало анализ изменения высоты тона. Немецкий фонетист В. Фиетор предложил членение речевого потока на синтагмы и ввёл уровни: низкий, средний и высокий. Учёный пишет: «Предполагается, что в основу такого подхода легла нотная грамота: нотный стан удобен для отражения изменения высоты тона, тактовые черты являются собой деление на речевые такты, а в качестве одного из способов описания мелодического контура В. Фиетор использовал ноты» [10, с. 3]. Таким образом, звук речи, слог и слово отождествляются в данном членении со звуком музыки, созвучиями.

Р.К. Потапова в своей работе отмечает, что просодия представляет «совокупность супрасегментных характеристик, характеризующих ту или иную фонетическую единицу (слог, фонетическое слово или

фразу)» [6, с. 8]. Учёный говорит о симбиозе просодии и интонации. Просодия определяется фонетической природой языка, а интонация определяет процесс речевого акта и интенцию говорящего.

Стихотворение «Волны» было написано в 1931 году и вошло в сборник «Второе рождение». Лирическое произведение состоит из семидесяти одной строфы. Основная тема стихотворения – это ожидание изменений, одиночество, повторяющиеся жизненные события. В данной статье предметом исследования фонетических единиц и явлений являются первые пять строф, которые раскрывают роль воспоминаний в осмысливании душевного состояния лирического героя, указывают на взаимосвязь прошлого и настоящего.

Гласные и согласные звуки, слоги, слова, синтагмы, фразы как метрически значимые звуковые элементы стихотворной речи создают чёткий ритм, композиционный строй текста. Благодаря структуре данных элементов, их выстроенности в поэтической ткани подчёркивается главный смысл всего лирического произведения. Л.Л. Касаткин отмечал: «Объединение сегментных единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря суперсегментным (или просодическим единицам), которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся слоговость / неслоговость, ударение и интонация» [2, с. 119].

В поэтическом тексте слог, включающий одну гласную, является образующим элементом стихотворной стопы, которая формирует ритм и мелодию произведения. В данном отрывке все пять строф имеют строгий рисунок по количеству слогов, не расширяющийся и не сокращённый ни в одной строке: каждая первая и третья строка соответствует количеству в 9 слогов, каждая вторая и четвёртая строка соответствует количеству в 8 слогов.

Здесь- бу-дет| всё|: пе-ре-жи-то-е|, 9 слогов

И то|, че-м я| е-ще жи-ву|, 8 слогов

Мо-и стре-мле-нья| и -у-сто-и|, 9 слогов

И- ви-де-нно-е| на-я-ву|. 8 слогов

Для поэтической ткани, пронизанной лейтмотивом волн, такое соотношение слогов усиливает значение движения природного явления вперёд и возвращения к исходной единице. В рассматриваемом произведении лексические единицы составляют однослоговые, двуслоговые и трёхслоговые слова. В количественном слоговом составе всего несколько лексических единиц в четыре и пять слогов: пе-ре-жи-то-е, ви-де-нно-е – в первой строфе именно эти слова являются акцентными, ключевыми во фразе, формируют главные смысловые категории, которые осмысливаются в последующих строфах в сравнении с морской волной. И два слова появляются в четвёртой строфе: сво-ра-чи-ва-ясь, ис-пы-та-нно-го, они состоят из пяти слогов, находятся в строчках, завершающих подробное сравнение переживаний лирического героя с волнами, а именно, с гребнем волн, самой высшей точкой волны. Таким образом, пятисложные слова становятся вершиной в пять ступеней, пять гласных звуков, закольцовывающих основную часть перед заключительной строфой. Обе пары слов одинаковые по структуре слогов: все слоги открытые, кроме конечного слога в слове сворачиваясь, закрытость последнего слога усиливает семантику звучания всего слова: замкнутость и образ круга, сцепления конечных точек: Гуртом, сворачиваясь в трубы. Каждое из этих слов содержит по слогу с сонорным согласным, что по системе Р.И. Аванесова представляет первый ранг звучности после звучания гласного: -ре-, -нно-, -ра-, -нно-. В порядке нахождения слов в тексте такие слоги в этих многосложных словах образуют чёткий рисунок, слоги со звуком [р] являются вторым в словах, слоги со звуком [н] – предпоследние в словах, они играют роль в интонационном движении, мелодике всего текста.

Для просодического анализа поэтического текста исследуется фонетическое слово, именно оно участвует в образовании слогового состава, отличающегося по долготе и краткости произношения. В словах, состоящих из нескольких слогов, центром является ударный слог, он характеризуется наибольшей силой и чёткостью произношения: Их тьма, шумят, в миноре. Обладающие меньшей силой безударные слоги примыкают к таким слогам: пережитое, испытанного. Фонетическое слово может совпадать с лексической единицей, а также может быть знаменательным словом с примыкающим к нему предшествующим или последующим словом, образуя одно фонетическое целое – отрезок речи, объединённый одним словесным ударением. Например: и-то; че-м я; е-щё-жи-ву; и-ус-то-и; и-ви-де-нно-е. Таким образом, при рассмотрении слоговой структуры фонетических слов, можно сделать следующий вывод: однослоговое слово расширяется до двуслогового, двуслоговое до трёхслогового и так далее; в нескольких случаях расширение происходит на два слога.

Состав фонетических явлений неразрывно связан с содержанием лирического произведения. Проследим роль звука в семантике исследуемого текста. В первой строфе звук [н] участвует в формировании ассоциации с природным явлением, вибрацией различных частот, повторяющимися пульсирующими звуками моря. При образовании этих носовых звуков мягкое нёбо опущено, воздух проходит через нос. Твёрдый сонор-

ный [н] повторяется четырежды: мною, волны, много, миноре; в слове немыслим мягкий [н'] усиливает семантику бесконечного количества волн. Четыре сонорных согласных в этом слове подчёркивает мелодичность звучания волн, усиливают напевность поэтической ткани.

Во второй строфе твёрдый сонорный [м] повторяется семь раз: Мною, моря, много, им, немыслим, тьма. Создаётся ощущение гудения, гула. В третьей строке появляется мягкий сонорный [м']: шумят, в миноре. При произнесении мягких согласных середина языка приподнимается, щель, через которую проходит воздух, сужается, а передняя часть языка придвигается к зубам. Согласные звучат более мягко и протяжно, при произнесении слогов с мягкими согласными в слове создаётся небольшая пауза, за счёт чего формируется напевность.

Звуки над поверхностью моря, которые возникают из-за вихреобразования за волновыми гребнями при воздействии на них сильного ветра, у Пастернака шумят в миноре. Шум моря создаётся благодаря согласным [с]-[ш]-[щ]-[ф]-[т]-[ч], возникают ассоциации с пенящейся водой: немыслим, тьма, шумят, счет, вафли, печёт, весь, исшмыган, небосвод, сворачиваясь, гребешки, весь, числа, смысл, досель, ещё, сменою. Два слова содержат сочетание звуков [ст]: пустил, поступки; четыре слова содержат в своём составе звуки [с] и [т]: скотом, тоски, испытанного, сметы – на слух длительный, глухой, шумный, относящийся к группе сви-стящих звуков [с] и глухой, шумный, мгновенный звук [т] участвуют в формировании пульсирующего зву-чащего под водой и над поверхностью моря грохота, как составляющего голоса моря.

В последней строке рядом два находящихся слова с одинаковым сочетанием согласного звука и ударного гласного звука [п’э] и чередующимся по мягкости / твердости согласным [н’ / н] усиливают семантику песни моря: Как пенье моря пеной волн. Само пение складывается из сменяющих друг друга звуков моря и отдельно звуков пены волн: Но все их сменою одето. Слово пенье распространяет семантическое звучание на слове пена, становясь контекстуальным синонимом: пена наделяется способностью петь. Сменяю-щийся мягкий [н’] в этих словах на твёрдый [н] подчёркивает долготу звучания моря, замыкающегося вспенившейся на поверхности волн. Звук тянется со дна морской пучины и стремится к крайней точке этой волны, в свою очередь линейно двигающейся к берегу, то есть голос моря тянется, формируется из глубины на поверхность и имеет стремление донестись до лирического героя.

Ощущение полнообразности движения подчёркивается ассоансным рисунком [э-о] – [э-о]: пенье моря, пеной волн. Рифма второй и четвёртой строки раскрывает значение до конца не понятых лирическим героям всех сложившихся обстоятельств, движений душевного состояния, сменяющихся выводов и наблюдений, раскачивающихся в разные стороны: Их смысл досель ещё не полн / – волн.

На протяжении всего анализируемого нами поэтического текста местоимение их повторяется семь раз. Этот звук создаёт звуки волны, соприкоснувшейся с берегом, с песком, мелкой галькой. Камни начинают движение, ударяясь друг об друга, направляясь то в сторону берега, то возвращаясь в морскую пучину: Во второй, третьей и пятой строфе слово их находится в сочетании со словом тьма, в контексте обозначающе-го множество, бесчисленное количество волн, их звучания, шипения, движения: Их тьма. Они шумят в ми-норе //; Их тьма, их выгнал небосвод //; Их тьма, им нет числа и сметы //. Конструкции всех трёх примеров идентичны, следующее за ним предложение начинается с местоимения, предложение или вторая часть предложения простые, нераспространённые.

Морской гул на протяжении всего текста создаётся также за счёт пульсирующих звуков, ассоансных цепочек: звук [о]: всё, пережитое, то, устои, передо мною волны моря, много, счёт, в миноре, прибой, печёт, как скотом, небосвод, он, гуртом, лёг, за горкой, на живот, разгон. Во второй строфе в первой строке и в четвёртой строфе в последней строке [о] ударный во всех словах: Передо мною волны моря// И лёг за горкой на жи-вот //. Здесь границы описания чувств волн очерчиваются, закольцовываются тянувшимся ассоансным зву-ком, волна размышлений как бы достигает границ берега и готовится к возвращению в глубь моря.

После этой строки появляется новый образ, поступки сравниваются со свёрнутыми в трубки гребнями волн, то есть верхней частью волны наибольшей высоты – в этой точке происходит наибольшее возрастание уровня воды. Начиная от третьей строки третьей строфы и до последней строки четвёртой строфы наблюдается плотная сгущенность сонорного [р], проявляющаяся только в данном отрывке: гуртом, за гор-кой, гуртом, сворачиваясь, в трубки, разгон, гребешки. Дрожащий, твёрдый согласный звук [р] характери-зуется преобладанием тона – гармонически звуковых колебаний, а не шума – негармонических звуковых колебаний. В последнем слове [р’] удлиняется в звучании за счёт мягкого варианта, слово гребешки состо-ит из трёх слогов с тремя мягкими согласными, оно является рифмообразующим, все эти условия создают напевность и плавность мелодического оборота в конце строки. В пятой строфе сонорный [р] отсутствует, что формирует переход к заключительной части первого отрывка многочастного стихотворения и смену тональности звучания.

Материалы и методы исследований

Для исследования фонетических, ритмо-рифмологических параметров напевности лирики поэта применялись следующие методы: изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Для выявления параллели между звуком, слогом, тактом в поэтической и музикальной ткани текста применялись методы статистического, фонетического и семантического анализа, а также метод выборки просодически значимых единиц и явлений. Ведущим методом исследования стал сравнительный метод, позволяющий проследить пересечения и совпадения лингвистических законов. Композиционные принципы и фонические эффекты рассматривались с использованием структурно-системного подхода. Методологической основой исследования является принцип генетической непроизвольности, мотивированности языкового знака.

Результаты и обсуждения

Исследование слогового состава фрагмента стихотворения «Волны» Б.Л. Пастернака в рамках теории слоговой звучности Р.И. Аванесова приводит к выводам о значимости сопоставления слогов в пределах такта и всей строфы, о возможности сопряжения с музыкальными тактами, обладающими общими категориями ударности и неударности, долготы и краткости звучания слогов.

Р.И. Аванесов рассматривал слог как волну сонорности, звучности. «В слоге группируются звуки, обладающие разной степенью звучности. Наиболее звучный – слоговой звук, остальные звуки – неслоговые» [1, с. 37]. По степени звучности по этой классификации различаются: гласные – 4; звонкие сонорные согласные – 3, звонкие шумные согласные – 2, глухие согласные – 1, пауза – 0. Количество пиков, вершин сонорности соответствует количеству слогов.

Проследим в исследуемом фрагменте степень звучности слогов. Первая строфа:

2241-24-241| 114| 14-34-24-14-34|
4-14| 143-34| 34-14-24-24|
34-4-1134-334-334| 4-4-114-4|
4-24-24-34-34| 34-34-24.

От первой к последующим строкам наблюдается увеличение сонорных слогов, что способствует созданию образа волн. Всего в строфе 13 слогов с сонорным звуком. Вершина сонорности находится на центр строк. Слог с сонорным согласным звуком имеет наибольшую протяжность в звучании и, следовательно, реализует напевность.

Во второй строфе сонорные звуки распределяются по всей ткани первых трёх строк, в которых изображается море. Всего в строфе 20 слогов с сонорным звуком. Рисунок резко меняется в четвёртой строке, наблюдается сгущение слогов с глухими согласными. Это свидетельствует о смене образа: волны достигают горячего берега.

В третьей строфе сонорные сочетания распределяются по ткани всех четырёх строк равномерно в начале и к концу строки. Всего в строфе 15 слогов с сонорным звуком. Именно в этой строфе семантическое наполнение слова небосвод перекликается с семантическим содержанием лексем, обозначающих море. Отражение неба в море, слияние двух стихий отражено в слоговых сочетаниях, размеренно чередующихся по звучности слогах.

В четвёртой строфе сонорные сочетания в центре каждой строки обрамляются сочетаниями глухих согласных с гласными. Всего в строфе 12 слогов с сонорным звуком. Во всех строках последний слог по составу: глухой согласный + глухой согласный + гласный, все предпоследние слоги оканчиваются на гласный. Такое идентичное окончание строк усиливает главные образы строфы: трубы, о которых сказано в первой строке, и гребешки волн, появляющиеся в конце четвёртой строки, которые тоже похожи по виду на трубы.

Пятая строфа:

41-134| 43- 341- 14-134| 4-134-14|
41-13413| 24-143| 34-14- 34-1433|
34-114- 41| 134-34-34| 4-24-14|
141- 14-334| 34-34| 14-343- 2433|.

В заключительной строфе мы наблюдаем 19 слогов с сонорным согласным. Сочетания сонорного и гласного в данной строфе отличается увеличенным количественным составом и в каждой строке обрамляющими сочетаниями глухих согласных с гласными. В этой строфе появляется слог, состоящий из пяти звуков. В пятой строфе говорится о бесконечности волн, морские образы увеличиваются в размерах и количестве, звучность строк растёт пропорционально объёмам изображаемой картины мира лирического героя.

Безударные, предударные и ударные слоги формируют систему повышения и понижения интонации, влияют на интенсивность произношения. По количеству ударных и неударных слогов в строке наблюдается

чредование трёх и четырёх ударных единиц. Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, стопа двухсложная, с ударением на втором слоге.

Количество сонорных согласных в строке оказывает влияние на формирование мелодики текста, его напевности: в 1 и 4 строфе – по 15 единиц, во 2 и 5 строфе – по 24 единицы, 3 строфа – 18 единиц. Таким образом, сонорность в пределах данного отрывка представляет рисунок волнообразного увеличения, симметричности: 15-24-18-15-24.

У сонорных звуков и звуков с повышенной напряжённостью есть общая черта: они обладают большей силой, интенсивностью, которая проявляется в увеличении амплитуды колебания. Динамическая теория слога основана на учёте этого акустического признака слоговых и неслоговых звуков. Группа интервокальных согласных относится к следующему гласному, если она состоит из шумных или сонорных согласных, так начало слога строится по принципу восходящей звучности.

Ударные звуки, количество слогов, линейная последовательность слогов, модель самого слога формируют напевность данного отрывка. Особенность начальных слогов первых слов каждой строки заключается в открытом слоге: согласный и гласный, данная модель сменяется в девяти строках начальным слогом с гласным [и]. И только в одной строке закрытый слог -он-, который в третьей строке третьей строфы вступает в перекличку с третьей строкой пятой строфы с начальным зеркально отражённым слогом -но-. Он в тексте – это небосвод, открытый взору лирического героя, небесное пространство, ничем не загромождённое над морем. Его не видно только за горой, находящейся в другой от моря плоскости, гора как символ размышлений, по концентрации возросших до неба. Небосвод привносит новые смыслы: волны достигают объёмов облаков, пучина умножается в критериях пышности, белизна морской пены, а также привносится значение отражения облаков в воде, оживающих в виде гребней морской волны.

Речевой тakt в поэтическом тексте представляет собой часть фразы, нескольких слов, произнесённых без пауз; в такте содержится одно самое значимое слово, выделяемое повышением, понижением или усиливанием голоса. Речевой тakt отделяется друг от друга короткими паузами. Каждая строка исследуемого отрывка стихотворения «Волны» состоит из нескольких речевых тактов:

Здесь будет всё|: пережитое|, 9 слогов

И то|, чем я| ещё живу|, 8 слогов

Мои стремле-нья| и устои|, 9 слогов

И виденное| ная-ву|. 8 слогов

Строфы произведения состоят из четырёх фраз, каждая из которых состоит из одного или двух-трёх слов, объединённых общей интонацией и значением: Здесь будет всё//: пережитое, И то, чем я еще живу//, Мои стремле-нья и устои//, И виденное ная-ву//. Во всех строфах, кроме первой, фраза совпадает с границами строки, это связано с синтаксическим построением первой строфы: после обобщающего слова всё на первой строке начинается перечисление, однородные члены образуют интонационный рисунок с восходяще-нисходящей интонацией от первой к четвёртой строке.

Проследим на примере данного фрагмента стихотворения Б.Л. Пастернака сопряжение поэтического текста с музыкой. Лирическая тема стихотворения развивается по тождественным законам музыкальной композиции: повторы слов, фраз, строф, усиливающие эмоциональность высказываний, создающие нарастание лирического напряжения. Структуры тактов, фразы, группы фраз, предложений при подробном анализе сближаются со структурой музыкальных тождественных единиц.

На примере строфы исследуемого фрагмента представлено возможное соотношение слогов и долей, поэтических и музыкальных тактов. Односложные слова, а также слоги акцентных слов сопоставлены с более длительным звуком – ♫, ♫:

Здесь- бу-дет ♫ ♫ ♫| всё ♫: пе-ре-жи-то-е|♫ ♫ ♫|, 9 слогов

И то, ♫ ♫| че-м- я| ♫ ♫| е-ше жи-ву|♫ ♫ ♫|, 8 слогов

Мо-и стре-мле-нья| ♫ ♫ ♫| и -у-сто-и|♫ ♫ ♫|, 9 слогов

И- ви-де-нно-е| ♫ ♫ ♫| на-я- ву|. ♫ ♫ ♫ 8 слогов

Особенность последней строки заключается в повторении звуков в центре строки (најэ – најэ), такой приём создаёт устойчивость звучания на одной высоте, часть такта эхом повторяется в следующем такте, отождествляется с одинаковым выбранным звуком в музыкальной фразе [3, с. 476]. Фраза в поэтическом тексте рассматривается как фонетическая единица. Профессор Л.Л. Касаткин подчёркивает, что фраза обу-

словлена смыслом, значением, «наличие оттенков значения отражается на допустимых колебаниях в членении речевого потока». «Фраза и речевой тakt выделяются ритмико-интонационными средствами» [2, с. 190].

Данный фрагмент стихотворения «Волны» соответствует типам изложения музыкальной формы: экспозиционный тип – начальное изложение, что соответствует содержанию первой строфы, показ темы содержится во второй строфе, развивающий тип – от второй до четвёртой строфы, заключительный тип – кода равна кульминации образа состояния лирического героя в пятой строфе [9, с. 28]. В музыке лейтгармония – это характерная гармоническая последовательность, ассоциирующаяся с персонажем или событием. Другими словами, это ведущее звучание в музыкальном произведении, звуки [о] – [м], в слогах анализируемого текста насчитываются по 25 раз, приведённый фонетический анализ стихотворения позволяет рассматривать их составляющими лейтгармонии поэтической ткани.

Давид Самойлов в своей «Книге о русской рифме» писал: «Рифма Пастернака никем не превзойдена. Ритмикой своей он нескованно обогатил русскую поэзию. Фонетика его – изумительна. И самое ценное – это гармония всех элементов стиха, благодаря которой всё звучание и все движение стиха идеально соответствует, так сказать, объекту выражения. То есть, другими словами, – цели, авторскому смыслу» [8, с. 82].

Выводы

Такие метрически значимые звуковые элементы стихотворной речи, как гласные и согласные звуки, слоги, слова, синтагмы, фразы, создают чёткий ритм, композиционный строй поэтического текста. Благодаря структуре данных элементов, их выстроенности в поэтической ткани подчёркивается главный смысл всего лирического произведения. Данные элементы обозначают переходы, интервалы, остановки речи, что формирует напевность, мелодику звучащих строк.

На примере фрагмента стихотворения «Волны» Б.Л. Пастернака исследованы просодические процессы и роль звука в семантике высказываний, описаны параметры напевности звуков в поэтическом тексте, которые реализуются в звукописи, в использовании ассоциативных и аллитерирующих звуковых линий.

По итогам исследовательской работы мы пришли к следующим существенным методическим выводам: мелодичность стихов, их благозвучность, гармоничность и напевность достигается выбором поэта звуковых сочетаний в слоге, слове, синтагме, фразе. Данный фонетический приём, создающий мелодику стихотворения, создаёт песенный строй.

В исследуемом фрагменте стихотворения мы увидели частоту употребления следующих фонетических единиц и явлений: обилие сонорных звуков в пределах такта, фразы и строфы; повторение тактов, создающих циклическую структуру и ритмическую устойчивость. Рифмо-ритмический строй речи Б.Л. Пастернака раскрывает лирические образы произведения. Фонетические линии отличаются многослойностью, написыванием одного целого с параллельными рисунками, это отчётливо видно при рассмотрении каждого слога, при этом сохраняется единство и логичность описываемой картины мира и душевного состояния лирического героя.

Фрагменту стихотворения Б.Л. Пастернака «Волны» свойственно выделение ритмической единицы, закономерно проводимое на всём протяжении ритмического движения, удлинение последнего слога, понижение интонации. Лирическое произведение характеризуется нарастающей мелодикой, которая достигает апогея в четвертой строфе, а затем постепенно спадает к кадансу. Он представляет собой гармонический, мелодический оборот, который завершает построение всего текста и придаёт ему цельность.

Слогораздел поэтического текста Пастернака связан со стихотворной фразой, фонетические слова по составу симметричны, играют роль в создании авторской картины мира. Проведённый лингвистический анализ позволяет говорить о том, что звуковое оформление поэтического текста играет важную роль в раскрытии смысла всего произведения и в формировании напевности. Индивидуально-авторские приемы фонетического строя отражают интермедиальные основы создания поэтического текста.

Список источников

1. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Московский университет, 1956. 240 с.
2. Касаткин Л.Л. Фонетика современного литературного языка. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2003. 224 с.
3. Кац Б.А. Музыкальные ключи к русской литературе: статьи и очерки. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. 590 с.
4. Попова М.В. Сравнительный анализ понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в лингвистике // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 150 – 160.
5. Потапова Р.К. Просодические характеристики макросегментации слитной речи. Экспериментальная фонетика. Автоматическое распознавание и синтез речи. М.: Изд-во МГУ, 1989. 174 с.

6. Потапова Р.К. Функционально-речевая специфика просодии и семантики // Речевые технологии. 2014. Вып. 1-2. С. 3 – 21.
7. Радциг С.И. История древнегреческой литературы: учебник для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1982. С. 505 – 506.
8. Самойлов Д.А. Книга о русской рифме: 3-е изд. М.: Время, 2005. 400 с.
9. Хрущева В.А. Взаимодействие музыки и литературы в творчестве П. Булеза, Л. Берио, Дж. Джойса: дис. ... канд. искусствовед. наук: 17.00.02. СПб, 2014. 233 с.
10. Viëtor W. Elemente der Phonetik und Orthoepie des Deutschen, Englischen und Französischen. Leipzig: Nabu Press, 2011. 23 p.

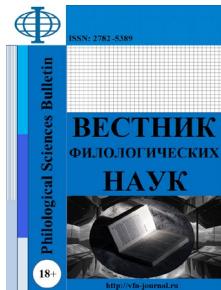
References

1. Avanesov R.I. Phonetics of the modern Russian literary language. Moscow: Moscow University, 1956. 240 p.
2. Kasatkin L.L. Phonetics of the modern literary language. Moscow: Publishing house of Moscow University, 2003. 224 p.
3. Kats B.A. Musical keys to Russian literature: articles and essays. St. Petersburg: Publishing house of the European University at St. Petersburg, 2024. 590 p.
4. Popova M.V. Comparative analysis of the concepts of "prosody", "intonation" and related special terms in linguistics. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. Iss. 11 (853). P. 150 – 160.
5. Potapova R.K. Prosodic characteristics of continuous speech macrosegmentation. Experimental phonetics. Automatic speech recognition and synthesis. Moscow: Moscow State University Press, 1989. 174 p.
6. Potapova R.K. Functional and speech specificity of prosody and semantics. Speech technologies. 2014. Iss. 1-2. P. 3 – 21.
7. Radtsig S.I. History of ancient Greek literature: a textbook for philological specialties of universities. Moscow: Higher School, 1982. P. 505 – 506.
8. Samoilov D.A. Book on Russian rhyme: 3rd ed. Moscow: Time, 2005. 400 p.
9. Khrushcheva V.A. The Interaction of Music and Literature in the Works of P. Boulez, L. Berio, J. Joyce: dis. ... cand. art history. sciences: 17.00.02. St. Petersburg, 2014. 233 p.
10. Viëtor W. Elements of Phonetics and Orthophone of German, English and French. Leipzig: Nabu Press, 2011. 23 p.

Информация об авторах

Забиран Р.В., преподаватель, Московский государственный колледж музыкального исполнительства имени Ф. Шопена, rai_zabiran@mail.ru

© Забиран Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 811.111'42+81'276.6

¹ Зиатдинова А.М., ² Иванова А.В.

¹ Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

² Бюро переводов «Аристей»

Лексико-стилистические особенности англоязычных фэшн-блогов

Аннотация: данная статья посвящена анализу фэшн-блогов в английской лингвокультуре и выявлению их лингвокультурных и дискурсивных особенностей. Лингвокультура и дискурс представляют собой взаимосвязанные феномены, где язык выступает как инструмент трансляции культурных норм, ценностей и мировоззренческих установок. В контексте фэшн-дискурса это проявляется через специфическую лексику, профессиональные термины и культурные коннотации, формирующие уникальную семиотическую систему. Фэшн-дискурс обладает ярко выраженной институциональной природой, сочетая элементы профессионального и массового общения. Его ключевые характеристики включают специализированную терминологию, экспрессивно-оценочные средства, культурные коды и интертекстуальность, что делает его сложным и многогранным объектом исследования. Исследование специфики современной медиакоммуникации представляется значимым не только для лингвокультурологии, теории дискурса и межкультурной коммуникации, но и для практической деятельности переводчиков, контент-менеджеров и специалистов в области медиа и PR, занимающихся созданием и адаптацией фэшн-контента для различных языковых и культурных сред. Таким образом, фэшн-блоги являются значимым объектом лингвокультурного и дискурсивного анализа, отражая особенности взаимодействия языка, культуры и общества в цифровую эпоху.

Ключевые слова: блогосфера, фэшн-блог, дискурс моды, специальная лексика, лексико-стилистические особенности, английский язык

Для цитирования: Зиатдинова А.М., Иванова А.В. Лексико-стилистические особенности англоязычных фэшн-блогов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 152 – 159.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Ziatdinova A.M., ² Ivanova A.V.

¹ Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
² Translation Agency "Aristey"

Lexical and stylistic features of English-language fashion blogs

Abstract: this article is devoted to the analysis of fashion blogs in the English linguaculture and the identification of their linguacultural and discursive features. Linguistic culture and discourse are interconnected phenomena, where language acts as a tool for transmitting cultural norms, values and worldviews. In the context of fashion discourse, this is manifested through specific vocabulary, professional terms and cultural connotations that form a unique semiotic system. Fashion discourse has a pronounced institutional nature, combining elements of professional and mass communication. Its key characteristics include specialized terminology, expressive and evaluative means, cultural codes and intertextuality, which makes it a complex and multifaceted object of research. The study of the specifics of modern media communication seems to be significant not only for linguacultural studies, discourse theory and intercultural communication, but also for the practical activities of translators, content managers and other professionals in the field of media and PR.

ers and media and PR specialists involved in the creation and adaptation of fashion content for various linguistic and cultural environments. Thus, fashion blogs are a significant object of linguacultural and discursive analysis, reflecting the specifics of the interaction of language, culture and society in the digital age.

Keywords: blogosphere, fashion blog, fashion discourse, special vocabulary, lexical and stylistic features, the English language

For citation: Ziatdinova A.M., Ivanova A.V. Lexical and stylistic features of English-language fashion blogs. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 152 – 159.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий фэшн-блоги стали значимым явлением современной медиакоммуникации, играя ключевую роль в формировании трендов моды, потребительских предпочтений и стиля жизни. Они представляют собой уникальную платформу, где переплетаются язык, культура и визуальные элементы, отражая особенности лингвокультурного сознания различных сообществ.

В современной отечественной лингвистике мода стала объектом системного изучения сравнительно недавно – на рубеже XX-XXI веков. На сегодняшний день существует ряд исследований, посвященных блогосфере и фэшн-дискурсу. Среди отечественных лингвистов, исследующих данные вопросы (не только на материале русского языка), можно выделить труды Дедюхиной А.Г. и Дедюхина А.А. [4], Алюниной Ю.М. [1], Елькина В.В. и Мельниковой Е.Н. [6], Ерпиловой Е.И. [5], Тригуб Л.Г. [12], Хунаговой А.Р [15] и др. Различия в стилистических предпочтениях, культурных ценностях и коммуникативных нормах подчеркивают необходимость комплексного изучения фэшн-блогов как лингвокультурного феномена.

Англоязычные фэшн-блоги представляют собой динамичный жанр, сочетающий элементы журналистики, маркетинга, личного повествования и культурного дискурса. Они служат не только источником информации о модных трендах, но и платформой для самовыражения, продвижения идей устойчивой моды и диалога с аудиторией. Лексико-стилистические особенности этих текстов обусловлены необходимостью привлекать внимание, создавать визуальные образы, подчеркивать экспертизу и поддерживать эмоциональную связь с читателями. В связи с этим проведенное исследование было направлено на анализ фэшн-блогов в английской лингвокультуре. Была поставлена задача выявить и описать лексико-стилистические, лингвокультурные и дискурсивные особенности фэшн-дискурса.

Фэшн-дискурс представляет собой специфическую коммуникативную практику, детерминированную культурной парадигмой общества, которая понимается как «культурный код, определяющий мировосприятие, мышление и поведение людей; ведущий способ бытия, языка и материального мира» [3], а также стилевой системой, трактуемой как «тип организации субъектности в рамках данного культурного целого» [13].

В узком смысле под фэшн-дискурсом подразумеваются тексты, непосредственно связанные с модной индустрией: описания одежды и внешности, рекомендации по созданию образа, советы по стилю. Как отмечает Легкая М.С., это продукт сознательной деятельности представителей фэшн-сообществ [10]. Таким образом, фэшн-дискурс можно определить, как специализированную форму коммуникации, объединяющую профессиональную терминологию модной индустрии, экспрессивно-оценочные языковые средства, культурно обусловленные коды и символы, специфические коммуникативные стратегии.

Данный тип дискурса характеризуется высокой степенью интертекстуальности и междисциплинарности, что отражает сложную природу самой моды как социокультурного феномена. Эта междисциплинарная природа дискурса моды делает его уникальным объектом научного исследования. В лингвистическом аспекте особый интерес представляют коммуникативная и семиотическая составляющие моды, при этом основное внимание исследователей сосредоточено на вербальном компоненте дискурса моды.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты фэшн-блогов на английском языке. Был проведен анализ лексики и стиля англоязычных фэшн-блогов, посвященных теме мода. В зависимости от используемого канала коммуникации принято различать устную и письменную разновидности дискурса моды. Письменная форма включает как традиционные печатные тексты (модные журналы, книги, статьи), так и современные цифровые форматы (блоги, посты в социальных сетях). Устная разновидность подразделяется на непосредственное общение (например, на показах или в магазинах) и опосредованные формы (видеоподкасты,

интервью). В рамках данного исследования основное внимание уделяется анализу печатных текстов (блогов) как наиболее репрезентативному материалу.

Феномен фэшн-блогов, на наш взгляд, следует рассматривать именно как особый тип дискурса, а не как жанр или стиль. Это принципиально важный методологический выбор, поскольку понятие дискурса охватывает не только лингвистические характеристики текстов, но и весь комплекс экстралингвистических факторов, формирующих уникальную атмосферу модных блогов. Дискурсивный анализ позволяет учесть множество взаимосвязанных элементов: личность и профессиональный бэкграунд самого блогера, его интересы и кругозор, особенности создаваемого контента, систему ссылок и цитирований, структуру постов, а также специфические языковые и стилистические средства.

Такой комплексный подход особенно важен, потому что фэшн-блогинг представляет собой динамически развивающуюся систему коммуникации, где речевые и визуальные элементы образуют сложное семиотическое единство. Именно дискурсивная перспектива позволяет раскрыть истинную природу этого явления как особой формы социальной практики, в которой переплетаются коммерческие, культурные и социальные аспекты современной модной индустрии. В этом смысле фэшн-блоги создают новый язык модной коммуникации, выходящий далеко за рамки простого описания одежды и аксессуаров.

Дискурсивный анализ фэшн-блогов позволяет рассматривать их как сложное коммуникативное явление, полностью соответствующее определению дискурса как «речи, погруженной в жизнь» [11]. Как справедливо отмечают Ю.Н. Карапулов и В.В. Петров во вступительной статье к работе Т. ван Дейка, дискурс представляет собой многомерное явление, включающее не только сам текст, но и весь комплекс экстралингвистических факторов – фоновые знания о мире, мнения, установки и коммуникативные цели автора, которые необходимы для адекватного понимания текста [9].

Этот подход особенно продуктивен при анализе фэшн-блогов, поскольку:

1. позволяет учитывать не только вербальные, но и визуальные компоненты (фотографии, видеоконтент, инфографику), которые являются неотъемлемой частью дискурса моды;
2. даёт возможность исследовать механизмы влияния блогеров на аудиторию через систему имплицитных ценностей, эстетических предпочтений и поведенческих моделей, транслируемых в блогах;
3. учитывает социальный контекст и институциональные особенности модной индустрии, которые определяют специфику фэшн-дискурса;
4. позволяет анализировать когнитивные аспекты восприятия модного контента, включая механизмы формирования вкусов и потребительских предпочтений.

Таким образом, дискурсивная парадигма предоставляет наиболее адекватный методологический инструментарий для комплексного изучения фэшн-блогов как динамического социокультурного феномена современной цифровой эпохи.

При анализе блогов особое внимание следует уделять особенностям их содержания. Современные исследования выделяют четыре основных вида блогов по характеру контента: во-первых, контентные блоги, содержащие оригинальные авторские заметки и посты; во-вторых, мониторинговые блоги, которые преимущественно состоят из ссылок на внешние ресурсы с комментариями автора; в-третьих, цитатные блоги, построенные на механизме перепостов материалов из других блогов; в-четвёртых, так называемые сплоги (спам-блоги), где контент генерируется автоматически через RSS-ленты и агрегацию чужих публикаций с целью попадания в топ поисковых систем [2].

Что касается технической организации, блоги принято разделять на две основные категории: самостоятельные (stand-alone blogs), функционирующие на собственной платформе с доменом второго уровня, и блоги, размещённые на специализированных платформах, использующие домены третьего уровня. Последний вариант не требует значительных временных и финансовых затрат на техническое обслуживание, предлагая пользователям широкий выбор готовых шаблонов и дизайнерских решений. При этом самостоятельные блоги, требующие профессионального подхода к разработке и поддержке, остаются прерогативой коммерчески успешных блогеров [14].

Особое место в блогосфере занимают влиятельные авторы [7], обладающие значительным медийным весом. Их отличительными характеристиками являются многочисленная армия постоянных подписчиков (фолловеров), устойчивая репутация среди читательской аудитории и деловых кругов, а также активное сотрудничество с рекламодателями, бизнес-структурами, политическими деятелями и представителями культурной элиты. Последние особенно ценят таких блогеров как эффективный канал продвижения различных проектов – от коммерческих брендов и печатных изданий до театральных постановок и кинопродукции. Подобное взаимодействие превращает успешных блогеров в важных участников современного медиапространства, выполняющих роль связующего звена между бизнесом, культурой и массовой аудиторией.

Также при анализе фэшн-блога ключевым элементом выступает сам блогер как центральная фигура этого коммуникативного пространства. В современной блогосфере можно выделить два основных типа фэшн-блогеров, различающихся по содержанию и формату их деятельности. Первый тип представлен авторами, сосредоточенными преимущественно на описании модных тенденций в одежде и аксессуарах. Их контент включает обзоры коллекций, впечатления от шопинг-туров по торговым центрам, а также демонстрацию собственных образов с подробными комментариями о сочетании предметов гардероба. Такие блогеры, как Сьюзан Баббл [17] или Брайан Бой [16], обычно ведут свои дневники на популярных платформах типа blogspot.ru или lifejournal.com, что подчеркивает камерный и личностный характер их блогов.

Второй тип фэшн-блогеров отличается более профессиональным подходом к созданию контента. Помимо стандартных обзоров модных новинок, они публикуют репортажи с пресс-туров и модных показов, анонсируют конкурсы известных брендов, размещают аналитические материалы о тенденциях индустрии. Такие авторы часто предпочитают самостоятельные платформы с доменами второго уровня, что позволяет им трансформировать блог в полноценный модный портал, по качеству контента сопоставимый с интернет-версиями авторитетных глянцевых изданий.

Выбор платформы и формата ведения блога обусловлен не только финансовыми возможностями автора, но и его коммуникативной стратегией. Блогеры первого типа делают акцент на создании доверительных отношений с аудиторией, позиционируя себя как близких, душевных советчиков по стилю. Авторы второго типа, сохранив эксперть и связи в профессиональной среде, одновременно стремятся оставаться доступными для широкой аудитории, что отражает дуальную природу фэшн-дискурса, балансирующего между элитарностью и демократичностью. Именно эта особенность делает фэшн-блогинг уникальным явлением на стыке профессиональной модной критики и массовой культуры потребления.

Результаты и обсуждения

Фэшн-блог представляет собой специализированную форму интернет-дневника, посвящённого вопросам моды, стиля и одежды с акцентом на их смысловое наполнение. Однако его функциональное назначение выходит за рамки простого информирования и включает также следующее:

1. формирование стиля жизни (lifestyle) – блогеры целенаправленно конструируют определённый образ жизни, предлагая подписчикам (фолловерам) комплексную поведенческую модель;
2. скрытый маркетинг – контент стратегически ориентирован на продвижение: конкретных брендов одежды и аксессуаров, определённых розничных сетей, туристических направлений, музыкальных направлений, литературных произведений, культурных мероприятий;
3. потребительское программирование – через механизмы мягкого влияния блогеры формируют у аудитории устойчивые ассоциативные связи между демонстрируемым образом жизни и конкретными коммерческими предложениями [2].

Блоги, посвященные моде, представляют собой уникальное явление современной цифровой культуры, основу контента которых составляют специализированные публикации о последних тенденциях модной индустрии. Типичная публикация в таком блоге включает обзоры актуальных событий мира моды, репортажи с международных недель моды (fashion weeks), сезонные рекомендации по стилю, а также авторские образы (looks), где детально описываются использованные бренды одежды и аксессуаров, места покупок, ценовые диапазоны и принципы сочетания вещей. Особое значение имеет то, как блогеры объясняют логику создания своих образов, что превращает каждую публикацию в своеобразное руководство по стилю.

Англоязычные фэшн-блоги изобилуют специальной лексикой, связанной с индустрией моды, что подчеркивает эксперть автора и создает ощущение принадлежности к сообществу моды. Такие лексемы, как silhouette, palette, texture, bespoke, curated, runway-ready, haute couture, athleisure, statement piece и editorial, часто используются для описания дизайна, стиля и производства одежды. Эта лексика выполняет двойную функцию: она демонстрирует профессионализм и создает впечатление «знающего» человека.

В разделе о “Quiet luxury” в публикации “12 Fashion Trends” сказано: “Quiet luxury is about elegance that doesn’t scream for attention. This trend focuses on high-quality fabrics and timeless designs” (Тихая роскошь – это элегантность, не привлекающая к себе внимания. Этот тренд делает акцент на высококачественных тканях и вневременном дизайне). Специальные словосочетания quiet luxury и timeless designs отражают профессиональный подход к описанию стиля, подчеркивая утонченность и долговечность.

“Your Guide to the Chicest Swim” описывает тренды купальников: Metallic swimsuits, colorblock designs, and rosette-embellished pieces (Металлические купальники, дизайны с цветными блоками и изделия с украшениями в виде розеток). Термины colorblock, rosette, embellished являются частью дискурса моды и указывают на конкретные элементы дизайна. Такие словосочетания как balconette bikini и cutout one-piece

(бикини-балконет и цельный купальник с вырезами) упоминаются в The Hot Sandal Trends. Употребление данной лексики демонстрирует знание специфических стилей.

Многие фэшн-блоги продвигают концепцию минимализма и капсульного гардероба, что отражается в лексике, связанной с универсальностью, практичностью и устойчивой модой (sustainable fashion). Например, описание белого платья в публикации “12 Fashion Trends” выражено с помощью прилагательных *versatile* and *timeless* (универсальное и вневременное), что соответствует принципам минимализма и устойчивой моды. В блоге TZR “12 Fashion Trends That Will Dominate This Year” описывается капсульный гардероб: *A plain white short-sleeve t-shirt, a pair of classic blue, loose-fitting jeans, a tailored black blazer* (Простая белая футболка с короткими рукавами, пара классических синих свободных джинсов, приталенный черный блейзер). Лексемы *classic*, *tailored* и *plain* подчеркивают минималистичную эстетику образа. С ростом интереса к экологичности англоязычные фэшн-блоги активно используют термины, связанные с этим явлением: *sustainable*, *ethical*, *pre-loved*, *circular*, *eco-friendly*, *transparent*, *slow fashion*, *regenerative*, *upcycled* и *zero-waste*. Данные слова отражают ценности современной аудитории, особенно поколения Z, которое ценит осознанное потребление.

В публикации “Sustainable Fashion Predictions For 2025” сказано: *Authenticity and transparency are more important than ever, as shoppers are more selective and increasingly sceptical of greenwashing* (Подлинность и прозрачность сейчас важнее, чем когда-либо, поскольку покупатели стали более избирательными и все более скептически относятся к «зеленому камуфляжу»). Такой выбор лексем, как *authenticity*, *transparency* и *greenwashing* подчеркивают важность честности. В разделе о свадьбах написано следующее: *Choosing an independent, local shop helps to support the local economy, and also supports local garment makers too* (Выбор независимого местного магазина помогает поддержать местную экономику, а также местных производителей одежды), где *local* и *sustainable* акцентируют экологический аспект.

Данные примеры показывают, что использование профессиональной лексики укрепляет доверие к автору, подчеркивает его компетентность и помогает читателю ориентироваться в модных трендах. Однако довольно часто специальная лексика объясняется или контекстуализируется, чтобы быть понятной широкой аудитории.

В англоязычных фэшн-блогах активно используется эмоционально окрашенная лексика для создания ярких образов и вовлечения читателя. Такие эпитеты, как *stunning*, *chic*, *effortless*, *bold*, *vibrant*, *iconic*, *show-stopping*, *game-changing* и *eye-catching*, подчеркивают эстетическую привлекательность и уникальность модных элементов. Эта лексика выполняет прагматическую функцию, побуждая читателя ассоциировать моду с такими эмоциями, как восхищение, вдохновение или желание экспериментировать.

Пример из блога TZR “12 Fashion Trends That Will Dominate This Year”: *Eye-catching colors like electric blue, fiery red, and bright yellow can energize any look* (Яркие цвета, такие как электрический синий, огненно-красный и ярко-желтый, способны оживить любой образ). Прилагательные *eye-catching*, *electric* и *fiery red* и глагол *to energize* создают ощущение энергии и динамики, усиливая восприятие цветов как яркого заявления. В следующем примере *eye-catching* подчеркивает притягивающую силу аксессуара: *A statement belt can turn a plain look into something eye-catching* (Эффектный пояс может превратить простой образ в нечто привлекательное).

В “Take Note: These Are the Only Fall” осенние тренды 2025 года характеризуются как *bold*, *eye-catching colors meant to turn heads* (яркие, привлекающие внимание цвета, созданные, чтобы заставить оборачиваться). Прилагательные *bold* и *eye-catching* усиливают эмоциональную составляющую публикации про тренды. Таким образом, эмоционально-оценочная лексика делает описание более живым и мотивирует читателя ассоциировать моду с положительными эмоциями, такими как уверенность, привлекательность или радость.

Англоязычные фэшн-блоги активно используют стилистические приемы, включая метафоры, сравнения и гиперболы, чтобы создать яркие визуальные образы и подчеркнуть эстетическую черту дискурса моды. Публикация “Dakota Fanning Dazzled in a Gold” описывает образ Дакоты Фаннинг на показе Chanel: *It felt like being a ray of sunshine* (Это ощущалось как быть лучиком солнца). Метафора *ray of sunshine* передает ассоциации с яркостью, теплом и позитивом, усиливая восприятие золотого кожаного костюма.

Коллекция Saint Laurent в публикации “Saint Laurent Solidifies the Season” характеризуется как *huge*, *powerful shoulders that scream confidence* (огромные, мощные плечи, которые кричат о уверенности), что создает динамичный и эмоциональный образ, подчеркивающий силу силуэта.

Образная лексика делает текст более запоминающимся и эмоционально насыщенным, что особенно важно для фэшн-блогов, где визуальная составляющая играет ключевую роль. Публикация “25 of the Best

White Dresses for 2025” описывает платье как guaranteed to receive tons of compliments (гарантированно получит кучу комплиментов). Словосочетание tons of compliments выступает как гипербола, создавая ощущение исключительности. В “12 Fashion Trends” в предложении There’s no such thing as too much electric blue, as illustrated above гипербола подчеркивает универсальность цвета. В Harper’s Bazaar в примере This bag is an absolute game-changer, destined to dominate every wardrobe (Harper’s Bazaar, 2025) передано восприятие аксессуара как незаменимого элемента гардероба.

Данные примеры показывают, как гиперболы усиливают эмоциональное воздействие и делают акцент на уникальности образов и предметов гардероба, что особенно важно в конкурентной среде фэшн-блогинга.

При анализе англоязычных фэшн-блогов также были выделены следующие стилистические особенности. Блогеры часто используют разговорный тон, чтобы установить эмоциональную связь с читателем. Личные местоимения (we, you, our), риторические вопросы и неформальные выражения создают ощущение диалога и делают текст открытым. В публикации “12 Fashion Trends That Will Dominate This Year” фраза Let’s explore the promising world of fashion together! приглашает читателя стать частью обсуждения блога. В разделе о свадьбах вследствие обращения к читателю как к хорошо знакомому приятелю присутствует неформальный тон и создается дружелюбная атмосфера: Before you say anything – no, I’m not getting married! Rather, my little sister is!

В “Summer 2025 Outfits: 12 Cute & Affordable” автор восклицает: Who else is stoked for summer?! («Кто еще в восторге от лета?!»). Слово “stoked” является сленговым, популярным среди молодежи, а риторический вопрос вовлекает читателя в диалог.

В предложении из публикации “The Perfect (Affordable!) Capsule“ используется призыв: If you want to make getting dressed each day a total breeze, why not try a capsule wardrobe? (Если вы хотите, чтобы одевание каждый день было проще простого, почему бы не попробовать капсульный гардероб?). Выражения total breeze и why not звучат непринужденно и дружелюбно. Помимо обращения к аудитории как к другу фэшн-блоги часто используют императивные конструкции для мотивации читателей к покупкам, экспериментам со стилем или взаимодействию с контентом. Выражения, такие как keep scrolling, shop now, try this, don’t shy away, add to cart и snag, создают ощущение срочности. Например, Keep scrolling to shop some of TZR’s favorite vintage accessories picks below или Have fun playing with color and make it our own. В публикации “Summer 2025 Outfits: 12 Cute & Affordable” призыв к взаимодействию в социальных сетях усиливает связь с аудиторией, и помогает авторам блогов набирать популярность: Tag us in your summer fits! («Отмечайте нас в ваших летних образах!»).

Наряду с вышеуказанным, фэшн-блоги часто ссылаются на культурные и исторические элементы, чтобы придать тексту глубину. В “It’s Not Your Imagination – Polka Dots Are Everywhere Right Now” упоминание икон стиля связывает тренды с историей моды: Marilyn Monroe. Twiggy. Diana Ross. Princess Diana. What do all these legendary female fixtures have in common? They’ve all rocked polka dots (Мэрилин Монро. Твигги. Диана Росс. Принцесса Диана. Что общего у всех этих легендарных женщин? Все они носили горошек). Во фразе “Dakota Fanning Dazzled in a Gold” упоминается Дакота Фаннинг как икона стиля, добавляя тексту актуальность и связывая его с поп-культурой. В “The Hot Sandal Trends” термин It-girl отсылает к образу модных инфлюенсеров, таких как Кендалл Дженнер или Белла Хадид, что также делает текст ближе к молодежной аудитории. Английские блогеры нередко включают статистику для повышения убедительности в глазах аудитории. Например: According to Trendalytics, searches for polka dot items have already surged 260% in 2025 (По данным Трендалитикс, в 2025 году поисковые запросы о товарах в горошек выросли на 260%).

Выводы

Лексико-стилистические особенности англоязычных фэшн-блогов включают профессиональный жаргон, эмоционально-выразительную лексику, разговорный стиль, образный язык, термины, императивы, культурные ссылки, статистику. Их синтаксис также отличается лаконичностью, динамичностью и использованием сленга, что способствует легкости восприятия. Разговорный стиль снижает барьер между автором и читателем, создавая ощущение близости и доверия. Это особенно эффективно для молодой аудитории, которая ценит неформальность и аутентичность. Также призывы к действию стимулируют активность читателей, будь то покупка, участие в обсуждении или эксперименты со стилем, что повышает эффективность блога как коммерческого и социального инструмента. Культурные ссылки усиливают связь с аудиторией, которая следит за знаменитостями и социальными трендами, и делают блог частью актуального культурного контекста.

Таким образом, фэшн-блоги представляют собой сложный лингвокультурный феномен, формируемый как глобальными тенденциями цифровизации, так и национальными культурными особенностями. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего анализа языковых особенностей фэшн-блогов, осо-

менно в сопоставительном аспекте на примере различных лингвокультур, а также важность комплексного подхода к переводу, учитывая языковые, стилистические и культурные аспекты.

Список источников

1. Алюнина Ю.М. Блог как источник новейших англизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 4. С. 78 – 91.
2. Ахренова Н.А. Особенности дискурса fashion-блогов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 14 – 23.
3. Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 5.9.9. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 24 с.
4. Дедюхина А.Г., Дедюхин А.А. Особенности функционирования англоязычной лексемы “fashion” как доминирующей единицы дискурса моды (на материале русского языкового цифрового пространства сети Интернет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3156 – 3160.
5. Ерпилова Е.И. Язык дискурса моды // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. Вып. 2 (57). С. 67 – 91.
6. Елькин В.В., Мельникова Е.Н. К вопросу о лексико-семантических средствах лингвокреативного арсенала фэшн-блогера // Казанский лингвистический журнал. Т. 2. № 2019. С. 32 – 48.
7. Жукова О. Самые известные модные блогеры в России и в мире // FashionTime. URL: <https://www.fashiontime.ru/fashion/reviews/1056131.html> (дата обращения: 27.06.2025).
8. Ибраева А.Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 333 – 336.
9. Карапулов Б.С., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Вступительная статья. М: Прогресс, 1989. С. 5 – 11.
10. Легкая М.С. Дискурс моды как объект изучения в лингвистике // Проблемы науки. 2018. № 4 (28). С. 10 – 15.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
12. Тригуб Л.Г. Процесс заимствования в сфере моды и одежды как фактор межкультурной коммуникации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-zaimstvovaniya-v-sfere-mody-i-odezhdy-kak-faktor-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 04.04.2025).
13. Устюгова Е.Н. Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. 192 с.
14. Хмелева Х.П. Инструменты создания высокорейтингового фэшн-блога: дипломная работа // Vernsky. URL: <https://vernsky.ru/pubs/5794/> Instrumenty_sozdaniya_vysokoreytingovogo_feshn-bloga (дата обращения: 08.05.2025).
15. Хунагова А.Р. Вербализация и тестовая репрезентация концепта «мода» (на материале русского, английского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. Майкоп, 2013. 21 с.
16. Bryan B. Personal blog // Bryan Boy. URL: <http://www.bryanboy.com/> (дата обращения: 27.06.2025).
17. Lau S. Personal blog // Style Bubble. URL: <http://www.stylebubble.co.uk> (дата обращения: 08.05.2025).

References

1. Alyunina Yu.M. Blog as a source of the latest Anglicisms: based on the texts of the Internet fashion discourse. Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 78 – 91.
2. Akhrenova N.A. Features of the discourse of fashion blogs. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2015. No. 4. P. 14 – 23.
3. Bakach N.B. Cultural paradigm as an object of socio-philosophical analysis: dis. ... Cand. of Philosophy: 5.9.9. Volgograd: Publishing house of VolSU, 1998. 24 p.
4. Dedyukhina A.G., Dedyukhin A.A. Features of the Functioning of the English-Language Lexeme “fashion” as a Dominant Unit of Fashion Discourse (Based on the Material of the Russian Language Digital Space of the Internet). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. Iss. 10. P. 3156 – 3160.
5. Erpilova E.I. The Language of Fashion Discourse. Language Theory and Intercultural Communication. 2025. Iss. 2 (57). P. 67 – 91.

6. Elkin V.V., Melnikova E.N. On the Issue of Lexical and Semantic Means of the Fashion Blogger's Linguo-Creative Arsenal. Kazan Linguistic Journal. Vol. 2. No. 2019. P. 32 – 48.
7. Zhukova O. The Most Famous Fashion Bloggers in Russia and the World. FashionTime. URL: <https://www.fashiontime.ru/fashion/reviews/1056131.html> (date of accessed: 27.06.2025).
8. Ibraeva A.F. Linguistic features of texts in the English-language and Russian-language blogosphere. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2018. No. 8 (86). Part 2. P. 333 – 336.
9. Karaulov B.S., Petrov V.V. From text grammar to cognitive theory of discourse. T.A. van Dijk. Language. Cognition. Communication. Introductory article. Moscow: Progress, 1989. P. 5 – 11.
10. Legkaya M.S. Fashion discourse as an object of study in linguistics. Problems of science. 2018. No. 4 (28). P. 10 – 15.
11. Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. in-chief V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 683 p.
12. Trigub L.G. The process of borrowing in the field of fashion and clothing as a factor in intercultural communication. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-zaimstvovaniya-v-sfere-mody-i-odezhdy-kak-faktor-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (date of access: 04.04.2025).
13. Ustyugova E.N. Style and Culture: An Experience of Constructing a General Theory of Style. SPb: SPbSU Publishing House, 2006. 192 p.
14. Khmeleva H.P. Tools for creating a highly rated fashion blog: diploma thesis. Vernsky. URL: <https://vernsky.ru/pubs/5794/> Instrumenty_sozdaniya_vysokoreytingovogo_feshn-bloga (date of access: 08.05.2025).
15. Khunagova A.R. Verbalization and test representation of the concept "fashion" (based on the Russian, English and Adyghe languages): diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.9. Maykop, 2013. 21 p.
16. Bryan B. Personal blog. Bryan Boy. URL: <http://www.bryanboy.com/> (date of access: 27.06.2025).
17. Lau S. Personal blog. Style Bubble. URL: <http://www.stylebubble.co.uk> (date of access: 08.05.2025).

Информация об авторах

Зиатдинова А.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВПО «Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета»

Иванова А.В., переводчик, Бюро переводов «Аристей»

© Зиатдинова А.М., Иванова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'25

¹ Курских О.В., ¹Лепшакова А.И.

¹ Пятигорский государственный университет

Вариативность перевода окказиональной лексики в научно-фантастических фильмах Д. Вильнева

Аннотация: окказиональная лексика является предметом изучения для многих исследователей в области лингвистики и переводоведения. В статье рассматривается проблема передачи на русский язык окказиональных лексических единиц, содержащихся в текстах научно-фантастических фильмов «Бегущий по лезвию 2049» и «Дюна». В результате интерпретационного анализа оригинальных кинотекстов, а также комплексного компаративного анализа их русских переводов выявляются наиболее эффективные переводческие приемы, используемые для адекватной передачи окказионализмов. Эта задача требует принятия самостоятельных и оригинальных переводческих решений. Их высокая вариативность связана с феноменом переводной множественности, который теоретически обуславливает существование неограниченного количества переводов одного произведения. Новизна исследования заключается в изучении передачи окказионализмов с точки зрения ранее не разработанного контекста – сформированного корпуса разных вариантов переводов указанных кинофильмов.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, вариативность, дублированный перевод, закадровый перевод, субтитры, переводческий прием, окказионализм, научная фантастика

Для цитирования: Курских О.В., Лепшакова А.И. Вариативность перевода окказиональной лексики в научно-фантастических фильмах Д. Вильнева // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 160 – 165.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Kurskikh O.V., ¹ Lepshakova A.I.

¹ Pyatigorsk State University

Translation variability of occasional vocabulary in Denis Villeneuve's science fiction films

Abstract: occasional vocabulary is a subject of study for many researchers in the areas of linguistics and translation studies. The article examines the problem of transferring occasional lexical units represented in the texts of the science fiction films "Blade Runner 2049" and "Dune: Part One" into the Russian language. As a result of interpretative analysis of the original film texts, as well as a comprehensive comparative analysis of their Russian translations, the most effective translation means used for the adequate translation of occasional words are identified. This task requires making independent and original translation decisions. Their high variability is related to the phenomenon of translation multiplicity, which theoretically accounts for the existence of an unlimited number of translations of a single text. The novelty of the research lies in the study of the transfer of occasionalisms from the perspective of a previously unexplored context – the established corpus of different versions of translations of the aforementioned films.

Keywords: audiovisual translation, variation, dubbed translation, offscreen translation, subtitles, translation mean, occasionalism, science fiction

For citation: Kurskikh O.V., Lepshakova A.I. Translation variability of occasional vocabulary in Denis Villeneuve's science fiction films. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 160 – 165.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Кино является одним из самых популярных видов искусства и влиятельным средством массовой коммуникации по всему миру. Актуальность настоящего исследования обусловлена востребованностью адекватного и качественного киноперевода и недостаточностью научного освещения его проблем и особенностей. Второй аспект актуальности связан с повышенным интересом в современном переводоведении к так называемой области непереводимого, к которой относятся окказиональные слова. В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Е. Розенталя дается определение, на которое данное исследование будет опираться: «Окказионализм – слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [7, с. 174]. Зависимость окказионализмов от контекста намного выше, чем узульных слов. Вне контекста высока вероятность того, что их значение останется непонятным. Кинофильмы, принадлежащие к жанру научной фантастики, изобилуют окказионализмами, которые называют новые предметы и явления, описывают технологии и изобретения, передают атмосферу альтернативных миров или различных вариантов будущего, создавая для зрителя эффект неизвестного. Отсутствие готовых эквивалентов в переводящем языке обуславливает большой интерес к переводу окказионализмов как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения.

Целью данной работы является сравнительно-сопоставительный анализ переводческих решений при переводе на русский язык окказионализмов в научно-фантастических фильмах Дени Вильнёва.

Указанная цель определяет постановку и решение следующих задач:

- выполнить сравнительно-сопоставительный анализ кинотекстов на языке оригинала и их переводов на русский язык;
- выявить особенности функционирования окказионализмов и их роль в рассматриваемых кинотекстах;
- рассмотреть семантическое наполнение понятия «вариативность»;
- определить наиболее частотные и эффективные с точки зрения достижения адекватности приемы перевода окказиональных слов, осуществив анализ переводческих решений.

Под термином кинотекст мы понимаем совокупность речи персонажей, обстановки, шумов, музыки и других составляющими кинофильма, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве. Кинотекст, как и любой текст, нуждается в адекватном переводе, суть которого состоит в сохранении коммуникативно-прагматического эффекта оригинала. Для преодоления несоответствий, возникающих вследствие структурно-семантических различий между языком оригинала и языком перевода, переводчики прибегают к переводческим трансформациям. В.Н. Комиссаров дает следующее определение данному понятию. Переводческие трансформации – это способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста [3, с. 110]. Перевод окказиональных слов всегда представляет трудность для переводчиков и предполагает использование приемов лексической и грамматической трансформации.

Материалы и методы исследований

Материал исследования представлен двумя кинофильмами режиссера Дени Вильнёва «Бегущий по лезвию 2049» («Blade Runner 2049», 2017), «Дюна» («Dune: Part One» 2021) и их переводами на русский язык под дубляж, закадровое озвучивание и субтитры, выполненные студиями «Пифагор», «HDRezka», «Jaskier», «Pazl Voice», «TVShows», «FOCS», а также «авторские» переводы А. Гавриловым, Ю. Сербины, М. Яроцким, Д. Есаревым и Ю. Живовым. «Авторский» перевод – это термин, которым в России обозначают одноголосый синхронный закадровый перевод, при котором приглушенная оригинальная речь киногероев слышна за голосом самого переводчика [4, с. 45].

Факт того, что кинопроизведение может иметь несколько переводов на один язык, пока не получил должного внимания российских и зарубежных переводов и лингвистов. В то время как множественные переводы литературных произведений активно изучаются с конца XX века [6]. Сравнение нескольких переводов одного кинофильма (в синхронном и диахронном планах), на наш взгляд, является перспективным направлением, так как с развитием новых технологий количество переводов и перепереводов будет только расти.

В целях исследования на основе транскриптов оригинальных звуковых дорожек анализируемых фильмов и перечисленных русских переводов был создан параллельный корпус.

В «Бегущем по лезвию 2049» действие происходит в мрачном будущем, где биоинженерные существа (репликанты) служат людям, выполняя опасные и тяжелые работы в колониях на других планетах. Обладая невероятной силой, скоростью, интеллектом и развитыми чувствами, они не хотят мириться со своей судьбой и стремятся к свободе. Офицер полиции Лос-Анджелеса по имени Кей, занимающийся отловом сбежавших репликантов, раскрывает тайну, ставящую под угрозу существование всего человечества. Фильм исследует темы идентичности, памяти, свободы, морали и границ человечности.

«Бегущий по лезвию 2049» является продолжением фильма режиссера Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», вышедшего в 1982 году и снятого по мотивам книги Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?».

«Дюна» – это экранизация одноименного романа Фрэнка Герберта, впервые опубликованного в 1963 – 1965 годах в виде серии глав в журнале «Analog Science Fiction and Fact» и впервые изданного отдельной книгой в 1965 году.

Сюжет фильма переносит зрителя на пустынную планету Арракис, также известную как Дюна, единственное место, где добывается меланж (спайс, пряность) – ценнейшее вещество, от которого зависит межзвездная навигация и продление жизни. В центре сюжета – юный Пол Атрейдес, наследник благородного дома, втянутый в опасные политические интриги. Кинофильм исследует темы власти, экологии, религии и судьбы в контексте космического феодализма.

Одной из особенностей рассматриваемых фильмов является их многоголосие. Осевым языком выступает английский – именно он подлежит переводу в полном объеме. Второстепенные языки – вымышленные и не являются предметом рассмотрения в данной работе.

К использованным в исследовании методам относятся: сопоставительный анализ оригинального и переводных текстов, метод сплошной выборки, контекстологический анализ исходных и переводимых единиц, анализ словообразовательных моделей, статистический метод обработки полученных данных.

Результаты и обсуждения

В результате исследования в кинотекстах «Бегущего по лезвию 2049» и «Дюны» было выявлено 78 окказиональных единиц, образованных чаще всего при помощи словосложения. Превалирующими переводческими трансформациями являются: транскодирование (транскрибирование и транслитерация), калькирование, модуляция/функциональная замена, опущение, генерализация и конкретизация.

Вариативность перевода, вслед за Е.В. Гарусовой, рассматривается в данной работе как «следствие явных и отрефлектированных переводческих позиций» [1, с. 5]. Она может быть обусловлена различиями в интерпретации и понимании смыслов оригинала. Рассмотрим вариативность перевода некоторых окказиональных слов из «Дюны». В следующем примере существительное *stillsuit* представляет собой окказионализм, образованный путем чистого сложения, т.е. сложения двух слов *still* – дистиллятор и *suit* – костюм. Таким образом, в номинации отражается вид защитной одежды и ее назначение – удерживать, перерабатывать и использовать влагу тела в тяжелых условиях планеты Арракис.

A *stillsuit* is a high-efficiency filtration system (Dune: Part One, 00:57:38).

Конденскостюм – это высокоэффективная система фильтрации (Студия Пифагор).

Дистикомб – это высокоэффективная система фильтрации (Ю. Сербин).

Конденскостюм имеет систему фильтрации (Студия Pazl Voice).

Дистикомб – высокоэффективная система фильтрации (Студия HDrezka).

Дистикомб – это высокоэффективная система фильтрации (Студия Jaskier).

Вариант перевода с помощью калькирования с усечением основы слова – дистикомб (дистиллятор + комбинезон) представляется нам более удачным, поскольку он точнее передает смысл окказионализма. Дистикомб фигурирует также в русском переводе романа Ф. Герберта «Дюна», выполненного П. Вязниковым [2]. Вариант конденскостюм, образованный при помощи урезания первой основы и калькирования второй, не передает в полной мере заложенный в оригинале смысл. Ф. Герберт называет свободный народ планеты Арракиса при помощи окказионального этнонима *Fremen*, который строится по типичной для английского языка схеме (*Englishmen*, *Frenchmen* и т.д.). В русских переводах используется прием транскрипции:

Are you *Fremen*? (Dune: Part One, 00:58:35).

Вы фримен? (Студия Пифагор).

Вы фрименка? (Ю. Сербин).

Вы из фрименов? (Студия HDrezka).

Вы фрименка? (Студия Jaskier).

В рассматриваемом эпизоде вопрос адресован женщине. Гендерная маркированность в оригинале стерта в силу узальности словообразовательной модели. В трех русских вариантах перевода проблема гендерной от-

ненесенности этнонима в той или иной форме затронута – либо за счет использования феминитива (Ю. Сербин и студия Jaskier), либо путем использования этнонима во множественном числе в сочетании с предлогом (студия HDrezka). В варианте студии Пифагор исходная номинация транскодирована и сохранена в обобщивающем мужском роде.

Путем транскодирования (транскрибирования или транслитерации) переведена значительная часть окказиональной лексики во всех рассмотренных вариантах перевода «Дюны»: Fedaykin – федайкин, Sietch – сиetch / сиетч, Gom Jabbar – Гом Джаббар, Kwisatz Haderach – Квизац Хадерач, Sardaukar – Сардукар / Сардаукар, Arrakeen – Арракин, Atreides – Атрейдес / Атридес, Bene Gesserit – Бене Гессерит / Бене Джессерит, chakobsa – чакобса и т.д. Как правило, транскодирование применялось при переводе окказионализмов, образованных путем заимствования слов из других языков (арабский, персидский, иврит, санскрит, тюркские, славянские, кавказские языки), имен собственных и географических названий, что объясняет отсутствие вариативности передачи приведенных лексических единиц. Например, словом Sietch в «Дюне» названо пещерное поселение, в котором собирается населенное одной из племенных общин во время опасности. Вероятно, слово происходит от русско-украинского существительного «сечь», «сичь». Chakobsa – язык, на котором говорят участники ордена Бене Гессерит и некоторые фримены. Некоторые исследователи творчества Ф. Герберта полагают, что слово взято из черкесского языка, в котором дословно означает «язык охотников» [8].

В следующем примере интересен термин-окказионализм *fremkit*, обозначающий набор для выживания в пустыне, который производят и используют фримены.

If anyone makes it out of Arrakeen alive there's an Atreides beacon in the Fremkit. God willing they'd be able to find you (Dune: Part One, 01:32:26).

Тому, кто выберется из Арракина живым. Во фримплекте передатчик Атрейдесов. Пусть он поможет найти вас (Студия Пифагор).

Если кто-то выберется из Арракина живым, во фримплекте есть маяк Атрейдесов. Дасть бог вас смогут найти (Ю. Сербин).

Тем, кто выберется из Арракина. В наборе есть маячок Атрейдесов. Пусть он поможет найти вас (Студия HDRezka).

Если кто-либо выберется из Арракина живым, во фримплекте маячок Атрейдесов. Дасть бог вас найдут (Студия Jaskier).

Если кто-то выберется из Арракина живым, во фримплекте есть маяк Атрейдесов. С божьей помощью они вас найдут (М. Яроцкий).

Если выберетесь живыми из Арракина, во фрименском ранце есть маячок Атрейдесов. Надеюсь, они вас найдут (Студия FOCS, субтитры).

Для создания окказионализма *fremkit* была урезана первая основа и использован прием сложения ранее проанализированного слова *Fremen* и слова *kit* (комплект, набор). Ю. Сербин и М. Яроцкий калькируют обе основы, в результате чего получаются окказионализмы фримплект и фримпакет. Вариант перевода фримплект, используемый студиями Пифагор и Jaskier, также является, на наш взгляд, удачным – применяется прием калькирования, но урезается первая часть второго слова комплект. В субтитрах студии FOCS используется модуляция (смысловое развитие) второй части слова и калькирование первой части, из чего получается русский вариант фрименский ранец. В кадре действительно можно увидеть ранец, также у зрителей может сработать ассоциация с армейским ранцем. Переводчик студии HDrezka применяет опущение основы *frem*, теряя тем самым окказиональное слово. Окказиональный термин *spotter aircraft* обозначает одну из разновидностей летательных аппаратов, используемых для наблюдения на Арракис.

There, you see the spotter aircraft, looking for wormsign (Dune: Part One, 01:00:33).

Споттер видите? Ищет след червя (Студия Пифагор).

Видите, эти летательные аппараты ищут знак червя (Ю. Сербин).

Это специальные дроны, которые ищут знаки появления червей (Студия Pazl Voice).

Топтеры-наводчики, выискивают знак червя (Студия HDrezka).

Смотрите, вот споттеры ищут след червя (Студия Jaskier).

В первоисточнике – книге Ф. Герберта – мы находим следующее определение: «SPOTTER CONTROL: the light ornithopter in a spice-hunting group charged with control of watch and protection» [9, с. 858]. Окказионализм образован от слов ornithology (орнитология) и helicopter (вертолет). В переводах от студий «Пифагор» и «Jaskier» применены транскодирование и опущение второго компонента исходного термина. Ю. Сербин и переводчик студии «Pazl Voice» использовали генерализацию, не сохранив при этом окказиональный термин. Переводчик студии «HDrezka» осуществил транскреацию: была урезана первая часть общего термина ornithopter и использован русский аналог слова *spotter* – наводчик. Одно из лексических значений слова

наводчик – «специалист, который направляет кого-то на разыскиваемый объект», и оно вполне соответствует вышеприведенной авторской дефиниции термина spotter. Соответственно, такое переводческое решение можно признать удачным.

Существительное-композит *wormsign* также можно отнести к окказиональной лексике. Наиболее соответствующим визуальной составляющей кадра является перевод след червя. Вариант перевода знак червя, предлагаемый студией HDrezka и Ю. Сербином, может вызвать другие ассоциации у зрителя – так, согласно первому значению в толковом словаре С.И. Ожегова, знаком является «пометка, изображение, предмет, которыми отмечается, обозначается что-н.» [5, с. 234]. В переводе студии Pazl Voice семантика слова знак существенно сужается благодаря добавлению еще одного существительного – знаки появления червей, что приближает смысл перевода к оригиналу. При этом лексическая окказиональность во всех вариантах не сохраняется. В кинотексте «Бегущего по лезвию 2049» окказиональная лексика чаще всего представляет собой технические реалии мира будущего, например, *replicant*, *emanator* и т.д., которые переведены путем транскодирования. Окказионализм *Blade Runner* довольно сложный для перевода термин, в котором прослеживается метафоричность. По сюжету *Blade Runner* – это агент, преследующий сбежавших андроидов – репликантов. Калька «бегущий по лезвию» за годы существования стала каноничной и узнаваемой, однако, в следующем примере представлены другие варианты перевода.

He is a fucking Blade Runner (*Blade Runner* 2049, 00:44:37).

Это же чертов бегущий (Студия Пифагор).

Да он Блэйдраннер, блин (Д. Есарев).

Да он ликвидатор, его мать (Ю. Живов).

Он бегущий по лезвию (Студия HDRezka).

Он бегущий по лезвию, мать его (А. Гаврилов).

Д. Есарев в своем переводе применяет транслитерацию – Блэйдраннер, что не передает метафоричности оригинального слова, указывающего на опасную, смертоносную профессию главного героя, постоянно балансирующего на тонкой грани между человеческим и нечеловеческим. Ю. Живов использовал функциональную замену и перевел рассматриваемый окказионализм как «ликвидатор». Сокращенный вариант перевода «бегущий» от студии Пифагор объясняется, вероятно, необходимостью соблюдения принципа фонетического синхронизма в дубляже – английские слова в большинстве своём короче соответствующих им русских словарных эквивалентов, поэтому замещение короткой английской оригинальной реплики многосложной русской становится невозможным. Следующий пример интересен использованием слова *baseline* в значении, не соответствующим нормативному употреблению. В рассматриваемой сцене агент Кей проходит тест на эмоциональную стабильность репликанта. В кадре появляется титр – Post-traumatic baseline test.

Recite your baseline (*Blade Runner* 2049, 00:13:57).

Ваша контрольная фраза (Студия Пифагор).

Проговорите исходную базу (Д. Есарев).

Твои основные параметры (Студия HDrezka).

Ваша базовая фраза (Ю. Сербин).

В Оксфордском словаре можно найти следующее определение лексической единицы *baseline* – «a minimum or starting point used for comparisons» [10]; в русском языке нет равнозначного эквивалента, к тому же, в данном контексте это слово-композит употребляется в окказиональном значении. Калькированный перевод «базовая фраза» (Ю. Сербин) является, на наш взгляд, самым удачным вариантом, коррелирующим с визуальной составляющей и сюжетом сцены, как и перевод студии Пифагор «контрольная фраза», в котором применена модуляция. В варианте «исходная база» (Д. Есарев) полностью опускается вторая основа *line*, при этом сочетание близких по семантике слов в одном словосочетании рождает плеоназм. Вариант «основные параметры» (студия HDrezka) не передает значение оригинала.

Выводы

Вариативность перевода окказиональной лексики и лексических единиц с окказиональным значением часто обусловлена разной интерпретацией семантики оригинала переводчиками, видом киноперевода и соответствующими техническими требованиями (фонетической синхронизацией при дубляже, пространственно-временными ограничениями при субтитрировании), а также обращением к каноничным переводам первоисточников (переводы романа Ф. Герberта «Дюна» П. Вязникова, Ю. Соколова, Г. Карпинского и др., переводы кинофильма Р. Скотта «Бегущий по лезвию» 1982 г.). Подводя итог нашему анализу вариативности перевода 78 окказиональных слов в научно-фантастических кинофильмах Д. Вильнева «Бегущий по лезвию 2049» и «Дюна», можно сказать, что наиболее употребительными способами перевода, к которым обращались разные переводчики, явились транскодирование (45%), калькирование (29%), опущение (11%), модуляция (9%), кон-

крематизация (4%) и генерализация (2%). Практически все рассмотренные окказиональные единицы относятся к лексическому типу и выполняют в кинотекстах номинативную функцию. Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении вариантов перевода на русский язык других фильмов в жанре научная фантастика, в том числе фильмов Д. Вильнева «Дюна: Часть вторая» (2024) и «Прибытие» (2016).

Список источников

1. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причины вариативности перевода: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Тверь, 2007. 16 с.
2. Герберт Ф. Дюна / пер. с англ. П. Вязникова. М.: АСТ, 1999. 732 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Матасов Р.А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М., 2009. 167 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование: Оникс, 2007. 972 с.
6. Разумовская В.А. Информационная неоднозначность художественного текста: неисчерпаемость оригинала и переводная множественность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 269 – 273.
7. Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
8. Collins W. The Secret History of Dune // Los Angeles Review of Books. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (дата обращения: 03.03.2025).
9. Herbert F. Dune. New York: ACE, 2005. 885 p.
10. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/baseline_n?tl=true (дата обращения: 03.03.2025).

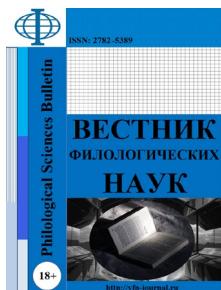
References

1. Garusova E.V. Interpretive positions of the translator as reasons for translation variability: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Tver, 2007. 16 p.
2. Herbert F. Dune. Trans. from English by P. Vyaznikova. Moscow: AST, 1999. 732 p.
3. Komissarov V.N. Translation Theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 253 p.
4. Matasov R.A. Translation of film / video materials: linguacultural and didactic aspects: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Moscow, 2009. 167 p.
5. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. M.: Mir i Obrazovanie: Onyx, 2007. 972 p.
6. Razumovskaya V.A. Informational Ambiguity of a Fiction Text: Inexhaustibility of the Original and Translation Plurality. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2012. No. 3. P. 269 – 273.
7. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms. M.: Prosveshchenie, 1976. 544 p.
8. Collins W. The Secret History of Dune. Los Angeles Review of Books. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (date of access: 03.03.2025).
9. Herbert F. Dune. New York: ACE, 2005. 885 p.
10. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/baseline_n?tl=true (date of accessed: 03.03.2025).

Информация об авторах

Курских О.В., кандидат филологических наук, кафедра европейских языков, Пятигорский государственный университет, oleg.kurskikh@gmail.com

Лепшакова А.И., кафедра европейских языков, Пятигорский государственный университет, lepskova_aishat@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'25:78:821.161.1

¹Лунькова С.А.

¹Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Особенности перевода песенных заставок мультсериалов на русский язык

Аннотация: статья посвящена особенностям перевода песенных заставок мультсериалов на русский язык на примере песни из популярного анимационного сериала «Чип и Дейл спешат на помощь». Автор рассматривает проблемы, возникающие при переводе песен, такие как сохранение ритма, передача культурного контекста и адаптация текста для детской аудитории. Важность сохранения эмоционального настроя и передачи основных идей оригинального произведения подчеркивается как ключевое требование к переводу.

В статье приводится подробный анализ русской версии песни, показывающий методы адаптации, использованные переводчиками.

Особое внимание уделяется сохранению юмора и созданию легкого для восприятия текста, соответствующего музыкальному сопровождению. Рассматриваются различные подходы к решению проблем культурной адаптации, включая изменение отдельных элементов сюжета и использование простых выражений, понятных российским зрителям.

Автор приходит к выводу, что успешный перевод песенных заставок требует комплексного подхода, учитывающего музыкальные, лингвистические и культурные аспекты. Эффективный перевод способствует лучшему восприятию мультифильма детьми и усиливает эмоциональную привязанность к персонажам и сюжету.

Ключевые слова: перевод песенных заставок, мультсериалы, русская версия, культурная адаптация, музыкальный перевод, детская аудитория, английский язык

Для цитирования: Лунькова С.А. Особенности перевода песенных заставок мультсериалов на русский язык // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 166 – 172.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹Lunkova S.A.

¹Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Features of translating animated series song intros into Russian

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of translating animated series song intros into Russian, using the example of the theme song from the popular animated series "Chip 'n Dale: Rescue Rangers". The author examines the challenges arising in song translation, such as preserving rhythm, conveying cultural context, and adapting the text for a young audience. The importance of maintaining the original emotional tone and conveying the core ideas of the source material is emphasized as a key requirement for effective translation.

The article provides a detailed analysis of the Russian version of the song, illustrating adaptation techniques employed by translators.

Particular attention is paid to preserving humor and creating a text that is easy to understand and fits the musical accompaniment. Various approaches to solving problems of cultural adaptation are discussed, including modifying certain plot elements and using simple expressions comprehensible to Russian viewers.

The author concludes that a successful translation of animated song intros requires a comprehensive approach that takes into account musical, linguistic, and cultural aspects. An effective translation enhances children's engagement with the cartoon and strengthens their emotional connection to the characters and storyline.

Keywords: song intro translation, animated series, Russian version, cultural adaptation, music translation, children's audience, English

For citation: Lunkova S.A. Features of translating animated series song intros into Russian. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 166 – 172.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Как известно, в настоящее время мультиликационные фильмы играют важную роль в культурном взаимодействии различных стран. Продукция зарубежного кинематографа активно представлена на рынке развлечений, привлекая внимание преимущественно юных зрителей. По этой причине становится необходимым исследовать аспекты адаптации зарубежных фильмов и сериалов, уделяя особое внимание переводу музыкальных интровертов, ведь именно они создают начальное впечатление зрителя о проекте и оказывают влияние на восприятие истории и героев.

Кроме того, важно учитывать значимость музыкального сопровождения начальных титров. Заставочная песня – важнейший элемент любого анимационного шоу, задающий тон повествования, раскрывающий образы персонажей и атмосферу всего произведения. Правильное восприятие смыслов и эмоций оригинальной композиции крайне важно для русской публики, поскольку неверная интерпретация или некачественный перевод способны существенно ухудшить зрительские впечатления.

В-третьих, существуют специфические трудности перевода музыкальных текстов. Перевод песенных заставок представляет собой особый вид лингвистической деятельности, сочетающий требования точности передачи содержания, сохранения ритмической структуры и мелодического соответствия оригиналу. Эти особенности делают исследование особенностей перевода песенных заставок актуальным для специалистов-переводоведов, лингвистов и педагогов, работающих с аудиовизуальным контентом. Таким образом, выбранная тема является актуальной, так как затрагивает важные аспекты межкультурной коммуникации, формирования представлений зрителей о зарубежных культурных продуктах и специфику профессиональной деятельности переводчиков и адаптеров визуального контента.

Песенные заставки (opening themes) мультсериалов играют важную роль в формировании первого впечатления у зрителя. Они не только предваряют основное повествование, но и создают настроение, знакомят с персонажами и зачастую содержат ключевые элементы сюжета. В эпоху глобализации, когда мультсериалы активно транслируются в разных странах, перевод песенных заставок становится неотъемлемой частью локализации контента.

Однако этот процесс сопряжен с рядом трудностей, обусловленных спецификой песенного жанра и необходимостью адаптировать текст не только к языковым, но и к культурным особенностям целевой аудитории. Как отмечает О.В. Науменко [3], «главной задачей переводчика при переводе поэзии является воздействовать на чувства читателя так же, как это сумел сделать автор».

В данной статье мы исследуем особенности перевода песенных заставок мультсериалов на русский язык. Более того, рассмотрим ключевые проблемы, возникающие при переводе, такие как сохранение рифмы и ритма, передача смысла и тональности оригинала, а также учет культурного контекста и целевой аудитории. На основе анализа конкретных примеров мы выявим наиболее распространенные переводческие стратегии и определим факторы, влияющие на качество и успешность адаптации песенных заставок. Цель исследования заключается в том, чтобы предложить комплексный взгляд на процесс перевода песенных заставок мультсериалов, учитывающий лингвистические, культурологические и эстетические аспекты, и способствующий повышению качества локализации анимационного контента на русскоязычном рынке.

Более того, о необходимости применения визуально-мультимедийного обучения иностранным языкам в образовании указывают такие исследователи как М.А. Бородина, Л.А. Апанасюк [1], О.Н. Торгованова,

А.Е. Шабанова [8], Н.А. Киндря [4] и другие. Данные исследователи подчеркивают эффективность применения кинодискурса на рамках обучения иностранному языку. М.Ю. Никитин [7] исследует особенности перевода названий мультипликационного кинодискурса, указывая основные функции мультипликации. М.А. Бородина [2] раскрывает понятие «аутентичности» применительно к учебным материалам, отмечая главные функции первоисточника. Нгуен Тхи Тхуй Кунь, Н.В. Крицкая [6] выявляют основные способы перевода песенных текстов анимационных фильмов.

Материалы и методы исследований

Аудиовизуальными материалами являются оригинальная версия музыкального вступления («Chip'n Dale Rescue Rangers Theme») к мультсериалу «Чип и Дейл спешат на помощь» и русскоязычная озвучка оригинальной музыкальной композиции.

Чтобы достичь поставленных исследовательских задач, использовался метод сравнительного анализа, направленный на сопоставление оригиналов и адаптаций песенных вступлений. Цель состояла в определении общих черт и отличительных особенностей содержания, формы и стиля подачи материалов, а также оценке точности и соответствия переводов. Исследование включало подробное рассмотрение лексических, грамматических и стилистических аспектов текстов, оценку качества подбора русских аналогов, учет специфики контекста и жанровой принадлежности произведений. Контент-анализ включил подсчет повторений определенных выражений, символов, образов и идей, что способствует формированию общей картины используемых методов перевода. Интерпретационный метод применялся для выявления скрытых смыслов и подтекстов в переводе песенной заставки. Данный метод позволил проанализировать мотивы переводчика, объяснить выбор конкретных решений и оценить влияние переводческих стратегий на восприятие конечного продукта аудиторией.

Результаты и обсуждения

Перевод песен, в отличие от перевода прозы или поэзии, предполагает одновременное решение нескольких сложных задач.

Переводчику необходимо сохранить смысл оригинального текста, передать его эмоциональную окраску, адаптировать его к ритму и мелодии, а также обеспечить рифму. «Стремление к достижению эквивалентности текстов подлинника и перевода, которая считается необходимым условием осуществления процесса перевода, а также к сохранению соответствия песенного текста мелодической линии, может приводить к многочисленным перестановкам, заменам, добавлениям и опущениям, которые традиционно обозначаются как переводческие трансформации» [5]. В контексте песенных заставок мультсериалов эти задачи усложняются необходимостью соответствовать визуальному ряду и общей концепции мультифильма, а также учитывать возрастные особенности целевой аудитории. Одной из основных проблем является сохранение рифмы.

В оригинальной заставке «Чип и Дейл спешат на помощь» используются простые, запоминающиеся рифмы: «cracks» – «slack», «small» – «call», «danger» – «Rangers» – «fails» – «solved», «danger» – «fails» – «clues» – «whos». Русский язык далеко не всегда способен предложить точные аналоги по звучанию и содержанию. Фраза «Go slipping through the cracks», означающая «преступления незаметно исчезают», переведённая буквально, рискует стать тяжеловесной и неловко звучащей конструкцией, разрушая гармонию ритма и рифмы. Вследствие этого переводчики зачастую вынуждены искать альтернативные пути решения проблемы:

1. Отказываясь от дословного следования оригинальному выражению, специалист вправе подобрать иную формулировку, передающую суть высказывания, но обладающую гармоничной рифмой, соответствующей русскому языку. К примеру, замена выражения «Go slipping through the cracks» на вариант вроде «Ускользают тайком», способный удачно созвучаться с другим словом («Законом»).

2. Когда соблюдение точной рифмовки осложняется передачей всей полноты замысла автора, разумнее пожертвовать деталями ради сохранения общего послания текста.

3. Чтобы соответствовать музыкальному ритму и напеву, иногда полезно вводить дополнительные слова либо опускать малозначимые части, никак не отражающие основного смысла песни.

4. В ситуациях, когда строгость рифмы нарушается в одной строчке, мастер слова компенсирует это созданием яркой и выразительной рифмы в следующей строке, восстанавливая таким образом баланс музыкальной гармонии стиха.

Помимо формальных аспектов, переводчику важно сохранить смысл и тональность оригинального текста. Песня «Чип и Дейл спешат на помощь» носит оптимистичный, динамичный и немного шутливый характер. В ней подчеркивается, что даже самые сложные дела будут решены, если обратиться за помощью к

команде спасателей. Фраза «No case too big, no case too small / When you need help just call» («Нет дела слишком большого, нет дела слишком маленького / Когда нужна помочь, просто позвони») передает уверенность в силах героев и их готовность прийти на помощь в любой ситуации. При переводе этой фразы важно сохранить не только ее буквальный смысл, но и эмоциональный посыл. Например, перевод «Нет дел непосильных, нет дел пустяковых / Зовите, если что, мы тут же на подхвате» передает ту же уверенность и готовность помочь, но адаптирован к русскому языку и культуре.

Однако прямой перевод может оказаться недостаточным для передачи всей полноты смысла. Во втором куплете, фраза «They'll take the clues / And find the wheres and whys and whos» («Они возьмут улики / И найдут где, почему и кто») подчеркивает детективные навыки Чипа и Дейла. Переводчику важно не только перевести эти слова, но и передать идею о том, что герои – настоящие детективы, способные распутать любое дело. Можно использовать более образные выражения, такие как «Они отыщут нить / И смогут все узнать, кто виноват и где все произошло».

Песенные заставки мультсериалов предназначены для детей, поэтому переводчику необходимо учитывать особенности детского восприятия. Язык перевода должен быть простым, понятным и интересным для целевой аудитории.

Следует избегать излишней сложности предложений, устаревших форм речи и редких терминов. Вместе с тем важно поддерживать свежесть и выразительность языка, чтобы привлечь интерес детей. Постоянное повторение строки «Ch-ch-ch-Chip'N Dale's / Rescue Rangers» играет ключевую роль в формировании узнаваемости песни, значит, при её переводе важно найти такое звучание и ритм, которые будут легкими для произнесения и хорошо запоминаться юной аудиторией. Примеры вариантов перевода, такие как «Чи-чи-чип и Дейл бегут, / Рейнджеры спасатели тут» или «Чи-чи-чип и Дейл вдвоём / Беда исчезнет, вот огонь!», показывают стремление воссоздать подобный эффект.

Кроме того, переводчик должен учитывать культурный контекст. Некоторые выражения и идиомы, понятные носителям языка оригинала, могут быть непонятны или неуместны в другой культуре. В таких случаях переводчику необходимо адаптировать текст, используя аналогичные по смыслу и эмоциональной окраске выражения, характерные для русской культуры. В данном примере, нет очевидных культурных отсылок, которые бы требовали значительной адаптации, однако имя «Gumshoes», обозначающее детективов, может быть непонятным детям, поэтому переводчику следует использовать более понятное слово, например, «сыщики».

Анализ переводческих решений, представленных ниже, демонстрирует спектр стратегий, применяемых при локализации песенных заставок анимационных сериалов. Примеры построены на базе оригинального текста песни «Чип и Дейл спешат на помощь» и иллюстрируют неизбежные компромиссы между эквивалентностью, формальными характеристиками (рифма, ритм) и культурной релевантностью.

Исходный текст: «Sometimes some crimes Go slipping through the cracks / But these two Gumshoes Are picking up the slack».

Данная строфа выполняет функцию экспозиции, обозначая проблему (латентная преступность) и предлагаемое решение (деятельность персонажей). Ключевыми элементами являются: «Slipping through the cracks» – идиоматическое выражение, обозначающее сокрытие или нераскрытие преступлений; «Gumshoes» – сленговое обозначение детективов, акцентирующее внимание на их скрытной деятельности; «Picking up the slack» – фразеологизм, обозначающий компенсацию недостатков или выполнение невыполненной работы.

Вариант 1: «Порой злодеи хитры И убегают в тень, Но эти храбрецы Все исправляют день за днем!» (Стратегия: замена рифмы, смысловое упрощение). Анализ: Данный вариант демонстрирует стратегию адаптации, при которой точность семантического соответствия принесена в жертву сохранению рифмической структуры и общей позитивной тональности. Семантическое ядро «Slipping through the cracks» упрощено до «убегают в тень», что нивелирует оттенок процессуальности и непреднамеренности. Термин «Gumshoes» заменен на «храбрецы», что исключает детективную коннотацию и фокусируется на героических атрибуатах персонажей. Фразеологизм «Picking up the slack» трансформирован в «Все исправляют день за днем!», сохраняя идею результативности, однако утрачивая метафоричность исходного выражения. Достоинства: Высокая степень запоминаемости благодаря рифме и доступности языка для целевой аудитории (дети). Недостатки: Существенное смысловое упрощение, элиминация детективных элементов, потеря метафоричности.

Вариант 2: «Бывает, зло уйдёт, И след простыл порой. Но эти сыщики Найдут его, ты верь им, стой!» (Стратегия: сохранение детективной тематики). Анализ: В данном варианте предпринята попытка сохранения детективного контекста посредством использования лексемы «сыщики» в качестве эквивалента

«Gumshoes». Исходное выражение «Slipping through the cracks» адаптировано как «След простила порой», что обладает большей семантической близостью к оригиналу по сравнению с первым вариантом. Фразеологизм «Picking up the slack» имплицитно представлен в контексте «Найдут его», акцентируя внимание на разрешении проблемной ситуации. Достоинства: Сохранение детективной составляющей, более адекватная передача значения «slipping through the cracks». Недостатки: Рифмическая структура менее естественна, чем в первом варианте. Финальная императивная конструкция («верь им, стой!») может нарушать общий динамичный характер текста.

Исходный текст: «No case too big, No case too small / When you need help just call». Данная строфа подчеркивает универсальность помощи, предоставляемой главными героями, вне зависимости от масштаба проблемы. Ключевые элементы: «No case too big, No case too small» – акцентирование готовности принимать дела любого уровня сложности; «When you need help just call» – прямой призыв к действию, подчеркивающий доступность и оперативность помощи.

Вариант 1: «Нет дел неважных, нет дел больших. Зовите нас, поможем мы от всей души!» (Стратегия: разговорный стиль, адаптация к целевой аудитории). В данном варианте масштабы проблемы («too big, too small») трансформированы в категории важности («неважных») и размера («больших»). Призыв «just call» заменен на расширенную конструкцию «Зовите нас, поможем мы от всей души!», что придает тексту более дружелюбный и эмоциональный тон. Достоинства данного перевода: простота и доступность языка, соответствие коммуникативным паттернам детской аудитории. Недостатки: частичная потеря акцента на универсальности помощи вне зависимости от масштаба дел.

Вариант 2: «Нет дела сложного, нет дела простого. Помощь нужна? Зовите Чипа с Дейлом!» (Стратегия: акцент на идентичность персонажей). В этом переводе категории масштаба обозначены как «сложного» и «простого», что может быть более понятным для детской аудитории, чем категории размера. Замена «just call» на «Зовите Чипа с Дейлом!» напрямую указывает на главных героев, что способствует их идентификации и запоминанию. К достоинствам перевода мы можем отнести прямое указание на персонажей, что является важным фактором в контексте анимационного сериала. К недостаткам: рифма «простого» – «Дейлом» может быть оценена как менее органична. Снижается акцент на универсальности, смешая фокус на конкретных персонажей.

Приведем другую строчку песни: «They'll take the clues And find the wheres and whys and whos». Данная строфа подчеркивает дедуктивные способности персонажей, их умение эффективно расследовать дела. Ключевые элементы: «Clues» – улики; «Wheres, whys, and whos» – фундаментальные вопросы детективного процесса (место, причина, личность).

Вариант 1: «Все улики соберут, И кто злодей, где он, все узнают тут!» (Стратегия: акцент на результате расследования). В данном варианте акцент смешен на конечный результат расследования – идентификацию злодея. Термин «Clues» переведен как «улики», что обеспечивает высокую степень семантической точности. Конструкция «Wheres, whys, and whos» упрощена до «кто злодей, где он», фокусируясь на поиске виновника и его местонахождении. Достоинства: доступность языка, четкая ориентация на результат расследования, что соответствует интересам целевой аудитории. Недостатки: исключение элемента поиска мотивов преступления («whys»).

Вариант 2: «Они раскроют план, Найдете виновных, где и что, всяк узнает сам!» (Стратегия: поэтизация, образность). Здесь используется более образный язык, заменяя «clues» на «раскроют план». Конструкция «Wheres, whys, and whos» перефразирована как «виновных, где и что», что сохраняет идею многоаспектности расследования. Достоинства: экспрессивность и образность языка, что может повысить интерес к тексту. Недостатки: снижение семантической точности при переводе «clues». Финальная фраза («всяк узнает сам!») может нарушать стилистическое единство текста.

Выводы

Таким образом, мы можем заключить, что работа над переводом песенных заставок анимации относится к числу особых задач, поскольку необходимо соблюдать музыкальный строй, ритм и содержание первоначального варианта, принимая во внимание культурные предпочтения целевых слушателей. Ранее отмечалось, что текстовая основа песни обязана следовать заданному музыкальному ритму, гармонируя с общей композицией.

Отсюда возникает потребность тщательной проработки метрики текста. Немаловажным фактором выступает и подбор рифм, обеспечивающих лёгкость усвоения и закрепляемости текста у детской аудитории. Помимо прочего, перевод обязан учитывать разницу культурных кодов между создателями оригинального проекта и потребителями в России. Некоторые юмористические моменты или аллюзии могут оказаться непонятными отечественному зрителю и требовать доработки. Главная цель заключается в сохранении атмосферы.

сферы и настроения первоисточника, несмотря на возможные изменения отдельных фрагментов текста. Однако необходимо помнить, что аудитория состоит главным образом из детей, которым сложно воспринимать замысловатые конструкции и редкие термины. Следовательно, задача переводчика – создать лаконичный и приятный на слух текст, который малыши смогут быстро запомнить и петь вместе с любимыми персонажами. Хотя адаптация неизбежна, главная мысль песни должна оставаться неизменной, что способствует формированию связи зрителя с героями и развитием интереса к сюжету мультфильма. Итак, перевод музыкальных интродукций к мультфильмам – непростое дело, предполагающее тонкий компромисс между верностью оригиналу и способностью создавать качественный продукт, соответствующий вкусам русскоязычного потребителя.

Список источников

1. Бородина М.А., Апанасюк Л.А. Дидактическая составляющая визуально-мультимедийного обучения иностранным языкам в профессиональном образовании // Педагогическое образование и наука. 2024. № 2. С. 56 – 64.
2. Бородина М.А., Апанасюк Л.А. Использование аутентичных материалов при обучении английскому языку // Ученые записки Российской государственной социальной университета. 2023. Т. 22. № 2 (167). С. 126 – 132.
3. Викторова А.А., Латышова С.В. К вопросу о переводе музыкально-поэтического текста (на материале текста песен Adele) // Вестник науки. 2023. № 4 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-muzykalno-poeticheskogo-teksta-na-materiale-teksta-pesen-adele> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Киндря Н.А. Использование мультимедийных средств в обучении студентов английскому языку в неязыковом вузе // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 6А. Ч. 2. С. 701 – 708.
5. Кудряшова С.А., Чубарова Ю.Е. Перевод песен как особый вид художественного перевода // Огарёв-Online. 2023. № 11 (196). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-pesen-kak-osobyy-vid-hudozhestvennogo-perevoda> (дата обращения: 15.06.2025).
6. Нгуен Тхи Тхуй Кунь, Крицкая Н.В. Песенные тексты анимационных фильмов и особенности их перевода // Вестник ТГПУ. 2022. № 1 (219). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesennye-teksty-animatsionnyh-filmov-i-osobennosti-ih-perevoda> (дата обращения: 01.06.2025).
7. Никитин М.Ю., Бородина М.А. Особенности перевода фильмонимов с английского языка на примере мультсериала // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 243 – 246.
8. Торгованова О.Н., Шабанова А.Е. Использование мультимедийной среды при обучении иностранным языкам // E-Scio. 2023. № 3 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-multimediyoy-sredy-pri-obuchenii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 01.06.2025).
9. Chip 'N Dale's Rescue Rangers Theme Song // Genius. URL: <https://genius.com/The-jets-group-chip-n-dales-rescue-rangers-theme-song-annotated> (дата обращения: 10.06.2025).

References

1. Borodina M.A., Apanasyuk L.A. Didactic component of visual-multimedia teaching of foreign languages in professional education. Pedagogical education and science. 2024. No. 2. P. 56 – 64.
2. Borodina M.A., Apanasyuk L.A. Using authentic materials in teaching English. Scientific notes of the Russian state social university. 2023. Vol. 22. No. 2 (167). P. 126 – 132.
3. Viktorova A.A., Latyshova S.V. On the issue of translating musical and poetic text (based on the lyrics of Adele's songs). Science Bulletin. 2023. No. 4 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-muzykalno-poeticheskogo-teksta-na-materiale-teksta-pesen-adele> (date of access: 15.06.2025).
4. Kindrya N.A. Using multimedia in teaching students English in a non-linguistic university. Pedagogical journal. 2022. Vol. 12. No. 6A. Part 2. P. 701 – 708.
5. Kudryashova S.A., Chubarova Yu.E. Translation of songs as a special type of literary translation. Ogarev-Online. 2023. No. 11 (196). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-pesen-kak-osobyy-vid-hudozhestvennogo-perevoda> (date of access: 15.06.2025).
6. Nguyen Thi Thuy Cunh, Kritskaya N.V. Song lyrics of animated films and features of their translation. Bulletin of TSPU. 2022. No. 1 (219). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesennye-teksty-animatsionnyh-filmov-i-osobennosti-ih-perevoda> (date of access: 01.06.2025).
7. Nikitin M.Yu., Borodina M.A. Features of the translation of filmonyms from English on the example of a cartoon series. Cognitive studies of language. 2024. No. 1-1 (57). P. 243 – 246.

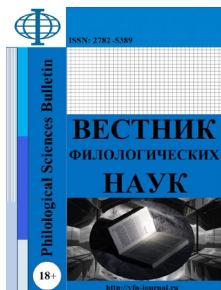
8. Torgavanova O.N., Shabanova A.E. Using a multimedia environment in teaching foreign languages. E-Scio. 2023. No. 3 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-multimediyoy-sredy-pri-obuchenii-inostrannym-yazykam> (date of access: 01.06.2025).

9. Chip 'N Dale's Rescue Rangers Theme Song. Genius. URL: <https://genius.com/The-jets-group-chip-n-dales-rescue-rangers-theme-song-annotated> (date of access: 01.06.2025).

Информация об авторах

Лунькова С.А., кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов (РУДН),
s.lun04@mail.ru

© Лунькова С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-11

¹ Некрасова К.И.

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

К особенностям реагирующего аргументативного дискурса у носителей когнитивного стиля «конкретная концептуализация / абстрактная концептуализация»

Аннотация: в статье представлены ход и результаты проведения лингвопсихологического эксперимента с целью выявления особенностей воспроизведения аргументативного дискурса респондентами-носителями противоположных полюсов когнитивного стиля «конкретная концептуализация / абстрактная концептуализация». Исследовались особенности воспроизведения аргументативной деятельности, количество, последовательность выдвигаемых Тезисов, особенности использования языковых средств, репрезентирующих Данные и Основания, подкрепляющие вводимые Тезисы. Тексты-продукты испытуемых подвергались аргументативному анализу с использованием модели аргументативных функций С. Тулмина на предмет определения особенностей и количества Аргументативных Ходов и Аргументативных Шагов, типа аргументации.

Ключевые слова: аргументация, когнитивный стиль, «конкретная/абстрактная концептуализация», Аргументативный Шаг, Аргументативный Ход

Для цитирования: Некрасова К.И. К особенностям реагирующего аргументативного дискурса у носителей когнитивного стиля «конкретная концептуализация / абстрактная концептуализация» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 173 – 177.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Nekrasova K.I.

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

On the features of reactive argumentative discourse in speakers of the cognitive style "concrete conceptualization / abstract conceptualization"

Abstract: the article presents the course and results of a lingvopsychological experiment aimed at identifying the features of reproducing argumentative discourse by respondents who are native speakers of the opposite poles of the cognitive style "concrete conceptualization / abstract conceptualization". The features of reproducing argumentative activity, the number and sequence of the Theses put forward, the features of using linguistic means representing the Data and Grounds that support the Theses introduced were studied. The texts-products of the subjects were subjected to argumentative analysis using the model of argumentative functions of S. Toulmin to determine the features and number of Argumentative Moves and Argumentative Steps, the type of argumentation.

Keywords: argumentation, cognitive style, "concrete/abstract conceptualization", Argumentative Step, Argumentative Move

For citation: Nekrasova K.I. On the features of reactive argumentative discourse in speakers of the cognitive style "concrete conceptualization / abstract conceptualization". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 173 – 177.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Аргументативный дискурс является важным инструментом для формирования общественного мнения, принятия решений и урегулировании конфликтов. Умение анализировать и создавать аргументативные тексты и выступления является ценным навыком в различных сферах жизни человека. Аргументативный дискурс обладает рядом признаков, существенно отличающих его от других типов дискурса. Своей целью аргументативный дискурс ставит убедить, склонить реципиента к определенному действию путем ряда логических и риторических приемов, т.е. аргументативный дискурс ставит во главу угла изменение убеждений или поведения адресата. Еще одна характерная особенность аргументативного дискурса – это наличие тезиса (четкой позиции), которую стремиться доказать создатель дискурса [1, с. 43].

Аргументативный дискурс обладает структурированностью, его элементы обладают структурной и семантической целостностью. Тезис является ясным и конкретным заявлением, которое доказывается [5]. Аргументы представляют собой логические выводы, факты, примеры, статистические данные, экспертные мнения, направленные в поддержку тезиса [4].

В своем исследовании мы придерживались следующего определения аргументативного дискурса, предложенного Н.А. Ощепковой: «аргументативный дискурс – есть многогранный феномен, имеющий уровневую организацию, где каждый уровень равен Аргументативному Ходу, а Ход, в свою очередь, состоит из нескольких Аргументативных Шагов, выдвигаемых в защиту Тезиса [6]. Стоит отметить, что Аргументативный Ход как правило, равен абзацу, а Аргументативный Шаг представляет собой фразу или совокупность фраз, направленных на подкрепление Тезиса.

Для анализа дискурсов, полученных от респондентов, нами была выбрана структурно-функциональная модель С. Тулмина, которая позволяет анализировать аргументы и определять их функциональную составляющую. С. Тулмин разработал базовую трехчленную модель аргумента, которая состоит из Тезиса (Claim), Данных (Data) и Основания (Warrant) [7]. Стоит отметить, что аргументы, используемые в естественном общении, редко бывают полносоставными, а скорее являются энтилемными, что по мнению Л.Г. Васильева низводит аргумент только до двух составляющих – Тезиса и Довода, а Основание подлежит восстановлению с учетом ситуации общения и культурного фона коммуниканта [2]. Полученные тексты испытуемых изобиловали энтилемными аргументами, Основания были выражены имплицитно и были «достроены» автором настоящей статьи.

Для определения полюсной принадлежности когнитивного стиля «конкретная концептуализация / абстрактная концептуализация» участники эксперимента выполняли тест «я считаю, что...», где им требовалось закончить предложенные высказывания несколькими словами. Законченные фразы респондентов подлежали лингвистической интерпретации, так как носители противоположных полюсов исследуемого когнитивного стиля используют ряд языковых детерминативов, определяющих полюсность абстрактности или конкретности [9, 10].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты-продукты, полученные от участников эксперимента после восстановления ими аргументативного текста. Для разбиения испытуемых использовался тест Д. Кэролла, где респондентам было необходимо закончить высказывания, например: «Я верю, что деньги...; Я верю, что здоровье...; Я верю, что дружба...; Я верю, что друзья... и т.д.» Далее высказывания анализировались по ряду лингвистических признаков, описанных в диссертационных исследованиях Н.В. Щербаковой и В.Ю. Зайцевой.

При анализе аргументативных текстов использовались методика гипотетико-дедуктивного анализа, структурная функциональная модель С. Тулмина.

Результаты и обсуждения

200 студентов КГУ им. К.Э. Циолковского языковых профилей подготовки в возрасте 18-21 года приняли участие в эксперименте. На первом этапе участникам было предложено выполнить тест, результаты которого позволили разделить респондентов на две группы с ярко выраженной абстрактностью и конкретностью. В данной статье приведены результаты эксперимента только группы с явно выраженной конкретностью. Так, респондентам с выраженным полюсом конкретности свойственно употребление большого числа ограничителей (каждый, этой, такой и пр.), определение концепта одним словом, описание концепта с помощью общей идеи, известной истины, использование пословиц или поговорок при описании концепта, выра-

жение личного участия при определении концепта, ошибок в определении концепта, его многократного повтора при описании [3, 9].

Респондент 1: Я верю, что деньги портят людей (общееизвестное высказывание).

Респондент 2: Я верю, что деньги – зло (описание концепта одним словом).

Респондент 3: Я верю, что вера – это то, что нужно каждому (употребление ограничителей это, то, каждый).

Респондент 4: Я верю, что друзья, по моему мнению, нужны (выражение личного мнения).

Респондент 5: Я верю, что любовь нужна всему живому, без любви нельзя прожить, любовь правит миром (многократное повторение концепта).

Респондент 6: Я верю, что любовь зла – полюбишь козла (использование поговорки).

На втором этапе эксперимента респонденты прочитали и прослушали аргументативный текст о негативном влиянии искусственного интеллекта при его внедрении в образовательную среду. Необходимость и чтения, и прослушивания текста обусловлена особенностями индивида воспринимать информацию; кто-то воспринимает информацию в ее графическом представлении, а кто-то аудиальным способом. Далее испытуемые воспроизвели аргументацию автора исходного текста, и их тексты-продукты были подвергнуты аргументативному анализу, был определен тип аргументации.

Респондент 1: Использование ИИ в образовании может привести к снижению развития критического мышления у учащихся, так как алгоритмы ИИ часто предоставляют готовые ответы и решения, не требуя от учеников самостоятельного анализа и оценки информации (единичная аргументация).

Респондент 2: Внедрение ИИ в образование требует осторожного и обдуманного подхода. Необходимо учитывать потенциальный вред ИИ, а не слепо гнаться за технологическим прогрессом. Важно найти баланс между использованием ИИ для повышения эффективности образования и сохранением фундаментальных ценностей, таких как развитие критического мышления, эмпатия, социальное равенство, защита данных и уважение индивидуальности (множественная аргументация).

Респондент 3: Чрезмерная зависимость от ИИ в образовании ослабляет ключевые навыки, необходимые для полноценного развития личности. Подчинительные аргументы, поддерживающие основной аргумент: Аргумент А1: ИИ снижает развитие критического мышления и аналитических способностей.

Подчинительный аргумент А1.1: ИИ предоставляет готовые решения и ответы, избавляя учеников от необходимости самостоятельно анализировать информацию и решать проблемы.

Подчинительный аргумент А1.1.1: Алгоритмы поиска информации в интернете и ИИ-репетиторы могут предлагать упрощенные или предвзятые ответы, не стимулируя критический анализ.

Подчинительный аргумент А1.2: ИИ может ограничивать разнообразие перспектив и подходов к решению задач, поскольку он опирается на заранее заданные алгоритмы и базы данных.

Подчинительный аргумент А1.2.1: Учащиеся, полагающиеся на ИИ, могут упускать из виду альтернативные решения или творческие подходы, которые не были предусмотрены в алгоритме.

Респондентам-носителям полюса «конкретная концептуализация» свойственно использование множественной подчинительной аргументации, испытуемые воспроизвели практически все Тезисы и Данные, вводимые автором стимульного текста, не перестраивая их и не меняя их порядок в аргументативном тексте. Наблюдалась незначительная доля собственной аргументации.

Приведем примеры экспертного разбора текстов испытуемых. Стоит отметить, что большинство аргументов участников эксперимента являются энтилемными. Основания аргументов выражены имплицитно и были восстановлены автором настоящей статьи.

Пример 1: (респондент с полюсом «конкретности»).

Claim 1: Искусственный интеллект не надежен (Декларативный Тезис).

Data1: Примеры, где беспилотные автомобили испытывают трудности в нестандартных ситуациях, например, при встрече с неожиданными препятствиями на дороге или при взаимодействии с пешеходами, ведущими себя непредсказуемо (Данные ситуации).

Data 2: Трудности с пониманием сарказма и иронии в текстах и разговорах. Алгоритмы часто интерпретируют саркастические высказывания буквально, что может приводить к ошибочным выводам (Данные ситуаций).

Warrant 1,2: (имплицитное) потому что ему часто не хватает здравого смысла и интуитивного понимания, что может приводить к абсурдным или опасным решениям в реальных ситуациях (Основание каузальности).

Пример 1 иллюстрирует восстановление аргументации конкретным респондентом, наблюдается довольно развернутая интерпретация, наличие фраз-комментариев, что свидетельствует о склонности к конкретизации информации носителями полюса «конкретность».

Пример 2: (респондент с полюсом «конкретности»):

Claim 1: Искусственный интеллект не способен заменить педагога (Модальный Тезис).

Data 1: Педагог, обладающий эмпатией, может распознавать эмоции ученика, адаптировать свой подход, оказывать поддержку и создавать безопасную среду обучения, чего ИИ не может (Данные выражения мнений).

Data 2: Некоторые важные навыки (например, лидерство, работа в команде, коммуникация) плохо поддаются формализации и требуют наставничества и личного примера, что трудно воспроизвести с помощью ИИ (Данные выражения мнений).

Warrant 1,2: потому что ему не хватает эмпатии, критического мышления и способности к установлению глубокой эмоциональной связи, необходимых для полноценного обучения и развития личности ученика (Основание каузальности).

Выводы

Полюсная принадлежность индивида-носителя когнитивного стиля неизбежно детерминирует реагирующий аргументативный дискурс им воссозданный. При воспроизведении аргументации респондентом с полюсом «конкретности» большинство Тезисов исходного текста эксплицируются, последовательность изложения не нарушается, проблемы, поднимаемые автором аргументативного текста, презентируются в продуктах респондентов без искажения. Испытуемые с полюсом «конкретности» воспроизводят большее количество Декларативных Тезисов, Данных выражения мнения и Данных ситуаций. Основания в основном не эксплицируются, но их восстановление автором предполагает доминирующее количество Оснований каузальности.

Список источников

1. Беседина Е.В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Курск, 2011. 156 с.
2. Васильев Л.Г. Лингво-аргументологические исследования: Калужская школа // Дискуссионные вопросы современной лингвистики. 2008. Вып. 4. С. 4 – 14.
3. Зайцева В.Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «конкретная / абстрактная концептуализация»: дис. канд. филол. наук: 5.9.8. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012. 181 с.
4. Корниенко Е.Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: когнитивно-стилистический аспект: дис. ... докт. филол. наук: 5.9.8. Архангельск, 2021. 452 с.
5. Львова Ю.А., Оборина М.В. От языковой компетенции к языковой личности // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 53 – 59.
6. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: на материале предвыборных дебатов на пост президента США: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Калуга, 2004. 199 с.
7. Степанова И.А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля ‘полезависимость / полнезависимость’: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Ижевск, 2022. 177 с.
8. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума: 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
9. Щербакова Н.В. Психолингвистический подход к выявлению когнитивных стилей политических лидеров: дис. ... канд. психол. наук: 5.9.8. Санкт-Петербург, 2005. 181 с.
10. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S., Linton H.B., Spence D.P. Cognitive control. A study of individual consistencies in cognitive behavior. Psychological Issues. N.Y., 1959. Vol. 1. 117 p.

References

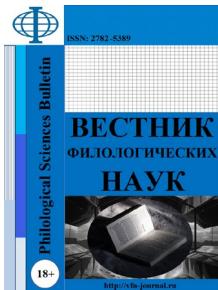
1. Besedina E.V. Argumentative discourse of cognitively complex and cognitively simple personalities: dis. Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Kursk, 2011. 156 p.
2. Vasiliev L.G. Lingvo-argumentological studies: Kaluga school. Discussion issues of modern linguistics. 2008. Iss. 4. P. 4 – 14.
3. Zaitseva V.Yu. Argumentative discourse of carriers of the cognitive style “concrete / abstract conceptualization”: dis. Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Kaluga: Kaluga State University, 2012. 181 p.
4. Kornienko E.R. Polydiscursive portrait of a linguistic personality: cognitive-stylistic aspect: dis. Doctor of Philosophy. philological sciences: 5.9.8. Arkhangelsk, 2021. 452 p.
5. Lvova Yu.A., Oborina M.V. From linguistic competence to linguistic personality. Bulletin of TvSU. Series: Philology. 2020. No. 2 (65). P. 53 – 59.

6. Oshchepkova N.A. Strategies and tactics in argumentative discourse: pragmalinguistic analysis of the persuasiveness of reasoning: based on the pre-election debates for the post of President of the USA: diss. ... Cand. Philological sciences: 5.9.8. Kaluga, 2004. 199 p.
7. Stepanova I.A. Features of the argumentative discourse of carriers of the cognitive style ‘field dependence / field independence’: diss. ... Cand. Philological sciences: 5.9.8. Izhevsk, 2022. 177 p.
8. Kholodnaya M.A. Cognitive styles. On the nature of the individual mind: 2nd ed. SPb.: Piter, 2004. 384 p.
9. Shcherbakova N.V. Psycholinguistic approach to identifying cognitive styles of political leaders: diss. ... Cand. of Psychology: 5.9.8. St. Petersburg, 2005. 181 p.
10. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S., Linton H.B., Spence D.P. Cognitive control. A study of individual consistencies in cognitive behavior. Psychological Issues. N.Y., 1959. Vol. 1. 117 p.

Информация об авторах

Некрасова К.И., старший преподаватель, кафедра английского языка, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, serginakristina@yandex.ru

© Некрасова К.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81-11

¹ Гао Сутонг

¹ Сианьский нефтяной университет

Исследование преподавания английского языка в колледже под руководством теории интеграции содержания и языка

Аннотация: с ускорением глобализации в обществе растет потребность в междисциплинарных талантах с прочным владением английским языком и междисциплинарными знаниями. Традиционная модель преподавания английского языка в колледжах, которая «делает акцент на языковых навыках, пренебрегая интеграцией контента», с трудом может удовлетворить потребности студентов в использовании английского языка для решения профессиональных задач в реальных контекстах. Данное исследование посвящено применению теории CLIL (Content and Language Integrated Learning) в преподавании английского языка в колледжах. В качестве примера для глубокого анализа осуществимости и практических эффектов интеграции этой теории в преподавание английского языка в колледжах рассматривается многопрофильный университет. Исследование показывает, что модель CLIL может эффективно улучшить у студентов способность к всестороннему применению английского языка и способность переносить знания по предметам. Однако ее продвижение в этом университете сталкивается с такими проблемами, как недостаточная грамотность преподавателей, нехватка учебных ресурсов и трудности в адаптации к индивидуальным особенностям студентов. Основываясь на этом, данное исследование предлагает целевые стратегии, предоставляя теоретические ссылки и практические пути для реформирования преподавания английского языка в колледжах в аналогичных учебных заведениях.

Ключевые слова: теория CLIL, преподавание английского языка в колледжах, интеграция содержания и языка, педагогическая практика, междисциплинарное развитие талантов

Для цитирования: Гао Сутонг. Исследование преподавания английского языка в колледже под руководством теории интеграции содержания и языка // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 178 – 183.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Gao Sutong

¹ Xi'an Shiyou University

A study on college English teaching under the guidance of content and language integrated learning theory

Abstract: with the acceleration of globalization, there is an increasingly urgent demand for interdisciplinary talents with solid English proficiency and cross-disciplinary knowledge in society. The traditional college English teaching model, which “emphasizes language skills while neglecting content integration”, can hardly meet students’ needs to use English to solve professional problems in real contexts. This study focuses on the application of CLIL (Content and Language Integrated Learning) theory in college English teaching. It takes a comprehensive university as a case study to deeply analyze the feasibility and practical effects of integrating this theory with college English teaching. The research finds that the CLIL model can effectively improve students’ comprehensive English application ability

and disciplinary knowledge transfer ability. However, its promotion in this university faces challenges such as insufficient teaching literacy, lack of teaching resources, and difficulty in adapting to students' individual differences. Based on this, this study proposes targeted strategies, providing theoretical references and practical paths for the reform of college English teaching in similar institutions.

Keywords: CLIL theory, college English teaching, content and language integration, teaching practice, interdisciplinary talent cultivation

For citation: Gao Sutong. A study on college English teaching under the guidance of content and language integrated learning theory. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 178 – 183.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Будучи важной частью развития языковых навыков студентов и навыков межкультурного общения, преподавание английского языка в колледжах становится всё более и более важным [10, с. 46]. Однако традиционная модель преподавания английского языка в колледжах имеет множество ограничений и не может удовлетворить спрос общества на сложные таланты. В традиционном обучении содержание обучения часто ограничивается учебниками, которые относительно просты и не имеют тесной связи с реальной жизнью и профессиональными знаниями. В классе преподаватели часто используют метод обучения в стиле лекций, центрированный на преподавателе, уделяя особое внимание объяснению грамматики и лексики. Студенты пассивно воспринимают знания и лишены возможности активного участия и реального применения языка. Этот метод обучения приводит к тому, что студенты овладевают определенными языковыми знаниями, но испытывают трудности в их реальном применении и не могут гибко использовать английский язык для эффективного общения и обмена, что приводит к феномену «немого английского». Кроме того, традиционное обучение не уделяет достаточного внимания развитию у студентов навыков межкультурного общения. Понимание студентами западной культуры поверхностно, им не хватает глубокого понимания и восприимчивости к культурным различиям, что приводит к недопониманию в межкультурной коммуникации.

Чтобы преодолеть дилемму традиционного обучения и способствовать реформированию и развитию преподавания английского языка в колледжах, была разработана теория слияния предмета и языка. Интегрированное обучение предмету и языку (CLIL) делает акцент на органичном сочетании изучения языка и предмета, позволяя студентам естественным образом совершенствовать языковые навыки в процессе изучения предмета и углублять понимание предмета посредством использования языка [7, с. 11]. Эта концепция обучения привнесла новые идеи и методы в преподавание английского языка в колледжах, которые могут эффективно компенсировать недостатки традиционного обучения и удовлетворить потребность общества в развитии сложных талантов. Она предоставляет студентам более аутентичную и насыщенную языковую среду, позволяя студентам улучшить свои навыки всестороннего применения языка и развивать понимание и навыки межкультурной коммуникации, одновременно приобретая профессиональные знания, заложивая прочную основу для будущего карьерного роста студентов и международного обмена.

В 1994 году профессор Дэвид Марш из Финляндии официально предложил концепцию интеграции содержания и языка, а именно «Интегрированное обучение содержания и языка», подчеркивая органическую интеграцию изучения содержания и языка и предлагая новые идеи и методы обучения иностранным языкам [1]. С развитием глобализации теория интеграции содержания и языка постепенно распространилась на другие регионы мира, такие как Африка и Азия. В Азии такие страны, как Япония, Южная Корея и Сингапур, также начали внедрять модели обучения, основанные на интеграции содержания и языка, и адаптировать их к своим собственным образовательным условиям. В моей стране исследования и применение теории интеграции содержания и языка начались относительно поздно. В 2006 году в Китае была опубликована первая научная работа по интеграции содержания и языка, и с тех пор количество соответствующих исследований постепенно росло. В последние годы, с акцентом моей страны на воспитание международных талантов, все больше и больше университетов и начальных и средних школ начали пытаться осуществлять практику преподавания предметной и языковой интеграции и исследовать модели и методы обучения, подходящие для национальных условий моей страны [2, с. 24]. Некоторые университеты используют полностью английское или двуязычное обучение на профессиональных курсах, сочетая изучение языка с изучением профессиональных знаний; некоторые начальные и средние школы также провели экспериментальные курсы по интеграции содержания и языка, такие как преподавание науки, математики и других предметов на

английском языке, и достигли определенных результатов [9, с. 144]. Однако в целом преподавание интеграции содержания и языка все еще находится в стадии изучения и развития в моей стране и по-прежнему сталкивается со многими проблемами, такими как нехватка учителей, нехватка учебных ресурсов и несовершенная система оценки, для решения которых необходимы дальнейшие исследования и практика.

Основная идея теории слияния предмета и языка заключается в тесной интеграции изучения предмета с изучением языка, чтобы учащиеся могли естественным образом улучшить свои языковые навыки в процессе изучения предмета и углубить понимание предмета посредством использования языка [5, с. 20]. В преподавании слияния предмета и языка язык больше не является изолированным объектом обучения, а инструментом приобретения знаний и передачи идей, которые взаимозависимы и взаимно усиливают предметное содержание [8, с. 71]. Например, на курсе биологии, преподаваемом на английском языке, учащимся необходимо не только освоить профессиональные знания в области биологии, такие как структура клетки и биологическая эволюция, но и использовать английский язык для понимания, выражения и обсуждения этих знаний, тем самым улучшая свои навыки аудирования, говорения, чтения и письма на английском языке. Он создает для учащихся более уникальную и богатую языковую среду. Кроме того, он способствует развитию навыков всестороннего применения языка и предметной грамотности.

Материалы и методы исследований

Данное исследование отобрало примеры многопрофильных университетов для изучения эффективности преподавания английского языка в колледже на основе теории интеграции содержания и языка.

В данном исследовании изучалась предметно-языковая интеграция на инженерных специальностях, которая может улучшить навыки применения английского языка студентами в инженерных областях, такие как чтение английской инженерной литературы и написание технических отчетов на английском языке. В рамках данного исследования, посвященного преподаванию в университете, представлен углубленный анализ эффективности теории интеграции содержания и языка в преподавании английского языка в колледже, в результате чего были сделаны как универсальные, так и целенаправленные выводы, которые служат ориентиром для университетов и программ, внедряющих предметно-языковую интеграцию в свое обучение.

В данном исследовании была выбрана специальность «Информатика и технологии» в многопрофильном университете. Далее будут подробно описаны образовательная среда, цели, содержание и процесс обучения в данном кейсе.

Образовательная среда: Данный университет является многопрофильным, и специальность «Информатика и технологии» является одной из его приоритетных специальностей. Студенты этой специальности обладают прочными базовыми знаниями в области компьютерных наук и развитым логическим мышлением, но их навыки практического применения английского языка, особенно навыки аудирования, говорения, чтения и письма профессионального английского, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. В связи с быстрым развитием компьютерных технологий и усилением тенденции к интернационализации студентам необходимо хорошо владеть английским языком, чтобы быть в курсе передовых международных технологий, общаться и сотрудничать с зарубежными коллегами.

Цели обучения: За 10 недель интеграционного обучения предмету и языку студенты смогут улучшить свои навыки практического применения английского языка, особенно навыки профессионального английского, одновременно овладевая профессиональными компьютерными навыками. В частности, это включает в себя умение свободно читать английскую компьютерную литературу, писать технические отчеты на английском языке, делать устные доклады на английском языке и участвовать в международных мероприятиях по академическому обмену; развивать у студентов навыки межкультурной коммуникации, чтобы они могли эффективно общаться с людьми из разных культур в рамках проектов международного сотрудничества; развивать у студентов способность к самостоятельному обучению и инновационное мышление, а также закладывать прочную основу для будущего международного развития студентов в области компьютеров.

Содержание обучения: Выбор всемирно известных учебников английского языка для компьютерных специальностей в качестве основных учебных материалов, охватывающих основные темы курса, такие как компьютерные сети, принципы работы с базами данных и искусственный интеллект. В то же время мы используем реальные корпуса, такие как доклады международных научных конференций и документы проектов с открытым исходным кодом, чтобы познакомить студентов с новейшими профессиональными знаниями и тенденциями отрасли. В плане обучения языку мы уделяем особое внимание объяснению профессиональной лексики, грамматики и стандартов академического письма, а также сочетаем профессиональный контент с языковой подготовкой.

Процесс обучения: применение гибридного онлайн- и офлайн-формата обучения. В режиме онлайн студенты самостоятельно изучают профессиональные знания с помощью обучающей платформы, смотрят обу-

чающие видео по английскому языку, выполняют онлайн-тесты и домашние задания; в офлайн-режиме преподаватели организуют обсуждения в классе, групповые проекты, научные отчёты и другие мероприятия.

Результаты и обсуждения

Результаты итоговых экзаменов показали среднее улучшение результатов по профессиональному английскому языку на 8 баллов. Это свидетельствует о том, что, приобретая навыки в области информатики посредством английского языка, студенты достигли синергетического улучшения как в профессиональном содержании, так и в языковой грамотности.

Результаты интервью также показали, что студенты в целом считают, что преподавание по методу CLIL помогает им получить доступ к передовым международным знаниям, расширить культурный кругозор и развить критическое мышление. Интервью с преподавателями показали, что эта модель значительно повышает уровень общей грамотности студентов, но на практике сталкивается с такими проблемами, как нехватка учебных ресурсов и существенные различия в уровне владения английским языком студентов.

Подводя итог, можно сказать, что методы преподавания английского языка, основанные на теории CLIL, достигли значительных результатов в улучшении уровня владения языком, профессиональных знаний и общей грамотности студентов. Благодаря органичной интеграции изучения языка с изучением предмета, повысился интерес и энтузиазм студентов к обучению, а также значительно улучшился эффект обучения. Однако в процессе внедрения необходимо также уделять внимание оптимизации учебных ресурсов и учету индивидуальных различий между учащимися для дальнейшего повышения качества и эффективности преподавания интеграции содержания и языка.

Хотя теория интеграции содержания и языка вдохнула новую жизнь и придала новые возможности преподаванию английского языка в колледжах, в реальной практике неизбежно возникает ряд проблем, которые стали определенными препятствиями для реализации педагогического эффекта и достижения учебных целей.

Основной проблемой является нехватка преподавателей. Метод интеграции содержания и языка требует от преподавателей не только прочной базы английского языка, но и глубоких знаний по предмету и способности органично интегрировать эти два аспекта. Однако в действительности наблюдается относительная нехватка преподавателей, обладающих всеми этими качествами. Нехватка учебных ресурсов также является проблемой, которую нельзя игнорировать. Учебники английского языка, используемые многими университетами, либо слишком сосредоточены на объяснении языковых знаний и не имеют тесной интеграции с содержанием предмета [3, с. 155]; либо они слишком сложны и не подходят для фактического уровня студентов.

Большие индивидуальные различия между студентами также являются проблемой, с которой сталкивается преподавание интеграции содержания и языка. Существуют большие различия во владении английским языком, предметной базе, способности к обучению и интересе к обучению среди разных студентов, что создает трудности для реализации обучения интеграции содержания и языка. В одном и том же классе некоторые студенты имеют хорошую основу английского языка и могут легко понимать и усваивать знания по предмету, преподаваемые на английском языке; в то время как у других студентов слабая основа английского языка и могут испытывать трудности с пониманием языка, и им еще сложнее углубленно изучать содержание предмета. Кроме того, интересы и мотивация обучения студентов также различаются. Некоторые студенты интересуются моделью обучения интеграции содержания и языка и активно участвуют в занятиях [6, с. 101]; в то время как другие учащиеся могут быть более адаптированы к традиционной модели обучения и испытывать сопротивление к преподаванию, основанному на интеграции содержания и языка. В ответ на вышеуказанные проблемы разработка целевых стратегий реагирования является ключом к эффективному применению теории интеграции содержания и языка в преподавании английского языка в колледжах.

Укрепление системы подготовки учителей является важной мерой для решения проблемы нехватки учителей. Школам и департаментам образования следует увеличить инвестиции в подготовку учителей по интеграции содержания и языка и предоставить разнообразные каналы и ресурсы для обучения.

Чтобы помочь учителям глубже понять концепции, методы и методики интегрированного преподавания предмета и языка, они могут участвовать в соответствующих семинарах и тренингах в стране и за рубежом, а также приглашать экспертов и учёных для чтения лекций, и проведения консультаций. Кроме того, следует поощрять учителей к участию в междисциплинарном обучении и исследованиях для укрепления их профессиональных знаний и языковых навыков.

Дифференцированное обучение позволяет эффективно учитывать индивидуальные различия учащихся. Учащихся можно стратифицировать на основе их уровня владения английским языком, предметной подготовки и способностей к обучению, разрабатывая индивидуальные цели и планы обучения. Для удовлетворения различных потребностей можно использовать разнообразные методы обучения. Учащимся с хоро-

шим знанием английского языка можно поручать сложные задания, такие как академические исследования и письмо на английском языке, для развития инновационного мышления и критического мышления. Учащимся с более слабой базой знаний можно сосредоточиться на закреплении базовых знаний и развитии языковых навыков, используя простые методы, такие как ситуативное обучение и групповая работа, чтобы помочь им постепенно совершенствовать свои знания.

Выводы

В данном исследовании подробно рассматривается преподавание английского языка в колледжах на основе теории слияния содержания и языка. Благодаря глубокому анализу теории слияния содержания и языка, анализу текущей ситуации в преподавании английского языка в колледжах, изучению практических примеров преподавания и исследованию проблем и стратегий преодоления трудностей, сделаны следующие основные выводы:

Теория слияния содержания и языка делает акцент на интеграции содержания и языка и обладает характеристиками двойной направленности, междисциплинарности, ситуативности, интерактивности и автономности. Её теоретические основы включают теорию усвоения второго языка, конструктивистскую теорию обучения и теорию межкультурной коммуникации. Эта теория привнесла инновационное значение в преподавание английского языка в колледжах, может развивать всесторонние способности студентов, повышать эффективность обучения, способствовать реформам в области преподавания и может быть интегрирована с преподаванием английского языка в колледжах.

Благодаря изучению практических примеров преподавания в различных университетах и на различных специальностях, было установлено, что преподавание английского языка в колледжах, основанное на теории слияния содержания и языка, достигло значительных результатов в улучшении языковых навыков студентов, предметных знаний и всесторонней грамотности. Уровень владения английским языком у студентов значительно улучшился, и они могут более эффективно использовать его в профессиональном общении и обучении; углубились знания по предмету и расширились понимание и знания в профессиональных областях; в то же время у студентов эффективно развиваются навыки межкультурного общения, критическое мышление, командный дух и другие комплексные качества. Однако в процессе педагогической практики также возникают такие проблемы, как нехватка преподавателей, нехватка учебных ресурсов и значительные индивидуальные различия между студентами.

В ответ на эти проблемы в данном исследовании предлагаются соответствующие стратегии преодоления трудностей, включая усиление подготовки учителей, повышение их способностей к преподаванию предметной языковой интеграции; разработку богатых учебных ресурсов для удовлетворения потребностей в преподавании; внедрение стратифицированного обучения для адаптации к индивидуальным различиям студентов. Благодаря внедрению этих стратегий можно эффективно решить проблемы, существующие в преподавании предметной языковой интеграции, а также улучшить качество и эффективность обучения.

Список источников

1. Марш Д. Языковая осведомленность и CLIL // Энциклопедия языка и образования. Бостон, Массачусетс, 2008. С. 1986 – 1999.
2. Чэнь Яньчжун. Исследование практики преподавания английского языка в старших классах средней школы на основе концепции CLIL на примере темы экологии // Преподавание и исследования английского языка в начальной и средней школе. 2024. № 6. С. 24 – 27.
3. Дун Янь, Ян Тин, Кэ Минь. Исследование построения модели преподавания CLIL курса «Английский язык китайской медицины» в высших учебных заведениях китайской медицины // Исследования в области высшего образования провинции Хэйлунцзян. 2023. № 41-10. С. 155 – 160.
4. Хоу Цзяхуэй. Модель CLIL: эффективный путь к «интеграции обучения чтению в рамках уроков английского языка в начальной школе и за её пределами» // Преподавание английского языка и исследования в начальных и средних школах. 2019. № 1. С. 12 – 15.
5. Ли Синь, Фэн Дэчжэн. Практическое исследование «идеологического и политического образования в учебной программе» в гибридном преподавании основных дисциплин делового английского языка // Иностранные языки. 2021. № 37-2. С. 19 – 26.
6. Шэнь Кэхуа. Исследование развития инновационного потенциала специалистов в области международной экономики и торговли на основе практики CLIL и теста на эффективность // Журнал Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. 2019. № 26-3. С. 99 – 108.

7. Ван Цзюньцзюй, Лу Пин. Идеологическое и политическое проектирование курсов иностранных языков в рамках концепции CLIL: принципы и пути // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2023. № 6. С. 9 – 19.
8. Ван Яньсу, Ван Дань, У Лихао. Практические исследования модели CLIL, подкрепленной стратегиями критического мышления в гибридном обучении иностранным языкам // Аудиовизуальное обучение иностранным языкам. 2022. № 3. С. 71 – 76.
9. Ся Бэйбэй. Просвещение в рамках 4С преподавания CLIL для профессионального развития двуязычных преподавателей в китайских университетах // Журнал педагогического университета Цзянси (издание по философии и социальным наукам). 2019. № 52-5. С. 140 – 144.
10. Инь Жуй. Развитие критического мышления студентов в устных отчетах – анализ опыта преподавания интенсивного курса чтения CLIL English // Frontiers of Foreign Language Education Research. 2024. № 7-2. С. 46 – 53.

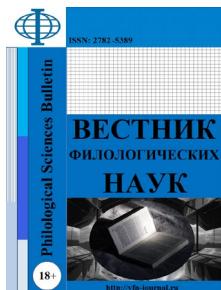
References

1. Marsh D. Language Awareness and CLIL. Encyclopedia of Language and Education. Boston, Massachusetts, 2008. P. 1986 – 1999.
2. Chen Yanzhong. A Study of the Practice of Teaching English in Senior Secondary Schools Based on the CLIL Concept Using the Topic of Ecology as an Example. Teaching and Research of English in Elementary and Secondary Schools. 2024. No. 6. P. 24 – 27.
3. Dong Yan, Yang Ting, Ke Min. A Study of Building a Model of Teaching CLIL of the Course “English of Chinese Medicine” in Higher Education Institutions of Chinese Medicine. Research in Higher Education in Heilongjiang Province. 2023. No. 41-10. P. 155 – 160.
4. Hou Jiahui. The CLIL Model: An Effective Way to “Integrate Reading Teaching into English Lessons in Primary School and Beyond”. English Language Teaching and Research in Primary and Secondary Schools. 2019. No. 1. P. 12 – 15.
5. Li Xin, Feng Dezheng. A Practical Study of “Ideological and Political Education in the Curriculum” in Hybrid Teaching of Key Disciplines of Business English. Foreign Languages. 2021. No. 37-2. P. 19 – 26.
6. Shen Kehua. A Study on the Development of Innovative Potential of Specialists in the Field of International Economics and Trade Based on CLIL Practice and Performance Test. Journal of Shanghai University of International Business and Economics. 2019. No. 26-3. P. 99 – 108.
7. Wang Junju, Lu Ping. Ideological and Political Design of Foreign Language Courses within the CLIL Concept: Principles and Paths. Foreign Languages and Foreign Language Teaching. 2023. No. 6. P. 9 – 19.
8. Wang Yansu, Wang Dan, Wu Lihao. Practical Research on the CLIL Model Supported by Critical Thinking Strategies in Hybrid Foreign Language Teaching. Audiovisual Teaching of Foreign Languages. 2022. No. 3. P. 71 – 76.
9. Xia Beibei. Enlightenment in the 4Cs of CLIL Teaching for the Professional Development of Bilingual Teachers in Chinese Universities. Journal of Jiangxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2019. No. 52-5. P. 140 – 144.
10. Yin Rui. Developing students’ critical thinking in oral reports – an analysis of the experience of teaching an intensive CLIL English reading course. Frontiers of Foreign Language Education Research. 2024. No. 7-2. P. 46 – 53.

Информация об авторах

Гао Сутонг, доктор философских наук, преподаватель, факультет иностранных языков, Сианьский нефтяной университет, sutong_gao@foxmail.com

© Гао Сутонг, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 366.636

¹ Ян Чжэнь

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ лексики телеграм-канала «Финансы» Светланы Ильиной

Аннотация: в статье исследуются лексико-стилистические особенности финансового дискурса телеграм-канала «Финансы» Светланы Ильиной. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения новых форм цифровой коммуникации, сочетающих профессиональную терминологию с элементами разговорной речи. Целью исследования стало выявление специфических признаков лексико-стилистических особенностей финансового дискурса в телеграм-канале «Финансы» и определение сходств и различий с традиционным финансовым языком. В работе применялись методы классификации лексики, контекстуального анализа и сопоставительного исследования. Материалом послужили 184 лексические единицы, отобранные из публикаций канала за январь 2024 года. Исследование показывает, что телеграм-дискурс формирует новый тип экономической коммуникации, требующий пересмотра традиционных подходов к анализу профессиональных языков. Работа представляет интерес для специалистов в области лингвистики, медиа-исследований и финансовой коммуникации, а также для практиков, работающих с цифровыми медиа. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения трансформации профессиональных языков в условиях цифровизации.

Ключевые слова: лингвистика, семантика, медиаконтент, мессенджеры, лексика, стилистика, анализ

Для цитирования: Ян Чжэнь. Анализ лексики телеграм-канала «Финансы» Светланы Ильиной // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 184 – 188.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Yang Zhen

¹ St. Petersburg State University

Analysis of the lexis of the telegram channel "Finance" by Svetlana Ilyina

Abstract: the article explores the lexical and stylistic features of financial discourse in Svetlana Ilyina's Telegram channel "Finances." The relevance of the study lies in the need to explore new forms of digital communication that combine professional terminology with elements of spoken language. The aim of the study is to identify the specific features of lexical and stylistic aspects of financial discourse in the Telegram channel "Finances" and to determine the similarities and differences with traditional financial language. The study employs methods of vocabulary classification, contextual analysis, and comparative research. The study is based on 184 lexical units selected from the channel's publications in January 2024. The research shows that Telegram discourse is shaping a new type of economic communication that requires a revision of traditional approaches to the analysis of professional languages. The work is of interest to specialists in the fields of linguistics, media research and financial communication, as well as to practitioners working with digital media. The results obtained open up prospects for further study of the transformation of professional languages in the context of digitalization.

Keywords: linguistics, semantics, media content, messengers, vocabulary, stylistics, analysis

For citation: Yang Zhen. Analysis of the lexis of the telegram channel "Finance" by Svetlana Ilyina. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 184 – 188.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Современные цифровые коммуникации, включая социальные сети и мессенджеры, формируют новую лингвистическую реальность, требующую глубокого научного осмысливания. Особый интерес представляет язык телеграм-каналов, который сочетает черты устной и письменной речи, а также демонстрирует высокую вариативность в зависимости от тематики, целевой аудитории и коммуникативных задач. Несмотря на растущую популярность телеграм как платформы для массовой коммуникации, стилистические особенности его контента остаются малоизученной областью научного знания.

Материалом для исследования послужил телеграм-канал «Финансы» Светланы Ильиной. Канал посвящён вопросам управления личными финансами, инвестициям и экономической грамотности. Его отличительной особенностью является адаптация сложных финансовых концепций для массовой аудитории, автор сознательно минимизирует использование специальной терминологии и делает акцент на доступности изложения. Такой подход обеспечивает каналу популярность среди различных категорий подписчиков от новичков в мире инвестиций до пользователей, желающих систематизировать свои знания в области персональных финансов.

Целью исследования стало выявление специфических признаков лексико-стилистических особенностей финансового дискурса в телеграм-канале «Финансы» и определение сходств и различий с традиционным финансовым языком.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на материале 184 лексических единиц, собранных из публикаций телеграм-канала «Финансы» за январь 2024 года. Весь корпус текста был разделён на отдельные слова и словосочетания. Каждое слово было классифицировано по следующим категориям: специализированные термины (слова и выражения, специфичные для финансовой сферы «акция», «облигация», «маржа»); жаргонизмы (неофициальные выражения, часто употребляемые среди специалистов финансового рынка «быки», «медведи», «шортить»); англицизмы (займствования из английского языка «инвестмент», «стоп-лосс», «ликвидность»; устойчивые выражения (клише и устоявшиеся формулы речи («финансовый рынок переживает спад», «инфляция растет»).

Результаты и обсуждения

Телеграм как современная форма медиадискурса вызывает значительный интерес в научной среде. Например, К.В. Дементьева определила специфику и типоформирующие признаки новостных телеграмм-каналов [2]. В работе А.А. Малахова [3] подчёркивается, что аудитория телеграм-каналов отличается высокой степенью сегментированности. Автор выделяет языковые особенности спортивных телеграм-каналов, в частности узкоспециальную лексику, заимствования из английского языка, а также использование жаргонизмов и сленга [6]. Н.Г. Асмус фокусируется на изучении способов и средств номинации лица в английском языке, особенно в рамках финансовых и экономических терминов. Результаты демонстрируют важность систематического подхода к изучению и классификации терминов, используемых в экономике и финансах [1].

Малюга Е.Н. изучила заимствования англоязычного профессионального жаргона в экономический дискурс мегаполиса. Автор рассматривает способы формирования и распространения профессионального жаргона, подчеркивая тенденцию к увеличению количества заимствований из английского языка в европейских языках, особенно в сфере экономики. Особое внимание уделяется функциональным особенностям заимствованного жаргона, его эмоциональной окрашенности и способности адаптироваться к новым условиям общения [4].

В следующей работе, обсуждается что современные экономические условия оказывают значительное влияние на формирование и эволюцию экономической терминологии. Автором выделяются два ключевых аспекта изменения в социально-экономической жизни страны приводят к появлению новых терминов и изменению значений старых слов, заимствования из других языков, особенно английского, играют важную роль в расширении и обновлении экономической лексики.

Магомедгаджиева П.Н. в своей работе акцентирует внимание на изменениях, происходящих в лексическом составе русского языка, вызванных социальными, экономическими и культурными факторами. А

именно заимствования англоязычных слов в современном русском языке и рассмотрении его влияния на современную вербальную коммуникацию [5].

Таким образом, телеграм как медиаплатформа совмещает элитарность (узкая аудитория) с адаптивностью (разнообразие языковых стратегий), что делает его перспективным объектом для дальнейших исследований.

По результатам анализа выявлены три основные группы лексических единиц (таблица 1):

- Профессиональная терминология. Включает определения финансовых инструментов и процессов («акция», «доходность», «эмиссия», «цифровой рубль» и др.). Эта категория доминирует, составляя около 60% всего массива слов.

- Жаргонизм. Представляют собой просторечные или специализированные неформальные выражения («первичка-вторичка», «окэшиться» и др.).

- Устойчивые сочетания. Используемые привычные конструкции («эффект благосостояния», «деньги на депозите», «личные финансы» и др.). Такие конструкции играют важную роль в восприятии и понимании текстов канала.

Особенностью телеграм-канала выступает значительное количество англицизмов («кешбэк», «маркетплейс»), что соответствует общей тенденции интернационализации современного русского языка. Другим важным наблюдением стала тенденция к упрощению терминологии путём её усечения («крипта» вместо «криптовалюты», «продукты Сбербанка» вместо полного перечисления услуг).

Однако несмотря на стремление к лёгкости изложения, некоторые термины всё же сохраняются в полной форме («бюджет», «транзакции», «ликвидность»), подчеркивая сохранение элементов официальной деловой речи.

Таблица 1

Типология лексики телеграмм-канала «Финансы».

Table 1

Typology of vocabulary of the Telegram channel "Finances".

Категория	Примеры
Профессиональные термины	Акции, ликвидность, денежные доходы, доходность, закрытие счета, транзакции, бюджет, эмиссия, социальный вычет, цифровой рубль, фондовый рынок, льготная ипотека, сбережения и др.
Жаргонизм	Первичка-вторичка, мутить, окэшиться, разбор полетов, муть с комиссиями, слава талкам, не догоняем, так себе прогнозы, не вывозишь, чистыми и др.
Англицизм	Маркетплейс, кешбэк, триггернет, крипта и др.

Согласно таблице 1 можно сделать вывод о том, что профессиональные термины включают точное обозначение финансовых инструментов и операций («акции», «доходность», «транзакции», «фондовый рынок», «льготная ипотека» и прочие). Их присутствие придаёт сообщению достоверность и авторитетность. Жаргонизм представляют собой специализированные выражения («первичка-вторичка», «мутить», «разбор полетов», «не догоняем», «так себе прогнозы»), усиливающие эмоциональную вовлеченность и создание атмосферы близости автора и аудитории. Англицизм отражает общие тенденции глобализации в финансовой сфере.

Далее проведем сравнение лексики с финансовыми терминами, таблица 2.

Таблица 2

Лексика в телеграмм-канале.

Table 2

Vocabulary in the telegram channel.

Категория	Лексика	Финансовые термины	Различия
Официальные термины	Акции, бюджет, эмиссия, цифровой рубль	Акции, бюджет, денежная эмиссия, цифровая валюта Центрального банка	В телеграм используются сокращенные формы (цифровой рубль вместо ЦБЦБ)
Торговые понятия	Кешбэк, промокод, скидки	Возврат части стоимости, стимулирующие коды, ценовые скидки	Телеграм использует маркетинговые неологизмы
Банковские операции	Закрытие счета, транзакции	Прекращение действия договора банковского счета, операции по счету	Разговорные формы против юридических формулировок

Из таблицы 2 можно сделать вывод, стилистические особенности канала в:

- Использование жаргонизма («разбор полетов», «первичка и вторичка»).
- Ироничные формулировки («беспощадные пиарщики», «слава тапкам»).
- Неформальные сокращения («крипта» вместо «криптовалюта»).

Нормативные тексты состоят из строгой терминологии, отсутствием эмоциональной окраски, полные официальные наименования и стандартизированные формулировки (таблица 3, 4).

Таблица 3
Прагматические различия.

Table 3

Pragmatic differences.

Параметр	Телеграм	Нормативный текст
Цель	Информирование развлечение	Регламентация однозначное толкование
Тон	Разговорный, иногда провокационный	Нейтрально-официальный
Структура	Короткие рубленые фразы	Развернутые сложные предложения
Пример	«Муть с комиссиями»	Непрозрачная система взимания комиссионных вознаграждений"

Таблица 4
Сравнительная таблица устойчивых сочетаний.

Table 4

Comparative table of stable combinations.

Телеграм выражения	Аналог
Движение социальных лифтов	Социальная мобильность
Личный бюджет	Персональные финансовые планы
Деньги на депозите	Денежные средства на депозитных счетах
Эффект благосостояния	Влияние роста активов на потребительское поведение

Согласно таблицам 3, 4 лексика телеграм-канала характеризуется гибридностью (профессиональные термины + сленг), высокой степенью экспрессивности и ориентацией на быстрое восприятие. Нормативные тексты отличаются терминологической строгостью, нейтральностью изложения, системностью подачи информации. Важно выделить, основное различие в коммуникативной цели канал стремится вовлечь и заинтересовать, тогда как нормативные документы направлены на однозначное нормативное регулирование.

Выводы

Проведённое исследование лексико-стилистических особенностей финансового дискурса в телеграм-канале «Финансы» Светланы Ильиной позволило выявить специфику языкового оформления контента, адаптированного для массовой аудитории. Анализ 184 лексических единиц показал, что язык канала представляет собой гибридную систему, сочетающую профессиональную терминологию (60% выборки), жаргонизмы (25%) и устойчивые выражения.

Ключевые особенности финансового дискурса в телеграм включают:

- Доминирование профессиональной лексики («акции», «ликвидность», «эмиссия»), обеспечивающей достоверность информации.
- Использование жаргонизма («первичка-вторичка», «окэшиться»), способствующих эмоциональной вовлечённости и созданию неформального тона общения.
- Присутствие англицизмов («кешбэк», «крипта»), отражающих тенденцию интернационализации финансового языка.
- Упрощение терминологии за счёт сокращений («крипта» вместо «криптовалюта») и разговорных формулировок, что повышает доступность контента.

Сравнение с традиционным финансовым языком выявило существенные различия, телеграм-контент отличается экспрессивностью, краткостью и ориентацией на быстрое восприятие, тогда как нормативные тексты сохраняют терминологическую строгость и нейтральность.

Таким образом, язык телеграм-канала «Финансы» демонстрирует адаптацию сложных финансовых концепций к потребностям массовой аудитории за счёт баланса между профессионализмом и доступностью. Данное исследование подтверждает, что цифровые коммуникации формируют новую лингвистическую реальность, где традиционные нормы деловой речи трансформируются под влиянием неформального обще-

ния. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения эволюции финансового дискурса в цифровой среде.

Список источников

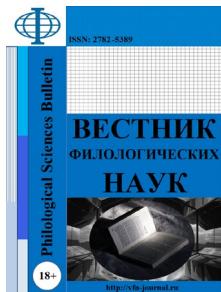
1. Асмус Н.Г. Особенности номинации лица в финансово-экономической терминологии английского языка (на материале онлайн словарей) // Лингвистика и образование. 2021. Т. 1. № 17. С. 6 – 17.
2. Дементьева К.В. Развитие Telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов Республики Мордовия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. № 20 (6). С. 131 – 144.
3. Малахов А.А. Сегментация и фрагментация аудитории на примере телеграмканалов // Актуальные проблемы медиапространства: от теоретических аспектов до практической реализации: сб. науч. статей. М., 2022. С. 255 – 263.
4. Малюга Е.Н. Лингвокультурные аспекты англоязычного профессионального жаргона в экономическом дискурсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика. 2013. № 6. С. 35 – 40.
5. Магомедгаджиева П.Н. Заемствования и вопросы современной вербальной коммуникации // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 91 – 94.
6. Онуприенко К.А. Языковые особенности спортивных Telegram-каналов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 282 – 288.
7. Шуйская Ю.В. Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкоизнание. 2023. № 3. С. 45 – 57.
8. Измельцева И.А. Язык переписки в социальных сетях и СМС-сообщений в аспекте лингвистической экспертизы // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 1 (37). С. 1 – 8.

References

1. Asmus N.G. Features of the nomination of a person in the financial and economic terminology of the English language (based on online dictionaries). Linguistics and education. 2021. Vol. 1. No. 17. P. 6 – 17.
2. Dementeva K.V. Development of Telegram channels in the media space of Russian regions: specifics, typology, development prospects (on the example of Telegram channels of the Republic of Mordovia). Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2021. No. 20 (6). P. 131 – 144.
3. Malakhov A.A. Segmentation and fragmentation of the audience on the example of Telegram channels. Actu-
al problems of the media space: from theoretical aspects to practical implementation: collection of scientific articles. M., 2022. P. 255 – 263.
4. Malyuga E.N. Linguocultural aspects of English-language professional jargon in economic discourse. Bulle-
tin of MGOU. Series “Linguistics. 2013. No. 6. P. 35 – 40.
5. Magomedgadzhieva P.N. Borrowings and issues of modern verbal communication. Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 91 – 94.
6. Onuprienko K.A. Linguistic features of sports Telegram channels // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2021. Vol. 21. Iss. 3. P. 282 – 288.
7. Shuyskaya Yu.V. Linguistic Features of the Discourse of Telegram Channels as a New Type of Media. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. 2023. No. 3. P. 45 – 57.
8. Izmestieva I.A. The Language of Correspondence in Social Networks and SMS Messages in the Aspect of Linguistic Expertise. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 1 (37). P. 1 – 8.

Информация об авторах

Ян Чжэнь, Санкт-Петербургский государственный университет, 2022yangzhen@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 651.926:82.035

¹ Елесин Н.А.

¹ Государственный университет просвещения

Инверсия как средство воссоздания псевдоустности в англо-русском аудиовизуальном переводе

Аннотация: задачей цитируемого исследования является создание стилевого руководства (*style guide*) по передаче псевдоустности в англо-русском аудиовизуальном переводе. Псевдоустность определяется исследователями как достоверная имитация живой разговорной речи. В статье рассматривается один из частотных механизмов воссоздания псевдоустности: инверсия. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, а практическая составляющая выполнена с опорой на сравнительно-сопоставительный анализ переводов аудиовизуальных произведений. Промежуточные результаты научной работы представлены в виде подробного разбора некоторых выделенных примеров и прикладных рекомендаций.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, псевдоустность, стилистика, переводческие приёмы

Для цитирования: Елесин Н.А. Инверсия как средство воссоздания псевдоустности в англо-русском аудиовизуальном переводе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 189 – 193.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Yelesin N.A.

¹ Federal State University of Education

Inversion as a tool for creating pseudo-orality in the English-to-Russian audiovisual translation

Abstract: the research paper cited in this article aims to create a style guide for preserving pseudo-orality (a believable imitation of spoken speech) in English-to-Russian audiovisual translation. This article details the use of inversion as a way to preserve pseudoorality. This research is supported by a review of existing papers on AVT from researchers in both Russia and worldwide. Our research relies on comparative analysis of audiovisual media translations, and the article at hand details some of our preliminary findings. It provides a detailed comparison and commentary on some of the example translations and a summary in the form of actionable recommendations for translators.

Keywords: audiovisual translation, pseudoorality, style, translation strategies

For citation: Yelesin N.A. Inversion as a tool for creating pseudo-orality in the English-to-Russian audiovisual translation. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 189 – 193.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Цитируемое исследование посвящено изучению способов сохранения псевдоустности в аудиовизуальном переводе на примере сравнения переводов аудиовизуальных произведений переводчиками разной профессиональной квалификации.

Объектом настоящего исследования выступает явление псевдоустности, многократно описанное в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Предметом являются способы передачи псевдоустности в контексте англо-русского аудиовизуального перевода. В настоящей статье будут описаны промежуточные итоги исследования в виде анализа применения профессиональными переводчиками инверсии для придания речи естественности, живости и экспрессивности.

Материалы и методы исследований

В рассмотрении участвовали произведения жанра «триллер», «боевик» и «приключение», действие которых происходит в современном сеттинге 21 века, либо же идентичных по манере общения и социальному устройству сеттингах будущего. Все проанализированные картины были написаны в реалистичной манере, с полным вниманием к правилам построения псевдоустности в английском языке. Для анализа были взяты, с одной стороны, переводы профессиональных аудиовизуальных переводчиков, признанные качественными профессиональным сообществом, зрителями и заказчиками, о чём свидетельствует большое количество завершённых работ, а также переводы более низкого качества (как выполненные для студий озвучки, так и созданные любителями). Путём сравнения их друг с другом мы выделили ряд отличительных особенностей, которые позволяли опытным переводчикам достовернее передать стилистику живой речи.

Результаты и обсуждения

Одним из частотных средств, применяемых профессиональными переводчиками, стала инверсия. Русский язык в силу своей флексивности отличается достаточно свободным порядком слов. Тем не менее, можно выделить общие законы построения повествовательных предложений. Согласно справочнику Д.Э. Розенталя, наиболее распространённым порядком слов в повествовательных предложениях является SVO (подлежащее > сказуемое > дополнение) [6]. Однако в разговорной речи прямой порядок слов нередко нарушается. Так, сказуемое может оказаться в конце предложения, следом за дополнением или определением (мы в ресторан пойдём или куда?), дополнение может занять первое место (кого онставил – тех нет уже давно), а подлежащее, наоборот, уйти в конец (проворовался он, что с него взять).

Как правило, предложения с инверсией звучат более неформально и выразительно [3]. По мнению отечественного лингвиста И.Р. Гальперина, инверсия может преследовать различные цели. Она является универсальным средством придания тексту экспрессивности и может служить, например, для:

1. создания определённого ритма и поэтичности во фразе;
2. логического выделения какого-то компонента фразы и усиления экспрессивности её или её части;
3. создания связи между компонентами сложного предложения или двумя соседними предложениями в тексте и др. [2].

В проанализированных примерах инверсия выполняла широкий спектр задач, некоторые из которых будут представлены в настоящей статье. Так, одним из частотных вариантов применения инверсии стало приятие внушительности словам персонажа. В одной из первых сцен сериала «Светлячок» (США, 2002 г., реж. Джесс Уидон) один из членов экипажа корабля, Джейн, возмущается безденежьем после последних заказов и выражает на предложение сбросить дорогой, но опасный груз.

No ruttin' way! We ain't had a job in weeks. I didn't sign on with this crew to take in the sights. We need coin!

Оригинальное предложение изобилует маркерами разговорности и нарушениями лексических и грамматических норм: no rutting way, использующееся в качестве эвфемизма для обсценного высказывания, просторечная форма ain't had вместо haven't had и сленговое слово для обозначения денег (coin). Чтобы придать веса своей эмоциональной тираде, в одном из качественных русских переводов Джейн прибегает к просторечию и неоднократно использует инвертированные предложения:

– Хрен там плавал! Мы давно без работы. Я к вам сюда не видами любоваться пришёл! Нам бабки нужны!

Три восклицательных инвертированных предложения подряд подчёркивают серьёзность претензий и степень раздражения. В одной из последующих сцен в закадровом переводе студии Тусоон капитал Малкольм Рейнольдс использует инверсию, чтобы добавить своим словам уверенности.

– Замечательно. У нас целая толпа гражданских рядом с ворованным грузом. Потрясающая смесь.

– Ничего они не найдут. Даже если специально искать будут.

Другой пример подобного употребления мы находим в фильме «Гнев человеческий» (США, 2021 г., реж. Гай Ричи). Раздосадованный глава преступной группировки в ответ на просьбу подчинённого проследить за фургоном даёт твёрдый отказ:

Я с сыном, Майк. Я предупреждал, что он приедет на каникулы, я и так его не вижу почти! Это твоя работа – сам и делай.

Инверсия в данном предложении подчёркивает, насколько дорога главному герою встреча с сыном и насколько он не желает заниматься в отведённое им время какими-либо рабочими вопросами. В одной из последующих сцен находится похожий пример:

- Что за представление?
- Присаживайся.
- Я чё, больная тут сидеть? Я спать хочу.

Девушка-инкассатор, которую допрашивает главный герой, выражает протест против внезапной ночной беседы. Своё раздражение она подчёркивает, начиная беседу эллиптическим предложением, и заканчивая двумя инвертированными фразами. Аналогичный пример можно найти в сцене после ограбления инкассаторов бандой военных:

- Всё гладко прошло, кажись, а?
- Погоди пока цыплят считать.

Более спокойный и рассудительный грабитель осаживает воодушевлённого и нетерпеливого сообщника, и его слова звучат внушительнее из-за более экспрессивной конструкции предложения. В этом диалоге также можно заметить смежное частотное применение инверсии. Во многих примерах, выделенных в корпусе дублианных текстов, можно обнаружить, как переводчики используют непрямой порядок слов для обозначения нервозности персонажей или эмоциональной возбуждённости.

В одной из первых сцен фильма «Гнев человеческий» Липкий Боб, чьё рабочее место занял главный герой, играет в бильярд с другими сотрудниками фирмы. Те подкалывают его на тему потери хорошей должности и перспектив увольнения, и того эти намёки явно задевают.

- Э, Косой, ты будешь играть или где?
- Если что, доиграю через неделю, без тебя.
- Это наезд что ли, я не понял?
- Считай, у тебя уже увели работу.

Также в сцене, где на машину с главным героем совершается покушение, его напарник беспокоится из-за долгого отсутствия другого инкассатора и с лёгким волнением приговаривает «Куда он пропал-то?». В сцене ограбления в третьем фильме один из гангстеров наставляет оружие на сотрудника инкассаторской фирмы и требует ввести код, который даст им доступ в хранилище. Разговор происходит на фоне крайне напряжённой ситуации, и оба говорящих прибегают к инверсии:

- Открывай ворота!
- Как я код введу?
- Руками введёшь!

Следует отметить, что инверсия применялась и для создания ровно обратного эффекта: персонажи неоднократно использовали фразы с обратным порядком слов, чтобы показать шутливый настрой, разрядить обстановку или сыронизировать. В одной из сцен «Гнева человеческого» напарник главного героя подтрунивает над ним в первый день работы:

- Отлично с телегой управляешься. Специальные курсы кончал?
- Часто в супермаркеты ходил. Я шопоголик.

Похожая сцена есть в сериале «Светлячок». Пастор Бук заходит к героине Морены Баккарин, чтобы принести ей ужин. Пастор упоминает о бесцеремонном обращении капитана и прибавляет «Не стоило ему так говорить», на что та с улыбкой отвечает «Я его и похуже называла».

Ещё одной частотной функцией инверсии стало выражение агрессии, грубости или приказного тона. В сериале «Светлячок» мафиози по имени Бэджер бесцеремонно обращается к девушке, которую собирается взять на работу в бордель. Для передачи презрительного отношения и переводчики выбрали использовать инвертированное предложение: «Зубы покажи».

В фильме «Гнев человеческий» бандит-военный осаживает зарвавшегося напарника фразой «Отвали, Джен. Зубы в другом месте скалить будешь, а то обломают». В сцене ограбления бандиты исключительно часто прибегают к инверсии, когда отдают команды взятым в заложники служащим инкассаторской фирмы:

- Show me your hands! – Руки подними!
- Don't you make a sound! – Чтобы я ни звука не слышал!

Все эти фразы передают доминирующее положение говорящего и являются естественным способом выразить приказ в русском языке. Таким образом, инверсия выполняет ряд важных задач и применяется во множестве различных контекстов для создания эффекта живой речи.

Выводы

Как можно заключить из рассмотрения корпуса переводных аудиовизуальных текстов, инверсия является актуальным и продуктивным средством создания псевдоустности в художественных произведениях. Опытные переводчики часто прибегают к ней для передачи стилистики живой речи. В предложенной статье мы попытались описать некоторые варианты использования инверсии и продемонстрировать художественный эффект на показательных примерах.

В данный момент исследование продолжается. Эти и иные варианты применения инверсии будут тщательно рассмотрены в гл. 2 цитируемой диссертационной работы и найдут отражение в результирующем стилевом руководстве.

Список источников

1. Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 3 (3). С. 289 – 299.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 350 с.
3. Kovtunova I.I. On the word order in the Russian language // Russian language in the national school. 1969. № 2. С. 6 – 12.
4. Козуляев А.В. Интегративная методика обучения аудиовизуальному переводу в высшей школе как ответ на вызовы четвертой когнитивной революции: монография. Чебоксары: Среда, 2023. 96 с.
5. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода // Национальная лига переводчиков. 2015. URL: <http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audiovizualnyperevod/> (дата обращения: 26.05.2025).
6. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997. 253 с.
7. Тимко Н.В. Translation of TV-series from English into Russian: linguistic and extralinguistic aspects // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 10 (16). С. 318 – 328.
8. Baños-Piñero Rocío. Creating credible and natural-sounding dialogs in dubbing: can it be taught? // The Interpreter and Translator Trainer. 2021. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (дата обращения: 11.03.2024).
9. Baños-Piñero Rocío. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation // inTRALinea. 2009. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (дата обращения: 11.03.2024).
10. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing. London: Routledge, 2012. 235 p.
11. Chaume F. Cine y traducción. Madrid: Ediciones Cátedra, 2021. 201 p.

References

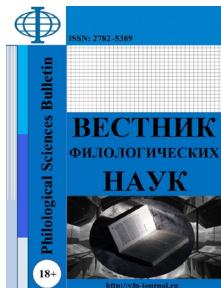
1. Babenko O.V. Audiovisual translation as a relevant direction in translator training. Kazan Linguistic Journal. 2020. No. 3 (3). P. 289 – 299.
2. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1958. 350 p.
3. Kovtunova I.I. On the word order in the Russian language. Russian language in the national school. 1969. No. 2. P. 6 – 12.
4. Kozulyaev A.V. Integrative methods of teaching audiovisual translation in higher education as a response to the challenges of the fourth cognitive revolution: monograph. Cheboksary: Sreda, 2023. 96 p.
5. Kozulyaev A.V. Audiovisual polysemantic translation as a special form of translation activity. Teaching this type of translation. National League of Translators. 2015. URL: <http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audiovizualnyperevod/> (date of access: 26.05.2025).
6. Rosenthal D.E. Handbook of spelling and stylistics. Moscow: Komplekt, 1997. 253 p.
7. Timko N.V. Translation of TV series from English into Russian: linguistic and extralinguistic aspects. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 10 (16). P. 318 – 328.
8. Baños-Piñero Rocío. Creating credible and natural-sounding dialogs in dubbing: can it be taught? The Interpreter and Translator Trainer. 2021. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (date of access: 11.03.2024).

9. Baños-Piñero Rocío. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation. inTRALinea. 2009. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (date of access: 11.03.2024).
10. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing. London: Routledge, 2012. 235 p.
11. Chaume F. Cine and traducción. Madrid: Ediciones Cátedra, 2021. 201 p.

Информация об авторах

Елесин Н.А., Государственный университет просвещения, nikolay.elesin@yandex.ru

© Елесин Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 81'25:78:82

¹ Карданова Б.Б., ² Гагуя Л.А.

¹ Союз композиторов России

² Карабаево-Черкесский государственный университет им. У.Дж. Алиева

Концепт «пространство» в обрядовом и эпическом фольклоре ногайцев

Аннотация: в статье рассматривается концепт «пространство», являющийся важным элементом традиционной картины мира ногайцев, в его жанровых модификациях. Изучение фольклорных текстов помогает понять ключевые аспекты ногайской концептуализации мира. Пространство в ногайском фольклоре неоднородно, оно включает сакральные и мирские области, связанные с мифологией и космологией. Пространственные метафоры в семейно-обрядовых жанрах передают особенности мировоззрения ногайцев, их отношение к природе и человеку. Топонимы и гидронимы в системе пространственного восприятия мира отражают представления людей о пространстве, которые связаны с географическими объектами и водными поверхностями. Помимо того, в эпических произведениях они имеют символическое значение, отражающее культуру и историю народа. Пространство в ногайском фольклоре динамично. Оно отражает движение и изменения, что ярко прослеживается в эпических сказаниях, где герои совершают путешествия через символические пространства. Таким образом, фольклорные нарративы выступают важным инструментом в формировании и поддержании коллективной памяти ногайцев, способствуя сохранению их культурной уникальности и самобытности.

Ключевые слова: концепт, пространство, фольклорные тексты, жанры, мифология, моления, причитания, эпические сказания

Для цитирования: Карданова Б.Б., Гагуя Л.А. Концепт «пространство» в обрядовом и эпическом фольклоре ногайцев // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 194 – 199.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Kardanova B.B., ² Gagua L.A.

¹ Union of Composers of Russia

² Karachay-Cherkess State University named after U.Dzh. Aliyev

The concept of "space" in the ritual and epic folklore of the Nogais

Abstract: the article examines the concept of "space", which is an important element of the traditional worldview of the Nogais, in its genre modifications. The study of folklore texts helps to understand the key aspects of the Nogai conceptualization of the world. Space in Nogai folklore is heterogeneous, it includes sacred and secular areas related to mythology and cosmology. Spatial metaphors in family ritual genres convey the peculiarities of the Nogai people's worldview and their attitude towards nature and humans. Toponyms and hydronyms in the system of spatial perception of the world reflect people's ideas about space, which are associated with geographical objects and water surfaces. Additionally, in epic works, they have a symbolic meaning that reflects the culture and history of the people. Space in Nogai folklore is dynamic. It reflects movement and change, which is vividly seen in epic tales where characters

travel through symbolic spaces. Thus, folklore narratives are an important tool in the formation and maintenance of the collective memory of the Nogai, contributing to the preservation of their cultural uniqueness and identity.

Keywords: concept, space, folklore texts, genres, mythology, prayers, laments, epic tales

For citation: Kardanova B.B., Gagua L.A. The concept of "space" in the ritual and epic folklore of the Nogais. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 194 – 199.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Обрядовый и эпический фольклор (включая их вербальный и музыкальный компоненты) является важной частью традиционной духовной культуры ногайского народа. Он представляет собой систему вербально-музыкальных артефактов, которые не только сохраняют и передают культурные коды и ценности, но и формируют коллективное сознание народа. Обрядовый и эпический фольклор также выступает в качестве этнокультурного маркера, отражающего мировоззрение, этические нормы и эстетические предпочтения народа. Для выявления национальных особенностей традиционной картины мира используется универсальный феномен – концепт (совокупность культурно значимых знаний, представлений, мнений, которые формируются под влиянием музыкально-фольклорного дискурса). Для изучения данного аспекта требуются новые научные исследования и современные методологические подходы. Недостаточная же его изученность актуализирует тематику данной статьи.

В процессе исследования была проведена всесторонняя работа по анализу понятия «пространство» в ногайском народном творчестве. В ходе исследования были выполнены следующие задачи: 1) проанализированы и выделены жанры, в которых концепт «пространство» представлен наиболее ярко; 2) выделены основные компоненты концепта «пространство»; 3) определены различия в восприятии пространства в различных жанрах ногайского фольклора.

До настоящего времени изданы научные публикации, в которых освещаются различные вопросы традиционной картины мира ногайцев: Сикалиев А.И.-М. [8]; Капаев И.С. [8]; А.С. Гончарова, Р. Арнольда, З.А. Язлиевой [3]; Зульпукарова Э.М., Сефербеков Р.И. [5]; Янмурзаева Э.М., Аджекова Э.А. [10]; Б.Б. Кардановой [6, 7]. Однако до настоящего времени не исследованы многие ее аспекты (пространственно-временные, социальные, религиозные и др.), что актуализирует тематику данного исследования. Изучение пространственной картины мира ногайцев представляет собой мультидисциплинарный анализ, включающий рассмотрение религиозных верований, фольклорного наследия, обрядовых практик и этнографии и искусства. Эти элементы составляют ядро духовной культуры ногайцев, эволюционировавшей под воздействием природных факторов, исторических процессов и межкультурного взаимодействия. Перечисленные детерминанты оказали значительное влияние на формирование их жизненного уклада, мировоззренческих основ, этических норм и эстетических идеалов.

Объектом исследования выступают жанровые варианты фольклорного концепта «пространство», вербализованные в ногайских фольклорных текстах. Предметом исследования является рассмотрение общих и отличительных жанрово-стилевых элементов образного и семантического концепта «пространство» в ногайских фольклорных текстах. Научная новизна исследования заключается в том, что данная проблема является первым опытом рассмотрения в контексте фольклорных текстов народа. Теоретическая значимость исследования связана с тем, что она является первым опытом рассмотрения данной проблемы в современном ногаеведении. Практическая значимость исследования заключается в возможности его использования в теоретических курсах различных дисциплин (филология, фольклористика, этномузыкоология и др.).

Материалы и методы исследования

Для изучения концепта «пространство» в картине мира ногайцев через фольклорные тексты использовались следующие методы: выявление структуры и содержания концепта «пространство»; анализ семантики концепта «пространство»; сопоставительный анализ, устанавливающий сходство и различия элементов концепта в разных жанрах; прослеживание трансформации системы признаков концепта. Материалом исследования выбраны фольклорные тексты, опубликованные в различных сборниках и собранные в полевых экспедициях с 1980 -2023 гг. в местах компактного проживания ногайцев.

Результаты и обсуждения

Мифоэпический концепт «пространство». Для структурирования мира предки ногайцев, как и многие другие этносы, использовали бинарную оппозиционную модель, включающую контрастные категории с позитивной и негативной коннотацией [9, с. 5]. Эта система охватывает пространственные и социальные координаты, временные параметры, а также мир стихий и космических объектов. Ключевым концептом является дихотомия двух миров: мира людей и потустороннего мира, обладающего социальной организацией, аналогичной человеческой. Мифологический контекст ногайских обрядов и сопровождающих их произведений подтверждается присутствием в их текстах имен языческих культов, таких небесных божеств, как Кудай, Тангра, Умай и др. В рамках пространственной модели мира ногайцев, Кудай и Тангри олицетворяли воздушное пространство, Умай символизировала земные просторы и почву. Таким образом, взаимодействие этих божеств в ногайской мифологии отражало дуалистическую структуру мироздания, где небесное и земное начала гармонично сосуществовали и взаимодополняли друг друга. В ногайских фольклорных текстах сохранены коллективные обращения к языческому божеству Тенгри (Тангра – разр. моя) с различными просьбами [2, с. 118]:

Яв, яв, ямгырым,
Явын берсин Тенгирим,
Эш соънмесин тандырым.
Лейся-лейся, мой дождик,
Пусть Тенгри даст нам дождь,
Пусть не остынет наш тандыр.

Подобные закликиания дождя и моления пелись женщинами, подростками и детьми в процессе обрядовых обходов дворов. Данные тексты содержали в себе признаки разных жанров – закличек (вызывание дождя) и просительных молитв / молений-тилек (выпрашивание у божества различных жизненных благ). Обращались в молитвенных тилек и к божеству Кудаю:

Элеклеп, шелеклеп,
Биз тилеймиз Кудайдан
Эмин! Эмин! Эмин!
С тазами, ведрами,
Мы просим у Кудая,
Аминь! Аминь! Аминь!

В контексте языческого культа ногайцев особое место занимает божество Емире. В пространственной модели мира ногайцев Емире играет ключевую роль как медиатор между небом и землей. В ногайском песенном фольклоре сохранились ритуальные обращения к Емире, отражающие его важность для сельского хозяйства [1, с. 33]:

Коуктен сага не керек?
Эмире тульскени керек.
Что тебе нужно от неба?
Чтобы Емире спустился.

Таким образом, в ногайской мифологии Емире отражает сложные синкретические представления народа о взаимосвязи различных уровней мироздания: небесного, земного и человеческого. Божество выполняет функцию связующего звена между этими уровнями, инициируя природные процессы, которые являются основой для сельскохозяйственной деятельности.

Концепт «пространство» в семейно-обрядовом фольклоре. Пространственная картина мира ногайцев находит своё отражение в свадебно-обрядовых песнях, связанных с ритуалом перехода. Эта модель проявляется в символике текстов и музыкального сопровождения песен, исполняемых в ключевые моменты свадебного торжества. Анализ этих компонентов позволяет глубже понять особенности пространственной системы, которая является неотъемлемой частью данного обряда. Многие песни являются своего рода маркерами пространственно-временного и статусного перехода участников «свадебной игры» и не могут использоваться в обыденных ситуациях. Музыкальный компонент свадебных песен также играет важную роль, отражая различные аспекты обрядового перехода. Например, шумное скандирование друзей жениха на протяжении всего пути к дому невесты и обратно, создаёт определённый звуковой эффект и символизирует силу и надёжность социума, в который переходит новобрачная. Громкая динамика имеет и магическую направленность, так как в традиционной культуре народа шум воспринимается как средство защиты от злых духов (аналогичную защитную функцию у ногайцев выполняет, например, и громкий коллективный

плач на похоронах). Корни данного мифологического мировоззрения народа, и связанных с ним обрядово-исполнительский традиций, по-видимому, уходят к языческим временам.

Пространственная картина мира в свадебных плачах-прочтаниях (сынъсув) также отражает мифологические (языческие) представления. В их текстах показаны образы, связанные с сакральным пространством дома, идеей перехода и противопоставлением «своего» и «чужого» мира. В ногайских плачах, прочтаниях (бозлав), связанных с похоронной обрядностью, и других плачевых жанрах (эситтирув, оысует / хошласув, йоклав, юбантув), картина мира раскрывается через содержание поэтических текстов, их структуру и средства выразительности. В них находит своё отражение архаическая картина мира, тесно связанная с мифологическим мышлением народа. В рамках данной парадигмы мир представляется как двуединая система, включающая видимый мир людей и невидимый мир богов, демонов и духов предков. К особенностям презентации картины мира в плачевых жанрах можем отнести:

- 1) дихотомию видимого и невидимого миров, что выражается через бинарные оппозиции: «этот мир – тот мир», «живые – мёртвые», «говорящий – бессловесный»;
- 2) коммуникацию с загробным миром, где плакальщица – бозлавши, в прошлом шаман – бакши, выступая в роли медиатора, направляли покойных в мир мёртвых, обеспечивая им возможность помогать живым потомкам в будущем;
- 3) отражение религиозных верований и мифологических представлений народа.

Для усиления эмоциональности в бозлав используются устоявшиеся в народе средства выразительности: повторы и вопросы, использование ласковых слов и фраз, выражающих любовь и уважение к умершему (Айланып кетейим, аьруув Якыбым-ав. – Милый, хороший, родной Якуб, ой!; Ай-хай, аьруув кардашым-ав, ай! – Ой, ой, хороший брат мой, ой!), что подчёркивает позитивное восприятие народом смерти и её принятие как неотъемлемой части жизненного цикла. В прочтаниях ключевое значение имеют пространственные центры – дом (Не тапсам да ас этип мен ашайман. – Что найду, из того и готовлю еду) и могила (Ердинь асты мага мекан болаяк, – Земля мне домом будет). Например, записанное нами предсмертное наставление женщины (оысует / хошласув) является примером противопоставления двух миров: мира живых и мира мёртвых. Обозначаются в текстах и предметы-маркеры (могила, надгробный камень), символизирующие границу двух миров (Эртень сайын кабыры ма сен барып, кабыр тасын авдаар да кайтасынъ. – Каждое утро на могилу придя, надгробный камень мой переворачивай). Таким образом, роль плачевых жанров в ногайской культуре заключается в их интеграции в похоронно-поминальные обряды, где они выполняют функцию вербальных и музыкальных символов, связанных с конкретными этапами обряда перехода.

Концепт «пространство» в эпических текстах. В ногайском эпосе картина мира находит свое отражение через глубокое осмысление фундаментальных категорий культуры, включая концепт пространства. Этот феномен проявляется в различных аспектах: в описании дихотомий между различными уровнями бытия, в использовании топонимических маркеров, а также в визуализации пространственного перемещения персонажей. В более ранних эпических поэмах пространственная картина мира основана на мифологическом понимании мироустройства, к примеру, в них: сюжеты разворачиваются в трехуровневом пространстве – верхнем-среднем-нижнем мирах. В бинарном пространственном членении мира «верх-низ», земля служит ориентирам, а при описании движения земля является точкой отсчета. В ранних поэмах с «чужим» миром ассоциируются мифологические персонажи (албаслы – человекоподобное чудовище в женском облике, периште – дух-хранитель богатырей (Шоры-батыра) в облике волка / змеи, сазаган – небесное существо). В более поздних эпических произведениях окружающее пространство опирается на историческую основу: «чужим» воспринимается пространство захватчиков и их представителей: золотоордынский царевич Бердибек; персидский шах Касан; крымский хан Али-бей; дружинник крымского хана Карт-Кожак; джунгарский богатырь Домбаул). Действия происходят в пределах ногайского государства. Однако нередко эпические герои совершают подвиги за пределами ногайских земель – в Крыму, в Казани, где проживало значительное количество ногайцев. В эпических поэмах часто упоминаются реальные города (Сарай, Маджар, Кумлы-кала), горы (Кап таулары, Орал таулары) и реки (Кобан / Кубань, Эдил / Волга, Тен / Дон).

Как видим, в ногайском эпосе картина мира выражается через осмысление ключевых категорий традиционной культуры, включая пространство. Ранние произведения основаны на мифологическом трехъярусном устройстве вселенной, бинарная модель «верх-низ» использует землю как точку отсчета. В ранних сказаниях «чужим» миром считаются мифологические существа, а в поздних – захватчики. Действия часто происходят в пределах ногайского государства, но эпические герои совершают подвиги и за его

пределами. В сказаниях, как правило, упоминаются реальные географические объекты: города, горы и реки.

Выводы

В рамках исследования культурных и этнических особенностей восприятия пространства у ногайского народа нами рассматривалось, как пространственные характеристики проявляются в фольклорных произведениях, таких как обрядовые песни, заклички, моления / молитвы, эпические сказания и др. Анализ ногайских фольклорных текстов позволяет выявить ключевые аспекты ногайской концептуализации окружающего мира, его структуры и динамики. Пространство в ногайском фольклоре представляет собой сложную и многослойную структуру, включающую сакральные и мирские области, тесно связанные с мифологией и космогоническими представлениями народа. В семейно-обрядовых жанрах пространственные метафоры выступают как ключевые элементы, отражающие особенности мировоззрения ногайцев и их отношение к природе и человеку. Топонимы и гидронимы в системе пространственного восприятия мира ногайцев играют важную роль, поскольку они не только обозначают конкретные географические объекты и водные поверхности, но и несут в себе символическое значение, отражающее культурные и исторические реалии народа. В эпических и исторических произведениях топонимы и гидронимы функционируют как многослойные символы, аккумулирующие в себе культурное наследие и исторические события. Пространство в ногайском фольклоре характеризуется динамичностью, что особенно ярко проявляется в эпических сказаниях, где герои совершают символические путешествия, отражающие их внутренние трансформации и изменения в социальной структуре. Фольклорные тексты, как традиционные носители культурных и духовных ценностей, бережно сохраняют и передают представления о пространстве, которые являются неотъемлемой частью идентичности ногайского народа. Таким образом, пространство в ногайском фольклоре выступает не только как физическая категория, но и как концептуальная структура, отражающая сложные и многогранные аспекты мировоззрения, культуры и истории этого этноса.

Список источников

1. Ай Айданак. Ногай халк бала эм бесик йырлары [Народные колыбельные и детские песни]. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 104 с.
2. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 170 с.
3. Гончаров А.С., Арнольд Р., Язлиева З.А. Идиоформа Тенгри и историко-культурный путь ногайского этноса // История. Историки. Источники. 2022. № 2. URL: history2014.esrae.ru/36-348 (дата обращения: 15.06.2025).
4. Зульпукарова Э.М., Сефербеков Р.И. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры ногайцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 85 – 102.
5. Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья: опыт мифологического словаря». М.: Голос-Пресс, 2012. 42 с.
6. Карданова Б.Б. Картины мира ногайцев в ранних формах религии: вопросы типологии и исторической эволюции // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 1. С. 18 – 23.
7. Карданова Б.Б. Религиозно-мифологическая картина мира ногайцев (по фольклорным источникам) // Вестник филологических наук. 2022. Т. 2. № 3. С. 38 – 45.
8. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос». Черкесск, 1994. 328 с.
9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
10. Янмурзаева Э.М., Аджекова Э.А. Магия ногайцев» // Научные высказывания. 2023. № 11 (35). С. 23 – 29.

References

1. Ay Aydanak. Nogay khalk bala em besik yyrarlari [Folk lullabies and children's songs]. Makhachkala: Da-guchpedgiz, 1990. 104 p.
2. Gadzhieva S.Sh. Essays on the history of family and marriage among the Nogais: XIX – early XX centuries. Moscow: Nauka, 1979. 170 p.
3. Goncharov A.S., Arnold R., Yazlieva Z.A. The idioform Tengri and the historical and cultural path of the Nogai ethnus. History. Historians. Sources. 2022. No. 2. URL: history2014.esrae.ru/36-348 (date of accessed: 15.06.2025).
4. Zulpukarova E.M., Seferbekov R.I. From the mythology, folklore and ritual culture of the Nogais: syncretism of traditional beliefs and Islam". Islam studies. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 85 – 102.

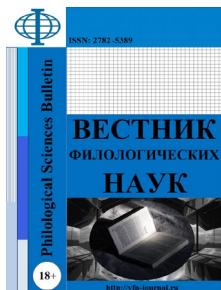
5. Kapaev I.S. Nogai myths, legends and beliefs: an attempt at a mythological dictionary". Moscow: Golos-Press, 2012. 42 p.
6. Kardanova B.B. Nogai worldviews in early forms of religion: issues of typology and historical evolution. Bulletin of philological sciences. 2023. Vol. 3. No. 1. P. 18 – 23.
7. Kardanova B.B. Religious and mythological picture of the world of the Nogais (based on folklore sources)". Bulletin of philological sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 38 – 45.
8. Sikaliev A.I.-M. Nogai heroic epic. Cherkessk, 1994. 328 p.
9. Tsivyan T.V. Linguistic foundations of the Balkan model of the world. Moscow: Nauka, 1990. 207 p.
10. Yanmurzaeva E.M., Adzhekova E.A. Nogai magic. Scientific statements. 2023. No. 11 (35). P. 23 – 29.

Информация об авторах

Карданова Б.Б., кандидат искусствоведения, доцент, КЧООО «Союз композиторов России», Bekaa-09.kardanova@yandex.ru

Гагуа Л.А., старший преподаватель, Карабаево-Черкесский государственный университет имени У.Дж. Алиева, г. Карабаевск

© Карданова Б.Б., Гагуа Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.09

¹ Ян Цзин

¹ Пекинский университет иностранных языков

Мениппейские черты в рассказе Достоевского «Бобок» – кладбищенская карнавальная песнь

Аннотация: рассказ Фёдора Достоевского «Бобок», также переведённый как «Трескучий», – одно из самых значительных поздних произведений писателя. Бахтин считал это произведение почти «микрокосмом» всего творчества Достоевского, воплощая многие его темы и персонажей поразительно непосредственно. Этот роман получил сравнительно мало внимания в Китае. В данной статье рассматривается главный герой романов Достоевского – человек мысли – через призму трёх менипповых характеристик: адского смеха, карнавала на кладбище, смерти и возрождения.

Ключевые слова: Достоевский, «Бобок», Мениппова сатира, Бахтин

Для цитирования: Ян Цзин. Мениппейские черты в рассказе Достоевского «Бобок» – кладбищенская карнавальная песнь // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 200 – 205.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Yan Jing

¹ Beijing International Studies University

Menipporean features in Dostoevsky's short story Bobok – a carnival song of the cemetery

Abstract: Fyodor Dostoevsky's short story Bobok, also translated as The Crackling One, is one of the most significant works of the writer's later period. Bakhtin regarded this work as almost a "microcosm" of Dostoevsky's entire oeuvre, embodying many of his themes and characters in a strikingly direct manner. This story has received comparatively little attention in China. This article examines the main character of Dostoevsky's works – the "man of thought" – through the prism of three Menipporean characteristics: infernal laughter, the carnival of the cemetery, death, and rebirth.

Keywords: Dostoevsky, Bobok, Menipporean satire, Bakhtin

For citation: Yan Jing. Menipporean features in Dostoevsky's short story Bobok – a carnival song of the cemetery. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 200 – 205.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Рассказ «Фасоль» был опубликован в шестом номере журнала «Гражданин» в феврале 1873 года, а затем включён в шестую главу «Дневника писателя» с подзаголовком «Записки человека». Главный герой, Иван Иваныч, мелкий чиновник, зарабатывающий на жизнь писательством. Его считают бездарным, скучным и почти безумным писателем. Он постоянно слышит «треск», поэтому решает выйти и отдох-

нуть. К несчастью, он попадает на похороны дальнего родственника. Побывав на похоронах, он слышит множество странных звуков на кладбище, положив начало своему «кладбищенскому карнавалу».

Жанр «Мениппова сатиры» получил своё название от философа Мениппа Гадарского, жившего в III веке до н.э. и создавшего его классическую форму. Римский учёный Флор принял этот термин как жанровое обозначение в I веке до н.э. Согласно исследованиям, термин «Мениппова сатиры» как жанровое понятие возник в XVI веке и обозначал, в частности, форму поэзии, соединённую с политической прозой. Упоминание Бахтиным термина «сатиры» в Советской энциклопедии свидетельствует о том, что он принимал и развивал эту точку зрения. В своей работе «Дополнение и пересмотр “Проблем творчества Достоевского”» он отмечал, что «в европейской литературе XVI-XIX веков, и особенно XVII-XVIII веков, термин «Мениппова сатиры» часто использовался в сочетании с термином «Луцианов диалог», но последний относился к «Диалогам с мёртвыми» лишь в более узком смысле». По мнению Бахтина, мениппова сатиры произошла от древнегреческой и римской сатиры и являлась разновидностью этого жанра. Он считал, что истоки и развитие этого жанра лежат в народной культуре – карнавале. «Несмотря на разнообразие форм, их объединяет общая черта: глубокая связь с карнавальным фольклором, в разной степени пронизанная карнавальным мировосприятием» [1]. Именно этот карнавальный жанр лежит в основе тематики романа. В рассказе Достоевского «Боб» мы обнаруживаем отчётливые черты менипповой сатиры, обусловленные авторским посылом.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» (1873), опубликованный в журнале «Гражданин» и позднее включённый в «Дневник писателя». Теоретико-методологическую основу составили труды М.М. Бахтина о менипповой сатире, карнавализации и поэтике Достоевского, работы Ж. Ноана по истории смеха, а также исследования российских и китайских литературоведов. В ходе исследования применялся герменевтический и жанрово-стилистический анализ, а также сравнительно-литературный метод, что позволило выявить и интерпретировать три ключевые менипповые черты произведения – адский смех, кладбищенский карнавал и мотив смерти и возрождения.

Результаты и обсуждения

1. Адский смех.

В своей книге «История смеха» французский философ Жан Ноган следующим образом охарактеризовал смех: «Словарь смеха произвольно переместился почти на двадцать пять веков, от гомеровского эпоса к галльскому периоду и далее к басням Рабле, порождая смех, неудержимый смех, и особенно смех как с добрыми, так и с злыми намерениями». Бахтин отмечал: «По сравнению с сократическими диалогами менипповский стиль, как правило, увеличивает долю смеха» [2].

Элемент смеха неоднократно появляется в романе «Фасоль», играя ключевую роль в отражении характера и общества. Смех возникает не в реальном мире, а в новой обстановке, смело придуманной и описанной автором, – на кладбище. Субъектом этого смеха становится покойник, уже находящийся на кладбище.

В этом новом месте действия, на кладбище, все участники диалога сталкиваются со смертью с карнавальным чувством. В романе мы не видим торжественного, скорбного отношения к смерти; вместо этого смех разрушает эту торжественность и возвышенность. От начала до конца, от главного героя Ивана до покойника на кладбище, никто не относится к смерти в традиционном смысле. Этот игровой и комический подход деконструирует и бросает вызов торжественности жизни, высмеивает существующее на земле классовое общество и отстаивает человеческое достоинство.

Слово «смех» впервые появляется в романе, когда молодой человек приходит на кладбище после внезапной болезни. Он признаётся, что не готов умереть, так как его туда отправила простая боль в груди. Детская наивность и ласка юноши вызывают смех толпы. «Что делать? Куда идти?» Генерал ревет от радости, дрожа всем телом, и мелкие чиновники присоединяются к нему в ухмылке (Достоевский, 75). Смех генерала беззаботный, безобидный и искренний, но в нём есть и определённое презрение [3]. Генерал умеет смириться и вписаться, пусть даже немного грубоватый. Мелкие чиновники, привыкшие к лести, находят его смех смесью насмешки над молодым человеком, презрительной ухмылки и презрения дворянки. «У этого никчёмного приезжего – я до сих пор помню, как он выглядел в гробу, – выражение испуганного птенца. Нет ничего безобразнее на свете!» (Достоевский, 76). Дерзкий смех ада – это способ жизни противостоять величию и серьёзности смерти, деконструкция возвышенного. Этот смех – карнавальный, смех, смешанный с иронией и радостью.

Смех включает в себя не только само слово «смех», но и забавные сцены и диалоги. Этот вид смеха можно встретить на протяжении всего романа. Во время спора между мелким предпринимателем и женой из высшего общества жена сердито жалуется на то, что спит рядом с предпринимателем. Предприниматель отвечает:

«Меня жена и дети сюда уложили; я не сам лёг. Это закон смерти» (Достоевский, 72). Эта фраза, «закон смерти», высмеивает высокомерие жены. Смерть справедлива ко всем, вне нашей власти [4]. Эта тонкая насмешка подчёркивает остроумие и сообразительность предпринимателя. Позже, когда жена насмехается над его социальным положением, жалуясь, что он не заслуживает того, чтобы спать с ними на одном кладбище, и саркастически замечая, что он зарабатывает деньги обманом, предприниматель отвечает: «Как я могу тебя обмануть?» Это предлог, чтобы взыскать долг с богатой женщины, которая ранее отказывалась платить. Хотя в этих диалогах нет ни единого смешка, читатели легко ощущают взаимный сарказм и насмешки. Образ властной, неразумной и алчной дамы из высшего общества оживает на страницах, а умный, спокойный, смелый и остроумный бизнесмен, естественно, вызывает симпатию и умиление. «Я бы, видите ли, жил бы, всё такой же жадный, хе-хе-хе» (Достоевский, 73). Так иронизирует над собой неизвестный умерший, его беззаботный и игривый смех возвращает его к реальности. Жадность и жажда жизни просто деконструируются одним единственным «хе-хе», рассеиваются волнами смеха, и страх смерти тоже исчезает.

В тексте также встречаются смеховые моменты, вызванные скрытым озорством: «Вы напрасно обвинили вашего соседа-оптovика и подозревали, что от него дурно пахнет. Я же молчал и смеялся тайком [5]. На самом деле, запах исходил от меня» (Достоевский, 79). Персонажи, представленные различными видами смеха, их социальные классы и их отношение перед лицом смерти – все это скрыто в этом явном и невидимом смехе, становясь настоящими героями романа.

Подобно приведённым выше примерам, существует множество уровней смеха с различными коннотациями, например, смех с сарказмом, смех, не заботящийся об имидже, смех, получающий удовольствие от гнева других, смех, беспомощный из-за жизни под землей, и т.д., которые появляются в романе один за другим, словно контратака на критику «я» как скучного автора в начале. Смех в разной степени отражает их души. Даже если они родились на кладбище, их мелкобуржуазные привычки не изменились. Зло и пошлость, таящиеся в глубинах их душ, были вынесены под землю. «Он говорит об обонянии. Он сказал, что чувствует здесь зловоние, то есть зловоние морали» [6]. После смерти зловоние морали остаётся. Мораль и души людей также источают гнилостный запах на кладбище. Это запах гнилой души.

Стоит отметить, что большинство немертвых, внезапно пробуждающихся в романе, пробуждаются от окружающего их смрада. На мой взгляд, это не намеренная установка автора; в определённой степени это отражает моральное разложение людей, живущих на земле. Это первое испытание, которому автор подвергает людей в «Чистилище», и первая тема, которую он раскрывает: моральное падение. Эта особенность раскрытия общества и реагирования на социальные идеи и явления характерна также для менипповой сатиры, которую мы называем политическим комментарием. Хотя «мертвые», участвующие в прямом диалоге в романе, редко делают содержательные политические заявления, разговоры главного героя Ивана с ними и с самим собой, если смотреть со стороны, несут в себе явные следы политического комментария, такие как вопросы человеческого достоинства, тайны немертвых, пренебрежительное отношение мертвцев друг к другу, смена начальства и подчинения, переосмысление существующих социальных норм.

2. Карнавал на кладбище.

Конструирование карнавального мира включает в себя прежде всего три фактора: время, пространство и тело. Различие между народными и официальными праздниками является временной характеристикой карнавального мира. Народные карнавалы требуют сцены или площади для представления, а их содержание тесно связано с человеческим телом, едой и сексом [7]. Эти три фактора проявляются в «Фасоли». Кладбище служит площадью для карнавала, время после смерти служит достаточным оправданием карнавала, а смерть тела и непреходящее присутствие сознания служат основой для диалога в карнавальном мире. Согласно теории Бахтина, мениппова сатира как жанр в определённой степени диалогична, что особенно заметно в этом романе.

Автор создаёт абсурдную атмосферу кладбищенского диалога, объединяя людей из разных социальных слоёв в новом карнавале, преодолевая безличный мир времени, чтобы проверить свои взгляды на жизнь и философские размышления. В романе преобладают диалоги между людьми из разных социальных слоёв [8]. Среди действующих лиц – генерал, чиновник седьмого ранга, простые горожане, жена аристократа, мелкий торговец, чиновник пятого ранга, инженер, льстивый чиновник седьмого ранга, шестнадцатилетняя девушка, чиновник второго ранга, барон и так далее. Диалог служит не только основным средством раскрытия личностей и мировоззрения умерших на кладбище, но и главной движущей силой сюжета романа. Авторское «я» выступает в роли вводного и оценщика истории, выступая в роли божества, наблюдающего и направляющего диалог на кладбище.

Только на карнавале могли собраться вместе столь различные социальные классы. Смерть стала новым карнавалом. «Всё это, сверх того, крепко связано узами тления. Освободившись от этих уз, мы проведём эти

два месяца в самой бесстыдной реальности» (Достоевский, 80). «Все должны жить по иному принципу, господа! Я предлагаю жить бесстыдно» (Достоевский, 82). Смерть – это объективная сила, разрушающая порядок, олицетворяющая конец жизни в реальном мире. Статус и класс больше не будут благоприятными условиями для выживания. «Какой он здесь генерал? Там он генерал, а здесь он ничто!» Это подрыв старого порядка реального мира. Мёртвый генерал постепенно теряет преимущества и выгоды своего положения, а благоговение и страх перед теми, кто ниже его, постепенно исчезают. На кладбище все равны. Они живут карнавальной жизнью.

В теории карнавализации Бахтина основополагающий «карнавал» берёт начало в народной культуре. В романе присутствуют многочисленные отсылки к народной культуре, прежде всего в форме народных погребальных обычая и образа жизни. Например, сорокалетие, упомянутое в романе, отсылает к поминальной церемонии, проводимой через сорок дней после смерти, когда покойный жаждет наступления годовщины, чтобы увидеть своих близких. Другой пример – авторское «я», считающее, что крошить хлеб и бросать его на землю – не грех, а бросать его на пол – грех. Бахтин объясняет это тем, что земля символизирует материество, а крошки, падающие на землю, вселяют надежду на жизнь, в то время как пол холоден и символизирует смерть [9]. Эти детали не выражают напрямую карнавал человеческого сознания или карнавал подземной жизни, как «смех», но, как народные обычай, они составляют основу карнавализации и её возникновения, способствуя развитию сюжета романа.

Автор помещает мёртвых на кладбище, создавая вакуум, вырывающийся из мирской жизни, и смело воскрешает мёртвых, преодолевая ограничения объективного времени, чтобы испытать и раскрыть сущность человека. С точки зрения жанра это роман «экспериментального фэнтези». Повествование в этом романе разворачивается от лица «пациента», страдающего слуховыми или зрительными галлюцинациями. Естественно, повествовательное время и пространство также обладают странными характеристиками. Как заметил один российский учёный: «Эту модель рассказчика можно рассматривать как продолжение и подражание повествовательному стилю Пушкина «Гробовщик» и Гоголя «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка». Рассказчик пребывает во сне или не сне (сна) [10]. Повествование пересекается между реальностью и фантазией, путешествуя по некрополю кладбища. Иван, как рассказчик, связывает земной мир с кладбищем; его сны – это кладбищенская реальность, а его реальность – кладбищенский сон. Самосознание Ивана формирует это абсурдное кладбищенское пространство, а его сны также являются формой его осознанного карнавала.

Роман в конечном счёте затрагивает вопрос человеческого мышления и понимания жизни. Несмотря на краткость, автор предлагает ответ: «Жить на этом свете без лжи невозможно; жизнь и ложь – синонимы» (Достоевский, 83). Жизнь и ложь, смерть и правда – в идеале жизнь и правда относительны. Однако в непрерывном процессе жизни сама жизнь переплетается с ложью, становясь условием бытия [11]. Достоевский указывает здесь как на парадоксальность жизни, так и на её правду, которая становится одной из центральных тем романа.

3. Рождение и смерть.

Бахтин отмечал, что «в основе ритуалов коронации и свержения царя лежит карнавальное восприятие мира: дух чередования и преображения, смерти и возрождения». Эта суть ярко воплощена в романе «Боб». За исключением Ивана, рассказчика, все остальные погибают. Роман начинается и заканчивается смертью. Мы уже анализировали диалог между различными социальными классами, где люди «свергают» старую иерархию и «венчают» её для нового, равноправного диалога [12]. Эти переходы между старым и новым составляют ядро карнавального начала романа, формируя столпы самосознания рассказчика и умершего. Этот слой – первый слой возрождения и смерти.

Гораздо важнее перерождение и смерть умерших, их размыщления о самой смерти и о существовании тех, кто остаётся после смерти: «То есть, там, наверху, пока мы ещё живы, мы думаем, что смерть есть смерть, и это заблуждение. Тело, кажется, может воскреснуть здесь снова, сосредоточив искры жизни, но только в сознании» (Достоевский, 82). Мёртвое тело всё ещё сохраняет своё прежнее сознание. Если предположить, что человек сохраняет живое сознание после смерти, что он будет делать? На этот вопрос пытается ответить автор. Они наслаждаются кладбищем, наполняя трагическую смерть лёгкой реальностью и предлагая ироничный ответ ужасу смерти. Кладбищенское веселье – это переосмысление смерти и новое определение возвышенности жизни. Жизнь священна и торжественна, как и её исчезновение. Однако сцена на кладбище превосходит наше воображение. Для тех, кто находится на кладбище, не существует процесса смерти, есть только момент смерти. Смерть для них – новый способ существования. Это карнавал в аду. Кладбище – место нового «карнавала», вариации карнавальных площадей Древней Греции и Рима.

Бахтин утверждает, что жанр романа напоминает мистическую религиозную драму, средневековую драму, развившуюся из менипповой драмы. Для этой мистической религиозной драмы характерно то, что персонажи

произведений Достоевского действуют на границе относительных понятий (жизни и смерти, лжи и истины, мудрости и глупости). Все эти понятия воплощены в романе. Идиотизм мелкой буржуазии, мудрость Ивана, рассуждение о жизни через призму тождества смерти и смерть, присущая жизни, – всё это волнует автора. Бахтин отмечает, что менипповая сатира демонстрирует мощную всеохватность и выразительность в обращении к таким фундаментальным философским вопросам, как жизнь и смерть. Поэтому он утверждает, что карнавализация пронизывает философское ядро мениппеанизма. Смерть – это последний карнавал жизни, а карнавал жизни пронизывает смерть. Жанр мениппы, выходящий за пределы существующего времени и пространства и предоставляющий своим героям огромную свободу, создаёт основу для обсуждения таких глубоких вопросов, как жизнь и смерть. Однако он избегает чрезмерной серьёзности, делающей изложение и интерпретацию вопросов скучными, используя карнавальный формат для игрового и сатирического обсуждения серьёзных тем [13]. В начале «Сатиры» Бахтин рассматривает мениппову сатирику как один из трёх видов «сатиры» и полагает, что мениппов стиль – это «гибридный», чисто диалогический жанр, принимающий форму философской беседы.

В конце эссе автор пишет: «Разврат в таком месте, последняя надежда – разврат, разврат томящихся, гниющих трупов – даже ценой последнего мгновения сознания! Им дан, дарован последний миг... И превыше всего, превыше всего – в таком месте! Нет, ничего не позволю...» (Достоевский, 86). Это последнее сознание символизирует жизнь. Они упиваются ею, используя свои разложившиеся, гнилые души, чтобы прорваться сквозь табу, правила и границы, непреодолимые в мире живых. Они стоят на границе между возрождением и смертью, используя своё последнее сознание, чтобы сопротивляться наступлению смерти, постоянно терзающие гранью между смертью и возрождением. Можно представить, что исход этой борьбы – всё ещё смерть. Однако для самого романа конкретный исход спора не важен [14]. Важно то, что все равные сознания участвуют в диалоге, не будучи доминируемыми или контролируемыми автором, тем самым формируя открытое, незавершенное пространство для диалога.

Этот роман также воплощает полифоническую природу романов Достоевского. Важно отметить, что полифонические романы существуют в рамках жанра мениппы. Многогранность, многожанровость, трансцендентность времени и пространства, а также мифологические элементы менипповой сатиры создают необходимые условия для равноправного диалога главных героев. Менипповый жанр предлагает новый прорыв в построении сюжета [15]. Он больше не ограничен реалиями реальной жизни, ограничениями реального пространства и физического времени, а вместо этого участвует в карнавальном расширении или сжатии как формы, так и содержания. В результате реальность, диалоги персонажей и жизненное пространство предстают «странными», включая в себя такие фигуры, как безумцы, дураки и нежить. Однако стержнем повествования остается философское исследование общественной жизни.

Выводы

Несмотря на краткость, «Фасоль» – классическая мениппова сатира. Три её наиболее яркие черты: абсурдный адский смех, кладбищенское веселье и возрождение и смерть. Художественный мир романа – это кощунственное и еретическое изображение «тайны смерти», «бессмертия души» и «тайны бытия». Он представляет собой бунт и разрушение порядка реального мира, разрушение торжественных и благородных форм жизни и сатирическое исследование жизненной истины. Автор переносит жизнь над землей в царство смерти, исследуя отношение и представления о смерти среди различных социальных слоёв в этом царстве. С помощью диалога, явного и скрытого смеха автор деконструирует классовые различия, рассеивает страх смерти, обнажает моральный упадок общества над землей и исследует философские вопросы, такие как природа человека и сознание мёртвых. В целом это классический экспериментальный фэнтезийный роман, классическая мениппова сатира, которая начинается с «безумца» и заканчивается правдой.

Список источников

1. Гаврилова Л.А. «Бобок» Ф.М. Достоевского: проблема жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 27 – 56.
2. Гаврилова Л.А. Автор и герой рассказа Ф.М. Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (28). С. 7 – 21.
3. Мясников Е.И. Мениппея Ф.М. Достоевского «Бобок»: герменевтический анализ // Уральский филологический вестник. 2021. № 4 (9). С. 16 – 32.
4. Соболева О. Перевод с английского // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 67 – 123.
5. Сычева А.А. Рассказ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 38 – 102.
6. Щетинин. 2009. № 3 (7). С. 1 – 19.

7. Бахтин М.М. Поэтика и интервью / пер. Бай Чунжэнь. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 1998. С. 8 – 17.
8. Ху Ин. Исследование мениппового стиля в романе «Из Москвы в Петушки» // Журнал Гуандунского университета иностранных исследований. 2022. № 1. С. 94 – 103.
9. Ли Вэньюй. Смех в произведениях Достоевского. Пекин: Столичный педагогический университет, 2012. С. 44 – 156.
10. Ляо Цыхуэй. Переход от диалектического диалога к диалогу литературному: дополнительный анализ «Сократического диалога» и «Менипповой сатиры» // Журнал Университета Вэньчжоу (издание по социальным наукам). 2009. № 4. С. 30 – 34.
11. Лю Кунь. Исследование менипповой жанровой теории Бахтина // Jiangxi Social Sciences. 2020. № 9. С. 52 – 71.
12. Нуан Ж. История смеха. Пекин: Санълянь книжный магазин, 1997. С. 6 – 27.
13. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. / пер. Чжан Юй. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2009. Т. 1. С. 1 – 12.
14. У Цифан. Исследование менипповых черт в рассказах Достоевского. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2018. С. 38 – 63.
15. Чжао Юн. Раскопки и амплификация народного дискурса: к теории карнавала Бахтина // Исследования зарубежной литературы. 2002. № 4. С. 1 – 9.

References

1. Gavrilova L.A. "Bobok" by F.M. Dostoevsky: the problem of the genre. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 4 (23). P. 27 – 56.
2. Gavrilova L.A. The author and hero of the story by F.M. Dostoevsky. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 3 (28). P. 7 – 21.
3. Myasnikov E.I. Menipeya F.M. Dostoevsky's "Bobok": hermeneutic analysis. Ural Philological Bulletin. 2021. No. 4 (9). P. 16 – 32.
4. Soboleva O. Translation from English. Questions of Literature. 2012. No. 4. P. 67 – 123.
5. Sycheva A.A. Short Story. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2019. No. 4. P. 38 – 102.
6. Shchetinin. 2009. No. 3 (7). P. 1 – 19.
7. Bakhtin M.M. Poetics and Interviews. Trans. Bai Chongren. Shijiazhuang: Hebei Education Press, 1998. P. 8 – 17.
8. Hu Ying. A Study of the Menippean Style in the Novel From Moscow to Petushki. Journal of Guangdong University of Foreign Studies. 2022. No. 1. P. 94 – 103.
9. Li Wenyu. Laughter in Dostoevsky's Works. Beijing: Capital Normal University, 2012. P. 44 – 156.
10. Liao Cihui. The Transition from Dialectical Dialogue to Literary Dialogue: Further Analysis of the Socratic Dialogue and Menippean Satire. Journal of Wenzhou University (social science edition). 2009. No. 4. P. 30 – 34.
11. Liu Kun. A Study of Bakhtin's Menippean Genre Theory. Jiangxi Social Sciences. 2020. No. 9. P. 52 – 71.
12. Nuan Zh. History of Laughter. Beijing: Sanlian Bookstore, 1997. P. 6 – 27.
13. Dostoevsky F.M. A Writer's Diary: in 2 vol. Trans. Zhang Yu. Shijiazhuang: Hebei Education Press, 2009. Vol. 1. P. 1 – 12.
14. Wu Qifang. A Study of Menippean Traits in Dostoevsky's Stories. Harbin: Heilongjiang University, 2018. P. 38 – 63.
15. Zhao Yong. Excavations and Amplification of Popular Discourse: Toward Bakhtin's Theory of Carnival. Studies of Foreign Literature. 2002. No. 4. P. 1 – 9.

Информация об авторах

Ян Цзин, Пекинский университет иностранных языков, 18813192707@163.com

© Ян Цзин, 2025